

ОЧЕНЬ
**ДОЛГОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ,²**
ИЛИ ИНЬ И ЯН

Яна Соловьева

Мечтать о приключениях с геймпадом в руках или вляпаться в них по-настоящему — разные вещи. Упрямой ведьмачке Яне предстоит найти свой путь в мире Ведьмака.

Мы продолжим историю обманутых скоя'таэлей, бьющихся за свою свободу. В пути от Каэр Морхена до Зеррикании и Дол Блатанна переплетутся судьбы многих героев саги. Во второй книге трилогии в поисках Исенгрима, легендарного командира скоя'таэлей, откроются перед героями легендарные зерриканские земли, где живут драконы.

Очень долгое путешествие, или Инь и Ян. Сердце Мира

ПУСТОШИ. Что-то начинается

— Foilé beanna, va vort! — Иорвет вырвал у меня из рук палку, которой я тыкала его в бок, и зашвырнул за край поляны.

Бешеная женщина, изыди!

— Ты обещал тренироваться со мной. Солнце уже высоко!

Про солнце я, конечно, загнула. Всю неделю, что мы с Иорветом шли от Врат Сольвейт по Пустошам, мы ни разу не видели солнца, серая дымка днём и ночью застилала небосвод. Лысые, поросшие бурым мхом деревья не отбрасывали тени на покрытую слежавшейся трухой голую землю. Из-за ошибки в расчётах, а может, из-за усталости, Йеннифэр и Трисс не донесли портал на добрые триста вёрст до перевала Эльскердег в Огненных Горах. Иорвет поносил чародеек на все лады, злился на себя, что поверил им, и уверял, что нужно было переместиться обратно в Верген, а оттуда добираться самим да на лошадях. Попутно он успел чайной ложечкой выесть мне мозг за грамоту Роше, и мы вяло переругивались на эту тему, так как никакой вины я за собой не чувствовала и признавать тем более не собиралась.

Так что моё настроение было под стать настроению эльфа, и угрюмый уродливый пейзаж никак не способствовал его восстановлению. Тоска по Эскелю медленно отступала, но на её место приходили ярость и раздражение, и в немалой степени на Иорвета. Мне казалось, что было бы счастьем никогда не знать его, и я старалась задеть его, сделать хоть чуточку больно, так же, как больно было мне, как будто он был виноват в случившемся. А потом я смотрела на его силуэт у костра — он сидел, держал в руках трубку и смотрел на огонь, и я пугалась самой мысли, что могла бы так никогда его и не встретить.

Противоречивые чувства, одно разрушительнее другого, раздирали меня, и тело настоятельно требовало выхода этой энергии. Мне было мало того, что шли мы с раннего утра и до темноты, и на всех привалах я отработывала удары на гнилых трухлявых стволах, разбивая костяшки пальцев и добавляя новые синяки на ногах. Пока я двигалась, я жила, но как только мы останавливались, а особенно бесконечной ночью, когда нужно было в одиночестве стоять на часах, тоска возвращалась вновь — день ото дня чуть теряющая силу, чуть менее свербящая. Я чувствовала это, и оттого с ещё большим упорством продолжала свои экзерциции. Я хотела победить.

Наблюдая за мной, Иорвет нехотя согласился хотя бы раз в день тренироваться вместе. Вот и сейчас, едва согнав с себя сон, скоя'таэль сел на одеяле, потянулся, с отвращением осматриваясь вокруг, стащил с головы повязку и побрёл к роднику неподалёку. Запустил ладони в тёмную прозрачную воду, плеснул на лицо, на плечи, на спину с тугими мышцами. Я заставила себя отвернуться, сбросила куртку и сапоги — для тренировок эльф не утруждал себя надеванием доспехов и лишней одежды, оставаясь в одних штанах, да и мне было в удовольствие чувствовать босыми ногами землю — и пошла за выброшенной палкой.

— Я уже жалею, что взял тебя с собой, — мрачно сказал он, вернувшись.

Отросшие тёмные, ещё влажные после умывания волосы упали на правую сторону лица, скрыв пустую глазницу. Всё чаще Иорвет оставался на привалах без повязки, наматывая её и скрепляя ремешком только на переходах. Я протянула ему палку.

— Я хочу, чтобы ты сильно, очень сильно пожалел, что заставил меня идти с тобой.

Иорвет атаковал. Я уже могла продержаться около минуты против него, прежде чем Квен распадался.

— Я очень. Очень. Сильно. Жалею, — отрывисто, между ударами, проговорил он. — Довольна? Теперь мы можем завтракать?

— Нет.

Наконец, моя палка треснула и переломилась. На завтрак, обед и ужин мы готовили мясо странных животных Пустошей, похожих на полосатых морских свинок-переростков, которых удавалось подстрелить по дороге. Пару раз издалека мы видели огромных хищных крыс — скрекков, но пока они не рисковали приблизиться на расстояние выстрела, и только ночью, в непроглядной тьме, где заканчивался свет костра, тут и там появлялись красные глаза, светящиеся между деревьев. Взятые с собой вяленое мясо и сушеные фрукты мы сэкономили: путь предстоял неблизкий. Каждый раз, когда мы кипятили воду, Йорвет доставал полотняный мешочек и добавлял в котелок щепотку сушёных трав. Только после этого эльф пил, и я решила, что, вероятно, эти травы обеззараживали воду. Мы разливали её потом по флягам.

Чем дальше мы шли, тем мрачнее становилось вокруг, и уже казалось, что конца и края не будет этим местам. Нам начали попадаться старые кострища с чёрными, присыпанными пеплом костями и битыми человеческими черепами. Время от времени неуловимые тени перебегали между стволами, а ночью всё чаще раздавался леденящий душу вой.

Йорвет схватил палку, упёршуюся ему в бок. Рванул на себя, будто ждал этого ежедневного утреннего ритуала. Меня дёрнуло за палкой, и я едва увернулась от кулака, летящего в нос.

— Иногда мне хочется... — он вскочил и со злорадной усмешкой на лице сделал руками движение, будто выкручивал мокрую ткань, — мне хочется свернуть тебе шею.

— Рукопашная? Отлично! — я ударила босой ногой по голому торсу, эльф поймал за лодыжку, болевой. В падении я пнула его пяткой правой ноги в грудь, пытаюсь высвободить левую из захвата, и откатилась в сторону.

Мы кружили по поляне, я старалась не подпустить Йорвета близко и выискивала момент для ударов. Эльф бил молниеносно, я уклонялась и отпрыгивала. Нырнула под прямой удар, правой снизу захватила его руку у плеча, защищая голову согнутой в локте левой — клинч. Прилетел тычок в почку, ещё один, я схватила левой рукой шею эльфа, не выпуская из захвата, и саданула коленом. Встречный удар под дых вышиб дыхание, и я подпрыгнула, обхватив Йорвета ногами и прилепившись к спине, и продолжала бить правой рукой по рёбрам, а локтем левой по плечу. Эльф занёс руку, в ухо прилетел локоть. Не давая спрыгнуть, он схватил меня за ноги и упал на спину, подмяв под себя. Я грохнулась на лопатки, а Йорвет уже сидел у меня на бёдрах, сжимая ногами. Кулаки взметались. Закрывая лицо, из последних сил я притянула себя к нему, обхватила поверх рук и стиснула, плотно сжимая, чтобы он не мог ударить. Йорвет придавил меня всем весом к земле. Я дёрнулась, выгнулась, пытаюсь скинуть его, вывернуться. Он приподнялся на руках — я не отцеплялась — и, навалившись грудью, бухнул меня спиной о землю снова. Я ещё ударила кулаком ему в бок и опять сцепила руки. Сквозь ткань рубашки я чувствовала его обжигающую кожу. Мы замерли, тяжело дыша, взгляды встретились.

— Пусти.

— Нет, — на его губах заиграла улыбка.

Я снова попыталась вывернуться. Бесполезно. Его губы были близко. Я застыла, в руках разлилась слабость.

— Ошибкой было сокращать дистанцию, — хрипло сказал он, и в следующий момент я ударила лбом, целясь ему в переносицу.

Эльф отклонился, предплечьем надавил на шею, и я вцепилась в его руку, отталкивая, чтобы хоть как-то дышать. На миг он мстительно нажал чуть сильнее, потом расслабился и отпустил меня.

— С тренировками закончено, — бросил он, глядя в сторону.

— Ты сдался, — сказала я, ещё чувствуя предательскую дрожь в теле и делая вид, что сосредоточенно отряхиваю перекрутившуюся, вылезшую из штанов рубашку.

— Считай так.

После обеденного привала мы наткнулись на первый след. Отпечаток босой человеческой ноги остался на грязи около полуиссохшего ручейка, по руслу которого мы шли. Присев на корточки, Йорвет внимательно огляделся по сторонам. Я сосредоточилась, но не почувствовала присутствия людей.

— Кто живёт в этих местах? — спросила я.

Йорвет поднялся, пошёл рядом.

— Проще сказать, кто здесь не живёт: здесь нет никого, с кем нам бы захотелось встретиться, — и добавил шёпотом: — Чёртовы чародейки.

Деревья стояли тут теснее, и стало сложнее идти из-за поваленных стволов и плотно сомкнутых ветвей, цепляющихся за одежду. Бурый лес, бурая земля. Ни травы, ни шелестящей листвы, ни пения птиц — Пустоши, как есть.

— Эта земля всегда была ничьей, — сказал чуть погодя эльф. — С запада за горами Туссент, с востока Огненные Горы. Попасть сюда с Севера можно только через Врата Сольвейг, куда нас выбросили чародейки.

Йорвет замолк и, проведя пальцем по содранной коре дерева, опять осмотрелся по сторонам.

— Голые, бесплодные земли, — продолжил он. — Испокон веков сюда, к племенам людоедов, стекались изгои, придумывали культы и грызлись между собой. Четыре года назад, после битвы под Бренной, этой дорогой прошли толпы беженцев.

— И Исенгрим?

— Да. Но он тут точно бы не остался, здесь оседают лишь самые отбросы.

Идти стало легче — деревья разошлись вокруг поляны, скоя'таэль, однако, недовольно хмурился.

— Стой! — вдруг крикнул он.

Я опустила занесённую в шаг ногу, земля взметнулась пылью, ногу дёрнуло. С треском рассекла воздух и разогнулась мощная ветвь, и мир перевернулся. Я висела, пойманная за щиколотку в силки, на пару метров не доставая до земли. Шляпа упала. Раздался тонкий свист: с деревьев на другой стороне поляны лавиной стекали, ловко перебирая руками и ногами, полуприкрытые лохмотьями люди.

Йорвет в момент очутился на той самой ветке, на которой болталась я, засвистели стрелы. Аборигены — оборванные, босые, с клочковатыми бородами — жадно смотрели голодными глазами и подбирались ближе. Их уже набралось с десятков, но со всех сторон прибывали новые, совершенно не обращая внимания на товарищей, падающих от стрел. В руках они сжимали длинные ножи и палицы. Свисая вниз головой, я вытянула из ножен стальной меч, взмахнула предупреждающе. Среди аборигенов прошло ворчание, и вперёд выступили трое, расправляя широкую сеть.

Стрела пронзила одного из них, я раскачалась. Несмотря на, мягко сказать, непривычный ракурс, у меня было определённое преимущество в высоте, и дикарям было сложно поймать меня, не подставившись под меч. Я шарахнула Аардом. Сеть отлетела назад. Раскачиваясь всё сильнее, в крайних точках я отшвыривала нападавших, но их становилось всё больше и больше. Четверо полезли на дерево к Иорвету, и теперь я старалась скинуть и их, попутно размахивая мечом и не давая ко мне приблизиться.

Голова тяжело пульсировала от прилившей крови. Я рассекала мечом тянущиеся руки, отбивала дубинки и ножи, пускала в лица Игни. У этих людей, казалось, совершенно отсутствовал инстинкт самосохранения: они лезли, как безумцы, не боясь попасть под лезвие или струю огня.

Лес пронзил новый протяжный свист, и неожиданно вся рычащая масса оборванцев застыла, через миг по ней прокатилась волна и, как тараканы, они бросились врассыпную. С улюлюканьем на опушку выскочили полуголые воины, которые точными ударами сабель и копий убивали оборванцев, не давая убежать в лес и скрыться на деревьях. Через несколько минут поляна была усеяна трупами. Приготовив меч, я качалась на верёвке. Иорвет тоже ждал. Снизу я видела, что он выпрямился на ветке во весь рост и с натянутым луком следил за вновь прибывшими.

Пара десятков воинов, мощные лоснящиеся тела которых были испещрены орнаментами татуировок, подходили в молчании, не предвещавшем ничего хорошего. В меня нацелились копья, и я быстро обновила Квен. Вдруг ближайший воин вытянул руку в сторону Иорвета и закричал:

— Мессия! Мессия!

Все, как один, упали на колени и согнулись, отбивая лбы о землю.

— Что за бред? — услышала я сверху.

Тот же воин поднялся с колен и стал приглашающими жестами звать Иорвета, кланяясь и прикладывая руки к груди. Повисла долгая пауза, и, наконец, эльф соскользнул по моей верёвке и, перерубив её, спрыгнул на землю. Я повалилась вниз и тут же вскочила, держа меч перед собой.

Воины, жестикулируя, переговаривались на диковинном языке — из них горохом выпадали звонкие слоги, перемежающиеся редкими словами на всеобщем. В то же время они продолжали кланяться Иорвету и тыкали в меня пальцами.

— Мессия! Колдунья! — слышали мы.

— Мессия, хорошо! — главарь обратился к Иорвету. — Колдунья, огонь, плохо!

— Она не колдунья, — ровно сказал Иорвет, — она ведьмак.

— Ведьма! Ведьма! — пошли возбужденные голоса.

Я выругалась. Воины опять принялись совещаться. Наконец, тот же главарь выступил вперёд, подошёл к нам.

— Ведьма не колдует, не убивает, — он ладонью отвёл мой меч.

Я посмотрела на Иорвета, он кивнул. Нарочито медленно я убрала меч в ножны.

— Вы — гости. Жрец ждёт. Мессия — радость нам, мы ждём, много лет ждём, — воин подошёл ко мне и внезапно, молниеносно выбросив вперёд руки, набросил и защёлкнул на моём левом запястье широкий браслет. Меч Иорвета упёрся ему в шею. — Ведьма Мессии не колдует, мы не сделаем зла.

От обиды слёзы чуть не брызнули у меня из глаз — по голубоватому отсвету тёмного металла я поняла, что браслет сделан из двимерита. Он выглядел массивным украшением,

плотно охватившим руку от запястья до середины предплечья, и не мешал движению, однако ведьмачьи знаки, вероятно, блокировал не хуже двумеритовых наручников.

Я подобрала и злобно нахлобучила на голову шляпу. Иорвет враскачку вытащил из живота ближайшего трупа свою стрелу, обтёр о мох на дереве. Главарь тут же дал команду, и воины рассыпались по поляне, выдёргивая скоя'таэльские стрелы из тел и с бесстрастностью мясников помогая себе похожими на мачете изогнутыми ножами, будто выковыривали глазки из картофелин. С поклоном они возвращали очищенные от тканей окровавленные стрелы Иорвету, а тот невозмутимо складывал их в колчан. Однако когда колчан наполнился, главарь протянул к нему руку и стал показывать на мечи:

— Надо отдать. Мы друзья, ты друг.

Иорвет нехотя отстегнул от пояса ножны меча, снял с перевязи кинжал и, помедлив, отдал колчан со стрелами.

— Лук без стрел бесполезен, пусть останется у меня, — сказал он.

Воин задумался и коротко кивнул, послав Иорвету любящую улыбку. Направился ко мне, и мои мечи, ведьмачий нож и арбалет последовали за оружием скоя'таэля. Наконец, в сопровождении воинов мы двинулись прочь с поляны.

Теперь я могла рассмотреть незваных спасителей внимательней. Их я, скорее, назвала бы туземцами, в отличие от тех, первых. Те выглядели как одичавшие оголодавшие кметы, у этих же были натренированные смуглые с сероватым отливом (вероятно, из-за недостатка солнца) тела. Особо выделялся главарь, а может, и вождь — и ростом и статью. Крупные волны чёрных волос ложились на плечи, близко посаженные глаза под сурово сведёнными бровями и свирепое, с широким носом и без признаков растительности скуластое лицо делали его похожим на картинки вождей полинезийских племён. Лишь при взгляде на Иорвета его лицо озарилось незамутнённой детской радостью. Мы переглянулись с эльфом, он едва заметно пожал плечами.

Мы шли и шли через лес, и я незаметно ощупывала браслет. Тот сидел плотно, сдавливая запястье чуть повыше сустава, и я не могла найти ни выступа, ни замка на покрытом узорами металле, чтобы снять его, и, отчаявшись, решила попробовать освободиться позже, когда смогу вытянуть из-под браслета перчатку. День плавно перешёл в сумерки, когда мы подошли к массивному, окруженному рвом частоколу, возвышавшемуся на валу. По углам частокол освещали факелы, воткнутые в темечки отрубленных скалящихся бородатых голов.

Ворота открылись, волной пронёсся шёпот, перешедший в ликующие голоса со всех сторон бегущих к нам жителей. «Мессия! Мессия!» — как заведённые, повторяли они. Черноволосые женщины в перекинутых через плечи разноцветных накидках и длинных в пол юбках тянули руки, пытаясь дотронуться до Иорвета, толкались и локтями оттесняли меня от эльфа. Истерия нарастала.

— Ата! — раздался голос, толпа замерла.

Подняв руку, к нам подходил воин, которого можно было принять за брата-близнеца главаря туземного отряда, приведшего нас. С другой стороны приближался ещё один такой же, и я уже решила, что схожу с ума и у меня начало трюиться в глазах.

Толпа притихла, не переставая давить, и Иорвет, пользуясь моментом, схватил меня за руку и выдернул к себе сквозь сопротивляющиеся тела.

Вожди-близнецы обменялись сложной последовательностью хлопков ладонями и тычков локтями. Первый торжественно указал своим клонам на Иорвета, и их руки

молитвенно взметнулись к небу. Несколькими фразами на своём языке вожди заставили толпу отхлынуть и приглашающими жестами позвали нас за собой.

По дороге я оглядывалась по сторонам. Внутри частотола расположились несколько хозяйственных построек и пара длинных деревянных барачков — перед каждым сновали хлопчущие вокруг костров женщины. Нас вели к бревенчатой, с крытой тростником крышей хижине в центре. Дверь отворилась, в нос ударил душный запах масел, и мы застыли в изумлении: все стены просторной комнаты дома от пола до потолка были обклеены плакатами, с которых на нас смотрели сотни грубо нарисованных, но оттого не менее узнаваемых одноглазых свирепых лиц Йорвета с надписями «Разыскивается». У дальней стены на заставленном горящими масляными лампадами столе разместился ещё один портрет, сделанный из того же плаката, наклеенного на доску. Облокотившись на этот импровизированный алтарь, спиной к нам стоял человек в бурой монашеской рясе, подвязанной верёвкой.

— Жрец, Мессия с неба сошёл! — торжественно обратился к нему один из близнецов.

Человек повернулся, из-под капюшона выглянуло подвижное, как у хорька, но вполне нордлинговое лицо с хитрым прищуром. Глаза расширились, человек замер.

— Каикуму! Тогонга! Вахити! Наш час пришёл! — возопил вдруг он, вскинув руки. Близнецы радостно поддержали. — Завтра тот самый день! Готовьтесь!

Троица посовещалась, и Каикуму — тот вождь, что привел нас — указал на меня рукой.

— Женщина. Ведьма, — проговорил он недовольно.

— Я разберусь, что с ней делать, — ворчливо сказал жрец и замахал кистями рук в сторону выхода, выпроваживая братьев. — И позову вас.

Вожди, ещё раз сверкнув на Йорвета зубастыми улыбками, вышли. Жрец оперся руками на стол. Плечи его поникли, вся фигура обмякла. Он медленно обернулся к Йорвету:

— И на кой же хрен, скажи мне, долбаный мессия, ты сюда припёрся?

ПУСТОШИ. Баба прорицать будет!

Иорвет шагнул, схватил жреца за воротник мантии и приложил об стену. Голова бедолаги стукнулась о бревно, капюшон сполз, обнажив взъерошенные грязно-седые волосы. На тонкой шее вверх-вниз заходил острый кадык.

— Нет, это ты объясни, что тут происходит, — рыкнул эльф, показывая рукой на свой лик на столе.

Жрец придушенно пискнул, и Иорвет ослабил хватку.

— Жопа, вот что! Жопочка-а-а, — застонал жрец. — Хана! Капут! Кранты и полный швах, вот что происходит!

Казалось, он сейчас зарыдает. Иорвет отпустил его.

— Рассказывай.

Жрец заметался по комнате. Подбежал к лежанке в углу, сунул руку под плотный настил из тростника и выудил бутылку. Жадно приник к ней, закатив в блаженстве глаза, закупорил и спрятал обратно. Лицо перекосила кривая усмешка, и, неожиданно манерно завилев бёдрами, он вернулся к нам, раскрывая руки в объятьях.

— Дети мои, жить нам осталось ночь и день, что тут сказывать. А бабе, — он ткнул в меня пальцем, — и того меньше.

— Почему? — Иорвет опять угрожающе надвинулся на него.

— Проблема с колдуньей, проблемочка... — жрец наклонил голову к плечу, стрельнул на эльфа и меня глазами и протянул руку. — Хонза, будем недолго знакомы.

Иорвет зловеще смотрел на него, не двигаясь. Я скрестила руки на груди и тоже застыла. Хонза повертел ладонью в воздухе, обтёр о мантию.

— Видите ли, племя это — ребяташки мои, ещё когда в пустыне Корат обитали, так и называли себя — «охотники за колдунами». Жили себе припевали, у них этих штучек, чтоб колдунов усмирять, — жрец ткнул пальцем в мой браслет, — полный сортимент. Да и других всяких. Мне вон какая диковинка досталась.

Из мешочка на поясе он извлёк круглую коробочку и с щелчком откинул крышку.

— Волшебная стрелка! — благоговейно сказал он. — Всегда на север тянется.

— Не отвлекайся, — перебил Иорвет.

— Ах, да. Так вот, жили они, не тужили, а потом съели кого-то не того, ну и получили ответочку. Убрались из пустыни, теперь тут живут, три года как на Пустошах обосновались, ждут Того Самого Дня, мать его перемать. И, хоть колдунов видом не видывали, а охотниками быть не перестали.

— Что ты должен решить насчёт неё? — Иорвет не давал скользкому, как угорь, Хонзе уйти от темы.

— А что тут решать. Нам всем кирдык. Завтра. Но для женщины твоей есть три варианта. Или даже два. А если подумать, так и один, — жрец важно поднял палец.

— Говори же уже, dh'oine, — видно было, что скоя'таэль едва держит себя в руках, чтобы не прибить увёртливого жреца.

Тот, наконец, сел на плетённый табурет. Нарочито медленно вдохнул и выдохнул.

— Понимаешь ли, сидх, раз она колдунья, то её надо убить. Это вариант раз. Но коль уж она с самим мессией, да в двумерите, и завтра мы всё одно дружно отправимся напрямиком в ад, то, стало быть, её можно считать за просто бабу. А бабы тут общие.

— Что?! — воскликнула я.

— Общество мечты! — причмокнув губами, заявил Хонза и тут же помрачнел. — Было. Пока вы, суки, не заявились. Так вот, вариант второй и последний — баба отправится к бабам, в их барак. Он тут типа бордель, но бесплатный, получается. Развлечёшься напоследок.

Он гнусно захихикал, кровь бросилась мне в лицо, и захотелось ударить его.

— Какой третий вариант? — глухо спросила я.

— Тут, знаешь ли, сложность, — жрец покачал головой. — Прорицателем надо быть. Пророки — уважаемые члены общества, а ихнего последнего ещё до исхода зарубили. Вот и живут сейчас, как сиротки, без прорицателя. Окажись ты им, тогда тебя, может, рядом с Мессией да со мной, в нашей духовной компании и оставили бы.

Иорвет уже шагал туда-сюда по комнате.

— Как стать прорицателем? — резко спросил он.

— Как, как. Прорицать. Говорить непонятную хрень.

— Это я могу, — заявила я.

— Только, голубушка, хрень эта должна быть правдой. У них зелье есть. Чтоб правду проверять. Абракадаброй отделаться не получится, абракадабра должна быть истинной, — Хонза вопросительно приподнял брови. — Так, что мне ребятам-то говорить? К бабам аль прорицать будешь?

Иорвет исподлобья бросил на меня взгляд. Я прикрыла глаза.

— В женский барак только через мой труп, — твёрдо ответила я.

— Уверена с прорицанием? — скоя'таэль схватил меня за руку и отвёл в дальний угол комнаты, где у стены на тростниковом настиле была устроена лежанка Хонзы. — Можем попытаться пробиться к лесу.

Сняв с плеча лук, он присел и принялся задумчиво перебирать пальцами тростниковые стебли.

— Мы не пробьёмся, — я устало опустилась рядом, показала руку с браслетом.

— Да, шансов немного... Ладно, попробайся, — тихо произнёс Иорвет. — Если что-то пойдёт не так, не оглядывайся и беги в лес.

Я встала, кивнула жрецу. Хонза подошёл к двери и постучал. Дверь распахнулась.

— Баба прорицать будет! — воскликнул он с подвываниями и воздел руки.

Перед хатой жреца горели факелы. Вожди стояли рядышком, один держал в руках прозрачный сосуд с водой, второй чашку. Третий вещал что-то на своём языке, обращаясь к толпе мужчин и женщин, рассаживающихся на голой земле. Рядом с вождями, сложив руки на груди, стоял скоя'таэль. Он был так мрачен и красив, будто бронзовое изваяние, что я совсем не удивлялась, что туземцы свято поверили в его божественную сущность.

Я опустилась на землю на колени. «Чем непонятнее, тем лучше. И забудь о пророчестве Итлины и прочую чушь, этим тут никого не удивить», — звучало в голове напутствие Хонзы. «Сначала тебя отобьём, потом решим остальное», — едва слышный шёпот Иорвета будто всё ещё касался уха. Я сосредоточилась, закрыла глаза. Вспомнить бы хоть что-нибудь!

Каикуму шагнул вперёд, ногтем скovyрнул пробку с крохотного пузырька и вылил содержимое в воду. В свете факелов вода окрасилась в чернильно-чёрный цвет. Наполнив жидкостью из сосуда чашку, протянул её мне.

— Пей.

Прозрачный сосуд с чёрной жидкостью вождь поставил на землю передо мной. Я послушно сделала глоток из чашки. В голове зашумело, вспыхнуло разноцветье ощущений, запахов и звуков, голова закружилась, замелькали обрывки давно забытых воспоминаний. Я закрыла глаза.

Вот я иду по полутёмному коридору, четырнадцатый этаж, дубовые панели стен матово отсвечивают, поскрипывают под ногами старые паркетины. Из туалета пятится, таща за собой ведро и швабру, согбенная злющая старуха, ей, наверное, сто лет было, когда я ещё не родилась. Старуха шамкает, я захожу в холодную аудиторию, студенты зевают, пальцы стынют. На лекторе аляповатый широкий галстук.

— Множество непротиворечиво тогда и только тогда, когда выполнимо, — отчётливо произнесла я.

Шёпот среди туземцев стих. Каикуму вылил остатки чёрной жидкости из чашки обратно в сосуд. В нём появились всполохи света и завихрения, и жидкость вдруг стала прозрачной.

— Истина! — воскликнул он.

По толпе прошёл вздох. Вождь наполнил чашку вновь почерневшей жидкостью из сосуда и поднёс к моим губам. Глоток. Вот я иду к переходу в общаги на тринадцатом этаже, сжимая под мышкой конспекты своей подружки. Ныряю в узкий коридор, сбоку тянутся трубы. Пробираюсь в комнатуху, где приветливо подмигивают и жужжат огромные промышленные ксероксы. Тут всегда душно и тепло и пахнет озоном и нагретым пластиком. Через круглое окно видно город. Добрые тётушки терпеливо ксерят на этих монстрах конспекты. У нас с подругой обмен — она мне красиво написанные лекции, я решаю ей все задачи.

— Каждая пропозициональная формула равносильна некоторой дизъюнктивной нормальной форме и некоторой конъюнктивной нормальной форме, — я открыла глаза.

Каикуму снова вылил остатки жидкости из моей чашки в сосуд. Жидкость стала прозрачной. Глаза туземцев — тех, кто сидел в первых рядах — округлились. В тишине вдруг протяжно и тоскливо заплакала женщина.

— Последняя истина! — мрачно изрёк Каикуму.

Я вновь сделала глоток. Огни снова закружились, накрыло воспоминаниями. Вот мы прячемся на лестнице, звонок на пару прозвенел. Мы целуемся, его руки ныряют под мой толстый свитер, который я ненавижу, но что поделать — зима, а в аудиториях колотун, да и выбирать особо не из чего. Мои пальцы скользят по его шее, по спине. Моя первая любовь, будь она неладна. Я вздрогнула, открыла глаза и увидела, что Йорвет пристально смотрел на меня всё это время, в его единственном глазу плясали отблески факелов.

— Всякое односвязное компактное трёхмерное многообразие без края гомеоморфно трёхмерной сфере, — многозначительно сказала я.

Никогда ещё мои математические познания не производили такого взрывного эффекта. Лишь только вода стала прозрачной в третий раз, вслед за той несдержанной туземкой завыли, набирая звук, другие женщины. Глухим ропотом им вторили мужчины. Вожди, приблизившись, почтительно склонились. Ещё чувствуя головокружение и всплески обрушившихся обрывков воспоминаний, я встала с колен и с гордо поднятой головой зашагала обратно в дом жреца.

— Ночь будет долгой, — задумчиво произнёс Хонза, наблюдая, как вереницей в хижину

входили туземцы, приносившие блюда с едой и вязанки тростника на постели нам с Иорветом. — Попируем напоследок.

На дощатом полу в центре комнаты женщины расстелили пёструю ткань, разложили плотные подушки. На скатерти теснились плетёные плоски со снедью. Я с подозрением косилась на еду — есть хотелось ужасно, но не хотелось невзначай присоединиться к каннибалам. Хонза хохотнул.

— На человечину не надейся, тростниковые люди, в отличие от других тутошних племён, культурные — едят её только по делу.

— Тростниковые люди? — переспросила я.

— Да, так их звали другие по ту сторону гор. Они всё делают из тростника: пекут коренья, давят масло, сироп выпаривают, посуду с мебелью плетут, крыши кроют, — жрец обвел рукой избу. — Притащили семена на Пустоши, на болотах рядом растят. А мясо — это киоре, крыса местная.

Я узнала в запечённых тушках тех животных, что ловили мы с Иорветом. Туземцы один за другим вышли из хижины и, судя по звуку, заперли дверь снаружи. Иорвет опустил на подушки, поднёс к лицу и понюхал варево с кусочками зелёных стеблей.

— А теперь, жрец, — последнее слово эльф произнёс с издевательским нажимом, — рассказывай с самого начала.

Хонза скинул капюшон и повалился на подушки рядом. Цепкая рука ухватила жареную лапку с коготками, и зубы впились в мясо.

— Что же, коль коротать последнюю ночь, так слушайте, дети мои, — торжественно начал он, потом хихикнул, выражение лица опять изменилось. Этот человек менял маски так же легко и непринуждённо, как, по слухам, придворные дамы перчатки. — Страдаю я тут уж три года в вынужденной эмиграции, из-за несовместимости моего характера с характером властей Темерии.

— Бежал после битвы под Бренной? — спросил Иорвет.

— Слыхивал я про побоище под Старыми Жопками, что войну перевернуло, про Бренну не слыхивал. А бежал я ещё до Жопок, пока они не начались, получается, — Хонза хохотнул своей шутке и продолжил: — Как в Вызиму на сбор пришел с компашкой одной, посмотрел вокруг, так родными трущобами и утёк. Где я и где все эти вояки? В карты сыграть или дельце проверить — это завсегда. А пику в руках держать идохнуть на поле в грязи — увольте.

Он достал из складок мантии бутылку, сделал пару глотков.

— Шёл я оттуда долго. Таких, как я, бежало — немисливо, да и дорога не сахар — деревни в огне, сытыми лишь трупоедов видал. Но, так или иначе, госпожа моя удача ручкой своей мягкой прикрывала, в обиду не давала. Покуда короли земли пилили, добрался я до Гнилого Урочища, и повстречался мне там монах с грузом до Цинтры. Охраны у него и не было уж к тому моменту. Ну, партеечка-другая, м-м-м... то-сё, так с утра и телега с грузом и одежды монашеские в полном моём владении были. Я уж думал, загоню груз-то, сундуки открыл, а там — твоя бандитская рожа, — Хонза обвёл рукой стены, показывая на постеры. — Четыре грёбанных ящика с портретами, ещё туссентской типографской краской пахли, как помню. Их бы и бросить, но у меня правило — что в руки попало, то и цени, не то душечка-удача спину покажет.

Снаружи слышались звуки. Я отложила сладковатый корень, встала и подошла к крохотному, в брус высотой, квадратному оконцу в стене. Туземцы собирались вокруг

костров, многие держали в руках узкие барабаны и выстукивали ладонями ритм.

— Танцевать сегодня будут, — подтвердил Хонза. — Так о чём это я? А, об удаче. Помню, ещё пацанёнком пристроила меня матушка в лечебницу Святого Лебеды в Вызиме горшки выносить. «Хонзик, — говорила она, — надо приучать тебя к добродетельным делам». Я, не будь дурак, что мне в руки попало, то и использовал. А тот трактирщик судье потом кричал, что я ему пиво продал, которое мочой отдавало. Какого чёрта?! Почему отдавало? Это и была настоящая моча!

Я помимо воли расхохоталась. Иорвет полыхнул на меня взглядом и посмотрел на Хонзу так, будто тот был навозной мухой.

— Ближе к делу, ночь не бесконечная.

— Ну, так по Пустошам я проехал без инцидентов, но заловили меня, как и вас, тростниковые люди. Я пошукал туда-сюда, у них как раз старый вождь помер, не выдержал перехода. И были они такие неприкаянные, такие несчастные! Ждали знака, чтоб с предками своими воссоединиться. Ну, я и дал им этот знак, тут сундуки с твоей рожей и пригодились. Я дал им Мессию! Но кто, твою мать, мог подумать, что знак этот исполнится?

— Как они поверили тебе? Почему не проверили зельем правды? — удивлённо спросил скоя'таэль, скользнув взглядом по плакатам со своей физиономией.

Хонза усмехнулся, покровительственно посмотрел на Иорвета.

— Э, брат. Для того, чтобы во что-то верить, вовсе не обязательно знать, что это правда.

— Ты не мог придумать какую-нибудь другую теорию? Чтобы не надо было идти на встречу с предками?

— Так не работает, сидх. Я лишь приукрасил то, во что они верили и так.

Ритм за окном набирал обороты. В свете костров изгибались полуобнажённые тела, женщины скинули накидки и кружились, притоптывая, вокруг их ног летали юбки. Я осторожно толкнула дверь, она и правда оказалась запертой снаружи.

— Ты не обманывайся, что мы тут жрецы, мессии и пророки. Мы — пленники. Недостающее духовное звено в пищевой цепочке великого бога огня Тукаитауа. Первыми к нему на встречу отправятся женщины, следом мужчины, потом мы с пророчицей, потом Мессия, а потом уж вожди. Они главные тут — три брата, сыновья того помершего вождя. Очень эффективные ребята. Мне бы такую ганзу, да в Новиграде, — он мечтательно закатил глаза. — Да и всё их племя, как единый организм: как ушли из пустыни, так и живут ради одной цели. Вы заметили, что среди жителей нет ни стариков, ни детей?

— И куда они их девают? — шёпотом спросила я, тут же пожалев о вопросе.

— Ну как вам сказать. Не будем портить аппетит, — Хонза опять присосался к бутылке.

— Ради какой цели они живут? — я не представляла себе, ради чего можно было бы пойти на неназванные, но явно ужасные жертвы, это не укладывалось в голове.

— Встретиться с Тукаитауа, воссоединиться со своим богом.

— Да что это значит — воссоединиться? — воскликнула я.

— Отдать свои души, сгореть, — потерянно ответил Хонза. — Огненный бог их, Тукаитауа — жадная сволочь. И злобная. Его ещё умаслить надо, чтобы он душеньки принял. Вы думаете, откуда культисты Вечного Огня свои идеи спёрли?

— Я об этом не думаю, — презрительно сказал Иорвет, отставляя чашу с водой.

— А зря. То, что цепляет сердца, как раз живёт в верованиях таких вот диких племен. Остальное дело техники — упаковать идею, продать кому надо да использовать, как следует.

Хонза поднялся и направился к отгороженному стенкой помещению в углу дома.

— Отолью, — пояснил он, — никуда не расходитесь!

Мы с Иорветом переглянулись.

— Какая-то феерическая срань, — убеждённо констатировала я.

— И это только начало нашего пути, — устало прикрыв глаз, подтвердил Иорвет.

— Пробьёмся, — не очень уверенно проговорила я, рассматривая его лицо.

В свете лампад тени от высоких скул контрастно ложились на впалые щёки, очерчивали жёсткую линию губ. Я вздохнула. Иорвет подвинулся ближе.

— Дай посмотреть, — он взял мою руку с браслетом.

Перчатку я уже стащила, но вытянуть кисть сквозь металл, плотно обхвативший запястье, так и не смогла. На ладони печальными бежевыми линиями еле-еле вырисовывался мой знак.

Иорвет ощупал браслет, приблизил лицо к ладони.

— Тут есть паз для ключа. Какого-то очень хитрого ключа, — наконец, промолвил он.

Хонза, поправляя штаны, показался из отхожего места.

— Как снять браслет? — резко спросил у него Иорвет, не выпуская мою ладонь из рук. Его пальцы были тёплыми.

— Да я ж тебе говорю, колдунов тут не встречалось. Может, у моих ребят и нет ключа, зачем? Сжёт бабу, руку отрубил, вот тебе и браслет.

Я чертыхнулась.

— Браслет после этого нужно открыть, чтобы использовать снова. Значит, должен быть ключ, — Иорвет пристально смотрел на Хонзу.

— Знать про ключ не знаю и видом не видывал, — упёрся тот.

— Ладно, с этим разберёмся позже, — Иорвет отпустил меня и повернулся к жрецу. — Рассказывай, что будет завтра, весь ритуал, шаг за шагом.

Хонза откинулся на подушках и заговорил.

— Камень, ножницы, бумага, раз, два, три, — сказали мы хором, я выкинула ножницы, а хитрый эльф камень и со счётом четыре-два победил меня.

— Чёрт. Чёрт-чёрт! — я подошла к земляной яме в полу уборной.

Глубокую дыру в земле пересекала хлипкая доска, а внизу, присыпанное тростниковыми листьями, вспучивалось, собственно, содержимое отхожей ямы. В руке я сжимала крохотный ножик, который нам выдали к трапезе.

— Воды у нас много, вперёд, vatt' ghern! — приободрил Иорвет.

Я бросила на него максимально выразительный взгляд.

— Ты следующий!

— Когда накидаешь на дно достаточно земли, чтобы я мог встать и не утонуть, я продолжу, — нахально ответил он, подтащил охапку тростника, сел рядом на пол и достал из сапога не обнаруженный туземцами стилет.

По словам Хонзы, нас должны были оставить в покое до рассвета, и только тогда должен был начаться ритуал. И в то время, пока жрец, переползший на свою лежанку, спал в беспомощности, нежно обняв пустую бутылку, мы исследовали всю избу. Промасленные брусья стен, как и дверь из толстых досок, запертая снаружи на засов, не оставляли никакой надежды выбраться. В оконца едва пролезала боком голова, а пол был устлан плотно пригнанными досками. Последней надеждой на осуществление плана остался сортир с глубокими земляными стенками. Я бросила вниз охапку тростника со своей лежанки и с

ножичком в руках полезла в зловонную жижу.

ПУСТОШИ. Огненный бог

— Проснись, vatt'ghern, пора, — во сне меня трясли, я отмахивалась и мгновенно засыпала опять, но они не отставали.

Слой за слоем я выныривала из глубин сна, следуя за ощущением руки на плече, пока не осознала, что чувствую её наяву, и не попыталась продрать слипающиеся глаза.

— Пора, — шёпотом повторил Иорвет.

Через оконца пробивался первый утренний свет. Ещё ничего не соображая, я с силой растёрла уши и щёки, чтобы к голове прилило хоть сколько-то бодрящей живительной крови, и побрела к умывальнику. Со всеми вчерашними приготовлениями, отмыванием и заметанием следов спали мы не больше часа, и мне пришлось окунуть голову в ледяную воду, чтобы прийти в себя.

Хонза храпел, разметавшись на лежанке. Иорвет стоял у окна.

— Начинается, — тихо проговорил он.

Я выглянула в соседнее оконце: в серой рассветной дымке по территории сновали мужчины-туземцы с тростниковыми связками в руках. Все связки они окунали во вместительную бочку со специально подготовленным горючим маслом и потом прилаживали к стенам барачков. Иорвет отпрянул от окна и дал мне знак сделать то же самое — к нашей хижине направлялись туземцы с тростником. Снаружи слышались тихие голоса и шорох.

В сотый раз я проверила пояс с эликсирами, где оставила только необходимое для плана. Наши вещи, как и лук Иорвета и три стрелы, которые он изготовил из тростниковых стеблей с наконечниками из снятых с обеденных ножей лезвий, мы спрятали в вырытом лазе.

— Ты точно уверен, что не хочешь принять эликсир до ритуала? — переспросила я.

— Нет смысла попусту его расходовать. Действуем по плану.

Мы опять заняли наблюдательные посты. Строения уже были подготовлены к воссоединению с богом огня, теперь же мужчины сооружали перед нашей хижинкой высокий постамент.

— Трон у тебя будет королевский, — сказала я.

— Вот уж большая честь, всю жизнь мечтал, — прошептал Иорвет. — На каждом троне сидит просто arse и не более того.

Задница

Туземцы закрепили поперек стога, связанного из тростниковых снопов, явно конфискованный крепкий стул с высокой спинкой, и щедро пролили всю конструкцию маслом.

— Чем выше трон, тем ближе к эшафоту. Народная мудрость! — на меня пахнуло крепким перегаром. Хонза незаметно подобрался сзади и выглядывал в окно из-за моей спины. Лицо жреца было помято, и он держался обеими руками за голову, будто боялся, что она укатится. — Найду-ка, что у меня ещё осталось. На трезвяк здороваться с Тукаитауа я не намерен.

Он опять нырнул в чрево своего матраса.

— Да вы бы не рыпались, всё бесполезно, — хриплым голосом посоветовал он, трясущимися руками откупоривая очередную бутылку. — Когда попробуете отвар лозы духов

из леса аминорнов, единственное, чего будет хотеться — это лететь на встречу с богом.

С удивлением я смотрела на Хонзу и никак не могла поверить, что такой прохвост, как он, смирился и не собирается прилагать усилий для спасения. Однако маски больше не сменялись на его смурном лице, он был тих и пришиблен.

— У нас другие планы, — буркнул Иорвет.

Мужчины закончили работу и расселись вокруг сооружённого трона. Перед ними опустились на землю братья-вожди и затянули песню.

— Икаро — песня, открывающая врата неба, — просипел со своей лежанки Хонза.

Голоса вождей слились в унисон, потом разделились, чтобы сойтись вновь. Один за другим к напеву присоединялись туземцы, и скоро показалось, что от резонирующей мелодии дрожит воздух. Мужчины передавали друг другу черпаки с маслом из той же бочки, где вымачивали тростник, щедро поливали головы, втирали масло в кожу. Братья поднялись, не прекращая петь, и начали накладывать на лбы паствы полосы из чёрной краски, окуная пальцы в подвешенные на груди плоски.

Песня стала едва различимой, превратившись в низкое гудение — из женского барака вереницей выходили туземки. Передние (прямые, как на картинках про правильную осанку) несли на макушках пузатые глиняные кувшины и подносы с посудой. Высокие женские голоса постепенно вплетались в ткань мелодии. Меж обнаженных грудей у каждой женщины висела такая же, как у вождей, плоска с краской, и, расставив на земле поклажу, они разошлись по рядам сидящих мужчин, рисуя тонкими палочками на смуглых лицах узоры из завитушек. Закончив работу, каждая по примеру мужчин омывала себя маслом, потом шла к одному из вождей, и тот рисовал ей пальцем вертикальную черту на груди и чёрную полосу на лбу. Большинство женщин расселось среди мужчин, и все они начали передавать по кругу кувшины и чашки. Как и говорил Хонза, пришло время для принятия отвара лозы духов. Песня сменилась бормотанием, сначала тихим, потом всё более возбуждённым, экстатическим. Лица обращались к небу, тела раскачивались, следуя внутреннему ритму. Один за другим туземцы входили в молитвенный транс.

Троица туземок, оставшихся трезвыми, подошла к вождям. Я решила, что это самые любимые их жены — все трое были молодыми, статными, красивыми. Вожди любовно провели пальцами по их лицам, распустили туго сплетённые косы. Чёрные промасленные волосы упали на плечи женщин, закрыли грудь. Вожди, каждый за руку со своей женой, направились в сторону нашей хижины. Я выхватила пузырёк с отмеренной дозой Иволги пополам с Белым мёдом и вышила эликсир.

Мы ждали их, выстроившись плечом к плечу перед алтарём. Меня мутило. Из груди Хонзы вырвался слабый стон, когда дверь отворилась, и делегация вошла. Не теряя времени, Каикуму прошагал ко мне, макнул большой палец в плоску с краской и с нажимом провёл по моему лбу. Один из братьев сделал то же самое для Хонзы. Женщины тем временем ласково раздевали Иорвета. Зелёный кафтан, кольчуга, кираса, красная повязка, рубашка полетели на пол. Лицо эльфа пошло пунцовыми пятнами, когда две туземки ловко стягивали с ног перехваченные крест-накрест ремнями чулки, а третья развязывала пояс штанов. Женщины оглаживали тело эльфа смоченными в масле руками, умащивали волосы, убирая их за уши и открывая лицо. Скоя'таэль едва сдерживал бешенство и сжимал зубы. На челюстях заходили желваки, когда он, обнажённый, предстал перед нами, и женщины стали выводить своими палочками узоры на его теле. Один из братьев подал тростниковую юбку, в которую облачили Иорвета, другие такие же юбки вожди повязали вокруг своих бёдер.

Каикуму забормотал молитву, принял из рук брата чашки, и Тогонга разлил по ним вязкий бурый напиток. Хонза схватил свою чашку обеими руками и осушил до дна. Крепко сжав мой подбородок и сплющив губы, Каикуму залил напиток мне в рот, как в воронку, и не отпускал, пока я не проглотила горький травянисто-пряный отвар. Иорвет глубоко вздохнул и большими глотками выпил свою дозу. После этого отвар лозы духов приняли женщины вождей, но сами близнецы лишь пригубили напиток. Слова молитвы соединились с хором голосов снаружи. Женщины подхватили Иорвета под руки и повели к двери.

Отвар уже начал действовать: сердце заколотилось, как бешеное, пульс зашкаливал. Я чувствовала, что на лбу выступили капли пота. Цвета стали яркими, запереливались радужными бензиновыми оттенками. Иорвет обернулся у выхода — зрачок его здорового глаза стал огромным и сам глаз казался чёрным, а из пустой глазницы светил, словно прожектором, яркий лазерный луч. От восхищения у меня перехватило дыхание — Иорвет выглядел божественным туземным киборгом. Его лицо преобразилось, стало далёким и надменным, будто он и правда шёл на трон, а не на стул, привязанный поверх тростниковой кучи. От эльфа ширилось сияние, просачивающееся теперь и сквозь округлые завитушки, нарисованные на теле. Голоса вождей и их жён стали восторженными — они тоже увидели этот свет. Дверь захлопнулась, оставив нас с Хонзой внутри, и снаружи раздался ликующий вопль — Мессия взошёл на престол.

Я пошатнулась и схватилась за голову. Мне нужно было что-то сделать, но что? Хонза бухнулся на колени, его силуэт растягивался и сжимался; полы рясы развеивались крупными, красивыми волнами, и я не могла оторвать глаз от их завораживающего плавного колебания. С усилием отвела взгляд и залипла на сонме портретов Иорвета, которые беззвучно, но явно недовольно что-то выговаривали мне и хмурили брови. Я ударила себя ладонью по щеке. В потолке хижины вспыхнуло яркое пятно, оно росло, из него струились и переливались лучи, и это было самое прекрасное и желанное, что я когда-либо видела. Вытянув руки, я ощутила, что падаю вверх, в этот сияющий свет.

— Сейчас ты чувствуешь себя Алисой, падающей в кроличью нору, — сказал глубокий мягкий голос, и из света сплелось смутно угадываемое, но никак не распознаваемое прекрасное лицо.

Я зависла в невесомости в ярком свету, ко мне протянулись две раскрытые ладони.

— Это твой последний шанс, после этого нет пути назад. Примешь синюю таблетку — и сказке конец. Ты проснёшься в своей постели и поверишь, что это был сон. Выберешь красную таблетку, останешься в стране чудес, и я покажу, как глубока кроличья нора, — голос рассыпался ласковым смехом. — Все миры откроются тебе.

Волшебный голос знал, чего я жаждала всегда — других миров, захватывающих приключений и невероятных путешествий, и он предлагал мне это. Я счастливо засмеялась, и рука потянулась к красной таблетке. К горлу подкатила тошнота. Я помотала головой, лицо из света вдруг сгустилось — сквозь неуловимые тонкие черты на миг проявились свирепо сведённые брови и толстые, вывернутые у алчного ненасытного рта губы. Я закричала, свет опять разлился вокруг, и добрые ладони приблизились. Всё моё существо тянулось к красной таблетке, я знала, что это правильно и что я буду счастлива. Ещё один спазм в горле. Застонав, я схватила синюю таблетку. В руке она превратилась в пузырьёк с мультяшной этикеткой с надписью «Яд». Пытаясь противостоять изменчивым волнам, колышущим разум, я сосредоточилась на единственном нужном действии, выдернула пробку и залила содержимое в себя. Свет рассыпался осколками. Меня неудержимо рвало на

дощатый пол.

Когда пелена спала с глаз, я убрала зажатый в руке эликсир для нейтрализации ядов обратно в пояс, умылась и осторожно выглянула в окно.

Затылком ко мне, со связанными позади спинки стула запястьями, сидел на своём троне Иорвет. Мужчины и женщины медленно, продолжая заторможенно изгибаться и взмахивать руками, расходились по баракам. Они пели, но теперь их голоса складывались в ужасающую какофонию, перемежавшуюся восторженными хриплыми вскриками.

Я метнулась к одежде Иорвета, собрала в кучу, бросила в бочку с водой и помчалась к уборной. Не добежав пару шагов, кинулась обратно и схватила раскачивающегося жреца за руку.

— Иди за мной! — крикнула я.

— Мамочка, ты же простишь своего Хонзика? — залепетал он. — Ему очень нужны эти деньги, мамочка.

Он неторопливо встал, глядя сквозь меня круглыми чёрными глазами. Медленно, невыносимо медленно! Заломив ему руку за спину, я пинками погнала всхлипывающего жреца перед собой. Спрыгнула на плотно утрамбованное землёй дно отхожей ямы и обеими руками сдёрнула Хонзу за юбку рясы вниз, едва успев вжаться в прорытый ход и спасти лук Иорвета от поломки. Хонза забарахтался рядом. Я же протиснулась в лаз и вытолкнула наружу последний отделяющий меня от свободы тонкий слой земли.

Вжимаясь спиной в тростниковые снопы у боковой стены нашего дома, я кралась вперёд. На противоположной стороне двора Каикуму закрыл за женщинами дверь барака на засов. Я пригнулась и перебежала за Иорветов тростниковый постамент, по вязанкам вскарабкалась к стулу и спряталась у эльфа за спиной.

Каикуму поднял факелы, поджёг в костре и раздал братьям. Близнецы разделились и направились к разным углам барака.

— Иорвет, я тут, — тихо позвала я, доставая из своего сапога Иорветов стилет, и уже хотела было перерезать верёвку на его запястьях, как в ответ скоя'таэль глухо зарычал и дёрнулся.

Проверив вождей, которые готовились к поджогу и хором бормотали молитву, я переползла вперёд стула и вынула из пояса эликсир. На меня с ненавистью смотрел чёрный глаз на абсолютно чужом лице. Я перехватила пузырёк, чтобы выдернуть пробку, эльф рванулся и ударил лбом — эликсир выпал из руки и провалился в щель между тростниковыми вязанками. Шёпотом ругаясь всеми известными мне ругательствами на русском пополам с эльфийским, я просунула руку между плотными снопами тростника, когда меня в бок ударила пятка и я чуть не скатилась с кучи.

— Твою мать, Иорвет! — чертыхнулась я и отползла подальше от зоны поражения его ног, молясь, чтобы близнецы не обернулись.

Наконец, кончиками пальцев я подцепила пузырёк и опять нависла над Иорветом, в этот раз придавив ему коленом ноги. Его лицо перекосило от злобы:

— Это не тот свет, Велунд! — вдруг хрипло закричал он не своим голосом, заглядывая мне в глаза. — Ты ведёшь нас не в тот мир!

Я снова попыталась поднести к нему эликсир, он боднул меня головой.

— Ты уничтожишь всех нас! Вон тот свет, что нам нужен, не этот!

Разогнувшись, я решительно выдохнула, размахнулась и ударила эльфа кулаком по

скуле. Затылком он стукнулся об изголовье трона, я прыгнула за его спину и, пользуясь секундной паузой, ладонью обхватила и прижала за лоб к спинке стула. Голова Иорвета запрокинулась, на мгновение рот приоткрылся, и я быстро вставила между зубов пузырёк. Огонь над женским бараком вознёсся до небес, и вместе с ним взвился истошный женский визг. Каикуму с братьями уже стояли возле мужского барака. Я скрючилась за спиной у Иорвета, ожидая, пока эликсир подействует. Вожди опустили факелы к тростнику, пламя весело побежало по стенам. Я достала стилет и резанула по верёвкам, стягивающим запястья эльфа.

— Иорвет, только вернись! — бормотала я. — Пожалуйста, вернись!

Он встал во весь рост, распрямился.

— Ты погубил нас, Велунд, — с болью в голосе проговорил он, — ты никогда не увидишь знак!

Тело эльфа содрогнулось в спазме, и я с ужасом глянула в его безумное лицо. Он прыгнул, мгновенно оказавшись рядом — я швырнула в него лук со стрелами, спрыгнула с кучи и прокатилась по земле. На фоне горящих бараков я увидела, что ко мне бегут близнецы. Крики боли и ужаса наполняли воздух. Я обернулась на Иорвета — на его лице расцвела злорадная усмешка, и, распрямившись на постаменте, он натягивал в мою сторону лук.

Я взвыла и, петляя, словно заяц, бросилась бежать. Каикуму, который мчался наперерез, высоко в руке, как огненосец, держа факел, настиг меня и пантерой прыгнул на спину. Я упала, он молниеносно вырвал из моей руки стилет Иорвета, размахнулся и всадил мне в грудь. Стилет пробил толстую кожу доспеха и с глухим звуком остановился. Глаза лежащего на мне вождя удивлённо расширились, он опять занёс руку, а я саданула его коленом в пах и откатилась в сторону. Каикуму вскочил, рядом вжухнула стрела и воткнулась ему в солнечное сплетение. Он недоумённо опустил взгляд на мерно поднимающийся и опускающийся обеденный нож с торчащим из него тростниковым стеблем — от ножа по животу заструился ручеёк крови. Схватив с земли выпавший факел, я ткнула в вождя. Тростниковая юбка, а вслед за ней и промасленная кожа вспыхнули, Каикуму закричал, я побежала прочь. Вахити упал, держась за стрелу, торчащую из горла. Третий брат уже подносил факел к тростнику у хижины жреца. Стрела впилась ему под лопатку, но, не обращая на неё внимания, вождь опустил факел, и огонь лизнул тростниковые листья. Тогонга развернулся к нам с Иорветом, широко улыбнулся и приложил факел к юбке.

Иорвет аккуратно поднял с земли ещё горящий факел Вахити и швырнул в свой трон. Огонь мгновенно охватил тростник. Бараки горели, ввысь клубами уходил дым, и с неба, как чёрный снег, хлопьями падал пепел. Последние крики стихли, и неподвижный воздух наполнил горелый смрад. Лоснящуюся маслом кожу эльфа тонким слоем покрывали разводы пыли и грязи.

Опустившись на землю посреди двора, мы с Иорветом прислонились спинами друг к другу и смотрели, как полыхали тростниковые крыши, как огонь пожирал стены. Я расстегнула ремни куртки и погладила тёплую чешую амулета Саскии, защитившего мою грудь. На гладкой, будто лаковой, поверхности не осталось ни царапинки.

— Ты хотел меня убить, — сказала я хрипло.

Голос не слушался.

— Я всё помню, — едва слышно, но уже своим голосом ответил Иорвет.

Мы молчали. Откинув голову, я оперлась затылком о его спину.

— Кто такой Велунд?

Эльф не ответил. Моя голова чуть приподнималась и опускалась в ритм его дыхания, и мне казалось, что я качаюсь на волнах. Внутри хижины жреца со скрежетом и фонтанами искр провалилась горящая обрешётка крыши. Я уже забыла о вопросе, глаза закрывались.

— Велунд Фелеорн, мой предок, — тихо сказал Иорвет, — строитель и кормчий Белых Кораблей.

ПУСТОШИ. Двимеритовый браслет

Спиной к спине, не в силах пошевелиться, мы просидели несколько часов — сон после изнуряющего действия отвара лозы духов сморил не только меня, но и Иорвета. Проснувшись я от того, что спина потеряла опору, и я повалилась на землю.

— Надеюсь, ты спасла мои доспехи, — недовольно высказал Иорвет, расправляя тростниковые листья юбки так, чтобы сгустить их в районе паха и задницы.

— А по-моему, эти тоже ничего, — я злорадно улыбнулась и, конечно, получила в ответ полный ярости взгляд. — Мне нравятся!

От обугленного остова нашего дома пыхало жаром, но открытого огня уже не было. Сбоку, в глубине прорытого лаза, откуда я выбралась, виднелась макушка мирно спящего, свернувшегося калачиком и припорошенного пеплом Хонзы. Мы вытащили из-под жреца сумки, и Иорвет достал из своей чистую рубашу. С сомнением покрутил в руках, оглядел своё промасленное запылённое тело и со вздохом убрал рубашку обратно. У дальней стены частокола нашёлся оборудованный родник, и мы до вечера таскали вёдра с водой к дому жреца, чтобы, наконец, пробраться внутрь.

Одежда и доспехи эльфа плавали в чёрном киселе из полувыварившейся воды пополам с золой, и Иорвет отправился к роднику отстирывать их и себя. Я же, для храбрости сжав в руке его стилет, подошла к трупу Каикуму. Тот лежал ничком, обуглившиеся лохмотья кожи вздулись пузырями, расползлись, обнажая побелевшую плоть. Я осторожно подцепила лезвием ожерелье на шее вождя, и от одного прикосновения оно рассыпалось, и по земле раскатились почерневшие бусины. Ничего похожего на ключ от двимеритового браслета на теле Каикуму, как и на телах его братьев, я не нашла.

Последнюю надежду отыскать ключ я возлагала на хозяйственные постройки. На наше счастье, вилам и лопатам, копьям, мечам да и сундукам с награбленным за три года туземцами барахлом не потребовалось воссоединиться с Тукаитауа. Довольно скоро, в первом же из двух сараев я отыскала изъятое у нас оружие и Иорветов колчан со стрелами. На душе полегчало, но ни ключа, ни чего-либо похожего на него найти я так и не смогла.

Иорвет, облачённый в чистые штаны и рубашку, подошёл и стал рассматривать выпотрошенные сундуки и разбросанные мною вокруг сарая шкуры, бутылки, горки из подсвечников, блюд и утвари.

— Уже темно, — констатировал он.

— Мне нужно найти ключ, — упёрлась я.

— Завтра найдём. Переночуем внутри частокола, трупоеды сюда не доберутся.

Я неохотно поднялась. Во всяком случае ко мне вернулись мечи, хотя тщательно подавляемая паника от того, что чёртов браслет так и продолжал красоваться на руке, только усилилась.

Ночевать решили в гигантском стогу тростниковых листьев недалеко от родника. В темноте я умылась и по примеру эльфа выстирала одежду, думая о том, что никогда ещё мне не приходилось заниматься столь мирным занятием в деревне, полной мертвецов, и даже была благодарна потрясению, вызванному действием отвара лозы духов, так как подозревала, что раздирающий взрыв эмоций во время галлюциногенного прихода притупил чувствительность, и я в полной мере ещё не осознавала ужаса произошедшего.

Зашелестел сухой тростник, на стог взобрался Иорвет и улёгся неподалеку.

— Интересно, не прирежет ли нас во сне Хонза? — задумчиво спросила я, глядя в тёмное небо на проступающее сквозь дымку бледное лунное марево.

— Я позаботился, не прирежет, — усмехнулся Йорвет.

Я не стала уточнять, в чём именно выразилась его забота — раз Йорвет сказал, значит, так оно и было. В глубине стога умиротворяюще шуршали мыши, а за частоколом один за другим вступали в воющий хор голоса — вся нечисть окрестностей стягивалась на запах пира.

Непрекращающийся ночной вой не помешал мне отлично выспаться. Открыв глаза, я потянулась на ложе из тростника и огляделась. Несмотря на наступивший день, вой, а точнее, тоненький скулёж всё ещё был слышен. Я соскользнула со стога — Йорвета уже не было.

Около сгоревшей хижины жреца, наполовину высунувшись из лаза, торчало тело Хонзы, который и издавал поскуливающие звуки и в попытках выбраться извивался, словно гусеница. Руки жреца были накрепко связаны за спиной.

— Эй, пророчица! — радостно позвал он.

— погоди! — крикнула я и отправилась на поиски Йорвета. Мало ли, может быть, у него на жреца были свои планы.

Эльф, уже переодевшийся в высохшие вычищенные доспехи, отыскался в дальнем сарае. Перед сараем так же, как и вчера перед моим, было раскидано содержимое вместительных плетёных сундуков и корзин, только это было весьма странное содержимое: изошрённые щипчики и зажимы; валики, оцетинившиеся шипами; гнутые, с опасно выглядящими зубцами железяки непонятного назначения; набор клейм. Я подняла одно клеймо — на печати виднелись переплетённые змеи с расходящимися в стороны языками пламени.

— Тебе очень повезло с браслетом, — сказал Йорвет, с мрачным выражением на лице крутивший в руках нечто вроде чугунной сандали с утыканной гвоздями подошвой. Гвозди смотрели внутрь.

— Да уж, меня всегда поражало воображение людей в вопросе пыток, — сказала я, вспомнив, как мне становилось дурно, когда в прошлой жизни случалось попасть в музеи средневековых пыток.

Я присела рядом и взяла в руки цепочку со вставленным в одно из звеньев штырём.

— А это зачем?

— Обматываешь вокруг головы и крутишь штырь, — ответил Йорвет.

— Вижу, что эльфы тоже весьма искушены в вопросе, — саркастично заметила я и подумала о том, как мало в действительности знаю Йорвета. И что одно дело бой, а другое — пытки, которые для здешнего дикого средневековья были совершенно обыденным делом. И зная всё это, я всё равно не могла, абсолютно не могла себе представить, чтобы эльф был способен упиваться процессом, использовать эти щипчики, вгонять иглы под ногти, растягивать на дыбе. Я понимала, что обманываю себя, но мне так не хотелось в это верить!

Йорвет отвернул повязку, поднял волосы и дотронулся пальцем до шрама над правым ухом.

— Я весьма искущён в этом вопросе. Как и во многих других, — горько сказал он, расправляя повязку над выколотым глазом.

Я почувствовала, что моё лицо вспыхнуло.

— Вместо всего этого лично мне достаточно ножа, — невозмутимо добавил он.

В нашу сторону с руками за спиной, покачиваясь, ковылял Хонза, выбравшийся, наконец, из лаза.

— Изверги! — завопил он. — Дайте опохмелиться! За что мне эти пытки?

Ключа не было. Мы ещё раз перетряхнули все сараи, расчистили часть мужского барака, где жили вожди, и перекопали их прогоревшие вещи. Я концентрировалась и медитировала на ходу. Не для поиска ключа (в браслете моё чутьё не работало), а для спокойствия. Попутно я изо всех сил старалась не смотреть на скорчившиеся чёрные останки жителей, но тяжёлый дух в бараках не позволял забыть о них. Подгоняемая рвотными позывами, я выбегала, корчилась за углом от спазмов в пустом желудке и возвращалась снова. Хонза мельтешил рядом и постоянно крутил и отщёлкивал крышку своего компаса. Потом он исчез куда-то, оставив нас в покое, и появился только через некоторое время около сундуков с непечатыми бутылками. Выбрал и уложил в мешок несколько штук.

— На дорожку, — пояснил он.

У меня опустились руки. Ключ так и не нашёлся. Все варианты высунуть кисть через браслет провалились. Я мазала маслом, намыливала, но это не помогало. Уже всерьёз я раздумывала над тем, чтобы как-нибудь аккуратно сломать кости запястья и просунуть-таки руку через браслет, но не была уверена, что рука после этого сможет восстановиться.

Хонза, который уже устал маяться, подошёл к нам с Йорветом.

— Я знаю, у кого точно должен быть ключ, — произнёс он, и я отложила нож, которым пыталась поддеть пластины браслета. — Вы всё равно идёте в Зерриканию, так ведь? Найдёте там чародеев-ренегатов, что с тростниковыми людьми воевали, у них ключ и будет. Это же изначально ихние игрушки, мои ребятушки их просто конфисковали и использовали.

С надеждой я посмотрела на Йорвета.

— В этом может быть смысл. Только непонятно, как этот ключ у них заполучить, — сказала я нерешительно и добавила вполголоса: — И как в таком состоянии я доживу до встречи с ними.

Йорвет тоже задумался, швырнул в корзину серп для резки тростника. Хонза приосанился, глазки его заблестели.

— Тут уж нечего ловить, зуб даю, всё обыскали. У меня есть к вам деловое предложение, от которого невозможно отказаться! — бодро начал он. — Вам нужно в Зерриканию, мне нужно в Зерриканию. Пойдём вместе на взаимовыгодных условиях!

— И чем же ты нам выгоден, жрец? — насмешливо спросил эльф. — Если бы не твои махинации, ничего этого бы не было.

Йорвет обвёл рукой пожарище.

— Если бы не я, вас бы просто пристукнули, да и сказке конец. А польза от меня велика, даже больше, чем мне от вас!

— Да ну?

— Я не вояка, признаю, — Хонза кончиком пальца дотронулся до моего меча и отдёргнул руку. — А за частоколом чудовища и нечисть с Пустошей. Мне нужна охрана. И это единственная причина, почему мне нужны вы. А я вам нужен по целым трём!

— Ну давай, удиви меня, — Йорвет сложил руки на груди.

— Во-первых, — торопливо заговорил жрец, — я помогу вам пройти через племена каннибалов.

Он развязал верёвку на поясе и принялся закатывать полы мантии, пока не оголил

впалую лысую грудь. По центру груди красовалась татуировка, похожая на найденное клеймо — клубок змей с горящими на кончиках хвостов языками пламени.

— Мне достаточно показать это, и нас не тронут. Тростниковые люди навели на Пустошах свои порядки.

— Что ещё?

Хонза уселся на землю, устроился поудобнее.

— Я не зря тут три года провёл, сидх. С племенем подружился, разговоры с ними разговаривал. Ты знаешь, что вас ждёт на краю Пустошей? Нет? Я так и думал.

— Просвети нас, — язвительно проговорил Иорвет, принёс из кучи неподалеку охапку тростника и сел.

Я примостилась рядом.

— Виной всему лоза духов. И раньше тростниковым людям приходилось за ней сюда через перевал Эльскердег ходить, так что когда они из пустыни бежали, то немудрено, что неподалёку от мест, где она растёт, и поселились.

— Горазд ты сказки рассказывать, жрец, — Иорвет устало прикрыл глаз.

— Именно! Именно что горазд, и это вторая причина меня взять, и вот почему. Вы слышали об аминорнах — разумных деревьях?

Я отрицательно покачала головой, Иорвет задумался.

— В трёх днях пути отсюда леса начинаются, из этих, значит, деревьев. А лоза духов только при них и растёт, я поэтому всё про них знаю. Весь год аминорн — дуб дубом, то бишь дерево деревом, и только под осень, когда пора отростки пускать, они просыпаются, а тут-то и время лозу духов собирать приходит. Усекли? Кроме тростниковых людей в это время года никто туда не ходит, если только нелёгкой, как нас, не занесёт.

— А что произойдёт, если туда пойти? — заворожённо спросила я.

— Обычный человек с ума сойдёт, ежели он неподготовленный, конечно. Но я-то всё вызнал. Рассказывали мне мои ребятки, — Хонза грустно махнул рукой в сторону барачков, — что аминорны на разум влияют, потому что им для деток, чтобы те проросли, сказки нужны. Аминорн с лозой духов потому вместе и живёт, что с её помощью даже медведь басню расскажет. Так вот, днём деткам сказки нужны весёлые, ночью страшные. Да и этого мало — чтобы выйти из леса, сказочки нужны особые. А если сказок им не рассказывать, то деревца сами в разум залезут, вытащат на белый свет все твои кошмары, а от этого человек умом и едет. Вы думаете, почему тут в племенах людоеды такие свихнутые? Не в то время по лесу аминорнов шастали.

— И чем же ты нам поможешь?

Хонза горделиво расправил грудь.

— Так я лучший в мире сказочник! Вы мечами махаете, я работаю головой!

Иорвет хмыкнул. Я же опять погрузилась в свои мысли. С Хонзой или без, мне не хотелось уходить из сторевшей деревни с браслетом на руке, и идея поиска воинственных зерриканских чародеев совершенно не воодушевляла. С другой стороны, в деревне непонятно, что ещё можно сделать, да и процесс трупного разложения уже начался, и дольше находиться внутри частокола было небезопасно. Тем более, что умелый кузнец, вероятно, и без чародея помог бы избавиться от браслета, а ближайшего кузнеца можно было найти только по ту сторону гор.

— И что же за третья причина? — тем временем спросил Иорвет.

Хонза достал свою любимую игрушку, щёлкнул крышкой.

— С волшебной стрелкой мы не потеряемся! Солнца-то тут не бывает!

Иорвет протянул руку, жрец заколебался, но отдал ему коробочку. Эльф встал, с компасом в руках прошёл в одну сторону двора, в другую. Вдруг я заметила, как плечи его напряглись, на миг он замер, а потом быстро зашагал к баракам и скрылся за углом.

— Эй, мессия, стрелку верни! — всполошился Хонза.

— Сиди спокойно, вернёт, — как можно убедительней сказала я, сама не представляя, что задумал скоя'таэль.

Иорвет и правда показался через минуту и, вернувшись, отдал компас Хонзе, который тут же спрятал его в складках мантии.

— Хорошая вещь, полезная, — неожиданно смягчившимся голосом сказал эльф. — Договорились. Идём вместе до Эльскердега, а там разойдёмся своими путями.

Глаза на хитром лице Хонзы вспыхнули радостью.

За воротами деревни нас встретили полчища скрекков и бледно-серых склизких гулей, стянувшихся на запах гари и трупного разложения.

— Ты слишком полагаешься на свои знаки, — назидательно сказал мне Иорвет после побоища, глядя на моё мрачное лицо. Мы разделявали туши скрекков, по словам Хонзы мясо этих хищных крыс было весьма вкусным. — Постичь искусство боя можно только тогда, когда знаешь цену каждому своему движению.

Во всех последующих драках с нечистью и стаями исхудавших озлобленных волков я убеждалась в его правоте, что раздражало не меньше, чем его наставительный тон. Без права на ошибку, без возможности пользоваться знаками и защищать себя Квеном адреналин в каждой схватке подскакивал до небес, в голове устанавливалась кристальная тишина, и мозг полностью концентрировался на точном движении меча. Разница и впрямь была колоссальной — как если играть в покер на спички или на деньги. Я понимала это, и всё-таки без знаков и чутья чувствовала себя инвалидом.

По дороге Хонза не затыкался. Иорвет же, напротив, как воды в рот набрал и не разговаривал с нами, быстро шагая впереди. Во мне жрец нашёл благодарного слушателя — его болтовня развлекала и помогала отвлечься от мрачных мыслей. Не забывая заправляться алкоголем, он травил байки и постоянно поглядывал на компас, довольно посмеиваясь.

— А знаешь, какое моё лучшее дельце было, пророчица? Сейчас расскажу и мамой клянусь, ты такого не слыхивала, — Хонза шёл рядом, в его сумке позвякивали бутылки и стащенные из деревни серебряные столовые приборы. — Короче, представь себе Туссент — край непуганых идиотов. Живут, как у боженьки за пазухой, красота, вином завтрак запивают. Не говоря уж об обеде и ужине. Так вот, бросил я клич — негоже в Туссенте, да без статуи пророка Лебеды жить. Такой, чтобы облака подпирала! Кассу собрал — мама не горюй, скульптора нанял, артели, и никакой предоплаты, богоугодное же дело! Утром стулья, вечером деньги, так им и сказал. Ну и был таков, два года по лучшим темерским борделям жил. Эх!

На второй день пути мы встретили пяток аборигенов, мирно сидящих около костра. Они и так были готовы убежать, но Хонза, словно заправский эксгибиционист, задрал юбки мантии и угрожающе посветил татуировкой на груди. Бедные оборванцы в страхе бухнулись на колени. Жрец, довольный произведённым эффектом, величаво кивнул нам с Иорветом.

К вечеру третьего дня настроение Хонзы переменилось. Всё чаще в его болтовне возникали паузы, он нервничал, то и дело оглядываясь по сторонам, и беспрестанно

встряхивал коробочку компаса и постукивал ногтем указательного пальца по стеклу над стрелкой. Это не укрылось от взгляда Йорвета — эльф ничего не сказал, но я заметила, как едва-едва приподнялись уголки его губ.

Среди бурых деревьев начали попадаться островки травы, мох на стволах стал пышнее и зеленее. В сумерках мы подошли к опушке густого лиственного леса. С удивлением я смотрела на Хонзу — лицо его побелело, он хватал ртом воздух.

— Что с тобой, жрец? — вкрадчиво спросил Йорвет. — Это же лес аминорнов, не так ли? Мы же и должны были прийти сюда.

— Д-да, всё по плану! — Хонза сглотнул. — С животом что-то, схудилось мне.

— Встанем тут на ночёвку, — скомандовал Йорвет.

Костёр мы сложили на поляне неподалёку от леса аминорнов, вернувшись немного назад к знакомым бурым деревьям Пустошей. Йорвет улёгся и завернулся в одеяло, Хонза же сидел у костра, периодически убегая в лес. «Может и правда живот прихватило», — подумала я, поправила мечи, взвела арбалет. До рассвета была моя очередь дежурить, и я ходила туда-сюда, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. И чем дольше я ходила, тем сильнее меня охватывало странное беспокойство.

Осмотревшись, я напрягла все органы чувств в попытке найти источник тревоги. Чернота леса уже давно не пугала меня в этом мире — это в прошлой жизни, оставшись ночью дома одна, я обязательно включала где-нибудь свет, чтобы выдуманные мною чудовища не мешали спать. Здесь же я сама стала охотником на чудовищ, и вполне реальные монстры этого мира, обретя плоть, хоть и стали смертоносными и опасными, но неожиданно потеряли тот ореол иррационального страха, который я испытывала в прошлом мире, до ужаса боясь несуществующих тварей.

Нет, причиной не был лес, однако тревожность и ожидание чего-то ужасного нарастали. Я подбросила полено в костёр — невесомыми вспышками по бурому мху затрещали искры — и вдруг поняла, что страх шёл из меня самой, изнутри. В голове рождались и пухли панические мысли. А что, если нам так и не удастся снять браслет? Перед глазами с жуткой реалистичностью предстала картина моей руки с отрубленной культей. Полноценно сражаться я не смогу, потеряю способность использовать знаки, магическая изнанка станет недоступной. Зачем такая калека в напарники Йорвету? Любой из его скоя'таэлей будет полезнее, чем я. «Он бросит меня, точно бросит», — прошептала я. Эта мысль была ещё страшнее видения с рукой, и, несмотря на жар от вспыхнувшего полена, по спине пополз озноб. Я резко обернулась, треснула ветка — Хонза снова скрылся за деревьями.

Я зашагала по поляне, поглядывая на спящего Йорвета. Страх опять вернулся в мозг. Надо выбить эту дурь из головы! Отошла к ближайшему дереву, прислонилась лбом к шершавой коре. «Перестань, Яна, мы с ним что-нибудь придумаем!» — прошептала я и легонечко стукнулась лбом о ствол. Полегчало. «Раз уж такое дело, надо повторить», — решила я, отвела лоб чуть назад и ткнулась в дерево ещё раз. Под закрытыми веками от удара вспыхнули миллионы звёзд, закрутились в бешеном хороводе. Наступила полная темнота, и я потеряла сознание.

ПУСТОШИ. На каждую хитрую задницу

В нос ударил ядрёный аммиачный дух, я судорожно вдохнула, и под спиной образовалась опора из рук.

— Ну наконец-то, — проворчал Иорвет, приподнимая мне плечи и подкладывая под голову мешок с вещами. — Неплохо он тебя приложил.

— Что произошло? Что это? — я ничего не соображала, но взгляд зацепился за флакончик в соломенной оплётке, который эльф держал в руке.

— Сразу видно, что ты никогда не носила корсета... Соль оленьих рогов, — ответил Иорвет. — Нужнейшая вещь при дворе, да и в лесу, как видишь, помогает. Накера в себя привести или вот тебя.

Голова кружилась, тошнило. Только-только начало светать. На затылке я нащупала крупную саднящую шишку.

— Постой-ка, — прошептала я.

На груди не ощущалось привычной тяжести медальона. Я судорожно сунула руку за шиворот — на моей шее не осталось ни единой цепочки.

Меня охватил ужас — какая же феноменальная дура! Как можно было так попасться!

— Он украл розу! — взвизгнула я. — И мой медальон! И... и... и эта сволочь сбежала!

— Далеко не убежит, vatt'ghern, — вопреки ожиданиям спокойно произнёс Иорвет и поднёс к моим губам флягу с водой. — Как рассветёт, найдём его, приходи в себя.

Мы налегке пробирались через лес. Вещи спрятали недалеко от стоянки, подвесив на дереве. Я сгорала со стыда. Единственное, чем я могла гордиться в этой ситуации, так это крепким черепом: удар поленом по голове хоть и лишил меня сознания, но с помощью Иорвета и эликсиров через час я уже более или менее пришла в себя. Да и то, может, это была не моя заслуга, а шляпы, смягчившей удар. Во всём же остальном я проявила непростительную безалаберность. В отличие от Иорвета — тот не спеша искал на земле след каблука Хонзы, на котором прозорливый скоя'таэль ещё в деревне, пока жрец спал, вырезал сбоку ножом треугольную выемку.

— Это я во всём виновата, — не в силах больше молча переносить чувство вины, сказала я Иорвету. — Я не уследила за Хонзой.

— Я был идиотом не лучше тебя. А ведь я знал, что рано или поздно так и будет. Но не смог проснуться вовремя. Кошмары... — добавил он тихо.

По следу каблука с отметиной мы пришли к краю вчерашнего леса. След вёл вдоль опушки, ныряя в овраги и появляясь с другой стороны.

— Тут он побежал, — вдруг сказал Иорвет.

В траве я заметила выброшенную пустую бутылку. Мы перелезли через поваленные стволы, с острого сучка эльф снял обрывок коричневой материи. Путь преграждал глубокий овраг, уходящий клином в лес. Иорвет склонился над его краем — на дне виднелось почти неразличимое на фоне земли тело в бурой рясе.

Мы спустились по крутому склону с торчащими, словно оголённая арматура, кривыми корнями. Хонза лежал полубоком, голова была откинута так далеко назад, что стало очевидно, что у него сломана шея. Выпученные остекленевшие глаза буквально вылезали из орбит и расфокусированно смотрели в сторону леса. Челюсть отвисла, открывая

ощерившийся рот.

— В этот раз, жрец, ты взял то, что твоей удаче не понравилось, — с мрачным удовлетворением произнёс Иорвет, отвернув воротник мантии Хонзы. — У этой розы иное Предназначение.

Я принялась стаскивать с шеи трупа свои цепочки. Ведьмачий медальон, амулет Саскии, роза Аэлирэнн, моё обручальное кольцо — всё было на месте. Я выдохнула с облегчением. Мне ужасно захотелось пнуть тело несчастного Хонзы, но я тут же устыдилась этой мысли.

— Нужно проверить ещё кое-что, — сказал Иорвет и принялся методично обыскивать жреца.

Первой он нашёл коробочку с волшебной стрелкой, усмехнулся и сунул добычу в карман. Потом вытряхнул и тщательно просмотрел содержимое сумки.

— Что ты ищешь? — спросила я.

— Он должен быть здесь, — пробормотал Иорвет, — других вариантов не может быть.

— Кто?

Эльф не ответил и, вновь вернувшись к трупу, стал ощупывать ткань рясы. Перешёл к ногам, стянув с Хонзы сапоги.

— Yeá! — торжественно воскликнул он и вытряхнул из левого голенища небольшую металлическую фигурку в форме змеи. — Давай руку!

Задержав дыхание и не смея надеяться на спасение, я протянула ему руку с браслетом. Иорвет перехватил её поудобнее, прижал к груди и аккуратно приложил к пластинам ключ. Сдвинул, провернул так, что тело ключа совпало с узором на браслете, а изогнутый змеиный хвост упёрся в паз на торце. Нажал. С металлическим щелчком браслет раскрылся.

— Йе-е! — я, наконец, задышала, рассмеялась и, вскочив на ноги, выпустила в небо струю огня.

Счастье настолько переполнило меня, что в следующий миг из глаз брызнули слезы.

— Тебя не поймёшь, vatt'ghern, — произнёс Иорвет и улыбнулся, как умел только он.

Мы возвращались к спрятанным вещам.

— Иорвет, ну расскажи же! — мне было так хорошо, что хотелось петь. — Как ты понял про ключ?

На лице эльфа появилось невыносимо высокомерное выражение, но я готова была простить ему всё на свете за спасение от двумерита. Грудь распирало от радости, и до дрожи в руках хотелось обнять его, но нельзя было этого делать, никак нельзя.

— Хонза задурил тебе голову, но не мне, — нравоучительно проговорил он.

Я закатила глаза.

— И?

— Волшебная стрелка — раз. И мы не нашли ключа в деревне — два.

Иорвет каверзно улыбнулся и прибавил шагу.

— Погоди! И что?

— Я не верил в то, что ни у кого в деревне нет ключа. Но тогда, ночью после пожара, я не нашёл его в карманах жреца и решил, что ключ где-то в сараях или в вещах вождей. Там его не оказалось, а значит Хонза всё это время нам лгал.

— А что со стрелкой? Она, кстати, называется компас.

— Он говорил, что стрелка указывает на север. Но когда я взял её в руки, то заметил,

что она указывала на юг.

Я задумалась. Вот, значит, куда исчез тогда Хонза...

— Он перевернул картинку под стрелкой!

— Да. Он никогда не хотел в Зерриканию, он хотел с нашей помощью выбраться обратно на север до врат Сольвейг и точно так же сбежать.

— Получается, что по его компасу мы должны были идти на север, но для нас компас бы указывал на юг!

— Да, но я перевернул картинку обратно и сдвинул крышку, чтобы он не заметил. Глупый жрец без своей стрелки не мог отличить юг от севера. Поэтому-то он так переполошился, когда мы дошли до леса аминорнов. Он-то думал, что мы уже на выходе с Пустошей.

— Вот же он хитрая змея!

— Недостаточно хитрая, — Иорвет улыбнулся, точно кот на солнышке.

— Всё это время ключ был у него... Почему Хонза не отдал его до ритуала?

— Он боялся, что мы сбежим и бросим его. Впрочем, мы бы так и сделали, — подумав, добавил эльф. — А потом, в браслете тебя проще застать врасплох, когда ему пришлось бы время бежать. И это у него получилось.

— Хорошо, что он вообще не выкинул ключ, — проговорила я.

— Он ничего не выкидывал, ты же помнишь, его удача.

— Но почему ты не заставил его отдать ключ ещё там, в деревне, раз понял, что он у него? — спросила я и кровожадно добавила: — Или, хотя бы, не шепнул про это мне!

Иорвет опять надменно улыбнулся.

— Во-первых, жрец действительно мог бы быть нам полезен, а мне не хотелось раскрывать своих планов раньше времени. А потом, ты же хотела тренировок — вот и получила, и без ведьмачьей шелухи.

— Ах ты! Да чтоб тебя! — я задохнулась от возмущения, глядя в смеющееся лицо эльфа.

«Нет, — решила я, — всё-таки это совершенно невозможно терпеть, и будь, что будет!».

Я быстро шагнула вперёд, обхватила его и прижала к себе.

— Хоть ты и хитрая лисица, но всё равно спасибо, Иорвет, — сказала я.

Эльф замер, под моим ухом стучало его сердце. Зря я это сделала.

— Foilé beanna, — прошептал он и сделал то, чего я совершенно не ожидала — обнял меня в ответ.

Безумная женщина

«Это тебя не поймёшь», — подумала я.

Моё прекрасное настроение теперь было ничем не перешибить. Казалось бы — я вернулась ровно в то состояние, что и была до знакомства с племенем тростниковых людей, однако тогда я изнывала от тоски, а теперь душа пела. Я и не подозревала, насколько важной частью меня стали приобретённые ведьмачьи способности.

Мы забрали вещи с места ночёвки и снова направились к лесу аминорнов.

— Хонза не зря боялся этих разумных деревьев, — рассуждала я. — На теле у него не было никаких следов насилия. Что-то его испугало, он побежал, оступился в темноте и сломал в овраге шею.

— Вопрос в том, что именно его испугало. Следов животных и нечисти я рядом не видел.

Вдали показалась опушка леса. Толстые бугристые стволы стояли тесно и прямо, кроны деревьев сплелись в сплошной шатёр.

— Он говорил, что аминорны залезают в головы и достают самые глубинные страхи, — рассуждала я. — И это похоже на правду...

Иорвет недоверчиво хмыкнул. Поколебавшись, я продолжила:

— Нет, честно, всё сходится! Ты сказал, что не смог проснуться из-за кошмаров. Хонза, каким бы прохвостом ни был, а на воображение пожаловаться точно не мог. Он бы не испугался никаких других чудовищ так, как своих собственных! А я...

— Что ты? — Иорвет заинтересовался.

— Э-э-э... — я уже пожалела о том, что проговорила.

— Чего боялась ты, ведьмачка? — вкрадчиво спросил эльф.

— Что мы не снимем браслет и ты бросишь меня в этих Пустошах за ненужностью, — тихо ответила я.

Иорвет остановился как вкопанный, его лицо вспыхнуло обидой и гневом.

— Мне вот интересно, у всех ли dh'oine головы набиты таким дерьмом или только у тебя? — процедил он.

— Нормальным дерьмом у меня голова набита! — сердито воскликнула я. — Я тебе толкую, что всем нам из-за этих деревьев в головы страхи полезли.

— Да понял я, — с досадой ответил Иорвет, махнул рукой и пошёл вперёд. — Вспоминай сказки.

В молчании мы вошли в густую древесную тень леса аминорнов. Я сконцентрировалась, прислушалась, с удовлетворением чувствуя вернувшуюся силу. Как засидевшийся на одном месте человек с наслаждением распрямляет спину, разминает затёкшие ноги, я посылала внимание вперёд, вширь. Я ощущала лес. Не отдельными существами-деревьями, а единым гигантским древним организмом, который обволакивал нас, впитывал, когда мы уходили всё дальше и глубже в тёмное чрево. Я слышала его долгое-долгое неторопливое дыхание. Он присматривался, принимался к нам. Листья на деревьях были совершенно круглыми, как монеты. Несмотря на полное безветрие они непрерывно подрагивали на своих тоненьких черешках, и казалось, что по лесу в такт его дыханию проносится рябь.

— Ну? — наконец, нарушил затянувшееся неловкое молчание Йорвет.

— Что ну? — на такой вопрос у меня всегда был готов ответ.

— Сказку давай!

Я глянула на его насупленные брови и рассмеялась.

— Ты первый! Сейчас день, расскажи какую-нибудь весёлую эльфийскую сказку.

Он задумался, покачал головой.

— У Aen Seidhe не осталось весёлых сказок, vatt'ghern. Возможно, когда-то и были такие, но то, что знаю я — лишь печальные легенды, и ни одна из них не заканчивается хорошо, в отличие от ваших скверных сказок, — он помолчал. — Расскажи про того благородного пирата-авантюриста.

Я с удивлением воззрилась на него, в очередной раз поразившись его памяти. Казалось, эльф не забывал ни одного слова, сказанного в его присутствии.

— Ну хорошо, дело было так...

Мы шли по пружинящей опавшей листве, и круглые странные листья аминорнов стелились под ногами, будто ковёр из окислившихся старинных медных монет. Я рассказывала историю врача Питера Блада, которого судьба занесла в рабство на плантации Барбадоса. О том, как он захватил корабль свирепых испанцев и стал самым удачливым пиратом в Карибском море. Йорвет тут же решил, что испанцы это такая версия dh'oine, которые, как и здесь, вырезали коренное население и с кровью устанавливали свои порядки. А пираты были причислены к ской'таэлям — тем героям, кому пришлось помимо своей воли бросить мирную жизнь и бороться с захватчиками.

Я говорила, и мы озирались по сторонам. Вдруг раздался негромкий хлопок, и неподалёку, дерзко распахав палую листву, выстрелил из-под земли пушистый, завёрнутый в спираль росток. Рассыпалось облачко зеленоватой пыли.

— Рассказывай дальше, — прошептал Йорвет.

Я продолжила, росток развернул спираль и расправил тоненькие нежные веточки с круглыми светло-зелёными листьями.

Больше всего в истории Йорвета захватили описания пиратских авантур. Он переспрашивал и уточнял, когда я расписывала, как капитан Блад обманул испанцев, поймавших его эскадру в ловушку в узком бутылочном горлышке залива Маракайбо: как имитировал огромную армию, высаживающуюся на берег, заставив одних и тех же гребцов плавать туда-сюда и пригибаться, когда они возвращались в шлюпках к кораблю. Йорвет торжествовал, когда испанцы поверили в блеф, развернули тяжёлые пушки форта от моря в

сторону суши, а ночью Блад на кораблях с выкрашенными в чёрное парусами выскользнул из западни. Вместе с Иорветом мою историю благосклонно слушал лес, вокруг раздавались хлопки, и из земли вылуплялись новорождённые дети аминорнов.

На романтической линии скоя'таэль явно скучал, зевал и начинал оглядываться по сторонам. Огонёк интереса зажёгся в нём лишь однажды, когда любовь капитана, Арабелла, не разобравшись в ситуации, ранила при встрече благородного пирата в самое сердце. Я сделала драматический голос и процитировала:

— Среди моих знакомых нет воров и пиратов, капитан Блад!

— Ха! Клянусь, эта dh'oine не забыла обвинить его в том, что он убил больше людей, чем она съела котлет? — Иорвет был полон язвительности. — И это после того, как он спас её из плена!

— Нет, там всё сложнее, — не согласилась я, внимательно посмотрев ему в лицо. — А, может, наоборот, проще... Она была несправедлива к Бладу, добрые люди постарались, и поняла это потом.

— И что же он сделал в ответ на её слова? Надеюсь, забыл о ней?

— Нет, не забыл, ушёл в запой.

Иорвет осуждающе покачал головой, но больше не перебивал. К его удовольствию снова начались приключения на море, эльф расслабился и встрепенулся, только когда путешествия отважного пирата подошли к концу и Блад стал губернатором Ямайки.

— И Арабелла сказала: «Для меня всегда был только ты один, Питер», — завершила я рассказ.

— Пфф, из хорошей истории сделали дрянную сказку про любовь со счастливым концом, — резюмировал Иорвет. — Если бы он не стал губернатором, она ни за что бы этого не сказала.

— Нет, она приняла бы его таким, какой он есть, я уверена! Она любила его, — возразила я.

— Эта сказка не была бы такой скверной, если бы больше походила на правду. А правда такова, что это только в книжках девушке может нравиться тот, кто в глазах всего света лишь бандит...

Я мельком глянула на Иорвета, подавив желание сказать, что и без книжки он мне нравится.

— Арабелла так бы и жила до старости в плену иллюзий, что разбойником и убийцей дозволено быть только на государевой службе, в чине и при нашивках на мундире, — эльф говорил жёстко, и его губы кривились. — Капитан Блад продолжил бы биться на морях, пить и убивать. И в один день сгинул бы, как и все до него в бесплодной борьбе. Вот такой должна была быть эта история.

— Нет, моя сказка лучше, и аминорнам нравится! — я повела рукой на вылезавшие тут и там ростки.

Иорвет усмехнулся. За моей историей мы скоротали день, и дневной полумрак леса сгустился в сумерки, неотличимые под густыми кронами от ночи. Мы насобирали сухого хвороста, разложили костёр.

— Ростки перестали появляться, — заметила я. — Твоя очередь. Сейчас вечер, сойдёт и печальная легенда.

Иорвет сидел на свёрнутом одеяле и смотрел на огонь. Я расстелила шкуру напротив, прилегла на неё. Лес дышал и ждал. Эльф поворошил палкой хворост, взметнулись искры.

— Я расскажу тебе правдивую историю, и у неё не будет счастливого конца... — начал он и замолк.

Положив голову на согнутую в локте руку, я приготовилась слушать. Листочки на аминорнах трепетно и нетерпеливо задрожали.

— Давным-давно... Да, уже очень давно, в благословенной, процветающей Дол Блатанна жил Aen Seidhe, и имя его было Гленнмаэр. Будем звать его Гленн... — эльф опять замолчал, задумавшись, лицо омрачила тень давно забытой, но так и не пережитой боли.

Сквозь полуприкрытые веки я наблюдала за ним, вспоминая, где же слышала это имя, а вспомнив, тихонько охнула.

— Ты можешь не рассказывать эту историю, если тебе тяжело её вспоминать, — негромко сказала я.

— Нет, я хочу! Я могу рассказать её только друзьям, а у меня их не так чтобы много, — Иорвет поднял взгляд, прямо посмотрел мне в глаза через жёлто-рыжие колеблющиеся языки пламени. — Только лишь Киаран, Геральт и ты... Яна.

Я замерла, не в силах пошевелиться, чтобы ни движением, ни дыханием не выдать тот атомный взрыв, что происходил внутри. Впервые за всё время нашего знакомства эльф назвал меня по имени, и в его устах оно звучало паролем, ключом к наглухо запертой и забаррикадированной части моего сердца, что жглась с того момента, когда я впервые увидела его. И он назвал меня своим другом... Я медленно перекатилась на спину, по листьям сплетённых над головой ветвей ходили волны.

— Я помню. Ты тоже сказала мне это тогда в госпитале, после битвы.

— Да, — прошептала я. — Но тебе не обязательно считать меня другом, если это идёт против твоих убеждений. Мы прекрасно ладили и так.

— Зачем я буду себе врать? — Иорвет пожал плечами. — Мои, как ты говоришь, убеждения не касаются друзей, они про другое. Дай же мне, наконец, рассказать, и ты поймёшь.

В его голосе проскользнули нотки раздражения, я усмехнулась себе под нос — несносный вспыльчивый характер эльфа никакая дружба не сделает пушистым и мягким. Я снова приподнялась на локте, чтобы видеть его, и приготовилась слушать.

— Гленн был как твой пират, только среди эльфов: отважный, хитроумный и настоящий сорвиголова. Жажда странствий довольно скоро заставила его покинуть дворцы и тенистые леса Дол Блатанна.

Иорвет говорил. Он рассказывал, как отец, ещё будучи совсем молодым по меркам эльфов, путешествовал по миру, попадал в передряги из-за своего необузданного нрава, как участвовал в набегах вместе со скеллигскими пиратами, как едва спасся от казни в Каэдвене за то, что вступился за полуэльфку из портового борделя. О том, как обманул дриад Брокилона и бежал из их леса.

— Подозреваю, что в Брокилоне у меня найдётся с десятков сводных сестёр, — усмехнувшись, добавил он.

Возмужав, Гленн вернулся в Долину Цветов и с командой близких друзей пытался противостоять непрерывному и неостановимому захвату людьми эльфийских земель. Шоннохи, так они называли себя, что значит «Лисицы» в переводе со Старшей Речи, устраивали диверсии, сжигали дома и орудия труда людей, угоняли скот. Но всё было напрасно — пядь за пядью цветущие сады, живительные леса Дол Блатанна вырубали, превращали в разрытые поля.

— Люди не уничтожили только сердце долины — «Звезду, отраженную в реке», дворец Feainne ar Aevon. Он стоит на плато, со всех сторон окружённом водопадами, и даже у dh'oine не поднялась рука разрушить его. Я был там много раз, и, несмотря на пару сотен лет запустения, весь Ард Дол по сравнению с ним не более, чем бледная тень, — голос Иорвета изменился: — Говорят, что Энид ан Глеанна восстановила дворец...

Он задумался.

— А легенды говорят, что всё самое прекрасное покупается лишь ценой великого страдания. Наверное, так оно и есть... Как бы то ни было, эльфы оставили Дол Блатанна. И мой отец ушёл тоже, одним из последних, а потом встретил Аэлирэнн — Деву из Шаэрраведда. Они были похожи, как огонь и пламя, и Аэлирэнн была ещё более отчаянной, чем Гленн. Она была ожившим духом войны, а отец всегда предпочитал добрую драку трусливому бегству. Ты знаешь, чем закончилась та война, и вскоре после казни Аэлирэнн отец вмиг из охотника превратился в преследуемую дичь. Как это знакомо... — потянувшись, Иорвет подкинул хвороста в костёр и отодвинул одеяло в сторону, чтобы не придавить высунувшийся из-под края любопытный росток.

Путешествия Гленна превратились в скитания, удача отвернулась от него. Так бы путь мятежного эльфа и закончился где-то в Веленских болотах, если бы его не выходила молодая травница.

— Конопатая, круглолицая dh'oine, — неожиданно зло сказал Иорвет. Медленно выдохнул.

Оправившись, его отец подался в Ард Дол, осел, остепенился. Женился на красивейшей эльфийке из древнего рода.

— Ариэль, — едва слышно произнёс он.

А потом там, в Ард Доле, родился он, Иорвет.

— Я всегда ходил на отца и печалил мать буйным нравом. Единственное, чему она смогла научить меня из всех так любимых ею искусств, так это игре на флейте. Всё остальное время отец учил меня сражаться. Это были счастливые дни...

Шли годы, и Гленн всё больше замыкался в себе, всё чаще уходил в одиночестве надолго в горы. В тот день, когда Иорвету исполнилось сорок — практически совершеннолетие по эльфийским меркам, его отец исчез.

— Мама ждала его всю весну, прошло лето, а осенью она угасла. Тоска иссушила её красоту, она скучала, не могла жить без него и не могла простить. В нём одном было столько жизни, что хватало на них двоих. Она ушла на остров Яблонь в одиночестве.

Я молчала, на глаза навернулись слёзы. Иорвет тоже помолчал.

— Я отправился искать его. Я был в ярости, я хотел выплюнуть ему в лицо всё, что думаю о нём. И я нашёл его в Велене, с умирающей от старости согбенной травницей на руках.

Иорвет вдруг выхватил с перевязи на груди кинжал и всадил по рукоять в твёрдую землю.

— Я кричал на него на её могиле. И знаешь что? Он не отвечал мне. Передо мной стоял сломленный старик, который ещё год назад был молодым эльфом! Я ушёл. Я плюнул ему под ноги и ушёл. Ту неделю я помню, как в тумане. Эльфам и так несвойственно много пить, но тогда в компании артели краснолюдов-плотников я пил, как краснолюд. Они потешались надо мной, как над забавной зверюшкой. И я не выдержал и вновь пошёл искать моего отца. Я любил его... Не смог перестать любить.

Украдкой я вытерла рукавом глаза. Голос Иорвета стал едва различимым за потрескиванием костра, и ветви деревьев склонились, будто бы тоже прислушиваясь, и сплели вокруг нас зелёный купол.

— Я снова нашёл отца. Ещё живого, привязанного к дереву, распотрошённого как рыбу. Он даже не сопротивлялся этим бандитам, и я застал только последний затухающий взгляд, будто бы он не умирал всё это время лишь потому, что ждал меня. Я не успел сказать ему... Я убил их всех до единого. И много других таких же после... Понимаешь, Яна, эти dh'oine убили его дважды! Сначала она убила его душу, и потом они убили его тело. Эта dh'oine убила мою мать. Отношения с dh'oine разрушили всё. И я поклялся... Понимаешь?

— Понимаю, — прошептала я.

— Я не успел сказать ему... — повторил Иорвет, опустил голову на скрещенные на коленях руки.

Его спина сгорбилась, я встала и, обойдя костёр, опустилась на одеяло рядом с ним и несмело прикоснулась ладонью к его спине. Эльф не шелохнулся, и я обняла его за плечи. Я просто была с ним и чувствовала, что так правильно. Никакие слова не были нужны. Просто сидеть рядом, обнимать этого огромного страшного эльфийского мужика и молчать.

Я ничего не сказала ему, когда на ближайшем дереве соткалось из тьмы видение привязанного к стволу окровавленного эльфа, точёными чертами лица до боли напоминавшего Иорвета. Фантом силился поднять упавшую на грудь голову, посмотреть на нас сквозь висевшие слипшимися сосульками длинные тёмные волосы. Наконец, ему это удалось, он исподлобья взглянул на меня зелёными Иорветовыми глазами и растаял в воздухе.

Эльф шевельнулся.

— Тебе надо поспать, моя очередь дежурить.

Я отпустила его и вернулась на шкуру.

— Не уверена, что смогу теперь заснуть, — пробормотала я и кивнула в сторону сумки Иорвета. — Сыграй?

Он криво усмехнулся, достал флейту, подул в неё, покрутил в руках.

— У этой истории было продолжение, когда я решил, что не повторю ошибок отца, и после долгих, очень долгих скитаний вернулся в Ард Дол. Я хотел осесть, хотел покоя. Но не смог, не выдержал. Чем это закончилось, ты знаешь, — Иорвет пробежал пальцами по телу флейты, вывел витиеватую трель, оборвавшуюся на высокой ноте. — Я слишком похож на него...

— Да, слишком похож, — прошептала неслышно я, накрылась шкурой и отвернулась, чтобы он не видел моего лица.

Из глаз текли слёзы, и я бесшумно плакала о маленькой конопатой травнице, и о себе, и о слове «друг», звучащем, как приговор. А флейта пела о любви — той, которая невозможна.

ПУСТОШИ. Удушающие объятия леса

Я ползла, отплеываясь от ледяной коричневой жижи. Руки по плечи тонули в грязи, я цеплялась за пожухлые длинные волосы травы. Они рвались в ладонях. Ноги всё глубже засасывало в чавкающую топь. Я рычала, стонала и ползла. «Раз, два, три, четыре, пять — будем в смерть с тобой играть», — отзывалось в ушах злым детским голоском эхо. След из сладостей привёл сюда, я видела впереди мою цель.

— Иорвет, я иду! — захлебываясь, срывающимся голосом крикнула я.

Передо мной разверзлась грязь, из неё вынырнула истлевшая грудная клетка, привязанная к спине сгорбленной водной бабы. Соски отвисших заплесневелых грудей чудовища касались воды. Грязь залепила глаза, грязь была везде.

— Проснись же, bloede het! Проснись! — и вновь мои лёгкие разорвало, я вдохнула нашатырный запах.

Чёрт побери

Иорвет навис надо мной и тормозил за плечи. На языке был привкус крови — во сне я прокусила губу. Я затрясла головой, лишь бы избавиться от видения.

— Что случилось? — спросила я, когда отдышалась.

— Ты стонала и кричала во сне. Я пытался разбудить тебя и не мог.

Начинало светать, костёр тлел, подёрнутый беловатым пеплом. Я сконцентрировалась — лес был недоволен.

— Ты рассказывал страшные сказки?

— Всю чёртову ночь! — гневно ответил Иорвет. — Только эти засранцы перестали вылезать!

Я нащупала под шкурой полупустую фляжку, припала к воде. Сон оставил вязкое, как то болото, тоскливое послевкусие, и хотелось побыстрее смыть его с языка. Иорвет шагал по поляне, сжимая и разжимая кулаки. С подозрением я прищурилась на него.

— А сказки точно были страшными?

— А ты как думаешь?! — взорвался эльф. — Отборные зверства, кишки и кровь, от которых любой нормальный ребёнок уже давно бы навалил в штаны! Но что я могу поделать, если мне не страшно, ни от одной из этих дурацких страшных сказок? Даже в детстве не было страшно! А потом появился призрак водной бабы, а я даже близко про неё не рассказывал!

Иорвет был возмущён до глубины души, как будто ему выдали группу детсадовской малышни, и вместо того, чтобы исполнять его приказания, они устроили весёлый кавардак.

— Ну ты и нянька, — плеснула я ещё топлива в огонь праведного скоя'таэльского гнева, — не смог ради детишек хоть чего-нибудь испугаться! Аминорнам даже бабу пришлось из моего сна тянуть.

— Посмотрим, какая из тебя нянька выйдет, vatt'ghern! — Иорвет фыркнул и полез в сумку за запасами мяса. — Следующая ночь твоя!

Посоветовавшись, мы решили, что ночью, когда лес был особенно требователен к историям и, если что-то приходилось не по нраву, насылал на спящих жуткие кошмары, разумнее будет идти, а отдыхать днём. Иорвет тут же принялся воплощать решение в жизнь и завернулся в одеяло, бесцеремонно расстелив его прямо поверх моей шкуры. Он уснул в тот же миг, как голова опустилась на мешок с вещами, я же, в этот раз в полной боевой

готовности, не отвлекаясь на самоанализ и задвинув поглубже все ненужные мысли, нарезала круги вокруг костра и бормотала сказки, которые могла вспомнить. Попутно по частоте хлопков вылезавших новых побегов я пыталась анализировать предпочтения нашей целевой аудитории и вычислила в итоге, что днём аминорнам больше всего нравились русские народные сказки про животных. У кого есть дети, помнит этого добра достаточно, так что я шагала и рассказывала о выходках хитрой лисы, вечно голодного простодушного волка, глуповатого, но доброго медведя и всеми обижаемого зайца. Над поляной висела зелёная пыль.

От непрерывного говорения в горле пересохло. Мы шли уже несколько часов. Я достала флягу, внутри громыхнул камешек — подарок Юланнэн — и на язык скатилась последняя капля воды. Иорвет протянул свою, я отрицательно замотала головой.

— Как думаешь, сколько нам ещё идти по этому лесу? — севшим голосом спросила я.

— Я рассчитывал, что мы пройдем его за один дневной переход, — эльф присел близ ствола аминорна, разгрёб пальцами листву у корней, озадаченно нахмурился.

— Интересно... — я прикоснулась к каплевидному наплыву коры на дереве около Иорвета. — Я видела точно такой же чудной нарост на аминорне у стоянки. Ещё подумала, что он похож на нос гнома из подземелий у пещеры Скрытого.

— Тут тысячи деревьев, ничего удивительного, — не оборачиваясь, ответил он.

Я моргнула. Нарост больше не походил на нос гнома — теперь он был в виде раздувшейся картофелины. В растерянности я ещё раз провела пальцами по бугристой коре. Похоже, что недостаток сна или же удар по голове (либо и то и другое вместе) играли с моим разумом злые шутки.

— У гномов не такие носы, — бросил, подойдя, Иорвет. — Однако нам не помешало бы найти воду.

Он снова огляделся, определил направление и зашагал вперёд. Лес расступался перед нами, будто бы показывал дорогу, оберегал от тесной чащи. Тончайшие зелёные нити с мелкими перистыми листьями опутывали стволы. Я сорвала один листок и растёрла в пальцах, ощутив знакомый пряный травяной запах. Лоза духов. Станным был этот лес, будто аминорны вытеснили из него всякую жизнь, пустив в сожители только лозу духов: одни и те же одинаковые раскидистые деревья, оплетённые паутинами лозы, да бесконечный ковёр рыжих опавших листьев, оживляемый лишь пушистой, расцветающей вокруг нас зелёной дорожкой ростков.

— Рассказывай дальше, — сказал Иорвет.

— А? Что? — задумавшись, я потеряла нить истории.

— Тебе надо поспать, *vatt'ghern*, — он внимательно посмотрел мне в лицо, — скоро ночь.

— Вода! — воскликнула я и показала на дерево впереди.

По стволу, откуда-то изнутри, перекачиваясь по бугоркам коры, сочилась прозрачная жидкость. Я макнула в неё палец, лизнула — слегка сладковатая вода отдавала берёзовым соком.

— Не знаю, откуда это взялось, но пить можно, — решила я и прислонила к коре горлышко фляги. — По-моему, лес решил вознаградить нас за сказки.

— Лучше бы вознаградил крольчатиной в яблоках, — съязвил Иорвет.

— Не жадничай, вода важнее.

Напившись, без лишних споров я улеглась на землю, расстелив шкуру прямо между тесно стоящих стволов. От недосыпа казалось, что реальность смазалась и всё стало далёким и мутноватым, тогда как кошмары в лесу аминорнов были реальнее яви. Иорвет принял сказочную эстафету. Судя по всему, лесу нравились его дневные легенды, потому что проспала я пару часов без сновидений, а проснулась в окружении свеженьких аминорновых побегов.

Мы снова шли и шли, но лес не кончался. От монотонности пейзажа я полностью потеряла всякое представление о направлении и времени. Иорвет останавливался, оглядывался, пытался высмотреть сквозь ветви отблеск заката. Как заведённая шарманка, я бормотала уже набившие оскомину истории про лису и волка. Мы вышли к кострищу.

— D’yeabl aer arse! — с выражением произнёс эльф. — Cad é an ifreann atá ar siúl anseo?

Что за хрень тут происходит?

— Ты просил что-то там в яблоках? — прошептала я и протянула руку в сторону от нашего бывшего костра.

С ветки аминорна свисала гроздь красных в желтых чёрточках, идеальных со всех сторон яблок. Я сорвала одно. Оно пахло слегка медовым запахом настоящего спелого летнего яблока, под тонкой кожицей виднелся наполнявший его сок. Я сглотнула.

— Предупреждаю, я не буду тебя целовать, — с расстановкой произнёс Иорвет, глядя мне в глаза, и от этих слов в груди больно кольнуло.

Я разозлилась.

— Пфф, ты и не принц! Полежу, подожду настоящего очаровательного принца, и заметь, непременно белокурого и с круглыми ушами, — едко ответила я и уже приготовилась откусить, но увидела лицо эльфа, остановившимся взглядом смотрящего куда-то поверх моего плеча.

Обернувшись, я заметила мелькнувшего между деревьев упитанного белого кролика.

— Крольчатина, — сдавленным голосом выговорил Иорвет.

Я собрала яблоки в сумку. Хоть и были они подозрительно хороши, да и росли совсем не на яблонях, но и запасы еды у нас почти закончились. Потом осмотрели поляну. Кострище точно было нашим: тщательно прикрытое листвой, с торчащей с одной стороны непрогоревшей раздвоенной веткой. Однако дерева с гномьим носом на нужном месте не было, и исчезла выросшая в прошлую ночь поросль новых побегов.

— Яблоки настоящие, не иллюзия. Кролик, полагаю, тоже. Аминорны дают нам то, что мы просим, — я пыталась рассуждать здраво, насколько это было сейчас возможно.

— Тогда я прошу указать нам выход отсюда! — воскликнул Иорвет.

По листве прошла рябь, и в неосязаемое для органов чувств мгновение поляна слегка изменилась вновь — кострище осталось на месте, только ветка торчала в другую сторону, и там, где раньше деревья стояли тесно, теперь приглашающе звал в арку сплетённых ветвей проход.

— Туда! — решительно произнёс Иорвет.

Через пару сказок мы снова вышли к нашей стоянке.

— Кажется, у нас проблема, — сказала я. — Лес понимает всё, что мы говорим, и водит кругами. И значит, нам надо...

— Если он нас понимает, — перебил Иорвет, приложил палец к губам и многозначительно посмотрел на меня, — то рассказывай дальше. Сказкой.

Я прошла по поляне.

— В итоге, лиса и волк заблудились, — произнесла я громко, остановилась и вернула эльфу такой же многозначительный взгляд. — Но тут они вспомнили про подарок их друга, погибшего хорька.

Иорвет едва заметно кивнул. Сунул руку в сумку и, не доставая волшебной стрелки, поглядел на неё. Зашагал вперёд, протиснулся между плотно стоящими стволами. Я продолжала говорить.

Мы продирались сквозь чащу, иногда останавливаясь, и я будто невзначай проводила рукой над сумкой Иорвета, зажигая Игни. Он в это время посматривал на компас. Стрелка вела мимо удобных широких троп, куда настойчиво направлял лес, и мы распутывали перед собой сплетённые ветки, пригибались под низко опущенными кронами. Но теперь мы хотя бы могли надеяться, что продвигаемся в нужном направлении, несмотря на постоянно изменяющуюся конфигурацию леса, который, казалось, переставлял деревья местами, сбивал ориентиры и мог деформировать пространство и прокручиваться.

Когда тьма окончательно сгустилась, мы вышли на поляну с присыпанным листвой костром с торчащей из него раздвоенной веткой.

— Довольно! — Иорвет сбросил с плеча сумку. — Лиса и волк в заднице. Нет смысла ходить, давай руку!

Я стянула перчатки и прикоснулась левой рукой к его ладони.

Собранная в мелкие складки земля мягко переливалась под ногами чёрно-белыми волнами, словно песчаное дно на мелководье. Стволы аминорнов опутывали пульсирующие сетки сосудов, по которым тек светящийся белый сок. Чёрный волк привалился к моей ноге тяжёлым телом, и, повинувшись внезапному порыву, я опустилась на корточки, запустила пальцы в мохнатую шею. Морда с хищными светлыми глазами повернулась ко мне, и он совершенно по-собачьи лизнул меня в щёку мягким влажным языком. Я прижалась к нему и засмотрелась на белоснежного эльфа, на блики, идущие от кольчуги, на открытые точёные черты ясного лица, такого похожего и непо похожего на себя, на нить, протянувшуюся между нашими ладонями. Я уж и забыла, какой он. Сияющие глаза Иорвета остановились на мне.

— Мы не для того сюда пришли, Яна.

Яна, Яна, Яна... Сердце ёкнуло. Понимает ли он, как действует на меня моё же собственное имя, сказанное его голосом? Он ни за что не должен этого узнать. Я для него друг, боевой товарищ. Вдруг вспомнился взгляд Бьянки, брошенный тайком на своего командира, который я ненароком перехватила в Каэр Морхене — отчаянный, полный жажды и невысказанных слов. Только не это! Секунды изнанки убегали. Быстро поцеловав преданную волчью морду, я встала. Иорвет задрал голову и поднял руку, показывая мне вверх.

Неба не было. Мы находились внутри исполинской сферы, слегка колышущейся в такт дыханию, густо покрытой изнутри шевелящимися отростками аминорновых деревьев. Спиралью по внутренней поверхности сферы шла яркая дорожка, и местами, словно бусины, на ней были нанизаны сияющие круги.

— Так мы шли, — Иорвет повёл рукой вдоль дорожки и указал на круги, — а это стоянки у костра.

Пока изнанка не побледнела, мы ходили, пытаясь высмотреть хоть одну прореху или отверстие в сфере, но безуспешно — она была абсолютно замкнута, мы были заперты внутри.

— Есть идеи? — спросил Йорвет, когда мы вернулись на засыпанную листьями поляну.

— Нам надо пережить ночь, — в задумчивости я обошла вокруг костра, чувствуя зарождающуюся с приходом вечера тревогу в груди.

Йорвет сложил ветки шалашиком, и моей силы едва хватило, чтобы зажечь огонь.

— Помню, ты была недовольна моими страшными сказками — твой выход, — мрачно распорядился эльф. — Только умоляю, без волков и лисиц, нет уже сил это слушать.

Аминорны поддержали Йорвета подбадривающим подрагиванием листьев. Я задумалась, вспоминая истории, что пугали меня в том мире, и села у костра. Заговорила. Лес перестал скрывать от нас свою волшебную сущность, и скоро по поляне заскользил, не касаясь земли, гроб с панночкой, которая медленно с прямой спиной садилась, а потом укладывалась обратно. Из леса вышел Пирамидоголовый монстр — ужасающее воплощение чувства вины и неосознанной жажды наказания Джеймса Сандерленда, убившего свою жену. За монстром тянулся, вспахивая лесную подстилку, гигантский нож. Пирамидоголовый обошёл поляну и остановился за спиной у Йорвета. Эльф оглянулся, усмехнулся. Мне очень хотелось его напугать, но Йорвета ничто не брало. А вот аминорны всячески показывали свое расположение, и вызванные мною привидения становились всё менее эфемерными и уже не растворялись в воздухе, как вчера.

Я пустила в ход тяжёлую артиллерию и принялась пересказывать «Кладбище домашних животных». Попутно пришлось пояснить историю освоения Америки, рассказать об индейских племенах, населявших её задолго до прихода белых людей. У меня самой от страха волосы вставали дыбом, когда я расписывала древнее кладбище индейцев племени микмаков, на котором чикагский доктор, несмотря на все предупреждения друга, похоронил любимого кота дочери, погибшего под колесами грузовика. Горло свело спазмом, когда из мрачного, тёмного леса к костру заторможенной походкой подошёл, припадая на лапы и держа голову под странным углом, неопрятный кот. В воздухе запахло гнилью. Йорвет отогнал кота веткой, тот зашипел, выгнув спину, ветка прошла сквозь его тело. Я рассказывала дальше: как сошедший с ума доктор похоронил на индейском кладбище маленького сына, и злобный дух вендиго вселился в тело ребенка и убил жену доктора. И что тот в безумии утраты, надеясь её воскресить, отнес труп на кладбище микмаков.

— Дорогой, — сказал скрипучий и какой-то недобрый голос, и на плечо Йорвета легла женская рука.

Эльф подпрыгнул на месте, молниеносно выхватил меч и рубанул призрака. Одновременно по всей поляне триумфальным фейерверком выстрелила зелёная пыль, словно все аминорны только и ждали, пока он хоть чего-нибудь испугается, и теперь рассыпались в бурных овациях. Измазанные в земле губы женщины скривились.

Йорвет, тихо матерясь, пересел на мою сторону костра подальше от мертвечихи. Неожиданно тьму прорезал истошный петушиный крик. Начало светать. Панночка затравленно огляделась, сидя в своём летающем гробу, Пирамидоголовый отступил спиной вперёд в глубь леса, и остальная нечисть стала бледнеть, пока все они не растворились в воздухе.

Я перевела дух, но, как оказалось, преждевременно — на ветках аминорнов вдруг с невероятной быстротой стали выпучиваться алые пузыри, которые росли и превращались в яблоки, и скоро все деревья вокруг были увешаны ими. Стволы заблестели от льющегося прозрачного сока. Послышался шелестящий гул бесчисленных лапок, и со всех сторон к нам начали стягиваться толстые белые кролики. Они останавливались на границе поляны, но

сзади напирали следующие, подминали под себя. Иорвет выругался.

— Ты хочешь, чтобы лес удушил нас своей любовью? — прошипел он мне.

— Я просто старалась рассказывать хорошие истории, — озираясь, оправдывалась я.

— Ты перестаралась, — отрезал Иорвет.

Мы спешно подхватили сумки и зашагали, не разбирая дороги и распихивая ногами толкущихся кроликов, и, конечно, через полчаса ходьбы вышли к костру опять. Поляна была чиста — ни яблок, ни аминорновых побегов, ни кроликов. Иорвет снова скинул сумку.

Измученные бессонной ночью, мы молчали. Ненасытные аминорны требовательно шелестели листвой. Иорвет сел, достал трубку, не спеша набил. Расстелив шкуру, я улеглась на спину, сложила руки за головой и наблюдала за уплывавшими в серое небо завитушками дыма. И не заметила, как уснула, а проснувшись, обнаружила Иорвета, сидящего рядом в той же позе. Его остановившийся взгляд был прикован к моему лицу. Он вздрогнул, поднёс к губам потухшую трубку. Лицо его было усталым и бледным, а вокруг зеленела аминорновая поросль.

— Почему ты не разбудил меня?

— Тростниковые люди как-то возвращались отсюда, — будто не услышав вопроса, сказал он осипшим голосом. — И нам пора.

— Худшее, что может случиться, так это то, что мы будем ходить здесь, пока аминорны не прекратят размножаться и не станут обычными деревьями, — сказала я и протёрла глаза.

Начинало темнеть, я проспала весь день.

— Нет, — Иорвет поднёс к табаку огонёк, глубоко затянулся, исподлобья бросил на меня мрачный взгляд и выпустил густое облако дыма. — Я сойду с ума раньше.

Идей не было. Я лежала и смотрела в небо. Чтобы хоть как-то разбавить гнетущую тишину и разогнать охватившее нас оцепенение, я принялась вслух вспоминать, что успел сказать Хонза про аминорновый лес.

— Особые сказки! — воскликнули мы одновременно.

Иорвет закашлялся, глаз его мстительно заблестел. Поднявшись, он достал нож и подошёл к ближайшему дереву.

— Дьявол знает, что это за сказки! Попробуем поговорить по-другому, — он приложил острие ножа к коре с таким видом, будто это было горло врага.

Нажал.

Хлестнула ветка, и на губе Иорвета выступила алая капля. Он замахнулся ножом.

— Стой! — закричала я, — ты нас угробишь!

Лес ощерился колючими ветками. Иорвет тяжело дышал, опустив нож.

— D'yaeb! — эльф стёр с губы кровь. — Тогда я сожгу этот лес, если мы сегодня же не выберемся отсюда!

Нацелившиеся в нашу сторону ветки переплелись, образовав вокруг поляны сплошной забор, а сухие листья аминорнов, устилавшие землю, на глазах потемнели, набухли влагой.

— Всё бесполезно, — Иорвет вернулся к костру, опустился на землю. — Чёртов лес слишком нас полюбил.

— Особые сказки... — задумчиво повторила я. — Что это должно быть такое, чтобы аминорны сами захотели отпустить нас?

— Не знаю, — он сжал руками голову. — Какие-то сказки, которые будут так неприятны лесу, что ему захочется, чтобы мы ушли, несмотря на всю любовь.

Я смотрела на Иорвета. А что, если и правда? Лихорадочно заработала мысль.

— Ты гений, — прошептала я, — чёртов эльфийский гений.

Я полезла в сумку и, покопавшись, достала миниатюрную деревянную лошадку, выструганную Лето. Спрятала в ладони.

— Жил был Змей, — начала я, и аминорны незамедлительно сменили гнев на милость и радостно затрепыхали листьями, сплетённые ветки чуть распустились. — И не было на всем Севере существа ужаснее, потому что был он столяром. Он пытал и убивал дубы и сосны и вытачивал из их тел шкафы, кровати и даже табуретки. Ни к одному дереву не было у него жалости.

По лесу прошёл шелест, деревья будто отпрянули. Иорвет поднял голову и, прищурившись, с интересом посмотрел на меня.

— В ту пору заболела в королевстве юная принцесса, и чтобы порадовать её, король приказал Змею изготовить самую прекрасную игрушку, и чтобы была она крохотная, но как настоящая. Для этого подходила только древесина аминорнов. А у Змея не было нужного инструмента для такой тонкой работы. Пошел он к гномам, те послали его к колодцу желаний. «Если скажешь в колодец то, чего боишься больше всего на свете, он даст тебе инструмент». Пришёл Змей к колодцу, наклонился над ним и прошепел: «Больше всего в жизни я боюсь попасть на перевал Эльскердег». Но не заметил столяр, что рядом с колодцем росла молодая берёзка, которая всё слышала. Змей взял инструмент и ушёл.

Вокруг наступила полнейшая тишина. Листья больше не шевелились, лес замер, не дыша. Я громко и заунывно продолжила:

— И решили деревья, что нужно отомстить Змею и выкинуть его на перевал. А тот тем временем срубил под корень молодого аминорна и расчленил острой пилой. Наслаждаясь новым инструментом, убийца соскабливал с полена мягкую свежую кору...

— Вгонял лезвие в источающую сок живую древесную плоть, — с кровожадным выражением на лице подхватил Иорвет, оглядевшись по сторонам.

— О да! Он выпотрошил нежную сердцевину, воздух наполнился смрадом свежих опилок. А потом погрузил изуродованное тело в чан с кислотой...

По земле прошла дрожь, нас подкинуло на месте.

— Змей приступил к вырезанию деталей, глубоко вгрызаясь в плоть, сверлил дырки, вбивал острое долото. Он издевался над трупом, пока не сделал это — отвратительное изделие извращенного садиста!

Я высоко подняла руку с деревянной лошадкой, чтобы лес увидел её. Затрясло, земля конвульсивно содрогалась и вспучивалась под ногами, со скрежетом и скрипом острые концы веток нацелились в нашу сторону. Поняв, что медлить нельзя, я прыгнула, складывая на ходу Усиленный Квен, и вцепилась в Иорвета руками и ногами. Поляна в спазме сплющилась, и оранжевый шар с нами внутри, словно ядро из пушки, выплонуло из леса. От перегрузки в полёте сжало грудь, но уже через миг пузырь врезался в скалу и с треском лопнул. С высоты мы повалились на камни. Я не шевелилась и пыталась понять, все ли части тела на месте.

— Слезь с меня, — наконец, раздался голос снизу.

— Чёрт, а было так удобно. Не знала, что это ты.

Кряхтя, я поднялась на руках, сползла с Иорвета и села, подобрав выпавшую из руки лошадку. В сотне шагов от нас темнела кромка леса аминорнов.

— Лес нас выbleвал, — растерянно обратилась я к Иорвету, который поднимался с земли.

— Сдаётся мне, что туземцы рассказывали какие-то другие особые сказки, — он потянулся, наклонил взад-вперед голову и хрустнул позвонками. Тихонько засмеялся. — «Смрад свежих опилок...» Я всегда знал, что у тебя беда с головой, vatt'ghern!

— Кто бы говорил! «Источающая сок древесная плоть»!

— И это мы ещё до фигурного выжигания по дереву не дошли.

— Да ты маньяк! — с притворным ужасом воскликнула я.

— С кем поведёшься, vatt'ghern, — парировал Иорвет и принялся собирать рассыпанные вокруг, как после крушения, вещи, — с кем поведёшься.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. В плену иллюзий

В лицо дул ровный, мощный, тёплый ветер. Он поднимался из долины, открывшейся взгляду, когда мы вышли на перевал между осыпающихся глиняно-красных скал, перетекал через седловину и растворялся в оставленных позади хмурых серых Пустошах. Ветер нёс запах зноя, незнакомых земель, прожаренной солнцем пустыни, сухого дерева и нагретых скал. Ноздри Иорвета раздувались, он вдыхал полной грудью, будто пытался по запаху определить, что нас ждёт.

Рыжая ящерица, сверкнув золотистым брюшком, юркнула под камень. Когда-то перевал был оживлённым путём, теперь же в медитации я чувствовала направление, но ощущение было смазанным, полустёртым, как от старой, заброшенной, вросшей в пейзаж дороги.

— Ты что-нибудь знаешь о том, куда мы идём? — спросила я.

— Немного. Расспрашивал как-то Саскию, но она не любит вспоминать прошлое. Нам надо перебраться через полосу пустыни Корат, которая лежит к югу от Зеррикании и подковой огибает её. А там роза доведёт нас.

— Не слишком ли ты полагаешься на крохотный амулет?

Иорвет упрямо покачал головой, будто не хотел допускать в мысли даже тени сомнения.

— Аэлирэнн дала её тебе, а значит, она знала, что ты найдёшь Исенгрима. Я должен верить в это, иначе всё теряет смысл. Ну, а потом, Исенгрим — не дракон, ему затеряться в Зеррикании не так-то просто, — усмехнувшись, добавил он.

Я промолчала и не стала с ним спорить. В моём мире я придерживалась мысли, что божественный промысел отлично описывается теорией вероятностей, и что «судьба» — очень удобное слово для того, чтобы не принимать решения о собственной жизни самому. Этот мир был другим, и Судьба и Предназначение вплетались здесь в реальность так же крепко, как законы физики.

Мы спускались по рыжей каменистой тропе. Впереди виднелись тут и там разбросанные скалы с глубокими разломами, между которыми белели песчаные ложбины. На ветру подрагивали стебли колючек, и вверх по склону катились пушистые сухие шары, похожие на оторванные белые головы одуванчиков.

— А ты что-нибудь знаешь? — нарушил тишину Иорвет.

Я покачала головой.

— Только немножечко про пустыню и чудовищ, которых мы можем тут встретить. Знаю, что в Зеррикании есть женщины-воины и секты чародеев. Да и всё.

— Значит разберёмся по ходу дела, — легкомысленно подытожил он.

Начинало припекать. Ноги прилипли изнутри к толстым кожаным штанам, спина вспотела. Я огляделась, но не решилась снять жаркую куртку — безжизненность этих мест могла быть обманчивой. Когда до подножия гор осталось совсем чуть-чуть, ощущение направления тропы резко сместилось вправо, обратно к скалам, огибая покрытую плавными песчаными барханами долину.

— Погоди, — остановила я Иорвета. — Напрямую тут никто не ходил.

Он подобрал угловатый камень и швырнул вперёд. Камень заскользил по склону бархана. Со дна песчаной воронки, выплеснув фонтан песка, выскочили зубастые клешни длиной с ногу лошади каждая, ухватили камень и тут же отпустили. На миг из волнующегося песка показался зеленоватый панцирь, а в следующий воронка снова была неподвижна.

— Я читала про этих чудовищ, Цири встречала их, когда её занесло в пустыню Корат, — я посмотрела на Йорвета. — Ведьмачья шелуха неплохо работает, скажи?

Он усмехнулся:

— Веди тогда, vatt' ghern.

Обогнув холм, мы нашли едва заметную тропку вдоль склона. Путь уводил в ущелье между скал, которые смыкались всё ближе. Нас накрыла густая тень, и я выдохнула с облегчением.

Неожиданно Йорвет свернул в узкий проход и поманил за собой, показывая на стебельки сочно-зелёной травы, спрятавшиеся в тени под каменной стенкой. Чуть дальше зелени стало больше, и в глубине расселины, там, где она оканчивалась тупиком, обнаружился ручеёк, сочившийся из щелей породы. По заросшему мхом камню вода тонкой струйкой стекала в углубление под скалой.

— Тоже неплохо, скажи? — с хитрой ухмылкой эльф обернулся ко мне.

— Нет! Это не неплохо, это чудесно! — воскликнула я, набирая холодную воду в ладони и опуская в неё горящее лицо.

Наполнив фляги и умывшись, мы устроили привал. Присмотревшись, я заметила многочисленные следы путников, бывавших тут до нас: в стороне чернело старое заросшее кострище, а на красном камне скалы виднелись выскобленные ножом чёрточки и едва различимые буквы. Йорвет закурил, а я стала рассматривать надписи. Одни уже стёрлись от ветра и времени, другие были на неизвестных мне языках. Я смогла разобрать накорябанную дату «1268», возле виднелась надпись «За Темерию», которую кто-то перечеркнул и написал над ней «Элишка — любовь», и нарисовал похожее на луковицу сердце.

Я достала из сумки яблоки, протянула Йорвету.

— Пробуй первый. Я тебя, так уж и быть, поцелую, если что.

Под влиянием ли моей железной логики или того, что еда у нас закончилась и с прошлого дня мы ничего не ели, Йорвет взял яблоко и, откусив, одобрительно кивнул.

— Надо было кроликов забить на дорогу. Но кто же знал.

— Очень уж хотелось убраться из того леса, — кивнула я и засмеялась, вспомнив наш побег.

Йорвет тоже улыбнулся, а я вдруг поняла, что уже заочно люблю Зерриканию, огибающую её подковой пустыню Корат и где-то там вдалеке затерянный Хакланд. Здесь всё было другим, и мы были только вдвоём — сидели у воды вдали от всего мира и грызли сладкие яблоки, и дышали жарким воздухом. Да... Я уже очень любила Зерриканию.

Тропа, поплутав между скал, привела ко входу в узкую расщелину. Я сосредоточилась — зов вёл внутрь. Йорвет заглянул в тёмный проход, развернулся и зашагал обратно в ущелье в сторону кучки перекрученных пустынных деревьев, прилепившихся к камням. Мне он поручил срезать кору с расслоившихся стволов, сам же занялся поиском ветки, подходящей для рукояти факела. Выудив из сумки ком засохшей сосновой смолы с кулак величиной, он расщепил палку с одного конца и засунул туда добытые мною, пахнущие можжевельником куски коры, и, размяв в пальцах, проложил между ними крошки смолы. Во все глаза я глядела на эти чудеса выживания в диких условиях.

— На первое время сойдёт, — с удовлетворением постановил он, и мы вернулись обратно ко входу в пещеру.

Я зажгла факел, смола вспыхнула и, плавясь, потекла между кусочками коры, которые,

недолго подумав, тоже занялись пламенем. Факел чадил, с него капало, но работу свою выполнял. Жёлто-охряные растрескавшиеся стены расщелины уходили ввысь, проход расширялся. От шагов отдавалось эхо, и с тьмы потолка срывались потревоженные крохотные, рыжие в свете огня летучие мыши. Они проносились совсем близко у лица, однако, ни разу не дотронувшись до него, упархивали и забивались в свои трещины.

Скальный разлом вывел в пещеры — трещины исчезли, уступив место плавно перетекающим одна в другую стенам с полукруглым волнистым потолком.

— Это рукотворные пещеры, — заметил Йорвет, — кто-то отшлифовал и сгладил камень.

Изгибистые формы стен плавно следовали пластам породы, будто древние строители желали сохранить все наплывы камня, всю изначальную причудливость пещер. Местами в полу виднелись непонятного назначения углубления: высверленные дыры диаметром с руку и округлые чаши размером с котёл. Потолок был чёрным от копоти.

Кое-где на стенах виднелись наскальные рисунки, но уголь почти стёрся. На одном панно я углядела похожих на древнеегипетские фигурки человекоподобных существ с волчьими головами, которые палками гнали в горы стадо круторогих буйволов. На другом несколько этих же существ держали в руках молотки и долота и выдалбливали камень. Помимо следов деятельности древних жителей, нам стали попадаться вещи современных путников — выброшенные растрескавшиеся ящики, битые бутылки, обрывки кожи и ветоши. Йорвет нашел не прогоревший до конца факел и взял с собой. Местами вбок отходили неглубокие тупиковые проходы, наверное, служившие раньше жилищами. На полу там валялись остатки деревянных настилов, которые потом разломали на топливо.

Коридор вывел в просторную по ощущениям, округлую с волнообразными стенами пещеру. Факел освещал лишь пяточок каменного пола у входа и громоздкую жестяную горелку, наполненную маслом. Медальон завибрировал. Я прислушалась — здесь не было ни одной живой души, однако медальон продолжал дёргать цепочку.

— Что-то тут не так, — сказала я и зажгла горелку.

Та жарко вспыхнула, и оказалось, что первоначальное ощущение пустоты пещеры обмануло нас — свет выхватил очертания лежащих на полу тел, разбросанные тут и там вещи и сгрудившиеся в центре ящики и мешки. Йорвет выругался, дёрнул меня за руку, вытаскивая из пещеры, но тщетно — прохода, через который мы вошли, больше не было, и мы с размаху вlepились в шершавую стену. Медальон плясал на шее.

— Иллюзия, которая работает только в одну сторону! — воскликнула я.

— Назад пути нет, — мрачно произнёс Йорвет. — Судя по трупам, мы в ловушке. Я вижу на той стороне ещё одну горелку.

Эльф с факелом направился к ней, я же присела у ближайшего тела. Лохматый бородатый мужчина лежал на животе, вытянув руку, будто пытался достать что-то. Плоть давно выели насекомые и грызуны, кожа на голых руках и ногах была высушена. Он был похож на одного из тех каннибалов, которых мы встречали на Пустошах: был бос, тело прикрывали обрывки полотняных штанов и рубаха из грубого холста.

— Иди сюда! — крикнул Йорвет с другого конца пещеры.

Я направилась к нему, обходя трупы таких же оборванцев. Я насчитала их девять. Все они лежали в позах подобно спящим или прилегшим отдохнуть, и ни на одном я не заметила никаких следов насильственной смерти. К центру пещеры медальон успокоился, но запрыгал опять, как только я стала подходить к Йорвету, который стоял у второй зажжённой горелки,

прислонив к стене ухо. У его ног лежал десятый оборванец, иссушенными пальцами впившийся в пол.

— Оттуда идёт воздух, — сказал Иорвет.

Я прижала рвущийся на цепочке медальон к груди и приблизила лицо к камню. В лицо дуло, будто никакой стены не было.

— Выход тоже закрыт иллюзией...

Иорвет разразился тирадой, обратив взгляд в высокий прокопчённый потолок. Вполне разделяя его эмоции, какой-то отстранённой частью мозга я осознала, что мой словарный запас обценной лексики Старшей Речи настолько расширился, что я поняла все многоэтажные конструкции кто, кого и как долго практически дословно.

— Из огня, да в полымя, — пробормотала я, оглядывая замкнутую пещеру, которую теперь было видно от края до края.

Потом двинулась по периметру, касаясь стены рукой. Под сапогами хрустели скелеты мышей и высушенные панцири насекомых. У первой горелки у закрытого иллюзией входа медальон задрожал, но успокоился, когда я прошла мимо. Сделав полный круг, я вернулась к Иорвету.

— Одностороннюю иллюзию можно наложить снаружи? — спросил он.

— Понятия не имею, — призналась я. — Будем надеяться, что нет.

— Тогда решение где-то тут, внутри пещеры.

— Интересно, что здесь произошло... — я направилась к заколоченным ящикам, стоявших аккуратным штабелем.

Невдалеке валялся единственный взломанный. Иорвет поднёс факел, откинул крышку. Внутри лежали мешочки, набитые будто бы мукой, покрытые тонкой белой пылью. Эльф растёр между пальцами щепотку порошка, осторожно лизнул.

— Фисштех, — произнёс он. — Контрабандисты.

— Но фисштех же делают на Севере!

— Они везли его в Зерриканию. А тут должны были встретиться с заказчиком.

Он поднял факел, огляделся и широким шагом направился к паре бурых мешков, сваленных невдалеке. Я пошла следом. Медальон дрогнул.

— А вот и он, — Иорвет обогнул кучу и присел около трупа, полубоком приваленному к одному из мешков.

Вероятно, когда-то это был человек весьма примечательной наружности. На голове по-пиратски был повязан светлый платок, длинные концы которого ложились на плечи. Смуглое лицо украшала аккуратная борода клином, и ещё один объёмный платок с бахромой был намотан вокруг шеи, прикрывая грудь. Некогда могучие бицепсы иссохли, превратились в обтянутые кожей кости, и на локти мертвеца сползли массивные браслеты. Широкие штаны были заправлены в сапоги с загнутыми вверх носами, а ножны, притороченные к поясу, были пусты. Медальон пульсировал.

— От него идёт магия, — сказала я и осторожно протянула руки, пытаясь найти источник.

— Давай положим его, — Иорвет взялся за плечи покойника.

Тот легко соскользнул с мешка и завалился на бок. Из его спины торчал нож.

Иорвет уже вспарывал мешки.

— Афиум, — с брезгливостью в голосе произнёс он. — Встретились жаба с гадюкой...

— Что это?

— Зерриканское дерьмище для аристократов, раз в десять дороже, чем фисштех. На Севере встретишь только в самых богатых домах, да у высших вампиров он в почёте. Из-за него я двух бойцов потерял, — с ненавистью добавил он и отпихнул мешок. — В этой пещере контрабандисты должны были обменяться товаром.

— Но каннибалы передумали делиться, — предположила я и аккуратно размотала шарф на шее зерриканца.

Под ним обнаружился кожаный жилет. Я сосредоточилась — импульс шёл из-под него. Срезала ножом тесёмки по бокам и отвернула толстую кожу. Иорвет уже помогал мне, перехватив полу жилета, пока я ощупывала подкладку.

— Там что-то вшито... — взрезав ткань, я достала тонкий блокнот в кожаном переплёте.

Глаза ослепила голубоватая вспышка. Над головой труп взметнулся вихрь, сплёлся в полупрозрачное тело покойного зерриканца, который выхватил с пояса саблю и бросился на нас. Я успела вытянуть руку с Ирденем и отскочила, на ходу доставая серебряный меч. Иорвет уже рубил запутавшегося в ловушке призрака. Я взмахнула Розой Шаэрраведда — клинок, задрожав в руках, с усилием распорол неподатливую сотканную из света субстанцию, и вдоль линии удара призрак вспыхнул голубым. Ещё один удар, и он рассыпался сверкающими искрами.

— Это первое привидение, которое я встречаю на пути. Воинственно настроенное, в смысле, — добавила я, вспомнив Аэлирэнн, и вытерла со лба пот.

— Вот и второе.

От головы трупа вновь закурилось сияние, и снова превратилось в призрак того же самого зерриканца. В этот раз он выпустил из руки светящийся шар, который Иорвет, словно в бейсболе, отбил мечом, у меня же опять получилось с нескольких ударов развоплотить призрака, поймав в ловушку. Роза Шаэрраведда, казалось, пела в руках, рассекая призрачную плоть, и делала всю работу за меня.

— Это начинает надоедать, — процедил Иорвет, когда светящийся туман закружился в третий раз.

Я приготовила пальцы для Ирдена и выбросила вперёд руку.

— Говорить! — изо рта призрака вырвался неестественный, словно пропущенный сквозь фильтры звук, такой же неприятный, как скрип пенопласта.

Он успокаивающе выставил перед собой ладони. Мы молчали, приготовив мечи.

— Вы взяли то, что принадлежит мне, — продолжил призрак, и его густые брови сошлись к переносице.

— Это? — я показала блокнот.

В голубом свечении, идущем от призрака, я заметила на обложке вытесненный золотом рисунок сплетённых змей с языками пламени на хвостах.

— Это предназначено Магистру! Я не выполнил поручения, и смерть мне не оправдание.

— И где же твой Магистр? — спросил Иорвет.

— Братья предали меня! — призрак заломил руки. — Не приходи на встречу! И жалкие бандиты воспользовались моментом, но я отомстил, отомстил! Никто не смеет оскорблять Умута ас-Сафу безнаказанно!

— Ты мёртв, — голос Иорвета был подобен стали.

Ловушка, опутывавшая призрака, исчезла, он потёр руки, и я приготовила Ирден.

— Не нужно! — он опять выставил ладони. — Умуг построил капкан для крыс, ждал три года, но никто не пришёл. Мои братья не вернулись за мной. О, я знаю, это Мавла... Он метил на моё место...

— Иллюзии наложил ты?

— Капкан для крыс... Для больших двуногих крыс... Но никто не пришёл ни с той, ни с этой стороны, — ответил призрак. — Они думали, что заберут товар, ограбят меня и сбегут. Но я наблюдал, как жажда высасывает их, как помутняется рассудок. Они приняли Белую Смерть с Севера... Я бы выбрал Сон Богов.

— Сними иллюзию, и мы вернём тебе твою вещь.

— Вещь предназначена Магистру, — снова повторил он. — Кто вы?

— Мы простые путешественники.

Призрак оглядел нас и неожиданно зашёлся гулким хохотом.

— Простые путешественники... — он захохотал снова. Резко замолчал. — Я не могу уйти, не выполнив поручения моего Учителя.

— Открой выход, и мы выполним, — в голосе Иорвета зазвучали подкупающе вкрадчивые нотки.

Призрак сжал кулаки так сильно, что на голых руках выступили бугры мышц.

— Поклянитесь!

— Э, нет, сперва обговорим условия сделки.

Наш собеседник глубоко задумался, склонив обмотанную платком голову, и исподлобья поочерёдно рассматривал нас. Потом коротко кивнул и заговорил:

— Я, Умуг ас-Сафа, высший маг Чистого Братства, клянусь, что сниму наложенные мной иллюзии, если взамен вы принесёте клятву, что найдёте Магистра — верховного мага Чистого братства Харуна аз-Занджани — и передадите ему мою вещь.

Я сунула левую руку в карман.

— Звучит справедливо. Я клянусь, — сказал Иорвет.

— Клянусь, — повторила я.

Призрак вскинул руки, совершая в воздухе пассы, и мгновенно, без вспышек и фейерверков, исчез. На его месте блёстками осыпалась пыль. А там, где свет жаровни подсвечивал стену, теперь чернел коридор.

— Этого нам ещё не хватало, — недовольно проворчал Иорвет.

— Я держала фигу в кармане.

— А я скрестил пальцы, — сказал он.

Отстегнув пряжки на сумке, я достала мешочек с ведьмачьими принадлежностями и эликсирами. Несмотря на фигу и скрещенные пальцы, принесённая нами клятва растревожила меня. Это в нашем мире клятвы не более чем слова. А вот в этом, да данные мёртвому чародею...

— А как думаешь, этого достаточно?

— Не знаю, слишком легко он нам поверил, — раздражённо ответил Иорвет. — Предпочитаю вообще не давать клятв, чтобы нечего было нарушать. Но у нас не было выбора.

Мешки с афиумом он подтащил к ящикам с фисштехом, поднёс факел:

— Давай выметаться отсюда.

Сухие мешки вспыхнули мгновенно, и мы поспешили прочь от стелившегося ядовитого дыма подальше от пещеры-ловушки. Наши кошельки отяжелели от зерриканских монет,

собранных по карманам мертвецов, которые, в свою очередь, обчистили убитого ими Умута. От этого, а также от факта, что я, следуя заветам Весемира, аккуратно собрала кисточкой призрачную пыль в мешочек, меня распирало ощущение, что теперь-то я уж совсем-совсем точно настоящая ведьмачка. Не знаю, обчищал ли трупы реальный Геральт, но в игре это было совершенно нормальным. Да и тут тоже, судя по довольной физиономии эльфа.

Наконец, плавные коридоры упёрлись в выход, приваленный каменными плитами мегалитического размера, между которыми пробивался дневной свет.

— Вот почему к чародею за три года никто не пришёл! — Иорвет чертыхнулся и ударил кулаком в перчатке по камню.

— А с Севера путь заблокировали тростниковые люди... Между плитами есть щель, мы можем пройти сквозь неё по изнанке, — сказала я, вспомнив, как легко Иорвет стряхнул браслеты наручников в Ард Доле.

И вновь чёрно-белый мир поглотил нас. Как попавшие между текстур персонажи, мы легко просочились на другую сторону. Перевал остался позади.

К вечеру мы вышли к покинутому нильфгаардскому лагерю на самом краю гор. Он стоял на высокой площадке, и единственную тропу, ведущую к нему, преграждал частокол. Дощатые ворота были открыты. С площадки открывался вид на румяную в лучах заката пустыню и красные скалы с боков. На ветру хлопали полотнища чёрных палаток с вышитыми выгоревшими белыми солнцами. Между палатками стоял сколоченный скучающими солдатами массивный деревянный стол с лавками, а за ним, прямо на краю площадки, будто бассейн на крыше пятизвёздочного отеля, синела вода естественного водоёма, от поверхности которого поднимался пар.

По дороге сюда, далеко внизу от засыпанной красной скальной пылью тропы, мы видели яркие бирюзовые озерца, но я могла только мечтать о том, чтобы окунуться в них. Теперь же у нас было своё, персональное, и в лагере, защищённом со всех сторон. Иорвет закрыл изнутри ворота на засов.

Я сбросила на стол сумку и осточертевшую раскалённую куртку. В палатках скопились насекомые, а в углу командирской свернулся клубок из песчаных удавчиков. Иорвет точными ударами меча обезглавил их.

— Сегодня нас ждёт королевский ужин, — сказал он.

— И я знаю свой план на вечер, — мой взгляд задержался на брошенных нильфами ящиках, на досках которых был выжжен туссентский герб из лозы с тяжёлыми гроздьями винограда.

Солнце уже скрылось за горами, спустился бархатный вечер, как бывает на юге. Зной отступил, но прохлада ещё не пришла, камни отдавали тепло, и начали стрекотать цикады. Иорвет привязал к ветвям сухого корявого дерева обезглавленных змей и методично сдирал с них чулком кожу. Я предпочла не наблюдать за процессом, а прилепила на стол и зажгла найденный в палатке расплавленный слипшийся ком свечей. Достала из сумки блокнот Умута. Медальон мгновенно среагировал. Открыв блокнот, я с удивлением уставилась внутрь — он был пуст. Я повертела в руках тиснёную золочёным змеиным гербом кожаную обложку, попробовала отыскать секретные карманы, осмотрела со всех сторон и убрала обратно в сумку. Судя по реакции медальона, блокнот был зачарован — бывший чародей Чистого братства и по совместительству наркоторговец Умут ас-Сафа позаботился, чтобы содержимое не попало в руки непосвящённых.

Расколотив на доски найденные ящики, я сложила костёр. А когда тьма окончательно поглотила лагерь, не в силах больше сдерживаться, торопливо стянула одежду и упала в тёплую, чёрную в ночи воду.

Вся пыльная дорога, весь знойный день и копоть от факелов стоили того, чтобы сейчас каждой клеткой чувствовать блаженство от ласкающей кожу воды. Я переплыла бассейн туда-обратно — на это хватило пары гребков — и, положив голову на бортик из камней, устроилась с видом на уходящую во тьму пустыню. Тело зависало в воде и медленно опускалось на дно, и я бултыхала ногами, чтобы опять подняться.

В десятке шагов позади меня Иорвет прилаживал на углях змеиное мясо на шпажках. Красноватое мерцание углей да свечи на столе были единственными источниками света. А на глубоком чёрном небе всё ярче разгорались звёзды. Они казались огромными и близкими и пульсировали в поднимавшемся от пустыни тёплом воздухе. Нигде на Севере, даже в Каэр Морхене, я не видала таких звёзд. Ниточка созвездия Сколопендры сдвинулась почти к горизонту, и широкой яркой дорожкой небо разделялось на половины Слезами Мелитэле — аналогом нашего Млечного Пути в этом мире.

Иорвет обернулся на плеск и скрылся из видимости света костра. Я вздохнула и опять засмотрелась на звёзды, размышляя о том, что поезд моей любви окончательно сошёл с рельс. Как будто из всей моей старательно сколоченной из говна и палок брони выдернули шпильку, на которой она держалась, и наросшие шипы и щитки, кое-как защищавшие меня от любви к нему, безвольно развалились в стороны. Эскель ушёл, принадлежавшая ему половина сердца опустела, а в той потаённой части, где я прятала свои чувства к Иорвету, словно взрывом снесло перегородку, и эти чувства вырвались и затопили всё моё бедное сердце целиком.

— Мой особый дар — невозможные отношения, — сказала я звёздам.

— Что? — произнёс над ухом его голос.

Иорвет уселся за моей спиной, привалившись к бортику каменного бассейна, и протягивал мне шпажку с мясом.

— Вкусно, никогда бы не подумала, что это змея, — сказала я и вернула ему шпажку, — что-то между рыбой и курицей.

— Вот это тоже неплохо, — и он поставил на камень початую бутылку вина. — Так что ты там говорила?

Я сделала глоток. Вино было таким же бархатистым, чёрным и терпким, как разлившаяся вокруг ночь.

— Я говорила, что это очень романтично, — я придала голосу оттенок иронии, чтобы он не заподозрил, что я говорю серьёзно. — Звёзды эти, вино в ванне, свечей только не хватает.

— Принести? — насмешливо спросил Иорвет.

— Нет! — спохватилась я, подумав, что чернота воды и темнота, скрывавшие моё нагое, превратившееся в сгусток тактильных ощущений тело, были единственной хрупкой защитой от расшатавшихся желаний.

Иорвет прилёг затылком на бортик со своей стороны и смотрел на звёзды. В темноте его не было видно, но он был так близко, что уху было тепло, и от него пахло дымом костра и чем-то едва уловимым, но уже таким мне знакомым. Запах весеннего леса. Не того леса, едва пробуждающегося после зимнего сна, а буйного, радостного, животного и хищного, чувствующего свою молодую силу. Я шумно вздохнула.

— Ты так скучаешь по комфорту? — спросил Йорвет, истолковав мой вздох по-своему.

— Там — нет, здесь — да. Я всегда скучаю по тому, чего нет. И чего не может быть, — добавила я едва слышно. — Разве у тебя не так же?

— Я не скучаю по тому, чего нет. Но иногда, — он выделил голосом последнее слово и помолчал, — иногда скучаю по тому, что было.

Что было... Перед глазами вспыхнула комната в свечах, моя спина прижата к двери, его руки скользят по шёлку, а запретные теперь губы так близки и так доступны. Я едва сдержалась, чтобы не застонать. К чему эти иллюзии? За сотню лет у него найдётся о чём заскучать и без этого. Из груди вырвался невесёлый смех.

— Это потому, что ты старый, — я попыталась вывернуться, чтобы он не распознал ход моих мыслей.

— Эльфы не стареют, — его горячее дыхание коснулось моего уха, а в голосе в следующий миг появился лёд: — В отличие от вас, dh'oine.

Он порывисто встал и ушёл к костру. Я с головой погрузилась под воду. А вынырнув, протянула руку к бутылке. Самое главное в жизни — следовать своему плану.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Глупи, пока молодой

Омерзительно яркий луч солнца, всплывшего над пустыней, впился в глаз. Я вылезла из-под шкуры, Иорвет ещё спал. Он лежал по другую сторону костра, скрючившись и целиком забравшись под одеяло, и наружу торчала только прядь тёмных волос. Ночью похолодало. «Так ему и надо, пусть мёрзнет, раз не умеет греться, как нормальные люди, — мстительно подумала я. — Эльфы живучие, и более того — долгоживучие...»

Блестели выступившие за ночь бусинки росы, в лучах низкого оранжевого солнца над скалами парило. Раннее утро было прохладным, но с каждой минутой становилось ясно, что это ненадолго. Я уселась за стол, разложила куртку из кожи виверны и приступила к задуманной накануне переделке, аккуратно высвобождая прикреплённую ремешками кольчугу и отстёгивая щитки. Потом достала из сумки джинсы и чёрную футболку, которые так и таскала с собой, и принялась мечом отпиливать джинсовые штанины. Длинную майку кольчуги я надела прямо поверх футболки, натянула сапоги и свежее испечённые шорты и застегнула ремни щитков на руках и ногах. Низко надвинула на лоб шляпу и решила, что мой новый зерриканский образ готов. По ощущениям я походила на скейлера в полной защите или ведьмачку с Дикого Запада, если бы такие существовали, и хотела почувствовать себя другим человеком. Это было бы весьма кстати — на душе было отвратно. Роса на камнях высохла в побелевшем утреннем солнце, и от прохлады не осталось и следа.

Иорвет распрямылся под одеялом, а потом сбросил его и, усевшись, наблюдал, как я один за другим надевала пояс и ремни перевязей.

— Ты думаешь, что твоя кожа прочнее шкуры виверны? — наконец, прокомментировал он, рассматривая мой инопланетный прикид из футболки с шортами.

— Да, я очень толстокожая, — я отправилась разжигать костёр.

После змеиного завтрака мы пустились в дорогу. С сожалением я оставила мысль захватить с собой бутылку целительного туссентского вина — сумка с вещами изрядно потяжелела от доспехов. Иорвет тоже разоблачился, избавившись от зелёного балахона, но во все остальные слои из рубашки, безрукавки, кольчуги, кирасы, не говоря уже о километровом синем кушаке, замуровался с решительностью партизана, готового умереть, но не сдаться.

Тропа кончилась. Во все стороны расстилалась каменистая пустыня, на которой местами были понатыканы сухие кривые деревья, похожие на саксаулы, и колючие цепкие кусты одревесневшей травы. Солнце палило, и через час я почувствовала жжение по всей моей оголённой по-зеррикански толстокожести. Мы шли к единственному ориентиру — одинокой горе, видимой далеко впереди в слепящей пустыне на фоне слепящего неба, и я пыталась понять причину своего злобного раздражённого состояния и вернуть то вчерашнее замечательное предвкушение перемен и приключений. «Надо меньше пить и томиться в ваннах по напарникам, вот что», — решила в итоге я, вспомнив приконченную бутылку туссентского и тот факт, что я забыла принять эликсиры. Под задумчивым взглядом Иорвета я исправила эту ошибку. Не то чтобы мне полегчало, но досадливое желание взбесить его подсулось, тем более что эльф был непривычно притихшим и грустным.

К горе мы подошли, когда солнце стояло в зените. Я прислонилась к крутой каменной стенке, пытаюсь вжаться в узкую полосу тени. Всегда ненавидела жару. Холод, впрочем, тоже, хотя сейчас казалось, что холод — это лучшее изобретение природы. Иорвет достал из

сумки винную бутылку, выдернул пробку и протянул мне. Я в ужасе замахала руками.

— Вода, — усмехнулся он. — Взял запас.

Сделав глоток, я покатила воду на языке, смочила растрескавшиеся пересохшие губы.

— Куда дальше?

— Это ты скажи, — он опёрся плечом на скалу, скрестил на груди руки.

— Я у тебя прямо как волшебный клубочек. Веду туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

Иорвет устало прикрыл глаз. Осев на землю, я сосредоточилась. Зря он так на меня надеялся. Я пыталась визуализировать образ Исенгрима по той скудной информации, которой обладала, но интуиция была глуха. Роза на шее безмолвствовала, и никакая путеводная звезда не вела меня.

— Обойдём гору слева, — наконец, произнесла я, решив, что в конце концов нет разницы, с какой стороны обходить эту чёртову гору, но слева хотя бы можно было надеяться на призрачное появление тени.

Иорвет с готовностью зашагал вперёд, я поплелась следом.

Пустыня слева, скалы справа, солнце наверху. Тень горы неумолимо надвигалась и уже стабильно прикрывала щиколотки. Я вяло отмахивалась от мух, которые чёрными точками роились на периферии зрения и пропадали, как только я поворачивала голову. Тропа повела между утёсов, и до слуха донеслось далёкое пронзительное квохтание и хлопанье крыльев. Иорвет прибавил шаг, вытащил меч. Я ухватилась за свой, не с первого раза поймав рукоять. Надо попить.

За последним утёсом открылась впадина в теле горы, полукругом обрамлённая отвесными стенами, и высоко вверху, уже почти у вершины, вокруг чего-то, что мы пока не видели, огромными рыжими осами роились пустынные гарпии.

— Готова? — Иорвет обернулся ко мне. — Ты в порядке?

Гарпии заметили нас, и стая, сорвавшись со склона, устремилась в нашу сторону.

— В порядке?! — заорал он.

— Да! — глядя на увеличивающиеся, как в замедленной съёмке, силуэты гарпий, ответила я, убирая флягу. Глоток воды придал сил. Роза Шаэрраведда лежала в руке ладно и жаждала крови.

В каком-то мерцающем полусне я взмахивала мечом, вокруг мельтешили и кричали женщины-птицы, я сшибала их пачками Аардом, и Иорвет добивал на земле одну за другой. Я покачивалась в трансе и всё ещё держала в руках меч, когда чудовищ больше не осталось, а Иорвет подхватил под спину. Роза Шаэрраведда упала в песок, на месте лица эльфа, прижимающего меня к себе,плыли пятна, и казалось, что виверна ещё треплет меня, а потом пятна сложились в лицо Эскеля, который говорил: «Держись, Яна».

— Ты был прав, Эскель, тысячу раз прав, — виновато сказала ему я, и свет отрубился.

Руки и ноги покрылись корками льда. Лицо оведал нежный ветерок. Я приоткрыла глаз — на корточках передо мной сидел Иорвет и махал моей шляпой. Волосы были мокрыми, по косе за шиворот стекала вода.

— Тапио молодец! — раздался самодовольный басок, и я открыла второй глаз.

Из-за спины Иорвета, благожелательно тараща из-под глубокого капюшона глаза на круглом, похожем на хоббитское и покрытом кровоточащими царапинами и ссадинами

лице, выглядывало существо, ростом едва ли не ниже сидящего эльфа.

— Как ты? — спросил Йорвет.

— Замёрзла, — сгоревшие на солнце оголённые части рук и ног оказались покрытыми густым слоем охлаждающей, как ментол, бело-жёлтой мази, по запаху походившей на давно прокисшую сметану. Рядом на земле лежали снятые щитки.

— Это хорошо, — улыбнулся Йорвет.

Существо шагнуло вперёд и протянуло мне крохотную ладонь, покрытую с тыльной стороны гладким мехом. Другой рукой оно прижимало к груди шевелящийся тряпичный свёрток.

— Молоко тия. Хорошо, когда жара удар.

— Спасибо, — я осторожно пожала миниатюрную руку, заметив на шерсти следы крови, и вопросительно посмотрела на Йорвета.

— Пока ты отдыхала в тени, я познакомился с Тапио, он помог тебя откачать.

— Большой человек спас! — Тапио указал вверх на скалы, и капюшон упал с излучающего доброжелательность безволосого лица, обрамленного такой же, как на руках, гладкой бежевой шерстью.

В вышине, с уступа, над которым виднелись ветки гнезда гарпии, свисала верёвка.

— Я не человек, я — эльф, — недовольно поправил Йорвет.

— Да, да, — кивал Тапио. — Большой человек пустил стрелу с верёвкой, и Тапио спустился.

Он нежно погладил свёрток в руках, и оттуда высунулся подвижный розовый нос. Тапио любовно отвернул тряпицу — на руках у него щурился совсем безволосый детёныш животного, похожий на сморщенного бегемотика. Детёныш пошевелил толстенными, мощными, как у крота, передними лапами с длинными прозрачными когтями и зарылся носом обратно в тряпки.

— Мой тиль! — гордо произнес Тапио. — Теперь жена могу, дом могу.

Пока я понемногу приходила в себя после теплового удара, Йорвет пересказал то, что узнал от нашего нового знакомого. Всеобщий давался Тапио с трудом, и он больше кивал и поддакивал, однако отдельно подчеркнул, что в его деревне владеют нашим языком лишь он да старейшина племени.

Оказалось, что вчера ночью Тапио пришёл к горе Синнита, что в переводе с его языка значит «рождающая», чтобы испытать судьбу. Как и все мужчины племени, желающие завести собственную семью, он должен был заночевать у подножья горы — там, где начинались запутанные подземные ходы животных, которых тиллики — народ Тапио — называли тиями. Если детёныш тия выйдет к своему будущему хозяину, испытание будет пройдено, и, значит, после того как детёныш подрастёт и пройдёт курс дрессировки, мужчина сможет жениться и построить дом. Тиль в семейном хозяйстве — это лошадь, корова и бригада плотников вместе взятые. Их доят, мощными лапами они роют норы — жилища для своих хозяев, а по поверхности эти животные передвигаются проворнее бегущего взрослого тиллика.

Тапио прождал всю ночь и уже было отчаялся. Он до ужаса боялся гарпий, обитающих на горе. Ночью-то ещё ничего, чудовища спали, но днём совсем другое дело. Не один и не два тиллика окончили свои дни в их гнёздах, так и не дождавшись своего тия. Утро наступило, потом и день, но Тапио не уходил. Он видел гарпий, круживших в вышине в поисках змей и неосторожных грызунов, он вжимался во впадинку у подошвы скалы, в своей

песочного цвета мантии не отличаясь от камня, и неотрывно смотрел на неприметную кучку земли, откуда начинался кротовый ход. Незадолго до полудня его упорство было вознаграждено, и маленький тиль выполз на поверхность. Гарпии заметили их и затащили Тапио в гнездо, и до самого нашего вмешательства храбрый тиллик отмахивался ножом и защищал малыша.

— Тапио молодой, чтобы жениться, но очень смелый!

Я улыбнулась ему, юный тиллик горделиво выпятил грудь. Поднявшись на ноги, я осторожно покачала головой из стороны в сторону. Чудотворная мазь из молока тилиа холодила, мухи перед глазами исчезли.

— Твои знаки работали мощнее, чем раньше, — полувопросительно сказал Йорвет, показывая рукой на тела гарпий, разбросанные вокруг.

Я пожала плечами. Маленький тиллик перевязал на спину свёрток с детёнышем, достал нож из-под полы мантии, в которую был закутан с головы до пят, и засеменял к трупам.

— Когти — ценно. Буду богатый. Буду в Совете Мудрых.

Остановившись у ближайшей гарпии, я выдернула из крыла огненно-рыжее прямое перо и вставила за ленту шляпы. Йорвет присел около соседней — крупного экземпляра с мощным зазубренным клювом и спутанной копной медных волос.

— Ты взяла неправильное перо, — произнёс он, перебирая пальцами перья на крыле. — Оно не твоё.

— Какая разница?

Он, наконец, нашёл под крылом то, что искал, и выдернул другое перо. Оно переливалось от золотого к тёмно-рыжему и оканчивалось лихим завитком.

— Большая разница, — Йорвет отставил руку в сторону, и на лёгком веющем ветру затрепыхались, завибрировали тонкие пушистые бородки. Перо будто ожило. — Вот это — твоё.

Я растерялась, взяла протянутое перо и поменяла со своим. Казалось, что произошло нечто важное, но я совершенно не могла понять, что именно. Лицо Йорвета было спокойным и сосредоточенным и не обнаруживало ни единого признака теплового удара. Тем временем он выдернул из хвоста гарпии стремительное и слегка загнутое, как ятаган, перо и заправил под ремень повязки за ухо.

— Наш друг, похоже, решил, что ему нужны абсолютно все когти абсолютно всех гарпий.

Так оно и было. Охваченный золотой лихорадкой, Тапио перебежал от одной гарпии к другой и решительно кромсал трупы. Ничего не оставалось, как помочь ему — мы хотели добраться до деревни тилликов вместе. Я устроилась в тени, которую, словно скупую милостыню, бросала гора, и пристегнула обратно щитки. Краснота спала с обожжённой кожи, а тилликская мазь впиталась и, к счастью, перестала пахнуть. Я принялась очищать длинные, с ладонь, когти от лишней плоти и складывать их в мешок Тапио, огромный даже по меркам Большого Человека.

— Пришли, — сказал Тапио, пощекотал на животе свёрток с тилем и скинул со спины тяжёлый мешок.

Гора осталась далеко позади, поднявшийся ветер гнал по земле пыльно-песчаную взвесь. Вокруг не было ни единого признака жилья — всё та же красноватая каменистая пустыня и подрагивающие на ветру колючки. Я сосредоточилась — из-под ног шло

ощущение густонаселённого города. Тапио достал из кармана короткий рожок, прислонил к ничем не примечательному камню. Рожок завибрировал, запищал, как детская резиновая игрушка, и в миг безжизненная пустыня преобразилась. Тут и там с хлопками откидывались замаскированные люки, и на поверхность шустро вылезали обитатели деревни. Они были одеты в такие же, как у Тапио, длинные, скрывавшие ноги мантии, и скоро я потеряла нашего друга в закрутившемся водовороте капюшонов, которые гомонили, галдели и с невероятной скоростью тараторили на своём языке. По всей вероятности, тиллики были дальними родственниками низушков с Севера, напоминая их приветливыми округлыми чертами лица и сложением фигуры. Правда, тиллики были ниже ростом и тела их покрывала мягкая шерсть, которой низушки не обладали.

Вдалеке отхлопнулся ещё один люк, и из него дельфином вынырнуло чёрное существо. На спине разогнулся всадник и в клубах пыли направился к нам. Жители почтительно расступились, и около Тапио осталась лишь молоденькая девушка, которую он взял за руку. Чёрное существо размером с крупную собаку оказалось взрослым тилем: те же мощные когтистые передние лапы, то же бегемотье тело со складчатой мордой, покрытое гладкой блестящей шерстью. С его спины слез тиллик, откинул капюшон с белоснежно-седой головы. Показав ему детёныша, Тапио доверительно передал свёрток в руки девушки. Я решила, что это его невеста — её округлое мягкое лицо светилось радостью, и она с нежностью провела пальчиками по исцарапанной физиономии Тапио.

— Мой тиль, — сказал тот на всеобщем, обращаясь к пожилому тиллику, и махнул в нашу сторону рукой. — Мои друзья. Помогли. Мои когти.

Развязав мешок, он победоносно вскинул коготь гарпии. Тиллики восторженно ахнули. Седой старейшина подошёл к Тапио и вдруг, ухватив за ворот, принялся охаживать растопыренной пятерней пониже спины и отвешивать подзатыльники. Из мантии Тапио при каждом шлепке по ветру летела пыль, он извивался и жалобным голосом просил пощады. Невеста Тапио плакала, спрятав лицо в ладошках. Закончив, старейшина удовлетворённо крякнул и подошёл к нам.

— Мы думали, что потеряли Тапио, — неожиданным басом произнёс он и улыбнулся. — Давно мы не видели людей с той стороны гор. Мауно.

Склонившись, я пожала протянутую хваткую руку. Тапио отряхнулся и как ни в чём не бывало затараторил, пересказывая свои приключения. Он махал руками, демонстрировал, как Иорвет запустил стрелу, делал страшное лицо и разводил руки широко в стороны, вероятно показывая, какого размера были глаза у гарпий. Порывы ветра усилились. Мауно неторопливо залез обратно на спину своего теля.

— Буря идёт, надо поесть, — он махнул рукой, чтобы мы следовали за ним.

Я оглянулась — Тапио вместе с невестой опускали в один из люков мешок с добычей. Тиллик, казалось, забыл про нас. Иорвет уже шёл за старейшиной.

— Нам повезло, что мы встретили Тапио, — сказал он, — ты выбрала правильную дорогу.

Я не стала отвечать, каким способом выбрала наш путь. Ветер свистел, в глазах щипал песок, и в клубах пыли можно было рассмотреть только землю под ногами. Я схватила Иорвета под руку, он прижал локтем мою ладонь и тянул нас за едва различимым чёрным тилем Мауно. Наконец, тиль нырнул в люк, я спустилась за ним, а следом просочился и Иорвет, которому пришлось снять лук и рюкзак с вещами и поднять руки, словно он влезал в узкое платье. Крышка захлопнулась за нами, и наступила тишина.

Нору освещал неяркий желтоватый свет. Когда слезящиеся от пыли глаза привыкли к полумраку, стало заметно, что свет идёт от покрывавшего стены мха. Чтобы не задевать головой потолок, я сняла шляпу, задышала и, сопротивляясь приступу клаустрофобии, сосредоточилась взглядом на полу. Рядом, согнувшись и заполонив собой всё пространство, замер Йорвет. Мауно махнул рукой в угол, и, сталкиваясь локтями и плечами, мы втиснулись на рогожки, сложенные у стены. Низкая для нашего роста нора оказалась узкой, но длинной — мы могли свободно вытянуть ноги и не мешали хлопотавшему старейшине. По периметру были разложены полосатые коврики, а у противоположной стены под бурым скоплением грибов, похожих на те, что растут на деревьях, стоял глиняный кувшин. Из подземной комнаты в стороны уводили коридоры. В них я старалась не смотреть — перед глазами тотчас вставал лаз, в котором я застряла в пещере Михала-Великана. В норе не было душно — из коридоров тянуло тёплым воздухом, пахнущим кислым молоком. Я задумалась, насколько огромной и разветвлённой, вероятно, была тилликская система нор. Мауно скрылся в коридоре, лишь слегка пригнув голову.

— Может, удастся разузнать что-нибудь, — тихо сказал Йорвет.

— И поесть, — мечтательно дополнила я.

Он хмыкнул. Мауно появился из тоннеля в сопровождении тилликов. Один поставил перед нами кувшин с водой, другой водрузил в центре комнаты крохотный табурет, а третий опустил на пол поднос с глиняным графином и тремя миниатюрными чашками. Старейшина потёр руки и торжественно уселся на табурет.

— Нет еды, нет радости, — произнёс он. — А нет гостей, нет счастья.

Он, казалось, и впрямь был рад нам. Круглое лицо сияло, и не верилось, что несколько минут назад при всём народе он сердито отшлёпал Тапио. Было очень странно и уютно сидеть в узком земляном мешке где-то на краю земли, когда наверху свистел ветер, а рядом крохотное шерстяное существо, подобных которому я видела разве что в фантастических фильмах, хлопотало, привечало и разливало по чашечкам беловатую жидкость.

Йорвет поджал под себя ноги и взял протянутую чашку. Мутная жидкость без запаха оказалась самогоном.

— С тех пор как Хранительницы закрыли путь на перевал, никто не ходит, — произнёс Мауно.

— Почему закрыли путь? — спросил Йорвет.

Старейшина вздохнул.

— Война была. Были люди из-за гор, были чародеи, были тростниковые люди. А потом никого не стало. Стали мы жить, как деды жили. Только вот арак выпить не с кем.

Он опрокинул в себя чашку, фыркнул. Я заметила, как из грибницы на стене в кувшин упала капля воды.

— Не проходил ли тут четыре зимы назад... человек, — это слово далось Йорвету с трудом, — с такими ушами, как у меня? Со шрамами на лице?

— Много кто ходил, да вы же, люди, все на одно лицо! Всех не упомнишь. Были и со шрамами, и без рук. А некоторым так и голова бы не помешала. А что он вам?

— Это... мой брат, — ответил Йорвет. — Куда он мог пойти дальше?

— В дне пути касба стоит, — старейшина задумался, подбирая слова, — крепость, по-вашему. Шала. Если в пустыне не заплутал он, то мимо бы не прошёл. Несколько зим назад чародеи её захватили, резня была. Если твой брат успел раньше, то, может, и обошлось. А

после — никто не мог пройти. Страшные люди. Мы уж думали уходить из этих мест — да как уйдёшь от горы Синнита? Лишь там тили рождаются, а тиллику без тилиа жизни нет.

Я достала из сумки блокнот Умута, показала Мауно, тот отпрянул.

— Дрянная вещь. Дрянные люди. Держитесь от них подальше.

— Кому сейчас принадлежит касба Шала? — спросил Иорвет.

— Хранительницам. Спасли нас от чародеев, да только путь на ту сторону гор перекрыли. Поговаривают, что новый путь нашли, далеко на юге. Может, оно и к лучшему... много чего несли с дальних земель, что молодёжи не на пользу. Мой дед был бы рад. И я должен быть рад. Да только просит душа знать, как оно там, в большом мире. Странники вроде вас, бывало, арака выпьют, расскажут. Караваны из столицы ходили, купцы с товарами. А теперь мы сами по себе. Даже табак закончился.

Иорвет отвязал с пояса кисет и пересыпал в тряпицу содержимое. Мауно радостно захлопал в ладоши, бережно и с поклоном принял дар.

— Я вам подсоблю, дам письмо для Хранительниц. Суровые они, с письмом-то полегче будет.

Из коридора высунулась любопытная морда тилиа, перекрыв собой проход, послышались окрики и шлепки, и морда втянулась обратно. Тиллики расставляли плоски с едой. На крохотных блюдечках горками лежали поблёскивающие в свете мха надутые гусеницы, глянцево-жирные жуки с оторванными крыльями и подозрительные шарики слизи. Иорвет достал из сумки остатки змеиноного шашлыка и выложил на поднос. Глаза Мауно заблестели, он ухватил кусок одной рукой, а другой подвинул нам тарелку с гусеницами. Я отпрянула, упёршись в монолитное плечо Иорвета, который, выразительно посмотрев на меня, протянул руку, по примеру старейшины сложил пальцы щепоткой и отправил в рот гусеничное угощение. Мауно одобрительно кивнул.

— Я рад, что мой внук вернулся. А ведь сбежал, зараза такая, без спроса. Молод, слишком горяч. Ему бы ещё зим пять подождать, а туда же — жениться! В добрую пору вы рядом оказались.

Мауно подмигнул.

— Хочет в Совет Мудрых. Да только не знает ещё, что становиться мудрым — это больно. Вот я ему и помогаю. А уж как меня дед потчевал! Рука у него была тяжёлая, да и бил чем под руку придётся. Сейчас молодежь жиденьякая пошла, чуть прикрикнешь, уж в слёзы. Но Тапио не таков.

— Он храбро сражался и не сдавался пока мог, — сказал Иорвет.

— Он молодец, язык ваш учил день и ночь, не то что другие охламоны, — с гордостью сказал старейшина. — Только вы ему не говорите, что я его хвалил. Зазнается, а ведь и так хвастун. Глупый совсем, однако без глупости не найдёшь опыта, а без опыта не достичь мудрости.

Мауно захихикал, подмигнул мне.

— Делайте глупости, пока молоды, вот моё слово.

Замолчав, он покачал головой.

— Моё время уходит. Юные хотят быть старейшинами, а не знают, что с ответственностью приходит старость. Сегодня он радуется когтям гарпий, на которые мы купим у песчаников новые чаги, — он показал рукой в сторону кувшина с водой у стены, — а завтра ветер переменится и песчаники разорят нашу деревню. Но это жизнь. Мне надо успеть научить его. Мой дед научил бы быстрее, да я так уже не могу.

Он покачивался на табурете, смотрел сквозь нас. Усталость и тепло от тилликского самогона сморили меня, тесная нора успокаивающе обжимала, словно утроба. Мауно встрепенулся и начал расспрашивать Иорвета о Севере, а я отодвинулась вглубь, привалилась спиной к мшистой стене и слушала о королях и драконах, об эльфах и людях, о войне и так желанном мире. Иорвет отрабатывал долг гостя за обоих. Голоса сплелись в фоновый баюкающий шум, и я задремала.

Я открыла глаза. Тусклый свет мха всё так же освещал нору, я лежала, воткнувшись лбом в колючую кирасу скоя'таэля, вместе с щитками и кольчугами подсунутую мне в изголовье, и на моём боку размеренно поднималась и опускалась тяжёлая рука Иорвета. Очень хотелось не шевелиться и оставить всё как есть навечно, но тело затекло, и нужда требовала своего. Я осторожно вылезла из-под руки — в комнате мы были одни — и, откинув люк специальной палкой, вставила ногу в верёвочную петлю и подтянулась наверх.

Буря улеглась, пустыня сияла в лунном свете словно покрытая льдом, и по рукам и ногам побежали мурашки: снаружи было холодно, изо рта шёл пар. Я присела на камень и, радуясь простору, дышала всеми лёгкими, и глядела в бесконечное небо. Если прищуриться, то казалось, что на горизонте мелькали и разбегались огоньки. Ночной сверчок, потревоженный моим появлением, вновь запилил монотонную песню, в траве неподалёку зашуршали грызуны. Мир спал. Свернувшись в своих норах, спали гостеприимные подземные жители, спали их верные тили, и спал эльф, в наказание или в награду ставший мне самым близким человеком, вернее, эльфом в этом мире.

Я вернулась обратно. Иорвет уже перевернулся на другой бок, и я втиснулась на своё место на шкуре, заметно сузившееся за время моего ухода. Пытаясь удобно уложить руку, которой никак не находилось места, я внутренне боролась с неумолимым завтра, которое так любило окатывать ледяным душем невозможного из ведра горькой правды жизни, и тёплым сейчас, где меня припёрли к стенке и где некуда было деть руку. Глупое сейчас победило, и я удобно пристроила локоть на бок спящего Иорвета. Он шевельнулся во сне, обхватил мою кисть ладонями и прижал к груди, намотав вокруг себя мою руку. Чёрт с ним, с завтра. Я уснула, уткнувшись носом в спину Иорвета и сжимая его в абсолютно дружеских объятиях.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Бейся за меня

Суровое завтра наступило — проснулась я, обнимая свою сумку с вещами. «Всё понятно», — прошептала я и отпихнула сумку. Тиллики снабдили нас запасом воды в дорогу, а Мауно вручил Иорвету записку из непонятных закорючек для Хранительниц и указал направление в сторону крепости — точно на юго-восток, если верить компасу. Последним подошёл попрощаться Тапио. Его невеста опасно обогнула Иорвета по дуге, подбежала ко мне, сунула в руки надутый кожаный мешочек и тут же смущённо юркнула за спину жениха.

— Мазь тия, — важно сказал Тапио, — теперь солнце не ударит.

Его круглое лицо расплылось в улыбке, и тиллики замахали вслед.

И опять вокруг были пустыня, жара и нещадное солнце. Плечи, натёртые кольчугой, болели под тяжкими лямками сумки, живот свело от голода. Иорвет развил такой темп, что я не поспевала за ним. Он уходил далеко вперёд, потом ждал, переминаясь с ноги на ногу, но как только я приближалась на расстояние броска камня, разворачивался и опять кидался прочь. «Всё понятно, — повторила я и ударом сапога отправила подвернувшийся камешек в полёт, — получай по башке своим опытом за свою глупость!» Следуя логике Мауно, оставалось лишь подождать, пока опыт сконвертируется в мудрость, которая, несомненно, подсказала бы, что давно уже пора смириться с невозможным, думать о хорошем и просто наслаждаться туристической прогулкой по экзотической стране.

К полудню я выдохлась и, в очередной раз нагнав Иорвета, бросила сумку на камни.

— Привал! — крикнула я.

Он направился ко мне и остановился на почтительном расстоянии, будто я была больна заразной болезнью. Похлопал по пустому кисету, недовольно сморщился. Я выпила воды, достала мазь от солнца и стала аккуратно обмазывать голую кожу между щитков на руках и ногах.

— Я надеялся, что этот запах останется позади, в норе тилликов, — Иорвет посмотрел на меня тяжёлым взглядом.

Он выбрал не лучший момент для подобных заявлений. Желания оправдываться, что запах у мази пропадёт, и объяснять, что иначе ему придётся нести меня на руках, не было. Я подняла голову.

— Привыкнешь. А лучше просто держись от меня подальше, понятно?

— Именно так я и собираюсь поступать.

— Ну и иди, пустыня большая!

— И на мили вокруг меня никого, кроме dh'oine, — ядовито сказал он и зашагал прочь.

Костеря себя, Иорвета и весь белый свет, я завязала тугим узлом горлышко кожаного мешочка, взвалила сумку и поспешила за ним. Мазь пахла. Мудрость не приходила.

Шаг-другой, шаг-другой. Постепенно внутренний монолог иссяк и мысли испарились, и не осталось ничего, кроме размеренного шага и перестука камней под ногами. Столько дней мы шли пешком, но только теперь, когда я шла одна, я поддалась чувству дороги, впала в медитативное состояние странника. Прошлое исчезло, будущего не было. Забылись цели нашего путешествия, и казалось, что главное — это двигаться, ставить одну ногу впереди другой и делать следующий шаг. Не раздумывать, не сомневаться, не ждать конца пути.

Просто идти вперёд. И монотонная пустыня, в которой не за что было зацепиться взглядом, вдруг начала отвечать взаимностью: то мелькала в сколе камня ярко-красная причудливая жилка, то на дне ямки открывались сияющие на солнце кристаллы соли. Редкий ветерок взвивал вихри пыли, они возникали из ничего, обегали круг в танце и опадали. Спина эльфа маячила впереди на одном и том же расстоянии, и чудилось, что иду я на месте и только пустыня вокруг слегка меняет своё лицо. Однако, когда солнце начало клониться к западу, оказалось, что цепочку Огненных гор вместе с перевалом поглотила сизая дымка, а из низких облаков впереди сложились очертания далёкой крепости.

Иорвет ждал. Его взгляд был обращен за мою спину, а рука лежала на рукояти меча. Я остановилась поодаль. Со стороны гор приближалось облако пыли. Мы молчали. И вот уже из пыли сложились силуэты четырех всадников. Люди. А так хорошо было идти! Иорвет вмиг преодолел зону отчуждения и встал рядом:

— Ждём. Мечи не достаём.

Кони загарцевали вокруг. Наездниками оказались женщины. Я невольно засмотрелась на них — это были те самые легендарные зерриканские воительницы, о которых я читала в книгах. Они хмурили смуглые лица, от уголков миндалевидных чуть раскосых глаз бежали к ушам синие полосы татуировок. Длинные волосы были убраны в высокие хвосты и заплетены в косы, тела закрывали короткие кольчуги, блики плясали на металле наручей. Атаманша резко крикнула что-то, кони остановились. Две зерриканки спрыгнули на землю, сабли напряжённо подрагивали в их руках.

— Не двигаться! — охриплым голосом скомандовала главная, её рыжий конь задрал морду и фыркнул.

Спешившиеся зерриканки ногами отпихнули наши сумки в сторону и склонились над ними. Как грубые таможенники, они вывернули нутро, и по камням покатались пузырьки с эликсирами, выпали доспехи и чистая рубашка. Рядом кучей валялись вещи Иорвета. Медноволосая зерриканка мускулистой рукой ухватила блокнот Умута, и в моё горло упёрлось остриё сабли. У шеи Иорвета держала лезвие совсем молоденькая девушка, однако она так свирепо сдвинула брови, что не оставалось ни капли сомнения в серьёзности её намерений.

— Мешки с кровью становились дырявыми за меньшее, — с угрозой заговорила атаманша. — Отвечать!

— Мы нашли это на перевале, — медовым голосом ответил Иорвет. — Мы идём с той стороны гор в касбу Шала и у нас есть письмо к Хранительницам.

Зерриканка смерила его, словно кобылу, оценивающим взглядом, начиная от красной повязки до пыльных сапог и обратно. Спешилась. На широких, как у атлета-тяжеловеса, плечах играли мускулы. Она подошла вплотную к Иорвету, с возгласом «Ха!» хлопнула себя по ляжкам, пузырившимся рельефными мышцами. Она вообще вся целиком состояла из бицепсов, трицепсов и прочих квадрицепсов. Несмотря на то, что она немного уступала Иорвету в росте, ей удалось смотреть на него сверху вниз. Губы растянулись в опасной, похожей на оскал, улыбке.

— Кто это у нас тут голос подаёт? Молчать! — она обернулась ко мне, и её плоское широкое лицо скривилось, словно я была лимоном. — Пусть она говорит!

Я скосила глаза на саблю, впившуюся в кожу на шее. Лезвие чуть отодвинулось.

— Мы шли с Севера через перевал и нашли это на трупе в пещере, — повторила я слова Иорвета. — Мы идём в касбу Шала и...

— Никто не может пройти через перевал, — перебила она.

— Нам повезло.

Зерриканка задержала взгляд на Йорвете, скользнула по письму Мауно, которое тот держал в руке, и наморщила лоб, видимо производя тяжкий мыслительный процесс. Эльф смотрел ей в глаза. Она моргнула.

— Эотэанерле разберётся!

Она обернулась к своим и скомандовала что-то. Держащая у моего горла саблю зерриканка толкнула в сторону сумки. Пылая от гнева и унижения, я принялась собирать вещи. Рядом тем же самым занимался Йорвет. Мы переглянулись, и он слегка кивнул, будто бы передавая мысль, что не стоит делать резких движений. Одна из женщин приторочила наше оружие к седлу, а вещи закинула в седельную сумку. Грубые окрики, и меня подтолкнули в сторону вороного коня. Я забралась на лошадиный круп, передо мною вскочила рыжая зерриканка, которая потрошила сумку. Конь недовольно вскинул хвост, заржал. Под насмешливыми переглядками остальных атаманша забрала себе Йорвета, который без сантиментов обхватил её за талию, и пустила могучего коня в галоп. Я вцепилась в заднюю луку седла, и мы помчались вслед. Высокие перистые облака расцветились розовым и сине-серым, по лицу хлестала толстая коса. «Как же я соскучилась по Туче!» — вдруг подумала я, несмотря ни на что наслаждаясь бешеной скачкой. Крепость приближалась.

Вымазанные рыжей глиной прямоугольные каменные строения с узкими окнами лепились одно к другому и уползали на склон холма. Мы миновали толстые стены крепости, кони шагом ступали по тесным глиняным улочкам. Стайка босоногих ребятишек в длинных рубахах преследовала нас некоторое время, но главная зерриканка шикнула на них, и те рассыпались в лабиринте разбегавшихся в стороны проулков. Местами мы чуть не задевали головами своды переходов, перекинувшихся через улицу, выныривали из-под натянутых между верхними этажами верёвок с сушившимся бельём, пересекали крохотные площади, где по-вечернему пустовали тряпичные навесы торговцев. Из-за приоткрытых дверей нас провожали взглядами жители, а потом мы опять исчезали в узких проходах-арках между домами. Кони остановились перед массивными полукруглыми двустворчатыми дверьми. Зерриканки на часах перекинулись с нашим конвоем короткими фразами и отворили ворота. Мы спешили.

Выстроенные квадратом дома образовывали крепость внутри крепости. Тенистый двор, усаженный по кругу деревьями с глянцевыми тёмно-зелёными листьями, обрамляла галерея с колоннами и арочными сводами, а посередине бил фонтан, на круглой чаше которого видны были остатки ярко-синей мозаики. Зерриканки провели нас через двор, и предводительница распахнула решётчатую деревянную дверь.

— Ждите! — приказала она.

Из-за занавешенного плотной тканью прохода послышался взрыв женского смеха. Зерриканка откинула полог и скрылась.

Как только она исчезла, трое оставшихся девушек расслабились, забыли о нашем существовании и начали хихикать и перешёптываться. У молоденькой на ещё подростковому пухлых щеках расцветали ямочки, но загорелая рука меж тем привычно лежала на эфесе сабли.

Из-за полога послышался звук скрежетавшей по полу мебели, ткань отодвинулась, и

гигантская командирша позвала нас. По периметру просторной комнаты тянулся подиум с накиданными подушками, наклонные лучи вечернего солнца золотили пол из бело-синей плитки. В середине на низком столике остались брошенными чашки и рассыпанная колода карт, а рядом стояло вытащенное, видать, в честь нашего прихода массивное кресло, на котором непринужденно откинулась зерриканка в леопардовой шкуре. Вокруг неё, по трое с каждой стороны, вытянулись женщины в шароварах до колен и в коротких рубашках, но широкие пояса с ножами, подтянутые тела и синие татуировки у глаз выдавали их принадлежность к воинам.

На помосте у окна приподнялся на подушках единственный мужчина в комнате. Сидящая на вторых сооружённом троне зерриканка подтянула на плече край шкуры за свисающую лапу, как будто она набросила её специально ради гостей, и внимательно осматривала нас. Она была старше остальных и, наверное, примерно того же возраста, как была я в старом мире, и хоть тело её было таким же поджарым и мускулистым, как у её воительниц, но возраст и готовность засмеяться выдавали морщинки в уголках глаз. Её взгляд задержался на ведьмачьем медальоне на моей груди.

— Рэя сказала, что у вас есть письмо, — глубоким контральто произнесла она.

Иорвет шагнул вперёд и протянул сложенный лист с запиской Мауно. Зерриканка пробежала его глазами.

— Кто вы и откуда у вас вещь с эмблемой Чистого Братства?

Иорвет открыл было рот, но Эотэанерле подняла ладонь и перевела выжидающий взгляд на меня. Похоже, на здешней иерархической лестнице мужчина по умолчанию располагался ниже женщины, а они хотели общаться с главой нашего тандема. Я представила нас и рассказала о находке в пещере, не упоминая призрака и наш с ним договор.

— Я решила, что нельзя оставлять магическую вещь валяться без присмотра, и взяла блокнот с собой.

— Эта вещь останется у меня, — Хранительница открыла блокнот Умута, заглянула внутрь, захлопнула.

Рэя — та мощная атаманша, что привезла нас, встряла и на своем языке что-то возмущённо выкрикнула. Её горящий взгляд был прикован к Иорвету. Эотэанерле отмахнулась.

— Мы закрыли путь через перевал... — начала она. — Много лет назад я знавала одного ведьмака. Но не знала, что они умеют просачиваться сквозь камни. Тот не умел.

— Я — улучшенная модель, — с гордостью расправила плечи я.

— Ну, конечно, ты же женщина, — неожиданно рассмеялась зерриканка, показав белые зубы, — наконец-то на Севере до этого додумались.

Иорвет издал сдавленный звук. Я смотрела прямо в глаза Эотэанерле. Она встряхнула письмо тиллика в руке.

— Ещё ни разу Мауно ни за кого не поручался, — задумчиво произнесла она, — он советует присмотреться к вам.

Рэя шагнула вперёд и опять выкрикнула что-то, показывая на Иорвета. Эотэанерле ответила, вокруг её глаз разбежались весёлые морщинки, среди стоящих девушек прокатился смешок. Лицо могучей зерриканки побагровело.

— Тот ведьмак был с белыми волосами? — понадеявшись на невероятное совпадение, решила спросить я.

— Да.

— Тэя?

— Так меня звали на Севере. Откуда ты знаешь это имя? — спросила она, и Иорвет, выпучив глаз, обернулся на меня.

— Геральт. Он рассказывал о вашем путешествии. О тебе, и о Вэе, и о золотом драконе... — ответила я, молясь про себя, чтобы прочитанное в книгах оказалось правдой и что Геральт потом не успел как-то обидеть их.

— Вот как? — в её голосе послышался интерес. — И что же он рассказывал?

— О ваших приключениях в Голополье. Он вспоминал таверну «Под задумчивым драконом» с... с большой нежностью, — пошла я ва-банк.

Тэя захохотала. Сказала громко что-то, и обстановка неуловимо разрядилась, воительницы расслабились и уже не смотрели на нас как на врагов. Тэя качнула головой, помрачнела, глаза перестали смеяться.

— Вэя... Твои слова обрадовали бы Альвэанэрле, будь она жива, — её пальцы сжались на блокноте Умута, словно она хотела раздавить его. — И что же ведьмачке нужно в нашей стране?

Тэя снова проигнорировала все порывы Иорвета хоть что-нибудь сказать.

— Мы ищем эльфа, его брата. Он пришёл сюда четыре года назад.

— В те смутные годы к нам повалило столько беженцев и бандитов с Севера, что пришлось закрыть путь через перевал. Теперь караваны идут в Виковаро через перевал Эрхатердег и никто с той стороны гор не может пройти без специального разрешения.

— Как нам получить разрешение? — воскликнула я.

— Их выдает Торговая Гильдия... Или мы, Хранительницы, при определённых условиях, — добавила Тэя, снова скользнув взором по медальону. — Возможно, мы с тобой сможем договориться.

Она встала — леопардовая шкура соскользнула на пол — и бросила взгляд на Рэю.

— Если говорить о разрешениях, есть ещё один вопрос. Снимите перчатки! — вдруг резко сказала она.

Переглянувшись, мы выполнили приказ.

— Я не вижу колец на ваших руках, — продолжила она, а Рэя победно улыбнулась. — Кто этот мужчина для тебя?

«В Зеррикании особое отношение к мужчинам», — зазвенели в голове слова Саскии. Почуввав подвох и мысленно чертыхнувшись, что не выяснила подробностей, я попыталась потянуть время.

— При чём здесь это?

— Женатый мужчина должен иметь документ о принадлежности. Мы уважаем традиции других государств, где не выдают такого документа, а обмениваются кольцами. Но у вас таких колец нет. По нашим законам свободного мужчину, вошедшего в брачный возраст, может взять любая женщина, подходящая по условиям. А если желать его будут несколько, то та, что победит в состязании. И у нас уже есть претендентка.

Иорвет отпрянул и с мольбой посмотрел на меня.

— Это мой эльф, — твёрдо сказала я и загородила его.

— Ты врешь! — крикнула Рэя. — Никто не обращается так со своим мужчиной!

— Можешь ли ты доказать это? — Тэя смотрела на меня.

— Может, — Иорвет взял мою левую руку, повернул ладонью вверх и приложил рядом свою, чтобы наши знаки были видны. Тэя вздрогнула от звука его голоса, удивлённо

заглянула ему в лицо. — Мы соединены законами другого государства.

— Это какого же? — она бросила взгляд на знаки.

Мужчина у окна привстал с подушек и, вытянув голову, смотрел нам на ладони.

— Америки, — веско проговорил Иорвет, — что лежит через океан на запад от Скеллиге.

Зерриканки зашумели, гигантская Рэя кричала и жестикулировала. Иорвет стоял рядом, вцепившись в мою ладонь. Тэя прошла за занавешенную дверь, ведущую во внутренние покои дома, и поманила за собой Рэю и ещё двух женщин.

Мысли в голове перемешались, начали всплывать обрывки воспоминаний о матриархате в Зеррикании. Я крепко держала Иорвета за руку и ловила на нём заинтересованные, приценивающиеся взгляды зерриканок. Похоже, что все они подходили ему по неведомым нам условиям. В мгновение ока эльф превратился в ценный приз в аукционе, и покупательницы уже ничем не маскировали интерес к товару. Из-за занавески послышались крики и возглас Тэи, ткань откинулась, и главная Хранительница вернулась в комнату.

— Совет единогласно проголосовал за ускоренную процедуру и за бой. Сегодня же! — объявила она. — Мы не знаем такой страны — Америки. Единственное, что я могу сделать для тебя — дать привилегию. Ты будешь драться только в последнем бою с победительницей. Исман, оповести публику и займись ставками.

Мужчина встал с подушек, поклонился Тэе и вышел из комнаты, бросив на нас с Иорветом заинтересованный взгляд. Женщины взорвались одобрительным шумом. «Бой! Бой!» — слышали мы радостные голоса, Хранительницы хлопали друг друга по ладоням и возбуждённо смеялись. Рэя подошла вплотную, и я задрала голову, чтобы прямо встретить свирепый взгляд чёрных глаз.

— Я тебя раздавлю, — прошипела она и двинулась прочь, будто ненароком ударив меня плечом.

Голова закружилась, ноги подогнулись. Иорвет повёл меня в сторону выхода, где рыжая конвоирша вернула наше оружие и вещи и скомандовала идти за ней. Как барана на бойню эльф тащил меня за руку через двор, двустворчатые ворота и дальше вверх по улице. Перед глазами расплывалась глиняная мостовая, а взгляд зацепился за ритмично сокращавшиеся мощные, как у скаковой лошади, мускулы на ногах нашей провожатой.

За углом мы нырнули в дверь, послышался гул голосов, и Иорвет потянул меня через просторное помещение, заполненное дымом кальянов. Как в виденных мною чайханах, там стояли заставленные пиалами низкие столы, окружённые мягкими диванами, на которых полулежали люди. Юноша в шароварах выравнивал граблями засыпанную песком площадку в центре.

Зерриканка откинула полог алькова, выходящего в зал.

— Ты будешь ждать здесь своей очереди, — сказала она мне. Повернулась к Иорвету, ласково и призывно улыбнулась: — А ты можешь быть тут... или там. Это ничего не изменит.

Она выскользнула за штору. Я повалилась на подушки у стены. Из меня лилась самая нецензурная, самая ужасная и грязная брань, о существовании которой в моей голове не подозревала даже я сама. Выдохнула.

— Бежим, — сказала я Иорвету, который выглядывал из-за полога в зал. — Бежим сейчас же по изнанке.

— Далеко не убежим. А в следующей деревне будет то же самое. Мне надо получить

этот чёртов документ! О принадлежности, bloede arse! Как у скотины!

Он смачно выругался.

— Если чародеи сражались с этими оголтелыми женщинами за право распоряжаться своей жизнью, то я на их стороне!

Я вскочила и тоже выглянула в зал. Около песчаной площадки стояла Тэя с листом бумаги и пером, напротив толпились её воительницы. Пятеро из них шагнули вперёд, но через минуту две, посмотрев на возвышающуюся над ними Рэю, покачали головами и слились с толпой. Остались только приведшая нас рыжая зерриканка, ещё одна женщина из числа тех, что были на совете, и сама Рэя. Тэя записала их в свой лист и принялась распоряжаться. Зал меж тем набивался публикой. Столы опустели, мужчины и женщины занимали места у арены и подтаскивали лавки для задних рядов.

— Ты должна победить, — безапелляционно заявил Иорвет.

— Что?! Ты видел эти машины для убийства?

Претендентки тем временем, как боксёры перед матчем, подрагивали мускулами, корчили друг другу зверские лица и выкрикивали оскорбления. Рэя захохотала, ударила кулаком одной руки о ладонь другой. Ещё раз обменявшись выкриками, бойцы направились к таким же комнатам, как наша, вероятно, чтобы готовиться к драке. Прежде чем исчезнуть за пологом, Рэя послала долгий взгляд в нашу сторону.

— А она не так уж и плоха, эта богатырша, — пролепетала я.

— Ты хоть думаешь, когда говоришь? — взорвался Иорвет.

— И она не пахнет тилликской мазью! Она, вообще, наверняка распрекрасно пахнет! И в походе пригодится — да она сто человек вырежет, не моргнув глазом, тонну вещей унесёт! И всего-то лишь тебе надо на ней жениться...

— Ты не можешь бросить меня на растерзание этим диким человеческим самкам!

— На успех в такого рода делах я не подписывалась!

Иорвет перестал шагать из угла в угол и приблизился вплотную, припёр меня спиной к шершавой глиняной штукатурке.

— Бейся за меня, Яна, — прошептал он. — Прошу тебя.

Я сползла по стенке.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Девочки дерутся — мальчики не суются

Иорвет наполнил пузатую чашку водой из стоящего на низком столике кувшина и протянул мне. Я придвинула нужные пузырьки эликсиров, на коленке расправила записанную за Весемиром шпаргалку с действием и дозами. Достала пипетку. «Гром — увеличивает силу ударов, но замедляет», десять капель. Хитрый эльф не скрывал радости и всячески демонстрировал готовность помогать и делать всё, чего бы я ни пожелала, что только добавляло горечи в моё настроение.

— Мне не нужна помощь, — угрюмо остановила я его.

Он благоразумно отошёл и занял наблюдательный пост у занавески.

— Тэя обходит бойцов, — сообщил он.

«Ива — улучшает координацию движений и сопротивляемость к повреждениям», семь капель.

— Идёт к нам.

«Пурга — увеличивает скорость реакции, поможет при уклонении от атак», семь капель. Три эликсира — максимальная доза даже для ведьмака, и каждый из них чрезвычайно токсичен. Ещё ни разу не доводилось мне их использовать. Последний ингредиент специально для меня — тридцать капель Белого Мёда.

Занавеска откинулась, вошла Тэя, оглядела мою батарею склянок понимающим взглядом.

— Медальон тебе придётся снять, — сказала она и опустилась на подушки у стены. Иорвет уселся напротив.

— Каковы правила боя? — нетерпеливо спросил он.

— Я за тем и пришла, — оборвала она, вновь вздрогнув от голоса эльфа, и повернулась ко мне: — Бой без оружия. Одежда — чем меньше, тем лучше, ничего металлического и твёрдого.

Под её взглядом я расстегнула ремни щитков, стянула кольчугу и футболку, оставшись только в спортивном топе и джинсовых шортах. На шее зазвенели подвески, и Тэя заметила амулет Саскии. Порывисто вскочила, подошла и, протянув руку, погладила драконью чешую.

— Я поговорю с тобой про это позже, — сказала она, наблюдая, как я передаю цепочки в руки Иорвета, и кивнула на сапоги. — Драться будете босиком.

Она достала из карманов шаровар свёрнутые цилиндрами бинты и коричневый предмет.

— Замотаешь руки, а это для зубов.

Я взяла искусанную полукруглую спрессованную из кожи капу, с отвращением подумав о том, сколько раз её использовали до меня. Но делать было нечего — зубы дороже.

— Запрещены тычки в глаза, удары в горло, затылок и позвоночник. Запрещено рвать ноздри и уши, ломать пальцы, хватать волосы. Всё остальное разрешено, — жизнерадостно сообщила Тэя, внимательно посмотрела на меня и поднялась. — На тебе не будет позора, если ты откажешься от боя или проиграешь Рэе. Она ветеран нескольких войн, мой лучший боец и заслуживает самого прекрасного мужчины.

Самый прекрасный мужчина скривился, подобрал бинты. Я вытянула вперёд руки, растопырив пальцы, и он принялся аккуратно наматывать полосы ткани от запястья к ладони, а потом вокруг каждого пальца и обратно. Тэя задержалась, наблюдая за процессом,

кивнула, увидев, что он всё делает правильно, и рассмеялась. А подойдя к пологу, обернулась:

— Не давайся в захват, используй удары слева, — своим низким грудным голосом произнесла она. — И я тебе этого не говорила.

Из зала донеслись свист и крики.

— Начинается, — Иорвет вновь занял наблюдательный пост у занавески. — Рэя против той высокой из Совета.

Я сидела в позе для медитаций, закрыв глаза. Меня колотил озноб, зубы стучали, на теле выступила испарина. На пустой желудок эликсиры подействовали мгновенно и мощно. Крики стихли, в тишине зазвенел голос Тэи.

— Разошлись, Рэя попёрла в атаку, вторая отбегает, — в голосе эльфа слышалось возбуждение, — удар, ещё! Это было больно...

— Заткнись, прошу тебя, или говори по делу, — прохрипела я.

Меня бесили его комментарии, бесил бодрый тон, и я бесила саму себя, потому что не смогла сказать ему «нет», а ещё больше потому, что он прекрасно знал, что я не смогу сказать ему «нет».

Внутренности горели огнём, из-под побелевшей кожи вспучивались и ветвились фиолетовые жилы сосудов.

— У той из Совета уже нет сил, она пропустила слишком много ударов и долго не продержится.

Зал зашёлся визгами и криками.

— Первый бой закончен, — сказал Иорвет.

— Чёрт, мне нужно ещё немного времени.

— Надеюсь, второй будет длиннее.

Он выскользнул за полог в зал. Я закрыла глаза, ушла в себя, отдавшись раздирающим тело ощущениям. До слуха донеслись крики, я очнулась, а Иорвет уже сидел рядом и протягивал воду. Взгляд расширившегося глаза задержался на моём лице. В конкурсе красоты сейчас у меня выиграл бы даже утопек, но мне было плевать.

— Что, передумал уговаривать драться за тебя? — злобно ухмыльнулась я. — Поздно!

— После двух боёв Рэя устанет, — пропустив мои слова мимо ушей, сказал он. — Не подпускай её к себе, измотай. Они не используют удары ногами, только колени в ближнем бою. А у тебя эти удары хороши.

Он опять занял пост у занавески и продолжил комментировать второй матч. Рыжая зерриканка была мощнее первой соперницы Рэи. В голосе Иорвета звучало восхищение, которое, словно плеть, подстёгивало мою ярость. Не будь я накачана эликсирами, я бы не преминула снять свою кандидатуру с состязаний, раз уж ему так нравились эти вояки. Но эликсиры уже действовали: страх ушёл, адреналин бурлил в крови, в голове прояснилось, и я видела мельчайшие крупинки глины на стенах, царапины на деревянном полу, торчавшие из подушек нитки. Мир стал кристально понятным, простым, медленным и злым, а в груди росло желание убивать. Я хотела этого боя.

— Рэе удалось сделать захват! Бросок, болевой на левую руку... Конец, — упавшим голосом произнёс Иорвет.

Я вскочила, запрыгала на месте, перенося вес с ноги на ногу, встряхнула руками. В ногах будто появились тугие пружины, а в кулаках ощущался вес. Странно медленно Иорвет

направился ко мне.

— Плавнее, не спеши, пусть твоя скорость станет для неё сюрпризом, — невыносимо растягивая слова, сказал он.

Засунув в рот капу, я подошла к пологу, низко опустила голову. Иорвет сжал мои плечи, и меня опять захлестнуло бешенство. В зале скандировали имя Рэи.

— Я верю в тебя, Яна.

Плечом оттолкнув его, я отдёргнула занавеску.

Вечерний свет умер, на арену упали резкие цветные пятна от висящих кругом ажурных цветных фонариков. Тэя стояла по центру, рядом набычилась Рэя и, глядя мне в лицо, растёрла кулак в окровавленных бинтах о ладонь. Изо всех сил сдерживала я рвущиеся подрагивающие мышцы, чтобы замедлиться и не подпрыгивать на ходу. Только контроль. Разум спокоен и устойчив. От моего вида зрители отхлынули, расступились, пропуская меня. Я видела и ощущала всё одновременно и в мельчайших деталях. Лица, ткани, поры кожи на носах. Голоса, звон монет в руках того мужчины — Исмана, и шёпот ставок на Рэю. Висящий в душном кальянном чаде запах пота. Испуганные глаза, острый кадык подростка с граблями, рука с монетой тыкала в мою сторону. Надменно задранный подбородок, каменное лицо и скрещенные руки. Иорвет.

Рука Тэи поднята. Последние ставки сделаны. Я — концентрированная ярость. Рэя — скала. Мы разошлись по краям арены, в спину упёрлись руки зерриканок, стоящих живым щитом.

— Начали! — рука Тэи упала.

Рэя танком пошла вперёд. Молниеносным, но я была быстрее. Скользящим пружинистым шагом я уклонялась, ныряла под удары. Меня этому учили. Первое мимолётное удивление на её лице. Злобного комара не так-то легко прихлопнуть! Мои неточные удары, левая рука задела ей щёку. Точные её, губа лопнула, в голове зазвенело. Вот оно, биение жизни! Я пробила прямым в корпус, как в мешок цемента. Не терять контроля. Держать дистанцию.

Снова сближение, уклонение, нырок. Мой удар ногой в колено, и великанша поморщилась. Стала аккуратнее. Я, словно Нео, уворачивалась от смертоносных кулаков. Вспышка в глазах, я пропустила прямой, картинка стала чётче, ярче, медленнее. В носу хлюпала кровь, в жилах звенела радость. Мне нравились эти эликсиры! «Убей!» — кричали они. Левым прямым я заехала, наконец, увесисто и тяжело. Из рассечённой брови Рэи текла кровь. Кровь пьянила. Грудь зерриканки вздымалась. Хрипло крикнув, Рэя бросилась в атаку, пробила мне грудь, навалилась, захватив левой рукой шею, правой заехала в ухо. Удар в ухо похож на взрыв. Я отпихивала её бок локтем, лишь бы не дать захватить руку, не дать подсесть, не то конец. Мы повалились за арену, и руки зерриканок вытолкнули нас обратно, и я воспользовалась моментом, вырвалась из захвата. По лицу тёк пот, мешаясь с кровью, адреналин зашкаливал.

Зал ревел при каждом удачном ударе Рэи. Она — профи, я — загнанный в угол зверь. Она — дочь этого мира, я — тень, моё время — обратный отсчёт, и я готова биться, пока не превращусь в котлету. Она поняла это. Никто не хочет драться с отморозком без башни, которому нечего терять. Её удар, мой блок правой и ответный слева локтем в лицо и обратно в развороте тем же локтем. Капли крови из носа Рэи застыли в воздухе. Она схватила меня под мышку и бросила на землю через бедро, из меня вышибло дух. Тонна на спине молотила

по рёбрам кулаками. Зал взвыл. Руку зажало, и я не могла выдрать её. Потная кожа, прилипший песок и рвущиеся жилы. Я убрала блок — пусть бьёт, и, воткнув руку между нашими переплетёнными телами, шарахнула вместе с ударом слабым Аардом. Грязная игра, я знала. Этого хватило, чтобы вырваться, Рэя сдавленно выдохнула. Она кружила вокруг, не понимая, что произошло. Не надо лезть во что не следует, вот что!

Она пошла вперёд. Её уже не волновали пропущенные удары, она хотела уничтожить меня, не зная, как отчаянно дерутся за жизнь отличницы с серого московского севера. «Сейчас!» — заорал над ухом Йорвет, и как по тем пням на Пустошах, я ударила боковым правой ногой в лицо. Рэя пошатнулась и снова ломанулась вперёд, выбрасывая сокрушительный удар левой. Я поднырнула, и зерриканка по инерции влетела в руки подруг. Те вытолкнули её обратно на ринг. Огромная и страшная, с окровавленным лицом, она надвигалась, руки вылетали кувалдами. Время остановилось. Удар мимо, её занесло, развернуло спиной ко мне, я вцепилась ей в руку, рванула на себя и ударила левой ногой в голову. Удар пришелся ровно в ухо, под сводом стопы хрустнуло. Рэя удивлённо распахнула глаза, будто впервые меня увидела, и как подрубленная рухнула на песок. Я кинулась к ней и, придавив коленом, лупила по голове кулаками. Била за всё, за всю мою жизнь, будто она была крайней, и не могла остановиться даже тогда, когда Йорвет обхватил меня под живот и оттащил в сторону.

Зал неистовствовал. Вокруг Рэи столпились зерриканки, обнимали и утирали лицо, та вяло отмахивалась. Мои дёргающиеся руки бессильно повисли, тело содрогалось. Йорвет прижал меня к груди, гладил по голове и шептал: «Cáelm, cáelm».

Тэя ступила на арену, подошла и подняла мою руку. Всё кончено. Под свист и улюлюкание я заметила, как юноша, который уже деловито сгребал в кучки кровавые песчаные комки, на миг остановился и радостно обнял грабли, будто они принесли его ставке победу, и как широко улыбался Исман и разводил руками в сторону возмущённой публики. «Этот хитрец тоже поставил на меня», — догадалась я. Взгляд его чёрных глаз пересёкся с моим, он сложил ладони у груди и слегка поклонился.

— Уведи меня отсюда, — прошептала я Йорвету.

Я лежала на гигантской кровати, на которой при желании можно было бы разместить шестерых, и смотрела в небо. Вокруг был построен шатёр, лёгкая белая ткань спускалась с четырех сторон и шевелилась на ветерке, но с потолка ткань убрали, и сквозь защищавшие от солнца широкие рейки видны были высокие полупрозрачные клочки облаков, пролетающие время от времени клинья перелётных птиц и одинокий коршун, не то высматривающий добычу, не то наслаждающийся парением в восходящем потоке воздуха.

Йорвет хлопотал. Он успел снять для нас лучшую комнату на крыше чайханы, похожую на уголок райского сада — всю увитую зеленью и заставленную кадками с цветущими кустами, и непрерывно таскал с кухни ледяное верблюжье молоко — иную еду мой желудок пока что не мог принять. Эликсиры только-только отпустили, кожа вернула здоровый цвет, но вставать из мягкого плена подушек и одеял не хотелось совершенно. Сейчас эльф опять исчез куда-то, оставив мне кружку молока и стопку тонких лепёшек.

Над головой из кадки склонилась разлапистая пальма, и, протянув руку, я потрогала жёсткий глянцевоый лист. Издалека доносились звуки проснувшегося городка, голоса, крики торговцев, и мне так нравилось, что не нужно было никуда идти и что можно было просто лежать в окружении зелени, колыхавшихся занавесок и голубого неба. Думать ни о чём не

хотелось.

Занавеска откинулась, я натянула до шеи тонкую простыню, и Иорвет бухнул на столик у кровати тяжело звякнувший мешок.

— Это твоё, — сказал он и в ответ на мой удивлённый взгляд пояснил: — Вчера я поставил все найденные в пещере деньги на тебя. Мы надрали весь этот отвратительный городок.

— И когда же ты успел?

— Я же сказал, что верю в тебя, — ответил он без тени насмешки. — И это не только слова.

— Ну, хоть в чём-то мы их надрали, а не они нас.

Иорвет присел рядом, протянул мне кружку с молоком. На большом пальце его руки красовалось широкое матово-серебристое кольцо. Он усмехнулся, заметив, что я рассматриваю его.

— Это то, о чём я думаю? — спросила я.

— Именно так. Как только Тэя выдала мне его, из вещи на продажу я превратился в уважаемого члена общества... Безумная страна.

Он встал и принялся нарезать круги вокруг кровати.

— Я собирал информацию. Но в городе мало кто говорит на всеобщем, хотя некоторые знают нильфгаардский. Этот Исман... Мне показалось, что он что-то знает, но расспросить его я не успел, Тэя отправила его заниматься блокнотом.

— Он чародей?

— Алхимик. Чародеев здесь нет.

Он опять присел рядом и задумчиво уставился мне в глаза. Какая-то невысказанная неловкость повисла в воздухе, и от его взгляда к моим щекам прилила кровь, уши запылали, и я зарылась лицом в подушки.

— Принести чего-нибудь? — внезапно охрипшим голосом спросил он.

— Нет!

— Вечером Тэя ждёт тебя на ужин внизу. Со мной она не хочет говорить, — он поднялся. — Пойду в город. Надо ещё порасспрашивать про Исенгрима.

Он ушёл, а я уснула на нашей огромной, как очередная насмешка судьбы, кровати, стиснув в руках подушку.

Небо стало оранжевым, когда Иорвет снова появился на крыше. Гроза Севера и самый известный террорист сжимал в руках стопку выстиранной выглаженной одежды, которую с облегчением свалил на кровать. Я невольно рассмеялась, его лицо пошло пятнами.

— Мне так нравится, когда кто-то занимается хозяйством и этот кто-то — не я!

— Этот мир встал с ног на голову, — буркнул он. — Прачка — муж владелицы чайханы. Огромный мужик, мог бы лес валить.

— Здесь леса нет, а одежда в стирку всегда есть!

Внезапно я заметила в стопке свои вещи, которые вчера грязным комком скинула возле кровати.

— Спасибо, — смутилась я.

— Он сильно заинтересовался тканью этой штуки, — Иорвет ткнул пальцем в джинсовые шорты. Мне показалось, что он тоже чувствовал себя не в своей тарелке. — Я соврал, что эта ткань из Америки.

Я захохотала и, наблюдая за озадаченной физиономией эльфа, всё не могла

остановиться. Пресс болел, из глаз лились слёзы.

— Ты не соврал, — наконец, выдавила я.

Иорвет поднялся.

— Тэя ждёт.

В чайхане ничто не напоминало о вчерашнем побоище. На песчаную арену выставили столы, и цветные огоньки фонарей больше не звали убивать, а окутывали зал приглушённым и уютным светом. Тэя сидела за длинным столом, скрестив по-турецки ноги, слева от неё полулежала вчерашняя рыжеволосая зерриканка, которая, завидев меня, вскочила и жарко затрясла мою руку.

— Лея, — представилась она.

Я кивнула и, повинувшись взгляду Тэи, опустилась на диван справа от неё, Иорвет сел рядом. По центру стола возвышался массивный керамический горшок, плотно закрытый высокой конической крышкой. С клубами пара Лея подняла её и принялась раскладывать по глубоким расписным тарелкам сочное варево из мяса и овощей. Оно пахло так аппетитно, что я решила не отказываться.

— Вчера ты всех удивила. Это была хорошая драка. И дорогая! Стоила мне сотню дирхамов, — Тэя мягко рассмеялась и достала из-за пазухи одежды, чем-то похожей на короткий халат или кимоно, сложенную бумагу. — Вот твой документ. О принадлежности.

Она кивнула на Иорвета и потянулась к кальяну. Центр желтоватого плотного листа занимала печать с изображением расправившего крылья дракона, а по краям и внизу вились затейливые непонятные буквы. Кальян забурлил, Тэя выдохнула облако пара.

— А что вы, Хранительницы, храните? — спросила я.

Лея рассмеялась, будто я задала вопрос, очевидный каждому ребёнку. Тэя тоже улыбнулась.

— Мы охраняем драконов. А драконы хранят наш Мир. Без них наступит хаос, как у вас на Севере. И он уже дышит на нас.

— Хаос — это те чародеи? Из Чистого Братства?

— Они. И другие. Владыки Хакланда спят и видят, как их конницы вытопчут Сердце Мира.

— Пока мы живы, этому не бывать! — воскликнула Лея и свирепо нахмурила брови.

— Да, — кивнула Тэя, бесцеремонно протянула руку к вороту моей рубашки и вытянула цепочку с амулетом Саскии. — Расскажи об этом.

— Это подарок правительницы Свободной Долины Понтара. Иорвет расскажет лучше.

Я обернулась на эльфа, чтобы он сам решил, что стоит рассказывать, а что нет. К моему удивлению, кроме истинной цели нашего путешествия — того, зачем ему нужен был Исенгрим, он не стал ничего скрывать. Хранительницы внимательно слушали о войне, о том, как под предводительством драконицы объединились разные расы в борьбе против людей.

— Раз так, у Севера появился шанс победить хаос. Я помню Саэсентессис со дня её рождения. Я была рядом с Виллентретенмертом в те годы, видела, как она росла. Потом мне пришлось уйти, — по лицу Тэи скользнула печальная улыбка. — Моё место заняли более молодые, более достойные.

Она опять припала к кальяну, замолчала. Лея сочувственно сжала её руку в ладонях.

— Саэсентессис всегда была другой. Она хотела быть человеком, — продолжила Тэя погодя. — Моё сердце ликует, узнав, что она не перестала быть истинным драконом.

Мощный мужчина в ниспадающих одеждах поставил на стол дымящийся кувшин и широкие, похожие на пиалы чашки и с поклоном подвинул Йорвету ещё один кальян. Тот с опаской затаился, но через миг на лице разлилась блаженная улыбка. В кувшине оказался крепкий зелёный чай с мятой, и мы по примеру зерриканок заправили его мёдом.

— Нам нужно двигаться дальше, — когда все поели и расслабленно откинулись на подушках, перешла к делу я. — Как нам получить разрешение?

Тёмными улицами Тэя вела к резиденции зерриканок. Йорвет с Леей, следуя её приказу остались в чайхане. Часовые распахнули ворота, и мы прошли через погружённый во тьму двор с фонтаном. Тэя открыла боковую дверь и шагнула в освещённый тусклыми лампадами коридор, ведущий в глубь жилой части. Подвела к пологу, приложила палец к губам и приоткрыла ткань.

В комнате с выбеленными стенами лежали узорчатые ковры, стояли сундуки, мягкие кресла. Поначалу в свечном полумраке я никого не заметила, но через миг раздались голоса, и из тёмного угла показалась массивная фигура, ведущая кого-то под руки.

— Мамми, мамми, ты так ничего и не съела, — ласково басила Рэя. — Иди сюда, я тебе помогу.

Из тени Рэи показалась крохотная пожилая женщина, которая, как сомнамбула, покорно пошла к столу. В свете свечей на её белом лице я увидела полосы татуировок, как у Хранительниц, ведущие к ушам от уголков остановившихся, смотрящих в пустоту глаз. Рэя заботливо усадила её за стол, зачерпнула ложкой из тарелки, поднесла ко рту.

— Белый саксаул не натянут, — вдруг отчётливо произнесла женщина, отстраняясь от ложки, и посмотрела на Рэю. — Мы не успеем к мальчикам.

— Мы успеем, мамми, не переживай, давай-ка ложечку, ам. Вот, молодец!

— Довольно! — прошипела Тэя, и мы вернулись во двор.

Зерриканка присела на чашу фонтана, похлопала ладонью рядом с собой. Двор освещал только тусклый свет из пары окон, вода журчала, стрекотала одинокая цикада, а Тэя вдруг закрыла лицо руками и зарыдала. Её плечи подпрыгивали, но из груди не вылетало ни звука. В замешательстве присев рядом, я ждала.

— Это моя мать, — наконец, глухо произнесла она.

Когда я вернулась, Йорвет уже забрался на свой край кровати, отгородившись баррикадой из горы подушек. Он заложил руки за голову и лежал на спине, полуприкрытый простыней, и свет ажурного фонаря со свечой внутри бросал на его кожу причудливые тени, будто добавляя ещё узоров татуировке. Повязка валялась на столике рядом.

— У нас заказ? — поинтересовался он.

— У меня, — буркнула я, бросив хмурый взгляд на подушечный крепостной вал посередине кровати, и полезла в сумку за конспектом по духам и призракам.

— И какой у нас заказ?

Я вздохнула.

— Тэя считает, что в её мать вселился злой дух. Подробности обещала рассказать завтра. Но мне кажется, что её мать просто больна. Какое-то ментальное расстройство. Кстати... — я отложила конспект и сняла с цепочки обручальное кольцо. — Лучше почитать об этом.

Я кинула записи на столик, а Йорвет снял с большого пальца кольцо и перебрал на

мою половину кровати. Я вопросительно взглянула на него, но взяла кольцо и, повертев в руках, поднесла к свету. Изнутри вилась чёрная гравировка.

— Что там написано?

— Яна из Каэр Морхена и Иорвет аэп Гленнмаэр, полагаю. Отдай.

Я вернула кольцо. Он надел его, поднял руку и стал крутить ею в воздухе, рассматривая пальцы и их новое и единственное украшение.

— Это очень странное и незнакомое чувство — принадлежать кому-то, — задумчиво произнёс он.

— Унизительное?

— Должно было быть таким. Но нет. Странное.

На мой вкус очень странным был этот разговор.

— Не волнуйся, я не собираюсь никак этим пользоваться. Как всегда у нас с тобой, это всё не по-настоящему.

Он привстал на локте и внимательно посмотрел мне в лицо. Я стащила сапоги, обернулась, Иорвет не шевелился.

— Прекрати так на меня смотреть! — воскликнула я.

— Как «так»?

— Так!

— Иначе что?

— Иначе я за себя не ручаюсь!

— И что же ты мне сделаешь?

— Раз, знаешь ли, ты теперь моя собственность... — я прикусила язык и не сказала того, чего хотелось, — я тебя могу побить и мне за это ничего не будет.

— Я бы на это посмотрел... Гляжу, тебе по душе местные порядки, — он опять откинулся на подушку.

— Конечно, общество мечты, — съязвила я, вспомнив слова Хонзы. — Здорово же, когда у тебя появляются привилегии просто потому, что у тебя правильный набор гениталий между ног.

Иорвет тихо рассмеялся.

— Да уж. Мне повезло, что я пошёл с тобой, а не с Киараном. Мы бы сейчас с ним крепко влипли.

— То есть, теперь ты уже не жалеешь, что взял меня с собой? — я исподлобья посмотрела на него.

— Я никогда не жалел, — серьёзно ответил он и задумался. — А ты больше не жалеешь, что я заставил тебя идти со мной?

Я молчала, глядя на слегка шевелящуюся на ночном ветерке ткань и узоры от фонаря на ней. Каэр Морхен, Эскель — всё было так далеко и казалось, что в прошлой жизни.

— Нет, — едва слышно ответила я.

Иорвет закрыл глаз, перевернулся на бок спиной ко мне.

— Dearme, Яна.

Спокойной ночи

Я задержала дыхание — от вида его спины где-то под рёбрами защекотало. Мысленно чертыхнулась, потянулась к фонарю и задула свечу.

— Спокойной ночи, Иорвет.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Зена — королева воинов

С рассветом я спустилась в чайхану, Тэя обещала прислать за мной. Округлая чернобровая хозяйка, с которой я познакомилась вчера, тут же засуетилась и, приветливо улыбаясь, расставила на столе бесчисленные керамические баночки, принесла горячие сырны лепёшки и раскалённый медный чайник с традиционным мятным чаем. Ущипнула меня за щёку, укоризненно покачала головой и знаками показала, что это ещё не всё. Пока я исследовала баночки — в первой обнаружилось инжирное варенье, во второй персиковое и неопознанное в третьей, на столе появились пиалы с оливками, финиками и гигантский омлет, а хозяйка и не думала останавливаться. Если бы не распухшая от ночных изысканий голова, я вполне ощутила бы себя туристом в гостеприимной южной стране.

В ранний час в чайхане кроме меня не было ни одного посетителя. Оглядевшись, я разложила между мёдом и вареньем конспект по духам и призракам. Гуглёрж по ментальным болезням и просмотры фильмов о работе психиатров с реальными больными оставили на душе тяжкий осадок и загрузили так, что к утру я стала находить кое-какие симптомы и у себя. Единственное, что полезного, помимо расширения словарного запаса, я вынесла из ночного бдения, так это мысль, что без соответствующего образования, опыта и чёрт знает чего ещё не следует даже пытаться лезть в эту область, и применимыми на практике сочла лишь советы для родственников больных: как общаться с заболевшими близкими, что стоит делать, а чего нет.

Однако заказ надо было выполнять. Если не решить проблему с матерью Тэи, пропусков в страну нам не видать. С болезнью я ничего поделывать не могла, а вот на духов и призраков возлагала слабую надежду.

Когда я победила омлет и абзац про отличия духов от демонов (с выводом, что за исключением мира происхождения, принципиальной разницы и нет), дверь распахнулась, и в лучах утреннего солнца вспыхнула медная шевелюра Леи. Хозяйка засуетилась, но Лея решительным жестом остановила её и махнула мне в сторону выхода. Добрая женщина упёрла руки в боки, мотнула головой на горы недоеденной еды, и зерриканки, жестикулируя, закричали друг на друга. Я втянула голову в плечи, но через минуту очевидно довольные схваткой женщины рассмеялись, хозяйка шлёпнула Лею по спине и принялась уносить посуду. Спасшая меня от пищевой комы зерриканка повела в сторону штаба Хранительниц.

— В следующий раз разбей чашку, иначе тебе придётся доедать всё, — посоветовала она. — И бери ту, что без узоров, она дешевле.

— Это как-то уж слишком, — неуверенно ответила я.

— А ты странная, а вроде драться умеешь! Так тебя просто не будут уважать! Ну, или стукни по столу кулаком, — подумав, добавила она. — Может и сработает.

— Попробую, — рассмеялась я. — Расскажи, что там будет.

— Каждый день Мать Ненина выбирает себе дочь, — голос Леи изменился, зазвучал обречённо. — Каждый день Эотэанерле надеется, что она выберет её. Ненина была главой касбы много лет и не оправилась после пыток чародеев.

Улицы заполняла утренняя суета. В сторону рынка тянулись женщины с кувшинами на плечах, мужчины тащили на загривках мешки. Ребятишки прутками гнали отару блеющих овец, жестяные колокольчики дребезжали, овцы пихались и топтались копытами по мыскам сапог. Я примечала руки мужчин — и действительно, у тех, у кого удалось рассмотреть, на

больших пальцах мелькали кольца. У большинства такие, как у Йорвета, но встречались и другие. Часовые отворили двери и что-то крикнули Лее.

— Началось! — она помчалась через двор в уже известный мне коридор. Откинула полог, приказала остаться у порога и исчезла в комнате матери Тэи.

Лицом ко мне, освещённые лившимся из окон ярким утренним светом, выстроились шеренгой одиннадцать Хранительниц. Лея пробежала за их спинами в конец. При свете дня я с удовлетворением рассмотрела под правым глазом Рэи чёрный синяк и царапину на распушем носу, что немного примирило с собственной разбитой и до сих пор саднящей физиономией. Миниатюрная Ненина, на этот раз самостоятельно, медленно переходила от одной зерриканки к другой и вглядывалась в лица.

— Вы не обманете меня, — бормотала она. — Я узнаю мою дочь даже заколдованной!

Она остановилась перед Тэей, провела рукой по её щеке. Тэя закусила губу.

— Нет, не обманете!

Ненина отдёрнула руку и двинулась дальше. Около Рэи, стоявшей предпоследней и на голову возвышавшейся над остальными, она задержалась.

— Я всегда узнаю тебя, доченька, — сказала она. — Когда-нибудь Они вспомнят обо мне и снимут чары, и мы вернёмся домой, втроём, как прежде. Я, ты и... и...

Она вперилась взглядом в пол, шевеля губами. Рэя подхватила её под локоть, выжидающе посмотрела на Тэю. Та горестно кивнула, и зерриканки потянулись вон из комнаты. Тэя задержалась около меня, и мы наблюдали, как Рэя подвела Ненину к креслу, поднесла воды и уселась у ног, раскрыв на коленях книгу. Глаза пожилой женщины сегодня были живыми и лучистыми, и она благосклонно кивнула.

— Иди за мной, — приказала Тэя.

Мы опять очутились в гомоне переулков, и я неслась за Тэей, лавируя между людьми. Она исчезла в боковой арке, и мы вынырнули в тенистом дворе, оглушившем тишиной после уличного гвалта. Моих ноздрей коснулся запах, который я и не мечтала услышать в этом мире.

— Кофе! — воскликнула я и, как бандерлоги на зов Каа, последовала за Тэей в низкую дверь.

Помещение кофейни, как и в доме Хранительниц, опоясывали сидения. На разложенных на белой плитке коврах и подушках устроились те, кому не досталось места у окон. Посередине в изящной каменной чаше бил питьевой фонтанчик. Тэю приветствовал молодой человек с орлиным носом, одетый в длинную до пола белую рубаху, и сопровождал на балкончик в углу. Лицо юноши показалось знакомым, но я никак не могла понять, где я его видела. Полукруглый балкон, возвышавшийся над полом на несколько ступенек, обрамляли окна в заросший внутренний двор. Очевидно, что этот уютный уголок был зарезервирован за Тэей, так как он пустовал, несмотря на то, что народу в кофейне было битком.

— Спасибо, Бади, — Тэя ослепительно улыбнулась ему.

— Всё, что угодно для госпожи и её гости, — юноша махнул кудрями в мою сторону и исчез.

— Семья Бади владеет караваном верблюдов и возит кахве с юга. С детства он помогал им, а потом, несмотря на юный возраст, решил осесть и открыл пару лет назад это место, — она склонилась к моему уху: — Далек пойдёт. Целыми днями он подаёт кахве и знает всё обо всех в этом городе.

— У него на пальце нет кольца, — заметила я.

— Он молод, — усмехнулась Тэя. — И его семья выкупила отсрочку, чтобы он мог подождать подходящую женщину.

Я едва сдержала возглас: «А что, так можно было?», а Тэя меж тем со вздохом откинулась на подушках.

— Каждое утро я прихожу сюда, чтобы начать с кахве свой день.

Она задумалась, глядя поверх моего плеча на зелень за окном, а я рассматривала посетителей. Тут были вперемешку мужчины и женщины, они держали в руках крохотные чашки и беседовали. Некоторые переходили от одной компании к другой, опускались на подушки, и между группами людей непрерывно тек разговор. Похоже, кофейня была центром социальной жизни городка. Люди вставали, раскланивались с соседями и уходили по своим делам, и на их место приходили другие. Бади поставил между нами поднос с парой кружек воды и двумя тонкими чашечками с маслянистой чёрной жидкостью с нежной пенкой, и у меня в предвкушении задрожали руки. Рядом на блюдцах розовели полупрозрачные кубики, похожие на рахат-лукум. Я поднесла к носу чашечку и с наслаждением вдохнула насыщенный кофейный аромат.

— Ещё ни разу мне не встречался человек с Севера, который бы ценил кахве, — удивилась Тэя.

— Я полюбила его в другой стране. Там он звался кофе.

— В Америке?

Я кивнула и отпила, и это был он — настоящий чёрный кофе! Из зала к Тэе поднялся седобородый мужчина и зашептал что-то на ухо. Она кивала. Потом подошла девушка в бедной заштопанной одежде из серого холста, склонилась, и в ворота рубахи вдруг мелькнула толстая золотая цепь. Тэя просияла и погладила девушку по руке.

— Как я сказала, чтобы знать обо всём, что происходит — кахвехана лучшее место, — объяснила она, когда поток визитёров прекратился. — В дне пути отсюда караван ашиков — бродячих певцов. Что же, давненько они к нам не заглядывали...

Она приободрилась, улыбнулась своим мыслям и поднесла к губам чашечку.

— Кахве — крепкий, как смерть, и горький, как любовь, — взгляд её затуманился, Тэя прикрыла веки, но через миг очнулась и деловито спросила: — Ты видела мою мать. Что скажешь?

— Есть два варианта. С первым я ничего не смогу поделать...

— Придётся постараться! — перебила она.

— Ты хочешь, чтобы я лгала тебе и давала ложную надежду? Если твоя мать больна, ей нужен лекарь, а не ведьмак.

— Она не больна, я знаю это. Ты не видела того, что видела я!

— Духи и демоны не вселяются в людей просто так. Должна быть причина. Расскажи мне всё, что знаешь, с самого начала.

Протяжно выдохнув, Тэя отставила чашку. Махнула рукой юноше и поднесла оттопыренный большой палец к губам.

— Я родом из этих мест, — поняв мою просьбу буквально, она начала с самого что ни на есть начала. — Мать моей матери и все матери до неё были кочевницами. Зимой сгоняли стада овец на равнину, летом уходили в предгорья. Ненина с детства была лучше всех. Лучшей наездницей, лучшей лучницей. Ей прочили судьбу вождя... Если бы однажды племя не встретило Виллентретенмерта.

Бади принес кальян, и Тэя глубоко затынулась.

— Я знаю это чувство. Когда ты встречаешь кого-то самого прекрасного на свете, всё остальное теряет смысл. Ненина сбежала, пешком прошла полстраны на север и добралась до школы Юнтай — лучшей из лучших школ для будущих Хранительниц.

— Ты тоже училась там?

— Пятнадцать лет. Как и я, моя мать прошла отбор и служила самому дракону. А когда и это время закончилось, Ненина вернулась в родные места, чтобы возродить захиревшую касбу Шала — на границах становилось всё беспокойнее.

Тэя замолчала, а я воспользовалась моментом и кивнула Бади, показывая на кофе.

— Она выбрала себе мужчину, моего отца. Это было большой ошибкой! — в голосе зерриканки послышались обвиняющие ноты. — Когда ты рядом с драконом, мир ярок, игрив и солнечен, потому что ты рядом с солнцем. А когда твоя служба заканчивается, солнце меркнет. Она не должна была брать в мужья моего отца. Того — кого она так никогда и не смогла полюбить. Она не должна была брать никого, это безответственно!

— Но ты бы тогда не родилась, — сказала я.

— Почему это? — удивилась Тэя. — Она могла оставить его любовником и не привязывать к себе. Он бы пережил, встретил другую женщину, которая лучше относилась бы к нему... Мой отец был с Севера, он бежал сюда из Метинны после того, как та пала под Узурпатором. Мужчины с Севера всегда нравились нам. Есть в них что-то такое... Что будоражит кровь. Вызов, а не покорность. Он бы не остался один.

Молодой Бади поднёс мне вторую чашку кофе, теперь с двумя кубиками сладостей, и бросил жгучий взгляд из-под длинных ресниц.

— Женщины с Севера тоже нравятся нашим мужчинам, — засмеялась Тэя. — Тебе следовало подумать, прежде чем драться за того, кто тебе не нужен.

Я вперила ей в глаза, а она, выдержав взгляд, усмехнулась:

— Женщина, озарённая любовью к своему мужчине, после ночи выглядит не так.

— Может быть, так выглядит женщина, озарённая сложным заказом? — меня начало раздражать назойливое внимание зерриканок к личной жизни других, но Тэя невозмутимо продолжила:

— Вот и моей матери не стоило столь собственнически относиться к отцу.

Я промолчала.

— Как бы то ни было, Ненина стала главой касбы, превратила её из захудалого городка в мощную крепость. В её понимании у меня не было иного пути, как стать Хранительницей. Я покинула Шалу ребёнком, отправилась в Юнтай. Годы тяжкой учёбы... Ух, как вспомню, пятки так и горят, но как же мы там веселились! Уверена, что веструм до сих пор не забыла наши с Вэей проделки. Лучше тех лет были только годы подле Виллентретенмерта. Ежегодно я приезжала сюда, домой, и последний раз навещала отца с матерью восемь лет назад, прежде чем мой отряд отправили на границу с Хакландом...

Она замолчала, взглянула на меня.

— Прошлое настигает неожиданно. Голос твоего мужчины и голос моего отца похожи как горошины в стручке... — задумчиво сказала она. — Когда до столицы дошла весть о войне, о том, что чародеи захватили касбу, я добилась, чтобы мой отряд перевели сюда. Вэя погибла в том бою. Моя лучшая подруга и единственная, кто понимал меня. Мы вышибли чародеев из крепости и вырезали лагерь у перевала. К сожалению, глава Чистого Братства с небольшим отрядом ускользнул. Я нашла мою мать в подземелье, в одной клетке с отцом.

Чашечка, которую Тэя держала в руке, задрожала. Она отставила её, вцепилась в трубку кальяна и некоторое время молча курила.

— Первое, что помню, это зловоние, настолько густое, что его можно было потрогать. Отец сидел в углу камеры. Лицо и руки вздулись, поплыли, волосы превратились в кашу. Мать сидела рядом, закрыв глаза, и не откликнулась на мои слова. Я попыталась увести её и краем глаза при свете факела где-то на стыке света и тьмы увидела мелькнувшую бесплотную тень.

Тэя вновь взяла кофе, и на этот раз её пальцы не дрожали.

— Это видела не только я, со мной была Рэя — единственная, чей желудок выдержал запах подземелья, единственная, кто не оставила меня там одну. Когда я поднимала мать с земли, она была слишком тяжела, будто невидимые руки удерживали её, тянули к себе.

— Это было три года назад? — уточнила я.

— Да. Ненина спала двое суток, а когда пришла в себя, не узнала меня. Тогда всё и началось.

Я кивнула и прикрыла глаза, вся обратившись в слух. Кофе прогнал сонливость, в голове прояснилось.

— Поначалу я надеялась на лучшее, мать не узнавала меня, но в остальном была здорова. Потом она начала считать, что люди вокруг — это заколдованные чародеи, и лишь она может узнать спрятанную среди них дочь. День за днём она проживает один и тот же день, забывая, что было вчера. С темнотой она сникает, будто что-то высасывает её силы. Как только солнце заходит за горизонт, слабая свеча её разума гаснет, в момент все вокруг и даже выбранная дочь превращаются во врагов, а потом она начинает бредить. Она забыла наш язык и говорит только на всеобщем — том языке, на котором говорила с отцом, и кроме языка не помнит об отце ничего. А может, всеобщий просто лучше подходит для бреда... И за три года, за все три года, она ни разу не выбрала меня, свою дочь! — с обидой воскликнула Тэя.

— Твоя мать говорила о ком-то, кто вспомнит о ней и снимет чары. Кто это может быть?

— Откуда я знаю? Может быть, Виллентретенмерт. А может, сама Хатун Мелике!

Я задумалась.

— Бред всегда начинается после захода солнца?

— Всегда! Даже если плотно задёрнуть шторы. Р-раз, и она уже другой человек! Я проверяла.

— Мне нужно оказаться около твоей матери в то время, когда она засыпает, но ещё не спит. Нужно, чтобы она не боялась меня и позволила находиться рядом. За дочь она меня вряд ли примет...

— Последнее время она всё чаще выбирает Рэю, — с тоской зерриканка махнула рукой. — Но я благодарна Рэе — она нежна с моей матерью, и в те дни, когда они вместе, Ненина спокойна и счастлива.

— Если б можно было как-нибудь убедить её, что я — именно та, кого Они прислали помочь...

Тэя откинулась на подушках и, выдохнув клуб дыма, прищурила глаза.

— Каждый день после обеда Рэя читает матери легенды о подвигах великой Зены.

— Зены? — удивлённо переспросила я и едва сдержала смех.

— Зены — королевы воинов, — приподняв бровь, кивнула Тэя. — А на следующий день

Ненина не помнит ничего, кроме имени, золотой кольчуги и того, что Зена всех спасает.

— У вас есть золотая кольчуга?

Тэя расхохоталась.

— Сделаем! Я накажу Рэе прочитать сегодня легенду по-новому. О деве Зене в золотой кольчуге с двумя мечами за спиной и с амулетом из чешуи дракона, которая придёт и снимет чары с Матери Хранительницы!

Зерриканка вскочила на ноги.

— Погоди! Чтобы выманить духа, мне нужен специальный порошок. К счастью, основной ингредиент у меня есть, но кое-каких не хватает. Может быть, Исман даст их, он ведь алхимик? — я достала лист бумаги из кармана шорт. — Вот список.

— Фосфор, ребис, киноварь, — прочитала Тэя. — Исман сейчас занят, пытается разгадать ту книгу, что вы нашли, извлечь скрытое в ней. Как жаль, что он простой алхимик, который не смог быть чародеем... Он заперся и просил не беспокоить. Но ничего, переживёт! После обеда ингредиенты и кольчуга будут у тебя.

Вернувшись в чайхану в нашу комнату, я застала Йорвета за сосредоточенным наматыванием кушака.

— Я ждал тебя, расскажи, что узнала, — заявил он, и в его взгляде заплясали черти. — Наверное, следует добавить: «Пожалуйста, госпожа». Или как тут принято величать своих хозяек?

— Ну тебя в баню. Это была твоя идея, я не просилась тебе в хозяйки, и такая собственность мне задаром не нужна. Так что не тыкай меня в это носом!

— Как пожелаешь, госпожа, — с кривой усмешкой он глядел мне в глаза.

— Какая муха сегодня всех укусила? — я рассвирепела, а он застёгивал пояс с мечом и одновременно сверлил меня таким взглядом, словно я была виновна в насильном изменении его статуса. Я не двигалась с места — раз хочет, будем играть в гляделки! Наконец, выдохнув, Йорвет отвёл взгляд.

— Что ты узнала?

С досадой махнув рукой, я упала на кровать и пересказала ему разговор с Тэей.

— Так что сегодня ночью станет ясно — есть у нас надежда получить разрешение или нет. А ты куда?

— Снаружи стоит лагерь торговцев, поговорю с ними. А ты?

— Собираюсь поспать до обеда. Я выпила бодрящего напитка, которого не видела с прошлого мира.

— И теперь хочешь спать?

— Да!

Он хмыкнул.

— Тебе нужна будет помощь? — он обернулся на пороге.

— Купи чего-нибудь вкусного.

— Как пожелаешь.

Я швырнула в него подушкой и попала. Подушка по-дурацки шлёпнула по щеке, эльф замер, лицо потемнело. Он медленно поднял её, подкинул в руке, примериваясь, будто это был кирпич, которым он собирался разбить витрину. Отбросил в сторону на пол и хлопнул дверью.

Выданная кольчуга сверкала свежей краской цвета яичного желтка, которая ещё не вполне высохла, и мои руки украшали жёлтые пятна. Лея, руководившая преобразованием в Зену, распустила мне волосы, заплела на зерриканский манер косы и тёмно-синей краской нарисовала полосы от глаз к ушам. Я затянула ремни перевязи с мечами, которые тут же тоже измазались в краске, и вынула из-за пазухи амулет Саскии. Мешочек с призрачной пылью, перетёртой с переданными Исманом ингредиентами, висел на поясе.

— Я бы сама поверила, — с видом художника, удовлетворённого своей работой, Лея отвела в сторону руку с кисточкой, отступила на шаг и осмотрела меня.

— Скоро закат, — с тревогой я наблюдала, как с наступлением сумерек двор накрывало густой тенью.

Наконец, из-за двери, ведущей в покои матери, Тэя приглашающе замахала рукой. Мы столпились перед пологом, любопытная Лея оперлась ладонями на мои плечи и заглянула между занавесками внутрь комнаты.

Рэя перевернула страницу:

— Так Зена совершила ещё один подвиг. И пока есть на свете невинные и слабые, обездоленные и обиженные, пока сильны тираны и властвует зло, Зена — королева воинов придет на выручку, стоит только позвать: «Зена, помоги!»

Губы пожилой зерриканки зашевелились. В спину толкнули ладони, и я вывалилась из-за занавесок в комнату.

— Кто меня звал? — распрямилась я.

Ненина поднялась с кресла, оперлась на тут же подставленную руку Рэи и подошла ближе.

— Золотая кольчуга, два меча и дар дракона на шее!

— Я слышала зов, кому нужна помощь? — важно, с достоинством произнесла я.

Рэя бросила на меня презрительный взгляд.

— Я знаю тебя! Я читала обо всех твоих подвигах! — Ненина дотронулась до амулета Саскии. — Ты Зена — королева воинов, ты освободила смерть, помогла драконам принести людям огонь и убила Ледяного Левиафана! О Великий Драйк Кин, Они вспомнили обо мне!

В комнате стремительно темнело, и я с ужасом наблюдала, как устремлённый на меня взгляд старой Хранительницы тускнел и из него исчезала мысль. Медальон, спрятанный под кольчугой, дрогнул. Она схватила меня за руку, да так крепко, что ногти впились в кожу. Обернулась к Рэе:

— Вы думали, вы нас это самое, но нет, мы вас!

— Я спасу тебя от всех врагов, Ненина. Только скажи, кто они?

Ненина вцепилась мне в шею и притянула за голову к себе:

— Они украли мою дочь и подсовывают каждый день других женщин. Они сужаются, расширяются, округляются и принимают формы друг друга. Моя дочь тоже с ними. Она меня изводит, она плохой человек и змея, и гадюка, и у неё змеиный характер! — она ткнула в Рэю пальцем, и лицо могучей зерриканки вспыхнуло от обиды.

— Я разберусь с ней, — многозначительно я показала Рэе глазами на полог, и та, гневно зыркнув напоследок, протопала вон. — Не беспокойся, я уничтожу врагов, а тебе нужно отдохнуть.

— Я не могу-не могу, — Ненина позволила взять себя под руки и повела к двери в углу. — Я там всё чёрное вытерла. Белое — пожалуйста, полотна остались.

Мы вошли в крохотную спальню, и вдруг Ненина выпустила меня, с грохотом

захлопнула за нами дверь и повернула щеколду.

— Теперь я чувствую ничего-ничего. Птичка-синичка собирает холод.

Я помогла ей с вечерним туалетом и подвела к кровати в углу. Хранительница присела на краешек, хрупкая, как ребёнок, в своей длинной белой рубахе. Седые волосы рассыпались по плечам. Она неподвижно смотрела перед собой, и я поразилась её сходству с Тэей. Но насколько полнились жизнью и энергией черты дочери, настолько же застылой и безучастной маской стало лицо матери после захода солнца. Я взбила подушку, сунула руку в мешочек и развеяла над кроватью сверкающий в свете лампы порошок.

— Ложись, матушка Ненина, я буду охранять твой сон.

Старушка покорно легла, тщательно расправила вдоль тела простыню.

— Я лежу-лежу. Они вспомнили обо мне.

Я присела на край кровати. Ненина успокоенно вздохнула, веки закрылись, и я бросила ещё одну щепотку порошка. Искорки пыли осели поверх простыни. Ненина засыпала, а я ждала. Её дыхание стало неразличимым, и я сыпанула ещё горсть. Ничего не происходило. «Всё-таки это болезнь», — безнадёжно подумала я, чувствуя себя довольно глупо со своими фокусами с порошком и колдовскими трюками. А вдруг Исман передал какие-то другие вещества? На вид я совершенно не могла опознать их подлинность, и алхимику пришлось поверить на слово.

Но сдаваться было нельзя. Я бросила ещё щепотку. Сверкающие пылинки кружились, и на этот раз они не просто падали вниз, а будто обтекали нечто невидимое. Я сложила пальцы для Ирден, а Ненина внезапно сжала кулаки. Моя рука вылетела вперёд, и в ловушке забилось уродливое, как горгулья, существо, сидевшее на животе Хранительницы. Я вытянула из ножен серебряный меч.

— Если ты надеялась запугать меня, смертная, то ты попала в глаз не только пальцем, но и целым кулаком! — горгулья замерла, опутанная светящимися нитями Ирден, и с вызовом уставилась на меня.

Я ошарашенно распрямилась, вытянув вперёд меч. Сгорбленное сизое существо окончательно материализовалось, хмуря лоб на круглом недовольном лице с носом картошкой, и шевелило густыми сросшимися бровями. Оно было нагим, на голове кучерявились взъерошенные патлы.

— Ну давай обменяемся приветствиями, цыпочка, прежде чем ты начнёшь меня убивать, — существо скорчило презрительную гримасу, глядя на сияющую желтизной кольчугу. — Все герои так делают, если ты вдруг не знала, не поговоришь — не убьёшь! Только умерь работу своих желёз и не делай резких движений, твоя железяка меня нервирует.

— Для такого нервного существа твой язык слишком остёр! — воскликнула я. — Меня зовут Яна, и моя работа — освободить от тебя эту женщину!

— А я — Кабус. И если ты освободишь меня от старого чучела, я даже закрою глаза на твой внешний вид.

— Освободить тебя?

— А ты что, не видишь? У тебя яйца всмятку вместо глаз? — взвизгнул Кабус.

Ловушка распалась, и я увидела, что Ненина, вытянувшаяся под простыней, как струна, крепко держала существо за худосочную ногу. Привстав, он дёрнулся, подрыгал ногой, зажатой в кулаке Ненины, и с размахом плюхнулся обратно ей на живот.

— Так. Я ничего не понимаю, — я подтащила табурет и села, положив меч на колени.

— О дьявол, моя бессмертная душа в лапах разукрашенной блондинки! Скажи ещё что-нибудь столь же умное!

— Мои умные книги говорят, что если тебя убить, то я освобожу её, — я показала на Ненину.

— Это книги для блондинок, не читай их!

— Тогда тебе придётся рассказать, кто ты такой, откуда взялся и почему Ненина держит тебя, — я приподняла меч.

— Уболтала, опусти железку! Знаю я таких, как ты — сначала гладят по голове, а потом уносят твой скальп, — пробурчал Кабус. — Демон я. Кошмар. Специализация — сожаления, девятый уровень, седьмое колено.

Он зашевелил ноздрями, шумно втянул воздух.

— Так-так. Номер тринадцать в Тентуре, налево от Большой Медведицы, знакомые места. Ты здесь по работе или как?

— Или как!

— Сослали на отработку, ясно-понятно. Сожалений от тебя, гляжу, не дождёшься. А вот я — по работе, этот сухофрукт призвал меня.

— Когда?

— Три года назад. Муж ейный помер, и она осознала. Отличный клиент! Всю жизнь не понимала, что любит его, а когда помер — вспышка, прозрение, молния, взрыв, бада-бум! Прекрасные сочные сожаления об упущенных годах. И вот он я, тут как тут. Работа простая — высосать до дна, и пусть барахтается, как хочет. Но не в этот раз. Старая развалина применила своё кунфу, или чему их там учат, так я и попал, в цвете лет. Привязан к ней, аки хвост к корове.

Я лихорадочно соображала. Всё шло не по плану. Ненина вызвала демона, и по всем книгам следовало, что демон должен был быть злобной потусторонней сущностью, которую не жалко убить, а отнюдь не сыплющим островами карликом с зажатой в крепком кулаке жертвы ногой.

— Давай я всё-таки тебя убью, и дело с концом. Мне чертовски нужно выполнить этот заказ.

— Светлая мысль, блестящая! Даже тыква не смогла бы произвести ничего подобного! Но есть нюанс, — он поднял палец, — старушенция останется в пучине мрака, и будет продолжать радовать своими презабавными умозаключениями.

— Как вернуть ей разум?

— Она должна отпустить меня. Сама. Не уверен, что после этого у неё останутся силы на жизнь, но тут уж я не властен. Но пока она держит меня, мать твою, за ногу, разума ей не видать, как кактусу воды.

— То есть, если каким-то образом убедить её отпустить тебя, — я посмотрела на спящую Ненину, — то ты будешь свободен, а она выздоровеет?

— Наконец-то свежая идея! Глядя на тебя, никогда бы не подумал, что это возможно, но внешность в наши дни обманчива!

— Всё-таки убить тебя проще, — решила я. — Как мне убеждать её, если она спит? И, вообще, почему она тебя держит?

— Спит, не спит, невелика разница, — Кабус нагнулся и дунул в лицо Ненины.

Хранительница распахнула глаза:

— Карел, мне так жаль, — произнесла она, — я должна была сказать тебе это много лет

назад.

— Ну хватит, сеанс окончен! — демон дунул снова, глаза Ненины закрылись, и она застыла опять. — Она не может отпустить своего мужика, думает, что я — это он.

Кожа Кабуса стала нечёткой, на животе появилась полупрозрачная прореха. Я ощупала мешочек с порошком — осталось меньше половины. Призрачная пыль, столь удачно добытая в пещере, закончилась, а это значит, что новую порцию порошка сделать не получится. Поднялась.

— Я что-нибудь придумаю и вернусь завтра.

— Надеюсь на тебя, титан мысли! — демон ослабился, принял позу роденовского мыслителя и растворился в воздухе.

Разговор с Тэей вышел неприятным. Порывистая зерриканка ждала результата здесь и сейчас и разгневалась, узнав, что я не убила Кабуса.

— Ты должна сделать выбор, — огорошила я её. — Если убить демона, то разум Ненины так и останется во мраке. А если она отпустит его, то разум вернётся, но неизвестно, останутся ли у неё силы жить. Подумай, не отвечай сейчас.

Я втайне надеялась, что Тэя не выберет первый вариант, хотя пока у меня не было ни малейшей идеи, как уговорить Ненину отпустить демона. Язвительный Кабус понравился мне, и я точно знала, что не смогу его убить, даже если все зерриканки мира этого потребуют. «Надо обмозговать это с Иорветом», — решила я и припустила в чайхану по тёмным переулкам. Вместе мы, как обычно, что-нибудь да придумаем!

Иорвет был дома. Я усмехнулась — я уже начала привыкать к пасторальному пейзажу с полуобнаженным эльфом, видневшимся на горизонте кровати. Вал, отделявший его половину от моей, порядком уменьшился, а подушки, из которых он был сложен, в беспорядке валялись на полу.

— Ты что, отстреливался подушками от очередных женщин, жаждущих тобой овладеть?

— От демонов, — губы Иорвета растянулись в зловещей улыбке.

— И как, успешно?

— Как видишь, демонов тут нет, — отрезал он. — Что с заказом?

— Я преуспела не так хорошо, как ты. Отвернись, — он послушался, я скинула звенящую жёлтую кольчугу, разделась и забралась под одеяло. — Значит так...

Я задула фонарь, растянулась на постели и, глядя в ночное звёздное небо, пересказала ему всё, что произошло в доме Хранительниц.

— Только после того, как потеряла мужа, она поняла, что любила его, и её запоздалые сожаления призвали демона. И вот вопрос, как заставить Ненину отпустить Кабуса, которого она принимает за мужа? — завершила я рассказ.

— Это же очевидно, — сказал Иорвет.

«Лучше тебя убить», — подумала я.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Кофе и рогалики

Есть вещи, настолько вбитые в подкорку, что даже год жизни в новом теле не способен их уничтожить. И если проснуться ранним утром, приоткрыть глаз (второй в это время ещё спит и впечатан вместе со щекой в подушку) и поймать такой же утренний взгляд с соседней подушки, то рука сама потянется, чтобы соприкоснуться, переплестись пальцами. А потом следует подкатиться под тёплый сонный бок и дремать минуту до той поры, пока не станет очевидно, что дремать более невозможно, и не откинуть ногой одеяло и не обнять пышущее жаром тело и...

Но не в этом мире. Из-под тёмных волос на меня смотрел ярко-зелёный в утреннем свете глаз Иорвета, и я, опомнившись, засунула уползшую было в его сторону руку под подушку. Он был прав. Всё было странным и неправильным в этом окутанном ленивой и жаркой курортной атмосферой городке. И разбегающиеся по пологу от жёлтой кольчуги игривые солнечные зайчики, и дурацкий документ, который неуловимо изменил что-то в наших отношениях, и вынужденные ночёвки в одной мягкой кровати вместо походных ночлегов у костра. Пора было уходить отсюда — дорога вернёт всё на свои места.

Я сбегала на кухню за чаем и ускользнула из лап хозяйки, которая начала было накрывать на стол. Вчера Иорвет и правда закупил корзину еды, и мы решили позавтракать на крыше, чтобы без лишних ушей повторить придуманный ночью план. Мы уселись прямо на расстеленном на полу ковре под сенью усыпанных кричаще-розовыми цветами плетей бугенвиллеи, и я выудила из-под тканой салфетки треугольный мясной пирожок.

— Тебе удалось разведать что-то у торговцев? Если план сработает, нам надо знать, куда идти дальше.

Иорвет покачал головой.

— Они ничего не знают. Но потом я пошёл в район бедняков. У западной стены в полуразрушенных лачугах живут те, кому нет места внутри крепости. В трущобах всегда можно узнать больше, чем во дворцах. Поначалу мне не везло, жители разбегались как крысы по своим норам...

Он налил чаю и долго сидел, держа чашку обеими ладонями и вглядываясь в крутившиеся внутри листы мяты.

— Я уже собирался уходить, когда ко мне прицепился нищий старьёвщик. Выспрашивал, нет ли у меня на этот раз чего на продажу, и клялся, что теперь-то у него хватит денег выкупить что угодно. Но когда этот подслеповатый старик рассмотрел моё лицо, то дал дёру.

— Ты догнал его?

— И прижал немного, — кивнул Иорвет. — Старик божился, что обознался.

— Думаешь, он принял тебя за Исенгрима?

— Нет, за Деву Полей! — сострил он. — За кого же ещё?

— Может, за хулигана, который пытался отобрать у него старые башмаки, — я запустила руку в мешочек с сухофруктами.

— В любом случае этот след оборвался. Старик не сказал больше ни слова.

— Если это и вправду был Исенгрим, значит, у него была ценная вещь на продажу, которую не смог выкупить старьёвщик. Надо найти того, кто смог.

— Я побывал у единственного скупщика в городе, глухо. Он открыл лавку только год

назад.

Я задумалась. До вечера, когда нам надлежало явиться в резиденцию Хранительниц, оставалась ещё куча свободного времени.

— Вчера Тэя познакомила меня с владельцем кахвеханы — того места, где подают бодрящий напиток из моего мира. Он знает всё обо всех в городе и, может, подскажет, кому Исенгрим мог продать свою вещь четыре года назад. Заодно и кофе попробуешь!

Иорвет без энтузиазма кивнул.

В кофейне было так же многолюдно, как и вчера. Бади галантно склонился и, взяв мою руку, перевернул её и прикоснулся мягкими губами к ладони. Лицу стало жарко, Иорвет приподнял бровь и направился к балкону, откуда нам махала руками Тэя.

— Я уж собиралась послать за тобой. Я подумала о твоём вопросе, — она насмешливо прищурилась: — И Бади спрашивал о тебе.

— Что ты решила? — я была невозмутима, как покойник.

— Я решила... — зерриканка сплела и сжала пальцы. — Моя мать всегда брала всю ответственность на себя, никогда не сваливала на других. А сейчас ответственность за её жизнь на мне... Я не могу лишиться её права выбора — жить или нет. И я хочу, чтобы она сделала этот выбор сама, будучи в сознании.

Мы с Иорветом склонили головы, а лицо Тэи вдруг скривилось, и на нём появилось беспомощное выражение, будто у ребенка, смотрящего на выпавший из рожка на асфальт шарик мороженого.

— Самое ужасное, что всё, что я сейчас сказала — это ложь, — её голос перешёл в шёпот. — Я просто хочу, чтобы она узнала меня... У меня дела, можете остаться тут!

Тэя вскочила и стремительно выбежала из кофейни. Бади, державший в руках поднос с тремя чашками кофе, удивлённо проводил её взглядом.

— Но как же кахве, госпожа! — простонал он.

— Я возьму его, Бади, твой кахве — лучший в этом мире! — лицо молодого зерриканца расцвело, а я почувствовала тычок локтем в бок. — Не окажешь ли честь, не присоединишься ли к нам?

— Я готов исполнить все капризы той, кто разделяет мою любовь к кахве, — он уселся на место Тэи и махнул кому-то в глубине кофейни.

В дверном проёме показался тот самый паренёк, что разравнивал граблями арену для боя, а я поняла, откуда мне знакомо лицо Бади.

— Мой брат быстро учится, — с гордостью продолжил он. — Брат рассказал мне о бое, в котором блистала моя госпожа. Я не мог оставить кахвехану, и моё сердце болит, что я этого не видел.

Моя ладонь снова очутилась в его тёплых руках, и он опять влажно поцеловал её. Я еле сдержалась, чтобы не вырвать руку и не вытереть о шорты. Столь недвусмысленные ухаживания выбивали из колеи. Может, какие-то очередные неведомые нам зерриканские обычаи позволяли флиртовать с замужней женщиной, да ещё и под боком не только живого, но и весьма угрюмого супруга? Мельком глянув на Иорвета, я всё-таки решила продолжить изображать Мата Хари. Нам нужны были сведения. Я обворожительно улыбнулась, потянулась к чашке. Кофе был великолепным.

— Эотэанерле высоко отзывалась о твоих талантах, — елейным голосом, вживаясь в роль знаменитой шпионки, сказала я. — О лучшем кахве, что ты готовишь, об этом месте.

Я величаво обвела рукой помещение. Глаза Бади полыхали.

— О том, что лучше тебя никто не знает, что происходит в городе.

— Госпожа слишком добра ко мне, — юноша для вида поступил взор. — Но мне и правда доводится слышать, о чём говорят люди.

Он взял чашечку Тэи, отпил и вновь впился глазами в моё лицо.

— Эти зёрна выращены в оазисе Му-Ус, в тени акаций. Песок в почвах не даёт им вызревать слишком рано, им не суждено быстро и жадно выпить соки из плодородной земли, наглоотаться вдоволь солнца. Они не спешат и вбирают благодать постепенно. И становятся истинно зрелыми.

— Весьма мудро для зёрен, — я бросила на Бади выразительный взгляд, а он смотрел на меня бездонными чёрными глазами.

— Так что хотела узнать моя госпожа? Я в твоём распоряжении.

— Нам... Мне надо узнать нечто, что произошло в Шале до того, как её захватили чародеи.

— Меня не было здесь, но люди до сих пор вспоминают те тёмные времена и жизнь, которая у них была до того и которую они потеряли.

Я кивнула.

— Если бы некто, кто пришёл с той стороны гор, хотел продать ценную, очень ценную вещь, кто бы мог это купить?

— Старик Мурбенья умер вскоре после освобождения касбы. Его антикварное дело захирело с тех пор, как закрыли перевал и караваны купцов почти перестали заглядывать к нам.

Видимо, на моём лице слишком явно отразилось разочарование, так как Бади испытующе посмотрел на меня.

— Вышей кахве, госпожа.

Я повиновалась, а Бади многозначительно показал Иорвету на нетронутую чашку, и тот поднёс её к губам, отхлебнул. Иорвет тоже вполне заслужил звание почётного шпиона — по напрягшимся челюстям я поняла, что не будь тут зрителей, лицо его перекосило бы от отвращения, но он стойчески не подал вида. Бади едва заметно ухмыльнулся.

— Насколько ценна вещь этого человека, а главное, есть ли у неё история?

— Все его вещи имеют историю, — отчеканил Иорвет.

Моя правая рука снова оказалась в руках юноши, и он ласково разминал её, выводя круги большими пальцами по ладони.

— Только для тебя, моя госпожа... О таких вещах не принято распространяться, но ходили слухи. Местечковые легенды о ведьмах, госпожа, не знаю, стоит ли упоминать... — он колебался, и я слегка сжала пальцами его руку. — Это очень старый город. Шептались, что жила тут с начала времён одна такая ведьма, охочая до вещиц с историей. Но правда это или домыслы, не знаю, никто из тех, кто про неё рассказывал, сам её не видал.

Я мягко высвободила руку и взамен лучезарно улыбнулась.

— А как её найти, что говорят слухи?

— Где-то в старом городе, на рыночной площади. Дескать, кому надо, тот увидит дверь, на которую падёт тень молодого месяца. А больше ничего и не знаю.

Он опять попытался схватить мою руку, но тяжёлая ладонь Иорвета придавила её, не дав Бади даже шанса довершить начатое. Он с возмущением посмотрел на эльфа и схватил поднос:

— Я принесу моей госпоже ещё кахве. Самого лучшего!

Бади исчез в кухне, а я выдернула ладонь из-под руки Иорвета и предупреждающе подняла палец.

— Ни слова!

— А я молчу, — сказал он таким тоном, что лучше бы и вправду молчал.

— Кое-какая зацепка есть...

— Вряд ли она стоила таких жертв.

Неугомонный Бади появился с новой чашкой кофе и с поклоном поставил её передо мной. На поверхности виднелся искусно сделанный из пенки рисунок.

— О, Бади, как красиво, это же кофейное зерно! — воскликнула я.

— Это сердце, госпожа. Моё разбитое сердце.

Когда мы, наконец, выбрались из кахвеханы, Иорвет с задумчивым видом обернулся ко мне.

— Я забыл задать твоему поклоннику один вопрос. Иди на площадь, я догоню. Направо по улице до конца.

Я открыла было рот, но, увидав решительное лицо Иорвета, поленилась спорить и вышла из тенистого двора на залитую солнцем пустынную улицу. Близился полдень, пекло, и только одинокая тощая кошка некоторое время бежала следом.

Улица вывела на тесную шумную площадь, всю уставленную полотняными навесами. Похоже, все жители города, кто не спрятался от зноя по домам, были тут. Я остановилась поодаль в тени и только успела достать флягу, как появился Иорвет.

— Что ты узнал?

— Мы с уважаемым Бади друг друга поняли, — голос Иорвета не выражал ничего. Я испытующе посмотрела ему в лицо, выражение было столь же информативным. — Мне не нравится, когда меня держат за идиота.

— Ясно, — до меня вдруг дошло, что никаких вопросов по делу у Иорвета к Бади не было. — Кофе мне больше не видать.

— Полагаю, что так. И кахве твоё — дрянь.

— Знаешь что, — несмотря на то, что я и сама решила не ходить больше в кахвехану, самоуправство эльфа вывело меня из себя, — кофе я тебе никогда не прощу!

— Тебе так дорога эта жидкость, что ты готова ради неё давать облизывать руки?

— Ты не имеешь права решать за меня, что я готова, а что нет, это моё дело!

— Теперь имею, во всяком случае, когда мы на глазах у всего города! — Иорвет, тоже разозлившись, поднял руку с кольцом.

— Видишь ли, эта штучка даёт не только права, но и обязанности, — я ткнула в кольцо пальцем. — Подумай над этим на досуге, прежде чем размахивать правами!

Он смотрел так, что если бы не адаптировавшаяся за несколько дней к полыхающим взглядам и солнцу кожа, от меня осталась бы кучка пепла.

— Будет тебе твоё кофе! — Иорвет круто развернулся и направился к рынку.

«Твой», — сквозь зубы поправила я и выпила, наконец, воды. Меня вдруг озарила запоздалая мысль, что я переоценила свою роль в инциденте с Бади. Как Иорвет и сказал, он должен был поддерживать свой окольцованный статус в глазах других, и дело явно было в мужских разборках кто кого уважает, а не во мне. Я же решила, что он взялся контролировать мои любовные дела. Щекам стало жарко от стыда за пламенную речь про

права и обязанности, и я кляла себя за несдержанный язык. Эльф обернулся, дойдя до палаток, и, отлепившись от стены, я отправилась догонять его. «Не терять контроля, держать дистанцию», — бормотала я.

Мы углубились в торговые ряды: с ковров наперебой кричали купцы и расхваливали товар, в жарком воздухе запах специй сплавился в дурманящий аромат. Из открытых мешков чуть не высыпались разноцветные порошки пряностей, сухофрукты, засушенные бутоны роз и сиреневые соцветия лаванды, поверх связками громоздились трубочки корицы. Лотки продавцов сладостей благоухали мёдом, и вокруг коршунами кружили, сверкая пыльными пятками, дети. Чуть дальше в загоне толпились овцы, которых тут же стригли, пахло нагретой шерстью и животным духом. Стопками лежали рулоны тканей, старушка, сидящая поверх горы ковров, потянула Иорвета за рукав. Тот отцепился и невозмутимо вёл сквозь громкий раскалённый бедлам на другой край площади, где над навесами покачивали головами верблюды.

— Начнём с этого края и обойдем рынок по кругу.

— Я не понимаю, как куда-то может упасть тень от месяца. Месяц сам светит, — сказала я.

— Я тоже, — согласился Иорвет. — Либо эта ведьма загадала загадку, а ведьмы это любят, либо вся эта история — выдумки старожиллов.

Мы пошли вдоль крайних лотков, осматривая каждую дверь, выходящую на площадь. Дома в этом квартале были выкрашены в слепящий на солнце белый цвет. Мы сделали полный круг, и Иорвет опять пошёл вдоль домов, а я засмотрелась на верблюдов, покрытых нарядными циновками со свисающими разноцветными кисточками и бубенцами. Рядом стояли худощавые, будто выточенные из тёмно-серого дерева женщины в кирпичного цвета накидках с глубокими капюшонами. Их мужчины сидели полукругом возле горы сырных голов.

— На этих дверях нет никаких опознавательных знаков, — сказал вернувшийся Иорвет.

— Можно проверить все двери...

Мы пошли к ближайшей, Иорвет постучал. Дверь распахнулась, в лицо ему полетела пыль из вытряхнутого половика, и низенькая женщина свирепо замахнулась веником. Я ретировалась с поля боя, и ноги понесли на запах свежее испеченного хлеба к лавке пекарей. Около лотка толпился народ. Бойкая девушка вытаскивала щипцами из дровяной печи пыхающие жаром рогалики, а юноша, как две капли воды похожий на неё, месил рядом тесто. Над навесом на длинном шесте возвышалась реклама в виде рогалика из изогнутой палки, обмотанной овечьей шерстью.

— Иорвет! — крикнула я.

Эльф, отряхивая одежду, подошёл.

— Месяц! — я показала на рогалик.

— И?

— А вот тень месяца, — в паре метров от нас вытянулась на земле серповидная тень рогалика.

Иорвет, прищурившись, посмотрел на солнце.

— К закату тень выползет с земли на стену. Но там нет никакой двери. Да и глупо древней ведьме привязывать загадку к тряпичному рогалику. Сегодня эта палатка здесь, а завтра может быть где угодно ещё.

— Посмотри на печь, она совсем чёрная. Может, это первое строение в крепости.

Иорвет фыркнул, и мы протолкались к прилавку. Девушка тут же переключилась на всеобщий:

— Подходи, дорогой, возьми медовую радость для твоей госпожи!

Она ловко выхватила пару рогаликов и уложила на салфетку.

— Сколько берёшь? Два? Четыре?

— Шесть, — ответил Иорвет и показал на печь. — Давно здесь торгуете?

Парень оторвался от теста и гордо произнёс:

— Волею богов от начала времён. Когда и крепости-то никакой не было, наша праmaterь отыскала родник Шала и построила дом. Дом тот сожгли, но она из кирпичей сложила эту печь. Так и живём.

Девушка засмеялась.

— Пророчество нам было даровано — пока наш род печёт в этой печи, всё хорошо будет. А мы и печём, не жалуемся! Вот, держи, и пусть у тебя тоже всё хорошо будет, и жена любит, и детишки малые...

Тут уж Иорвет не выдержал, схватил салфетку с рогаликами, и мы бежали.

— Я же говорила! — воскликнула я.

— Болтовня, — буркнул он. — Сейчас увидишь.

Мы купили сочных, немного мятых персиков, купили сыра и лепёшек, и Иорвет нашёл старика, торгующего табаком, и добрую вечность придирчиво выбирал нужную смесь, и каждый торговец, кто знал хоть слово на всеобщем или нильфгаардском, утверждал, что лавка его тут от начала времён, его праmaterь первой нашла родник и его предкам было дано похожее пророчество.

— Убедилась? — насмешливо спросил Иорвет, и я кивнула: похоже, что маркетинговую стратегию всем торговцам сочинял один и тот же человек. — Я одно место приметил, можем перекусить там.

Мы вернулись по улочке обратно к резиденции Хранительниц, и Иорвет, уже прекрасно ориентировавшийся в городе, свернул в переулки и вывел к ступенькам, ведущим на внешнюю стену касбы. Проход по верху стены едва позволял разминуться паре человек, и мы уселись между зубцами, свесив ноги наружу. Перед нами расстилалась пустыня, справа зеленели деревья, в тени которых стояли шатры торговцев, и виднелись холмики опустившихся на землю верблюдов.

Я достала рогалик и откусила хрустящий зажаренный кончик.

— Эх, а идея с тенью была такой красивой, — вздохнула я.

— Завтра проверим, — благодушно ответил Иорвет. — Сегодня на закате нам будет не до того.

Он, прищурившись, смотрел в горизонт, где пустыня расплывалась в дымке и незаметно переходила в белёсое небо, и мне передалось его спокойствие и уверенность. Казалось, что всё опять стало как прежде, и мы были командой и были вместе, чтобы разгадывать загадки и прикрывать спины друг друга. Всё-таки и безо всяких любовей в прошлом мире о таком партнёре и таких приключениях я могла только мечтать.

— Так странно, — сказала я, — в прошлой жизни с утра до вечера я сидела перед светящимися экранами, а верблюдов видела живьём только в зоопарке. А теперь я ночью под звёздами и ем рогалики с видом на пустыню и живых верблюдов.

— Тебе недостаёт тех экранов? — спросил Иорвет.

— Экранов нет. Недостаёт семьи. Я потеряла её.

— Но ты не умерла для них.

— И это единственное, что держит на плаву. Эта боль только моя, не их, не той меня. Вторая я осталась с семьей. Не так страшно умереть, как страшно то, что станет с теми, кто тебя любит. Мне проще — главное сохранить жизнь той Яны. А здесь я живу, лишь пока не найду путь домой. Смотрю в небо, ем рогалики.

— Пока мы не найдём Филиппу?

Я утвердительно замычала с персиком в зубах, пытаясь не дать соку стечь по рукам.

— А если ты останешься?

— Выбор простой — или я вернусь, и та я будет жить, либо мы умрём обе. Любой вариант не слишком приятный для меня, но что поделать, таковы правила игры. Мне надо радоваться, что вообще выпал шанс пожить ещё одну жизнь.

— Жизнь человека коротка, и когда люди умирают от старости, эльфы только-только вступают в зрелость. А твоя жизнь коротка даже для человека.

Он смотрел на меня, и я постеснялась слизнуть с запястья убежавшую каплю. Швырнула персик далеко в колючие кусты под стеной и затрясла руками.

— И вот зачем ты мне это рассказываешь? Я стараюсь не вспоминать об этом.

— О смерти стоит помнить каждый миг.

Иорвет прислонился спиной к каменному зубцу, подтянул к себе колено и слегка покачивал другой ногой. Потом запрокинул голову и блаженно подставил лицо солнцу.

— Легко думать о смерти, если знаешь, что до неё тебе жить столетия, — проворчала я.

— Не легко. Когда мои братья и сёстры умирают с арбалетной стрелой в горле, мечом в спине или на шибенице, обмазанные нечистотами, я не могу не думать о том, что каждый из них мог бы жить ещё столетия. Умереть на тридцать или сорок лет раньше — такая мелочь. Но умереть на двести лет раньше — несправедливо.

— Зачем же ты тогда воюешь? Зачем ведёшь за собой умирать? Я уверена, что ты сумел бы договориться, чтобы в Ард Доле приняли и тебя, и скоя'таэлей... Полей.

Отстегнув с пояса флягу, он плеснул воды мне на ладони.

— Всех не уведёшь. А отсиживаться в благословенной долине и рисовать натюрморты, пока dh'oine вырезают последних эльфов, предательство.

— Значит, всё-таки продолжительность жизни не главное. Что у людей, что у эльфов главное — зачем жить эту жизнь.

— И это разные зачем, разный смысл. Если ты можешь жить столетия, ты мыслишь столетиями, даже если знаешь, что завтра можешь умереть. Люди же как ночные мотыльки. Они знают, что с первыми лучами солнца упадут бездыханными, и поэтому бьются бессмысленно о лампу всю ночь напролёт, всю свою короткую жизнь, не задумываясь о том, что будет дальше. Жажда жизни... — он презрительно скривился.

— Близкая смерть не делает жизнь людей бессмысленной! Наоборот, она придает ей смысл.

— Я этого не замечал!

— Как и не замечал у эльфов, попивающих вино у себя в Ард Доле!

— Эльфы живут не только в Ард Доле. Но цели на свою жизнь эльф и человек ставят разные, даже если смерть забирает нас раньше времени. Планирование жизни эльфа — сотни лет, человека — десятки, твоё — до момента возвращения в твой мир. И если я сейчас шевельну рукой, и ты вдруг упадешь со стены...

— Твоё самое долгосрочное эльфское планирование тут же полетит к чертям!

— Почему это?

— Вдовствующий эльф, думаю, весьма ценен на местном брачном рынке.

— Ну хорошо, — ухмыльнулся он, — предположим, я убью тебя по возвращении из Зеррикании...

— Ты бы вслух таких вещей не говорил. Многие благоверные мужья внезапно и скоропостижно умирают во сне вместе со своими великими долгосрочными целями.

Иорвет рассмеялся, и лицо его под жарким солнцем казалось юным и летним, и в этот момент весь он был юным и летним, как мальчишка, у которого впереди вся жизнь, то есть вечность.

— Женидьба — это гораздо веселее, чем я думал.

— Да уж, обхохочешься, — мрачно сказала я. — Пойдём, нам надо ещё успеть расспросить Тэю.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Если любишь — отпусти

Волнуясь, я наматывала круги по комнате, где Хранительницы впервые приняли нас, и то поглядывала в окно на Рэю, выгуливающую Ненину во дворе с фонтаном, то исподтишка наблюдала за Иорветом, который дотошно выспрашивал Тэю об отце. Что-то неуловимо общее было в этих картинах, отчего волнение только усиливалось и щемило сердце. Рэя — лучший боец отряда и ветеран нескольких войн, присела перед старушкой, заботливо завязала распутившуюся на сандалиии ленту и подобрала выпавший из слабых пальцев цветок. Улыбнулась Ненине, и её непривлекательное, будто выбитое из камня свирепое лицо озарилось нежностью, черты смягчились, и в лучах закатного солнца на фоне подсвеченной золотом листвы она показалась красавицей.

— Если он не был согласен с женой, как настаивал на своём? Что говорил? Молчал? Как он молчал? — доносились вопросы.

Иорвет расспрашивал о мельчайших подробностях взаимодействия супругов, и было удивительным, как глубоко он копал и как чутко понимал нюансы. Как они ссорились, как мирились, как говорили о любви — он хотел знать всё. Нужно было быть необычайно восприимчивым созданием, чтобы хотя бы быть в курсе существования таких тонкостей. Тэя злилась, огрызалась, но он заставлял её вспоминать детали жизни родителей, о которых она, будучи погружённым в себя подростком, а позже занятой молодой женщиной, даже не задумывалась.

— Пора! — сказала я, увидев поданный Рэей знак.

Пока та отвлекала подопечную, Иорвет пересёк двор и скрылся за дверью в покои старой Хранительницы. Мы с Тэей ждали, и, наконец, Ненина, не желавшая уходить со двора, проследовала к себе, а мы заняли привычные места за пологом.

— Я знаю тебя! Я читала обо всех твоих подвигах! — Ненина повисла на моей руке. — Ты Зена — королева воинов, ты заморозила смерть, помогла драконам сжечь людей и освободила Ледяного Левиафана! О Великий Драйк Кин, Они вспомнили обо мне!

Со всеми хитроумными манёврами и затянувшейся прогулкой мы едва не пропустили закат, и Ненина уже начала заговариваться, когда я в своей немного растерявшей блеск и краску жёлтой кольчуге предстала перед ней.

— Видимость — это кажимость, Зена, а облака не станут небом, — сказала Ненина и демонстративно отвернувшись от Рэи, вложила сухую руку мне в ладонь. Пальцы её дрожали.

В спальне она снова заперла дверь на щеколду, проворно склонилась и заглянула под кровать. Сердце провалилось в пятки, однако Ненина, не заметив ничего подозрительного, выпрямилась и позволила помочь с приготовлениями ко сну. На этот раз я решила экономить порошок и заранее, как того требовал ритуал, лишь сдула несколько крох с ладони на подушку. Ненина не засыпала. Она беспокойно ворочалась, привставала на локтях, заглядывала мне в лицо, и я начала опасаться, как бы она не забыла, кто я такая. Подражая Рэе, я терпеливо и нежно успокаивала её, пока, наконец, устав от метаний, старая Хранительница не затихла под простыней. Время шло. Я макала палец в мешочек и щелчками сбивала порошок над кроватью. Штора шевельнулась, оттуда показалась тень Иорвета. Я замахала руками, что ещё не пора, и в этот момент кулаки Ненины сжались, и Кабус начал воплощаться. В спешке я сыпанула добрую половину оставшегося порошка.

— Надеюсь, ты усиленно думала, жёлтая чудо-женщина, — Кабус чихнул, и изо рта разлетелось облачко призрачной пыли. Он выпучил глаза: — Зачем ты приволокла этого Тарзана?

Иорвет подошёл и с интересом рассматривал демона и спящую Хранительницу.

— План такой, — сказала я. — Ты разбудишь Ненину, а Иорвет уговорит её отпустить тебя.

— Посмотри на него, малышка, — Кабус скорчил рожу, — даже старая карга не клонет на него. И это всё, что ты смогла придумать за восемьдесят шесть тысяч семьсот двадцать девять секунд с нашей прошлой встречи?

— Я тебе говорила, — я обернулась к Иорвету и развела руками.

— Давай не будем терять времени и сразу перейдём к запасному плану, — эльф кивнул на мой серебряный меч.

— Ты слишком рано слез с пальмы, абориген, придержи свои дремучие инстинкты! — воскликнул Кабус и развернулся ко мне: — Я буду общаться только с тобой — ты симпатичнее, и я знаком с тобой дольше. Говори, мои уши слышат только тебя!

— Я уже всё сказала. Будет ли Ненина видеть нас, когда ты её разбудишь?

— А надо? — заволновался демон. — Она может только слышать, да и то лишь смертных. Если бы она могла услышать меня, я давно бы уломал её без помощи всяких громил.

— Отлично! Значит, как только я махну рукой, ты разбудишь её, и остальное сделает Иорвет. Если у него не получится, я тебя убью. Так что в твоих интересах нам помогать.

— Ты ничем не лучше его, — пробурчал Кабус. — Гремучие змеи небось убираются на другую сторону дороги, завидев тебя. Я готов.

Иорвет присел на пол у изголовья кровати, я развеяла ещё порошка и махнула рукой. Кабус переполз выше по груди спящей, глубоко вдохнул и дунул в лицо. Ненина открыла глаза.

— Здравствуй, Нени, — Иорвет прикрыл веко и заговорил с расстановкой, слегка растягивая слова.

— Карел, я слышу твой голос! Мне столько надо сказать!

— Я здесь, любовь моя, — голос Иорвета был мягким и бархатистым, и я с тоской подумала, что отдала бы всю свою здешнюю жизнь за то, чтобы он сказал эти слова мне.

— Когда ты умер, я поняла... Но ты же не умер, правда? Ты говоришь со мной! — Ненина ударила кулаками о постель, дёрнув Кабуса за ногу.

— Я мёртв, Нени, но вернулся, потому что нужен тебе.

— Я должна сказать... Я была плохой женой. Все годы, что мы были вместе, я не ценила тебя и так жалею об этом. Мне мало того времени, — Ненина содрогнулась, и из глаз покатались слёзы.

— Ну давай, давай! — вскричал вдруг Кабус. — Налей ей сладкой водички в уши, чтоб она размякла!

Иорвет с яростью уставился на демона. Я демонстративно потянулась к мечу, Кабус зажал ладонями рот.

— Это время было, и оно было нашим, — Иорвет закрыл глаз и стал слегка раскачиваться, вводя себя в подобие транса. Слова лились размеренно. — Оно навсегда со мной.

— Помнишь, как мы ездили в Сандаре? — на лице Ненины появилась слабая улыбка. —

И попали в песчаную бурю.

— И отбились от каравана, но нашли озеро.

— А я наступила на рогатую гадюку, и ногу раздуло, как дыню.

— И ты не могла ходить, не могла командовать. Рядом не было твоих бойцов, и некуда было бежать, некого спасать. Ты была только моей, Нени. Я помню каждый тот день.

— Я была счастлива там, Карел, на нашем озере, — едва слышно проговорила она.

— Я был счастлив всю жизнь рядом с тобой, — ответил Иорвет.

Губы Ненины опять страдальчески искривились.

— Ни разу за все годы я не сказала, что люблю тебя. Я думала, что моя любовь предназначена высшему существу, и не замечала того, кто был рядом. В горе и радости, длинными ночами и каждый ясный день. Ты бы знал, как это меня мучает!

— Нени, Нени, — эльф открыл глаз и посмотрел на меня. — Ты моя девочка — с блистательным умом, которая решала сложнейшие задачи, которая побеждала сильнейших врагов, но не замечала того, что всегда было рядом. Всё это время я знал, что ты любила меня, даже если ты сама этого не понимала.

Мы смотрели друг на друга, и кроме его лица, вся эта комната, Ненина, Кабус стали вдруг размытыми и нереальными, как наваждение.

— О, Карел, — Хранительница сжала зубы, из груди вырвались рыдания, демон подпрыгивал на её животе.

— Когда ты обнимала меня... Редко, но моё сердце билось в тот миг только для тебя. Когда ты смотрела на меня утром, только открыв глаза. Когда ты осыпала меня колкостями. Я знал, что так ты говорила мне: «Я тебя люблю».

Кровь бросилась в лицо, в ушах зашумело.

— Мне не хватает тебя, Карел. Останься, прошу.

— Ты знаешь, что это невозможно, *me minne*, — Иорвет вздрогнул, отвел взгляд и поправился: — это невозможно, любимая. Мы из разных миров. Позволь мне уйти, Нени.

Безумная, иррациональная надежда рухнула вместе с наваждением. Я опомнилась и рассыпала над Кабусом остатки порошка.

— Я не могу отпустить тебя, — прошептала она, — мне незачем будет жить.

— У нас есть дочь.

— Она никогда не простит меня, я знаю.

— Тэ всегда обожала тебя, но у тебя не было времени этого заметить. Не совершай ошибку дважды, цени то время, что осталось. Скажи нашей девочке, что любишь её. Передай, что я всегда любил её, — Иорвет помедлил и решился снова: — И если правда любишь меня — отпусти.

Слёзы лились из глаз Ненины. Пальцы её шевельнулись.

— Прощай, — едва слышно сказал Иорвет.

— Прощай, Карел, — прошептала она и разжала кулаки. Её глаза закрылись.

Кабус подскочил, подпрыгнул и завис в воздухе.

— Дьявол, я свободен! — он воспарил к потолку и спикировал ко мне. — А этот примат не так уж плох, чуть не надорвал мне сердце! Теперь придётся высморкаться и заодно вытрясти из ушей весь песок этой треклятой страны.

Он подлетел к Ненине и потрепал по щеке.

— Прощай, смешная женщина, мне будет не хватать милого хаоса твоей головы, — обернулся ко мне. — Прощай, цыплёнок, скучать не обещаю! Может, ещё свидимся.

— Сомневаюсь, Кабус, — сказала я. — Прощай.

Иорвет подошёл, и мы наблюдали, как демон присел на полу, раскрутился волчком и, оттолкнувшись, с радостным гиканием рассёк потолок и исчез. Моей ладони коснулась рука эльфа, я замерла столбом.

— Пойдём, позовём Тэю. Мы выполнили задание, — сказал он.

Небо на востоке начало светлеть, мы возвращались в чайхану, и эхо шагов разносилось по пустой улице. Я настолько погрузилась в раздумья, что не слышала, как Иорвет говорил что-то про сборы и план на завтрашний день, и он, заметив это, замолчал. В ушах ещё звучали слова, сказанные им Ненине, и мне то казалось, что он раскусил меня и давным-давно всё понял, а то — что я всё выдумала, и он произнёс лишь необходимое для выполнения задания.

Наверху закончилась вода, Иорвет пошёл к колодцу во дворе, а я шагала по крыше. Всё, что бы он ни говорил, можно было трактовать с точностью до наоборот. «Если ты видишь меня насквозь, так почему не скажешь „да“, почему не скажешь „нет“, прямо и понятно? Почему не скажешь это по-человечески?» — с отчаянием подумала я и усмехнулась своим же словам. Эльфы мыслят по-эльфийски, вот и весь сказ. А про свои отношения к dh'oine Иорвет говорил многократно. Куда уж прямее. Однако этого не хватало, чтобы перебить то, что я видела и чувствовала, и чтобы вытравить глупую надежду, которая занозой торчала в сердце и была мучительнее, чем любой прямой отказ. Я запнулась о подушку, и, наконец, спасительная злость по обыкновению вытеснила сомнения и терзания. «Надо будет — скажет! Не буду ничего выдумывать!» — я собрала подушки и сложила их обратно в вал в середине кровати. Так было спокойнее.

Последние звёзды подмигивали на светлеющем небе, утренний воздух охлаждал щёки, и я натянула одеяло до ушей. На той стороне кровати ворочался Иорвет.

— Ты спишь? — наконец, тихо спросил он.

— Да, — ответила я.

Он замолчал, а я так и лежала, глядя в небо, и не понимала — заслужила ли только что звание самой тупой или же самой разумной женщины по эту сторону Огненных Гор.

В полдень, когда я только и успела, что умыться, дверь распахнулась, и на крышу без стука и тени смущения ворвалась сияющая Тэя.

— Мама проснулась! — выпалила она. — Мы поговорили!

— Как хорошо! — обрадовалась я.

Иорвет кивнул, отложил пропитанную воском тетиву и принялся за полировку лука. В стороне своей очереди ждали меч, кинжал и стилет.

— Мы выполнили свою часть уговора, — сказал он.

— Я помню об этом! — Тэя достала свёрнутую трубкой бумагу, протянула мне и важно добавила: — Вечером в чайхане выступают ашики, у вас будет место за моим столом. Приходите.

Она крепко пожала мне руку и ушла. Я присела на корточки около эльфа и наблюдала, как он кусочком мягкой кожи любовно оглаживал лук.

— Я рада, что эта история закончилась именно так, — сказала я, — и это полностью твоя заслуга. Ты нашёл правильные слова.

— Это не было сложным, — он оторвался от лука и взглянул мне в глаза. — Я просто

говорил правду.

— Мы никогда не узнаем, правду ли ты сказал. Действительно ли Карел знал, что Ненина любила его, или так и умер, считая, что всю жизнь был лишь запасным вариантом.

— Это не важно. Достаточно того, что он любил её и умер рядом с любимой женщиной — ему не о чем сожалеть. А теперь и ей не о чем сожалеть тоже.

— Что дальше? — я малодушно сменила тему, и его рука снова заскользила по древесине. — Лея обещала достать карту.

— Я узнаю, когда и куда пойдут караваны. Собираемся.

— Река Алтинин берет начало в Драконовых горах и течёт на юг, — Лея склонилась надо мной и ткнула пальцем в карту. — А тут, в истоках, наша школа Юнтай.

Я надписывала на карте названия на всеобщем, а Лея заодно читала лекцию по географии Зеррикании.

— На плато река разливается... Вот здесь подпиши — Алтинадир, столица. Тебе обязательно надо там побывать! Ниже Страна Озёр — Албохейра. И горы Барьер, за которыми на юг только пустыня и ничего больше. Край мира, владения Левиафанов.

Я подписала одинокую крохотную точку на западе — касбу Шала, несколько городов по дороге в Алтинадир, и Лея показала обозначения оазисов. Тонким пунктиром на карте был начертан новый путь в северные королевства через перевал Эрхатердег далеко на юге. В Стране Озёр я нашла Сандаре, куда путешествовала Ненина с мужем, а крестиком на востоке от дельты реки была обозначена ещё одна школа Хранительниц — Мадрахатун.

— Они там думают, что они лучшие, — презрительно сказала Лея, — но они всего лишь служат царице — Хатун Мелике, а не драконам. Так что на их месте я бы много о себе не воображала!

На выходе из резиденции Хранительниц я столкнулась с Рэей, которая пронеслась мимо, бросив: «С дороги!», вскочила в седло рыжего коня и, с силой ударив пятками, пустила его в галоп.

— Кто-то обрёл сегодня мать, а кто-то потерял, — философски заметила Лея, глядя ей вслед. — Отойдёт. Всегда отходит.

До возвращения Иорвета я успела пообедать и привести мечи в порядок. Тени уже стали длинными, когда мы с ним вернулись на площадь. Торговля закончилась, между пустыми палатками гулял ветер, и толстые голуби, совершенно такие же, как роятся на помойках нашего мира, разгуливали между рядами и раскидывали клювами мелкий мусор, оставшийся после торговцев.

Мы пересекли площадь. Тень рогалика, возвышавшегося на шесте, лежала прямо около стены. Иорвет достал и раскурил трубку, я следила за тенью. И вот уже краешки месяца вылезли на белую стену...

— Отвернись, — присев на ближайший прилавок, Иорвет развернулся спиной к тени. — Если смотреть в котелок, вода никогда не закипит.

Он курил, я следила за солнцем, медленно опускавшимся за дома. Когда остался лишь оранжевый краешек, мы синхронно обернулись — тень месяца падала ровно на середину тёмной, разохшейся от старости двери.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Свет мой, зеркальце

Узкая лестница вела вниз. Со скрипом и грохотом дверь захлопнулась за нашими спинами. Иорвет отодвинул меня и шагнул в темноту, я поймала его за руку и протиснулась первой, одновременно зажигая Игни. Эльф выругался, схватил за перевязь на спине, и мы толкались, пытаюсь пролезть один впереди другого.

— Медальон дрожит! — прошипела я. — Ведьмаки вперёд!

— Сделай рыжий шар и держись сзади! — шёпотом заявил он, придавив меня к стене.

— Ну и чёрт с тобой! — я выставила Квен и зашагала по ступенькам вплотную вслед за ним, следя, чтобы шар окутывал нас обоих.

Внизу показался свет, Квен распался, и лестница вывела в полутёмный подвал с арочными каменными сводами: по сторонам громоздились стеллажи, на полках теснились предметы с прикрепленными бирками, с подвешенных на цепях к потолку планок свисали вешалки с одеждой, грозди ремней и сапог, и чуть дальше в стойках тускло светился металл оружия.

— Сюда! — крикнул молодой голос.

Иорвет вложил меч в ножны, и узкий извилистый проход между грудями вещей вывел к источнику света в дальнем углу подземелья.

Пламя единственной свечи отражалось в висевших на стенах бесчисленных зеркалах. Под ними, положив на стол босые ноги, раскачивалась на стуле девушка. Прямые чёрные волосы спускались по обе стороны бледного лица, открывая высокий лоб, в руках она крутила столовую ложку. Медальон дёргал цепочку.

— Одиннадцать дирхамов, — сказала она и подняла на нас опущенные длинными ресницами янтарные глаза. — Столько я даю за вещь с историей. Когда вы выйдете отсюда, дирхамов станет столько, сколько стоит вещь.

— Мы ищем кое-что, — сказал Иорвет.

— Для покупателей вход платный, — ответила девушка и встала. Ни в одном зеркале за её спиной не появилось её отражения. — И я не продаю вещи, а только обмениваю.

Выдвинув ящик стола, она достала горелку и овальное зеркало с ручкой. Вспыхнуло голубое пламя, и девушка щипцами поднесла к огню пару иголок.

— Какова плата за вход? — жёстко спросил Иорвет.

— Для вас капля, для меня море.

Она вдруг исчезла и в тот же миг появилась перед нами с иголками и зеркалом в руках. Взяла за ладонь Иорвета и, ловко перехватив, отогнула безымянный палец, уколола иглой. Сноровкой и одеждой — короткими белыми штанами и затянутой поясом туникой — в этот момент она походила на медсестру, и было видно, что процедуру ей доводилось проделывать бесчисленное множество раз. На стекло упала капля крови эльфа. Раз он не стал возражать, то и я протянула свою руку. Девушка уколола палец, и в неуловимое для глаз мгновение уже опять сидела за столом. Поднесла к лицу зеркало и неожиданно слизнула кровь Иорвета длинным узким языком.

— Умм, Иорвет аэп Гленнмаэр, из потомков Велунда, что ищут Знак, — проговорила она, катая язык во рту. — Думаю, у тебя найдутся интересные мне истории. Будем знакомы, Мариам.

— Ты вампир, — я кивнула на зеркала позади.

— Наверное, не помню, — она равнодушно пожала узкими плечами. — Единственное, что помню, что всегда была хозяйкой этого магазина. Давай познакомимся и с тобой.

Она снова взяла зеркало в руки, долго смотрела в него, наклоняя к свету в разные стороны, и слизнула мою каплю крови.

— Яна, умм... эмм... — она прикрыла глаза. — Скользящая? Нет. Кровь не та... Спящая? Нет. Обычная человеческая кровь, но с привкусом Спящих.

— Что это значит? — воскликнула я.

— Скользящие могут открывать двери и перемещаться между мирами. Спящие нет, в своем мире они видят сон и лишь создают проекцию себя в другом мире. Весьма реальную между тем. Если она умрёт в одном мире, то умрёт и в другом. Может быть, на тебя наложено заклятие?

— Наложено, — мрачно подтвердила я.

— Тогда понятно! — Мариам с удовлетворением откинулась на спинку стула. — Заклятие сработало один раз и дало силу Спящих, которой ты и воспользовалась, но теперь ты не можешь, как они, призвать свою копию обратно. Придется искать путь самой!

— Я знаю, — ответила я.

Подтверждение моих догадок из уст этой таинственной девушки не принесло облегчения. Напротив, её слова взбаламутили тоскливую зависть к неведомым Спящим и Скользящим и досаду на всезнайку Мариам, которая с безмятежным видом самоуверенного подростка снова раскачивалась на стуле.

— Четыре года назад здесь был мой брат... — начал Иорвет.

— Не брат, — оборвала Мариам.

— Ты знаешь, о ком я говорю.

— Конечно, — она самодовольно улыбнулась, и ножки стула стукнули о пол. — Я помню всех, кто оставлял мне свои вещи. А его вещь — настоящее сокровище.

— Я хотел бы выкупить её, — сказал Иорвет, — или обменять.

— Ты хочешь слишком многого! Посмотри вокруг — сколько вещей, и в каждой скрыта своя история, — она взяла со стола ложку. — Видишь? Кончик у ложки стёрт — годами старая женщина скребла ею сковородку, и я могу прочувствовать всю её жизнь, все чаяния, надежды и разочарования. Но большинство историй скучны, как и эта.

Швырнув ложку на стол, она поднялась:

— Та, что принёс твой наставник — не такая. Это эпопея, гибель цивилизации, путешествие между мирами и история многих поколений эльфов. В моей коллекции таких вещей — единицы. Я знаю её почти наизусть.

— Может быть, тебе стоит читать книги? — не сдержавшись, поддела её я. — В них много прекрасных сюжетов.

— Выдуманные истории, я пробовала, ерунда! Бледная тень реальности, — она надула губы. — И я не просила советов, особенно у тебя! Посоветуй лучше змее летать, а безногому ходить! Если ты смогла приснить себя в ином мире, чтобы прожить, прочувствовать другую жизнь, это не значит, что каждый так может!

Я пристыженно замолчала. Мариам подняла со стола зеркало:

— Вещи и зеркала — вот всё, что у меня есть. Особенно зеркала — в них я могу видеть. Но даже в них никогда нет меня...

Иорвет задумчиво рассматривал содержимое ближайшего стеллажа.

— Но это же ломбард, — он протянул руку к полке, на которой лежала длинная дамская

перчатка, пузатая морская раковина, стакан с пуговицами и ветхие жёлтые кружева, — где вещи продаются и покупаются.

— И у каждой из них есть цена — одиннадцать дирхамов, — сказала Мариам. — Так заведено. Но они не продаются абы кому, и покупатели должны платить, чтобы познакомиться со мной. Я копила эти вещи столетиями, привыкла к ним и готова отдать только в очень хорошие руки. Я не люблю перемен и устроила свою жизнь так, чтобы их не происходило.

Она вновь очутилась за нашими спинами и поправила бирку на перчатке.

— Так это ты дала пророчества всем тем торговцам наверху, не так ли? — вкрадчиво спросил Иорвет.

— Я не люблю перемен, — повторила она. — А пророчества люблю. И истории. Особенно ту, которую ты хочешь забрать.

— Покажи мне эту вещь. Возможно, она мне и не понадобится.

Мариам загадочно улыбнулась, и, взяв со стола подсвечник, повела в глубь подвала. В своих белых одеждах, с длинными гладкими волосами и свечой в руке она напоминала привидение. Подвела к сундуку, сунула мне подсвечник в руки и подняла тяжёлую крышку. От любопытства я вытянула шею, стараясь разглядеть содержимое, но она достала увесистый ларец, прижала к груди и босой ногой захлопнула крышку сундука прежде, чем я смогла хоть что-нибудь рассмотреть.

— Людям интересно то, что они не могут увидеть, — она потащила ларь обратно к себе на стол.

Из него, как из матрёшки, вынула шкатулку поменьше, из неё ещё одну, открыла и, наконец, вытащила крохотную бархатную коробочку. Отщёлкнула крышку. Я поднесла свечу ближе — на чёрной подушечке лежало тонкое серебряное кольцо в виде кусающей себя за хвост змеи, в голове которой зеленел крохотный драгоценный камень. Иорвет неотрывно смотрел на кольцо, и лицо его стало таким же белым, как у Мариам.

— Я же говорила! — победно произнесла она. — Настоящее сокровище.

— Ты права, — будто очнувшись, Иорвет расстегнул пряжку на поясной сумке. — У меня нет такой истории. Но эту ты знаешь наизусть, а у меня есть другие.

Как игральные карты, один за другим, он выкладывал на стол позвякивавшие жестяные гербы:

— История про войну. Про предательство. Про обречённость. И моя любимая — про врага, — со стуком на дерево лёг последним синий герб с тремя темерскими лилиями. — История в четырех томах.

Глаза Мариам алчно заблестели, и тонкие пальцы потянулись к гербу Роше.

— Не спеши, — остановил её Иорвет. — Меняемся?

Она уже снова сидела с ногами на столе и яростно качалась на стуле, запрокинув голову и кусая губы.

— Чего-то не хватает! — воскликнула она и посмотрела на меня. — Добавь своих историй, я не могу решиться!

Я ощупала карманы — кроме одежды и оружия, при себе у меня не было ничего интересного. Мариам схватила зеркало, с которого слизывала кровь, и посмотрела в него.

— У тебя есть то, что мне нужно. Но оно дороже всего, что я могу предложить взамен. Я не могу выкупить это, только принять в дар.

— Что это? — я не понимала.

— Я не знаю, — печально ответила она. — Я не могу увидеть ничего, что касается меня самой, ты же видишь.

Она махнула рукой на зеркала, в которых отражались мы, пламя свечи, уходящие в темноту стеллажи и в которых не было её.

— Обмен неравноценный, но я согласна, — сказала она Иорвету. — Залоговый билет. Так положено.

В её руке появился клочок жёлтой бумаги, и с явным удовольствием она вывела пером с обглоданным кончиком каллиграфические буквы с росчерками и завитушками.

— Готово! — она передала бумажку и бархатную коробочку с кольцом Иорвету. — Пророчество на билете в дар от магазина.

— Мне не нужны пророчества! — воскликнул он.

— Ничего не могу с этим поделать, они появляются сами, — она пожала плечами и потянулась к красному гербу с реданским орлом. — Ступайте! Жить жизнь...

Мы попрощались, Иорвет зашагал к выходу. Я обернулась — реданский герб лежал на столе, а Мариам глядела в пустое отражение ручного зеркала.

На площади Иорвет раскрыл ладонь, глянул в залоговый билет, и на бледных скулах заалели пятна. Он чертыхнулся и разорвал бумагу в клочья.

— Ненавижу пророчества! — он зашагал в сторону чайханы.

В молчании я бежала за ним и, наконец, когда дверь нашей комнаты закрылась, рискнула спросить:

— Что это за кольцо такое, что ты отдал за него все свои гербы?

Иорвет сел на кровать, опустил лицо в ладони. Я присела рядом.

— Дело не в кольце, а в камне, — с горечью ответил он, не поднимая головы. — Это эльфийский берилл. Когда-то их было два, по одному у каждого из королевских родов. Камни разбивали на кусочки между теми, в ком текла королевская кровь, и в наш мир попали части только одного из них. Тот, что ты видела — один из последних оставшихся фрагментов.

— Вот почему ты сказал тогда Саскии, что Исенгрима могут принять в Дол Блатанна по праву рождения!

— И он отдал его! За горсть монет!

— Наверное, он не хотел становиться королём.

Иорвет поднял лицо от ладоней.

— Нет, — глухо сказал он, — отдать этот камень — это значит не просто отречься от прав на престол. Это — отречься от своего народа! Я сделал глупость, когда решил идти за ним...

Он сжал кулаки, крепко зажмурился, и было непривычно и до рези в груди невыносимо видеть его, всегда уверенного, всегда знающего, что делать, в таком состоянии.

— Это было четыре года назад, — сказала я и взяла его кулак в ладони. — Мы ничего не знаем о том, почему он так поступил. А если ты не спросишь его, то никогда и не узнаешь, и это будет мучить тебя всю жизнь. Надо двигаться дальше, мы прошли немалый путь.

Он так и сидел, не открывая глаза, но я чувствовала, что кулак в моих руках расслабился.

— Ты права. Мы слишком далеко зашли, чтобы отступать. Слишком далеко, — он посмотрел на меня, и я убрала ладони. — Но кольцо не дало ответа на вопрос, куда он пошёл

дальше.

— Решим завтра, — я махнула рукой. — А если не решим, то пойдём в столицу. Наверняка он пошёл туда!

Иорвет усмехнулся.

— «Подумать завтра» — это ведьмачий способ принятия решений?

— В отсутствие других вариантов — да.

Он покачал головой и невесело улыбнулся. Поднялся.

— Пойдём посмотрим на этих ашиков. Завтра так завтра.

— Иди, я скоро догоню.

Я потянулась к сумке, у меня появилась одна идея.

На вечерней площади стояла тьма, хоть глаз выколи, и голубиное курлыкание сменилось шорохами и потрескиваниями. У лотка пекарей я зажгла Игни, и из-под прилавка метнулся ушастый зверёк, похожий на лисицу. Я подошла ко входу в магазин и ещё не успела взяться за ручку, как дверь со скрипом приотворилась. Мариам ждала меня.

На лестнице я сконцентрировалась, и смутно знакомое тревожное чувство просочилось под кожу, побежало по венам. Страх, как в пещере Скрытого, не было, но это ощущение было таким же чуждым, неживым, парализующим и отторгалось на уровне инстинктов. Закрались сомнения, а правильно ли я поступила, вернувшись сюда.

Мариам склонилась над столом, волосы упали на лицо. Из-под тёмных прядей виднелся лишь кончик носа, и на обычный взгляд в её внешности не было ничего пугающего. В сторону на сладкое был отложен темерский герб, и она, видать, оттягивала удовольствие в размышлениях с какого же из оставшихся гербов следует начать.

— Надеялась, что ты придёшь, — буркнула она, спрятала руки под стол, и я вдруг с удивлением поняла, что она отчаянно волновалась и смущалась, как застенчивый подросток, и скрывала это, пряча лицо в зарослях своих волос.

— Хочу подарить тебе кое-что, — сделав вид, что я ничего не заметила, сказала я. — За то, что ты помогла ему.

Я достала из кармана шорт зеркальце Францески и уже протянула было его, когда обнаружила, что под оправу уголком забилось сложенное прощальное письмо Эскеля.

— Что это? — тут же спросила любопытная Мариам.

— Эту историю я не готова тебе отдать, — я спрятала письмо, но она уже забыла о нём и жадно смотрела на зеркало. — Держи — это тебе. Думаю, в нём тоже скрыта великая история.

Мариам торжественно, как орден, приняла зеркальце из моих рук и тут же поднесла к лицу.

— История тут не главное, — прошептала она и, очутившись у меня за плечом, вытянула руку с зеркальцем так, будто хотела сделать со мной селфи. — Смотри!

Рядом с моим лицом отражалось её, только синюшно-бледное, с тонкими жёсткими губами. Мариам пальцами оттянула вниз веки, скорчила рожу, надула щёки, и устрашающее вампирское отражение послушно повторило за ней. Она счастливо засмеялась, и у отражения приоткрылись длинные клыки. «Надо убираться отсюда и поживее», — подумала я, а девушка ещё понаклоняла туда-сюда зеркальце, изучая нас, и вампирское лицо нахмурилось.

— Мне не нравится то, что я там вижу, — сказала она и отложила зеркало

Францески. — Я тоже хочу сделать тебе подарок. За то, что ты захотела сделать подарок мне и пришла.

Она взяла меня за руку. Медальон рвался, но я не могла сделать ни шагу — её глаза излучали тёплый янтарный свет, и у меня не было воли, чтобы сказать «нет», чтобы уйти. Ледяные пальцы перевернули руку запястьем вверх, и она поднесла губы к незащитной голубоватой вене.

— Больно не будет, — прошептала она, и больно не было.

Я стояла в темноте, вокруг раздавались шорохи и потрескивания. Покачнувшись, оперлась руками на прилавок, зажгла Игни. Из-под ног метнулся ушастый зверёк, похожий на лисицу. Я шла к Мариам, я хотела сделать ей подарок. Постояла, пока головокружение не отпустило, и шагнула вперёд. Руки упёрлись в стену. Подсветила огнём — двери не было. Сунула руку в карман — волшебного зеркала Францески Финдабаир не было тоже, а пальцы уткнулись в записку Эскеля.

— Почему ты не в чайхане? — спросила я Иорвета, вернувшись домой.

— Решил подождать тебя. Я уже давно кое о чём думаю. Хотел поговорить... Что с рукой?! — воскликнул он.

Только сейчас я ощутила пощипывание и покалывание в левом запястье, как будто к нему возвращалась чувствительность. На пол с окровавленной ладони капнуло. Бедро всё было измазано кровью — видать, я дотрагивалась до него, пока шла в чайхану.

— Подарок от Мариам, — неуверенно сказала я и направилась к умывальнику.

— Ты ходила к ней, зачем? — рассердился он.

— Так было надо. Я не могла не пойти.

Привалившись к косяку двери, Иорвет наблюдал, как я оттирала полотенцем ногу и подставляла руку под струю воды. На запястье алели две яркие точки, одна из них кровила.

— Никогда не заигрывай с ведьмами, если хочешь дожить хотя бы до возвращения в твой мир.

— Лучше помоги, — проворчала я и протянула ему бинт. — Задним умом я и сама дофига умная.

В дверь постучали, и раздался голос Леи:

— Яна, спускайся! Начинается!

— Скоро приду! — крикнула я и повернулась к Иорвету, который отрешённо обматывал бинтом запястье: — О чём ты хотел поговорить?

— Это подождёт, — ответил он. — Неважно.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Непристойное предложение

Раздались жидкие хлопки, и с площадки в центре, раскланиваясь, ушёл пожилой поэт. Чайхану тут же охватил гул разговоров. Людей в зале было гораздо больше, чем во время боёв, и я заметила хозяйку, которая взобралась на стойку, чтобы увидеть хоть что-нибудь за головами. Стол на шестерых, где уже сидели Хранительницы, торцом упирался в песчаную арену, подготовленную для выступления ашиков.

— Вы как раз вовремя, — обрадовалась Тэя, и я устроилась рядом с ней. По другую руку расположилась Лея, а напротив Рэя, мрачно смотревшая в бокал. — Сейчас выйдут музыканты.

Иорвет присел рядом с Рэей, и она, исподлобья глянув на него, долила себе вина из бутылки. При взгляде на наполнявшийся бокал я вдруг ощутила острую потребность в красном вине, как будто его не хватало в организме, и перед глазами встало видение, как я впиваюсь зубами в чёрные от земли корни, полные насыщенного, густого, как кровь, терпкого сока. Облизнула пересохшие губы. Иорвет задержал взгляд на моём лице и, будто считав это, наполнил мой бокал.

— Остатки туссентского вина, — засмеялась Лея, — Зиля достает его только по праздникам, хотя клянусь, если заглянуть к ней в подвал, там хватит запаса до следующего Сопряжения Сфер!

— Потому и хватит, что она не выставляет его каждый день, — буркнула Рэя. — В остальных заведениях его уже нет, только в этой чайхане.

— Ах, не будь занудой! — отмахнулась Лея, и тут же рядом с нами появилась хозяйка с бутылками в руках, которая заговорила по-зеррикански.

— Кровь дракона и что-то специально для гостей с Севера, — перевела Лея.

В «Крови дракона» я узнала гранёную бутылку зерриканского спирта, а другой рукой хозяйка протягивала хорошо знакомую, неведомо как добравшуюся сюда каэдвенскую водку. Я замотала головой.

— Не экономь вино, Зиля, — улыбнулась Тэя. — У меня сегодня праздник.

Хозяйка слегка поклонилась и исчезла.

— Как себя чувствует Ненина? — спросила я.

— Ещё слаба, но мы говорили весь день, — Тэя доверительно склонилась к моему уху. — Мне кажется, что столько мы не говорили за всю предыдущую жизнь.

Она отпила вина, отломил кусок лепёшки.

— Когда вы рассказали, как освободили её... Когда я узнала, что она любила отца... Что-то во мне переменялось. Что-то отпустило меня.

Она плющила хлебный мякиш в пальцах, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Я поправила задравшуюся манжету рубашки, чтобы никто не заметил перебинтованного запястья, и поднесла к губам бокал.

— Я запретила себе любить кого-либо после Виллентретенмерта, — продолжила Тэя едва слышно, — потому что видела пример матери. Но теперь всё по-другому. Любовь к нему не приговор...

На арену вышли двое мужчин с похожими на гитары музыкальными инструментами в руках. Бойкий младший брат Бади уже расставлял стулья на песке. Оглядев чайхану в поисках самого Бади, я быстро отвела глаза, наткнувшись на его пронзительный взгляд с

другого конца зала. Один из ашиков, седой и грузный, сел, а второй — худощавый, возрастом, наверное, чуть помладше Тэи, стоял рядом и пробегал пальцами по струнам, подкручивая ручки колков. Он склонил кудрявую голову и погрузился в процесс, как будто для него существовала лишь гитара и вокруг не было ни одного человека.

— У него на пальце тоже нет кольца, — насмешливо сказала Тэя, заметив, что я рассматриваю его. — Талантливым мужчинам даруют освобождение, а Серж — жемчужина среди ашиков.

— Серж? — удивилась я. — Какое необычное имя!

— Почему? Самое обычное для жителей Хатчадора. Это долина в Драконьих Горах на границе с Хакландом, — пояснила она. — Правда, этой страны больше нет, Хакланд завоевал её лет пять назад, но война идёт до сих пор. Все жители поют с детства, и лучшие ашики — оттуда.

Лицо её зарумянилось, она явно любовалась Сержем. Тот поднял от грифа живое подвижное лицо с глубоко посаженными умными глазами, взглядом отыскал Тэю, и зазвучали гитарные переборы. В первый раз в этом мире я слышала звуки гитары, так похожие на те, что я любила в нашем, зажмурилась и всей кожей впитывала музыку.

Зал затих, Серж запел. Чистый сильный голос то лился бархатным баритоном, то срывался в злой речитатив, то улетал вверх, и душа улетала вслед за ним, а потом обрушивался, и от низкого звука гудело и резонировало в груди. Тэя была права — он был настоящим, бесспорным талантом, и даже в нашем мире, без сомнения, стал бы суперзвездой. Голос проникал во все клеточки тела, и каждая нота была на том самом месте, где и должна была быть. Я застыла, мне хотелось, чтобы музыка не кончалась. Одна песня перетекала в другую, я потянулась к бутылке вина, и пальцы коснулись пальцев Йорвета. Он не отдернул руку, и я тоже, и прикосновение продлилось чуть дольше, чем могло бы сойти за случайность.

— Позволь мне, — неслышно, по губам, прочитала я.

Он наполнил мой бокал, глянул странно и обречённо. «А что, если мне не чудилось, — подумала я, — что, если всё это время я старательно не замечала очевидного?» Мы одновременно отвели взгляды, и я замерла, прикрыла веки, пытаюсь вернуть ускользающий контроль. А когда решила осторожно приоткрыть глаза, Йорвет снова смотрел на меня, и смотрел таким особым взглядом, что, если бы я была в своём мире, то точно знала бы, что он означал. Я попыталась спастись, отвернувшись к Тэе, но она с точно таким же выражением на лице следила за Сержем. Его музыка действовала посильнее любовного зелья из Ард Дола. Как магнитом, меня тянуло обратно к Йорвету, и я вернулась к нему, и уже не могла отвести глаз, мир вокруг замылился, стал несущественным и неважным.

Очередная песня стихла, зал взорвался аплодисментами. К нам протолкался Исман и уселся по другую сторону от Рэи. Вид у него был встревоженным, и он прятал глаза.

— Что ещё? — с явным неудовольствием спросила Тэя, наблюдая за Сержем, которому поднесли воду.

— Госпожа, я понимаю, что не вовремя, но у меня не слишком обнадеживающие новости, — замялся Исман и тут же заспешил, увидев сошедшиеся к переносице брови Тэи: — Я уже продумал, как можно решить проблему, и если вы позволите...

— Говори уже! — рявкнула она.

— Дело в том, что... — он замолчал и повернулся ко мне. — Могу ли я спросить у госпожи ведьмачки, когда вы собираетесь в путь?

— Завтра, — ответила я. — Или послезавтра. Мы хотим найти попутный караван.

— Дело в том, что успех моего задания может быть тесно связан с целью вашего путешествия...

— Не мог бы ты говорить прямо? — перебил его Иорвет.

— Дело в том, что... Я хочу сказать — не теряйте надежды! Если ваш брат, Исенгрим, — он подчеркнул голосом имя и прямо поглядел Иорвету в лицо. — Если ваш брат жив, то он находится в Стране Озёр.

— Откуда ты знаешь, как его зовут?! — воскликнул эльф.

— Я знаю не только это, но не имел возможности поговорить с вами до того, как выполню поручение. И только узнав, что вы уходите, решился.

— И как это связано с твоим заданием? — раздражённо спросила Тэя.

— Я простой алхимик, госпожа, — Исман потупил очи, — книга чародеев не открылась мне. Но я подумал, что, возможно, та, кто смогла пройти сквозь камни на перевале и освободила Мать-Хранительницу... Возможно, она сможет нам помочь.

Тэя задумчиво смотрела на него. Подавшись вперёд, Иорвет сверлил взглядом.

— Мне нелегко это говорить, признавать свою несостоятельность, — продолжил Исман, обращаясь к эльфу. — И если вы поможете мне избежать позора, я готов проводить вас.

Повисло молчание. Серж вернулся к гитаре.

— Завтра! — воскликнула Тэя. — Я не желаю сейчас говорить о делах!

— Завтра, — эхом отозвался Иорвет. — Завтра ты расскажешь мне всё, что знаешь.

Пальцы Сержа ударили по струнам, и я забыла про Исмана и Исенгрима, погрузилась в музыку и снова смотрела на Иорвета. Мне нечего было скрывать, я видела, что он знал обо всём и так. А он смотрел, будто ему нечего было скрывать тоже, будто всё было давным-давно понятно и обговорено.

— Сейчас будет песня про аиста, — за спиной Тэи ко мне перегнулась Лея. — Она всегда последняя. Про потерянную родину.

Она прижала руки к груди и развернулась обратно к сцене. А мы слушали и глядели в глаза друг другу, и взгляды падали на губы и возвращались, и, опьяненная музыкой и вином, я знала точно, что вот она — любовь, наконец-то всё стало легко и понятно, и песня уносила в прекрасное далёко. Овации поглотили зал, и ашики, коротко поклонившись, ушли. На сцену выплыли танцоры и танцовщицы, а за их спинами расселись музыканты. Грянула музыка, танцующие синхронно двигались, темп нарастал, барабаны отбивали бодрый ритм.

— Пойдём отсюда? — наклонившись ко мне и прикоснувшись ладонью к руке, в которой я держала бокал, спросил Иорвет.

Та магия между нами, которая возникла от песен Сержа, никуда не исчезла, а прикосновение было таким простым и вместе с тем интимным... Я кивнула, мы пробрались сквозь толпу к лестнице на крышу и шли неловко, не глядя друг на друга, и было ясно, что сейчас произойдёт нечто важное.

В комнате Иорвет подошёл к столику около своей половины кровати, снял перевязь с ножом, зажгёт фонарь и присел на постель. Снизу приглушённо бухала музыка, а мы молчали, глядя друг на друга. Молчание затягивалось, я опустила на свою половину кровати и, растянувшись, засмотрелась в ночное небо — я не собиралась первой прерывать эту неловкую паузу. Вал между нами рассыпался, Иорвет отпихнул подушки к ногам и лёг на бок, подперев рукой голову.

— Яна... — наконец, сказал он. — Я хотел поговорить.

— М-м? — я повернулась к нему.

Он был рядом, на расстоянии вытянутой руки, и смотрел на меня.

— В Зеррикании я вроде как твоя собственность, — начал он.

— Что значит «вроде как»? — возмутилась я. — У меня и документ есть.

— И вроде как по их безумным законам это значит, что мы с тобой женаты, — продолжил он.

— И?

Он перевёл взгляд на свою руку, сжавшую одеяло:

— Bloede, это трудно... Но дальше так продолжаться не может... — собравшись с духом, он требовательно и с отчаянной решимостью посмотрел мне в глаза. — Ты можешь ни в чём себе не отказывать.

— Даже так? — я придвинулась к нему, усилием воли заставив себя остановиться там, где он был близко, но ещё не слишком близко. — Совсем ни в чём?

— Ни в чём.

— Совсем-совсем ни в чём? — усомнилась я, ещё не в силах до конца поверить в услышанное.

— Да.

— Но как же твоя клятва, bloede dh'oine и всё такое?

— Моя клятва касается отношений. А ты не можешь быть со мной, потому что любишь другого. Я не могу иметь с тобой настоящих отношений, потому что ты — человек. Всё остальное мы можем. Абсолютно беспроегрешная ситуация. Никаких обязательств.

Щёки загорелись, будто я получила пощёчину.

— Ты хочешь повторить, Aen Seidhe? — вкрадчиво спросила я.

— Повторять.

— Трахаться и дружить?

— Заниматься любовью и дружить.

— Заниматься любовью без любви и дружить?

Уточнение было необходимо.

— Да.

Я откинулась на спину. Звёзды насмешливо переливались и хихикали надо мной, над моей надеждой, над тем, что я поверила, что что-то изменилось, что всё вдруг стало по-другому...

— Заманчивое предложение... — повернувшись к нему, я подняла руку и легонько провела кончиками пальцев по чётко очерченным и таким притягательным губам: — Всегда хотела это сделать...

Уголки губ под подушечками пальцев приподнялись, Йорвет улыбнулся. Он знал, что и на этот раз я не смогу отказать, что буду рада всему, что бы он ни предложил.

— Нет, — сказала я и отдернула руку.

— Нет?! — он был ошеломлён.

— Нет!

Его лицо вспыхнуло, он отпрянул. Я скатилась с кровати — вдруг стало отчаянно не доставать воздуха — схватила и яростно нахлобучила шляпу.

— Ты куда?

— Мне надо побыть одной! Не каждый день сыпятся такие щедрые предложения,

знаешь ли!

— А ты знаешь что, vatt'ghern? — голосом Иорвета можно было вскрывать вены. — Я всё-таки сожалею. И не только о том, что взял тебя с собой, но и что вообще встретил тебя!

— Позови Кабуса, может он тебе поможет! — крикнула я и хлопнула дверью.

Прислонилась к полотну с другой стороны, пытаюсь выровнять дыхание и хоть чуть-чуть умерить бушующую ярость. «Никаких обязательств!», «Беспроегрывшая ситуация!» — его слова транспарантами взвивались перед глазами. Какая наивная, размечтавшаяся дура!

Я сбежала по лестнице. Энергичная радостная музыка издевалась надо мной, шла поперёк всех чувств. Я была совершенно чужой на этом празднике жизни и больше всего хотела, чтобы какой-нибудь доброжелатель крепко ударил по голове, чтобы забыть, чтобы перестало быть больно. Протиснулась к стойке и поняла, что мне нужно, что ударит качественнее. Зиля услужливо протянула бутылку каэдвенской и схватила за руку, увидев, что я собралась уйти. На стойке возникла корзинка, и с невероятной скоростью она наполняла её лепёшками, кусками сыра и фруктами. Я ударила кулаком по стойке, Зиля остановилась, укоризненно покачав головой. Я схватила корзину и выбежала на улицу.

Пустыня была черным-черна. Справа, где стояли караваны, тускло светились костры. Я сидела на крепостной стене, свесив ноги наружу, и мяла в руках письмо Эскеля. «Ты был прав, — думала я. — Всё или ничего! И если невозможно целое, я отказываюсь вовсе». И Весемир был прав. Путь ведьмака — пустота.

Скверная анестезия от водки действовала. Сердце немело, хотя после каждого глотка отвратительного пойла на языке оставался привкус отравленной надежды. Мне казалось правильным именно так завершить эту безнадёжную любовную историю. Иорвет пил, Эскель пил, теперь моя очередь. Всё или ничего! В этот момент я поняла, наконец, Эскеля, и вся обида на него улетучилась, превратилась в сочувствие. Как бы я сейчас хотела впрыгнуть в седло Тучи и умчаться, куда глаза глядят, подальше от Иорвета! На тракт. На болота. В леса. Только чтобы забыть. Убежать. Сказать: «Не ищи меня». Но мне оставалась лишь водка.

Тихое ночное скрежетание сверчков прервали звуки гитары, которые невозможно было не узнать. Музыка доносилась со стороны резиденции Хранительниц. «Хоть у кого-то всё будет хорошо», — подумала я. Звёзды мигали, прохладный воздух опускался с небес, водка жгла пищевод. Я прилегла на камни, свернула калачиком.

— Вставай, пьянь! — раздался над ухом грубый голос.

Приподнявшись, я напрягла мозг. Он сонно заработал, но зубчатые стены, огни костров и звёзды закрутились тошнотным хороводом.

— Я кому сказала?! — повторил голос. — Сюда запрещено ходить гражданским!

Я сфокусировала зрение на раздвоенном пятне, которое слепилось в нависшую надо мной Рэю. Её только не хватало!

— Полегче, погоди, — я зашарила в пояс в поисках эликсира.

Поднесла пузырёк к лицу, зажгла Игни. Похоже, что эликсир для снятия опьянения расходовался чаще других, запас в поясе почти иссяк, и на дне перекатывалась пара последних синеватых капель. Опрокинула в себя остатки, запила водой из фляги.

— Погоди... — прошептала я.

— Вставай! — Рэя потянула за руку.

Эликсира было слишком мало, и это сыграло со мной злую шутку. Мир продолжал

кружиться, но пьяное сознание вместо того чтобы спать — проснулось.

— Жалкое зрелище, — протянула Рэя, не подозревая, что поджигает фитиль непредсказуемой бомбы, начинённой ядрёной каэдвенской водкой. — Как насчёт того, чтобы полетать со стены за проникновение на охраняемую территорию?

Она склонилась ко мне.

— Ты не первая блещешь столь оригинальными идеями, — я вцепилась ей в пояс. — Но вместе с тобой я готова лететь куда угодно!

— Поднимайся! — она рванула меня на ноги. — И забирай свой мусор.

Я ударила сапогом по корзине, и по дуге она улетела в темноту под стеной.

— Ой, упало! Принеси, и я заберу!

Кулак Рэи приблизился к лицу, но она совладала с собой и потащила меня вниз со стены. Ноги отказывали, и ей пришлось подхватить меня себе на плечи, как раненого.

— Покатай меня, большая женщина, — бормотала я, и Рэя фыркала от злобы и волокла меня по тёмным улицам.

Выступление ашиков закончилось, в полутёмной чайхане сновала Зиля, собирая посуду со столов. Рэя втащила меня по лестнице, и перед дверью в комнату я заупиралась, распершись руками в стены. Рэя распахнула дверь и втокнула меня внутрь. Иорвет сидел в позе лотоса на постели, расстеленной на полу под кустами в дальнем углу комнаты.

— Забирай свой хлам! — рыкнула ему Рэя и пробежалась взглядом по комнате. — Интересная у вас «семья»...

— У нас... северные отношения, — заявила я и рухнула на кровать. — Какие ещё интимные подробности тебя интересуют? Свечи вон там — бери, поддержишь!

Иорвет встал, подошёл к Рэе, и они смерили друг друга взглядами.

— Пожалуйста, уйди, — мягко сказал он.

Рэя, хмыкнув, ещё раз презрительно посмотрела на меня и, ожидаемо не обрадовавшись прощальным воздушным поцелуям, которые я отправляла ей вслед, развернулась и ушла.

Я зарылась лицом в постель, зажав голову между подушек. Иорвет присел рядом, загремел склянками эликсиров, раздался звук льющейся в чашку воды.

— Я предложил тебе всё, что имею, что могу предложить, — тихо сказал он.

— Мне не нужны твои сраные подачки! — глухо ответила я в подушки. — Прибереги их для нуждающихся!

Я махнула рукой в сторону двери, за которой скрылась Рэя. Иорвет вскочил:

— Эликсир и чашка рядом. Дотянешься.

Я поползла к воде, облилась, взяв чашку, плеснула из пузырька эликсир. Мне не хотелось его принимать. Всё моё фальшивое самообладание развеется в дым, и завтра придется смотреть в глаза Иорвету. Хорошо, что он всё-таки так ничего и не понял и считал, что я любила другого. Я закрыла веки, и перед ними тут же встала чайхана, и взгляд Иорвета, смотрящего на меня. Застонала и большими глотками опустошила кружку.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. На обиженных воду возят

Утром смотреть на Иорвета не пришлось — его не было. Усевшись, я заметила аккуратно заправленную постель в углу и перевела взгляд на свою кровать, по которой будто пролетел торнадо: комом топорщилось покрывало, громоздились горемычные подушки. Откинула одеяло. «Сбежал», — мрачно подумала я. Похоже, не меня одну страшила мысль о встрече. Если и могло что-то пойти плохо и ещё хуже, вчера оно так и пошло — одним махом нам удалось не только перечеркнуть всякую возможность романтики, но и глубоко закопать едва окрепшую хрупкую странную дружбу. «Чёрт!» — холодная вода немного остудила голову. Внизу в чайхане Иорвета тоже не было, а неутомная Зиля, ни единым жестом не припомнив мне каэдвенскую водку и утраченную корзину, с готовностью накрыла завтрак.

Вернувшись в комнату, я бесцельно шаталась по крыше, не зная, что предпринять. Нам нужно было поговорить с Исманом и с Тэей, нужно было собираться в путь и, в конце концов, нужно было как-то объясниться, а Иорвет всё не появлялся. Я присела на корточки у чехла с луком, который так и стоял около бывшего изголовья Иорветовой половины кровати. Ещё вчера он заботливо гладил лук, и я протянула руку, коснулась пальцами отполированного дерева. Опасливо оглянулась на дверь, вскочила. Попыталась медитировать, но вместо пустоты в голову настырно лезли мысли о вчерашнем вечере. Могло ли всё повернуться иначе? «Могло, — уныло заключила я, — если бы он поцеловал меня без дурацких предисловий. Сейчас всё было бы хорошо, и было бы плевать на остальное». Но сказанного не воротишь, а сказано было слишком много, чтобы забыть. В который раз я повторила слова Иорвета, и под солнечным сплетением засосало, как бывает, когда стоишь на краю бездны. Нет! Ничего хорошего не вышло бы в любом случае. Если для него и были возможны необременительные отношения без любви, то себе я врать не собиралась — согласиться на его предложение было равносильно шагу в ту самую пропасть. Любить, не пересекая невидимую черту. Открыться, но не до конца... Я не смогла бы выполнить условий договора, с самого начала не смогла бы. Весь мой инстинкт самосохранения вопил, что это гибель и что такие отношения разорвут меня на куски. Только не опять, только не снова.

Я потянулась к поясу с эликсирами и ножом, собралась. Сидеть без дела стало невыносимым, и я отправилась в резиденцию Хранительниц.

Часовые на воротах приоткрыли створку, а на другом конце улицы показалась знакомая красная повязка. Иорвет вёл под уздцы рыжего коня, приближался не спеша, а я ждала его, переминаясь с ноги на ногу и рассматривая камни мостовой. Он передал поводья в руки одной из девушек, с морды коня капала пена, потные бока вздымались, а мне казалось, что земля уходит из-под ног — этот конь, в котором я узнала коня Рэи, и отсутствие Иорвета утром соединились в моём воспалённом мозгу в неприятную картинку, о которой даже на миг не хотелось думать.

— Я смотрю, с некоторыми dh'oine у тебя всё-таки сложились неплохие отношения, — ядовито сказала я, изнемогая от ревности.

— Ты о чём? — не понял он, а потом горько усмехнулся. — Ах да, лучше не бывает. На рассвете я отыскал конюшню и застал там Рэю, и она любезнейше одолжила своего коня. Во всяком случае, этой dh'oine не нужна лошадиная доза афродизиаков, чтобы не чувствовать ко

мне отвращения.

Я ошарашенно смотрела на него. Всё, абсолютно всё, что можно было понять не так, он понял не так.

— Я не чувствую к тебе отвращения, — только и смогла выдавить я.

Иорвет поднял на меня бесстрастное лицо. От бессонной ночи черты его заострились, под глазом залегла тень.

— У нас дела, — сказал он. — Мы теряем время.

— Да. Ты прав. Дела... — я толкнула тяжёлую дверь.

Тэя выглядела именно так, как, вероятно, по мнению зерриканок должна была выглядеть озарённая любовью женщина: на свежем лице играл румянец, алели чуть припухшие губы, и всем своим видом она излучала благодать, контрастируя с нашими сумрачными физиономиями. Она отдёрнула шторы, впусив в комнату свет, и распахнула окна. Потянул воздух с улицы, зашелестели страницы книги на столике в центре.

— Я послала за Исманом, — она приглашающе повела рукой в сторону подушек около столика. Мы расселись. Иорвет, не обращавший на меня никакого внимания, выжидающе смотрел на неё. — Вы помогли с моим личным делом, теперь я прошу о большем. Речь идёт о службе...

В комнату, втянув голову в плечи и от того став ещё ниже ростом, чем казался обычно, вошёл алхимик. Поклонился Тэе и присел рядом.

— Есть новости? — спросила она.

Исман поднял на неё печальные глаза. Впервые я всмотрелась в него внимательнее и заметила, что, оказывается, он был довольно молод, лицо с мягким овалом выражало смирение и кротость, хотя в больших оленьих глазах таилось упрямство. Он достал из кармана длинной рубахи зачарованный блокнот, выложил на столик и похлопал ладонью по обложке со сплетенными змеями. Руки у него были гладкими и ухоженными, на большом пальце чернело кольцо.

— Я испробовал все варианты. Сначала решил ослабить первоэлемент заклинания, которым, по моему скромному мнению, является огонь, путём добавления...

— Ах, прекрати! — Тэя всплеснула руками. — Я всё равно ничего не запомню. Да или нет?

— Нет, — Исман поник.

— Ты сможешь открыть эту книгу? — Тэя повернулась ко мне. — Не буду скрывать, мне крайне важно знать, что там.

— Есть один вариант, — я украдкой глянула на Иорвета. — Но гарантий дать не могу.

— В обмен нам нужны сведения, — произнёс эльф. — Ты сказал, что знаешь, где Исенгрим.

— Я не отказываюсь от своих слов и расскажу всё, что знаю, если моя госпожа позволит.

Тэя потёрла подбородок, впиалась испытующим взглядом в меня, потом в Иорвета, перевела взгляд на блокнот.

— Я не буду ставить условий. Я доверяю вам и верю, что вы не откажетесь от задания, узнав то, что хотели. Рассказывай! — приказала она Исману.

С достоинством кивнув, тот устроился поудобнее:

— Как известно моей госпоже, до того, как поступить к ней, я много лет служил

Мастеру Назару. Это великий чародей, учёный, алхимик, мыслитель, и я не буду сильно далёк от истины, когда скажу, что он заменил мне отца. Боюсь, он возлагал на меня надежды, как на ученика чародея, хотел передать знания, но... — Исман вздохнул, — я не способен к магии, хотя с детства мечтал быть магом. К счастью, алхимия — родная сестра магии, и я совершенствовался в ней, помогал Мастеру по мере сил. У него была дочь...

— Ближе к делу, — недовольно сказала Тэя, — подробности расскажешь потом.

— Хорошо, госпожа. Скажу лишь, что мы с Розой полюбили друг друга, и в конце концов её отец благословил нас. Но счастье продлилось недолго. Я опущу все трагические события, выпавшие на мою долю, и смерть моей возлюбленной жены, ибо они не являются интересом нашего разговора. Не в силах находиться в осиротевшем доме Назара без Розы, я покинул его около двух лет назад и навещал старика время от времени, опасаясь, как бы тяжесть потери единственной дочери не сломила его.

Исман замолчал, собрался с мыслями и продолжил:

— Последний раз я был у него весной, четыре месяца назад. Госпожа, вероятно, не помнит, что я просил несколько недель освобождения от службы...

— Я помню, продолжай, — сказала Тэя.

Исман опять склонил голову.

— У Назара были гости, а сам старик будто ожил. С воодушевлением и пылом он рассказывал о своих новых исследованиях, а я, признаться, решил не задерживаться у него, ибо эта весёлость оскорбляла мою скорбь.

— Кто были эти гости? — с нетерпением спросил Иорвет.

— Один из них был эльфом. Я никогда прежде не видел представителей вашей расы, но, несомненно, знал о вас. Лицо эльфа иссекали шрамы. Назар представил его как Исенгрима.

— С кем он пришёл? — Иорвет подался вперёд, вглядываясь в Исмана.

— О, это будет небезынтересно узнать моей госпоже. У его спутника на рукаве был пришит герб с тремя чёрными птицами.

— Виллентретенмерт... — прошептала Тэя и вскочила. — Мы не слышали о нём почти три года! Почему ты не рассказал мне?!

— Вы не спрашивали, госпожа, а я не знал, что это важно.

Тэя зашагала по комнате, вскинув руки и запустив в волосы пальцы.

— Дальше!

— Как я сказал, скорбное состояние помешало мне участвовать в беседах, и я вскоре уехал. Насколько я понял, Виллентретенмерт и ваш брат, — он кивнул Иорвету, — уже довольно долго путешествовали вместе. Они держались как давние друзья. Череда приключений привела их к Мастеру, и по их словам, они хотели задержаться у него на некоторое время. Как всем нам известно, для драконов сейчас не самые спокойные времена.

Он поднял глаза на Тэю, та коротко кивнула.

— Как долго они собирались оставаться там? — спросил Иорвет с плохо скрываемым возбуждением в голосе.

— Мой Мастер — великий чародей, — повторил Исман, — никто не может найти его дом, если не знает как или если Назар сам того не захочет. Я думаю, учитывая это, они просили у него временного пристанища, и вполне возможно, всё ещё гостят у него.

— На драконов идёт охота. Эта информация не для посторонних ушей, — пояснила Тэя. — Чистое братство, Орден Золотой Зари, Союз Меркурия и Сульфура и другие — все эти чародейские крысы, сбежавшие с хакландских степей к Сердцу Мира в поисках

могущества... Невидимая война идёт много лет, а Хатун Мелике прячет голову в песок, не готовая в открытую выступить против Хакланда. Драконов становится всё меньше. Кто-то погиб, кто-то спрятался в глубоких пещерах и погрузился в вековой сон, кто-то ушёл за Барьер. Всё это ослабляет нас, забирает энергию у Сердца Мира.

Схватив зачарованный блокнот, она потрясла его, будто хотела, чтобы скрытые магией листы выпали. Швырнула обратно на столик и со вздохом опустила на подушки.

— Драконы хранят наш мир, — повторила она слова, сказанные когда-то в чайхане. — А мы должны охранять драконов. Вскоре после того, как мы отбили Шалу, Виллентретенмерт был здесь. Он дал мне задание, и я подозреваю... я надеюсь, что эти записи прольют свет на некоторые события. После этого Виллентретенмерт исчез, и я опасалась, что его уже нет в живых — он не из тех, кто сбежит... Мне нужно знать, что за тайное послание оставил мёртвый чародей!

Она выжидающе посмотрела на меня.

— Нам надо посоветоваться, — я показала глазами Йорвету на дверь.

Он поднялся. Мы вышли во двор, эльф сложил руки на груди и прислонился к бортику фонтана, который беззаботно журчал за спиной.

— Есть только один вариант, как мы можем открыть книгу, что тут обсуждать? — не глядя на меня, произнёс он.

— Мне надо было убедиться, что мы думаем об одном и том же, — мрачно ответила я, облокотилась на бортик и подставила руки под струи воды. — И я не хочу, чтобы они узнали про изнанку.

— Ну, думаем, убедились? — сказал он. — Я достаточно насмотрелся на эту задницу мира. Надо заканчивать и возвращаться туда, где я действительно нужен.

Я смотрела, как вода ударяла по ладоням и разбрызгивалась искрящимися на солнце каплями. Почему-то знание о том, что скоро мы найдём Исенгрима, не радовало, а показательно равнодушный тон Йорвета ранил похуже тупого с зазубринами ножа. Кулаки сжались.

— Заканчивать. И побыстрее, — распрямилась я. — Пойдём!

Под алхимическую лабораторию Хранительницы отвели Исману флигель неподалеку от резиденции. Центр просторной комнаты занимала массивная печь. За прозрачной дверцей тлели угли, и Исман, подбросив внутрь полено, капнул маслом из мутной бутылки. Из стоек свисали щипцы, кочерги, молотки. На длинном верстаке лежали тигли для нагрева металла в форме крестов, а около окна, загороженного заслонкой, поверх которой едва пробивался дневной свет, булькал над горелкой перегонный куб. На столе в центре Исман расправил завернувшиеся края пергамента с нарисованным квадратом три на три, в каждой ячейке которого были выведены цифры. Положил блокнот в середину.

— Чародеи Чистого Братства — адепты магии Огня, поэтому я использовал вариант магического квадрата с двойкой в центре, символизирующей огонь. Огонь порождает землю и питается деревом. Дети истощают родителей, и чтобы усилить землю — вот сюда, в пятерку, я положил селезёнку коровы, выдержанную в песке три года. Этого оказалось недостаточным, и я добавил элементы металла в четверку и девятку...

Он показал на колбу с серебристым шариком ртути внутри, стоящую в квадрате с цифрой девять, и на засушенные пористые кусочки на цифре четыре.

— Металл рубит дерево, не даёт ему питать огонь, поэтому в четверке лежит лёгкое

белого тигра. Редкий ингредиент, мощный, едва отыскал. И самое главное — я ориентировал единицу на север. Это вода, она разрушает огонь, подавляет его, как отец подавляет сына. Я не хотел давать ей много силы, чтобы не уничтожить книгу...

Тэя скупающим взором пробежалась по колбам, стеклянным и керамическим ёмкостям, мраморным ступкам.

— Ты сказал, что это не помогло, — безжалостно прокомментировала она.

— Если бы у меня было больше времени подобрать пропорции, госпожа... — начал Исман.

— Пусть она попробует! — Тэя обернулась ко мне. — Приступай!

Приготовившись наблюдать, она сдвинула в сторону склянки и присела на стол. Исман встал рядом.

— Мне помешают зрители, — сказала я. — Мне нужен только мой эльф.

Я величественно указала пальцем на Иорвета, злорадно заметив, как скривились его губы. Мне безотчётно хотелось вытрясти из него хоть какие-нибудь эмоции — пусть лучше уж разозлится, скажет гадость, чем это душное высокомерное отмалчивание! Тэя кивнула, поднялась.

— Надеюсь, это не займет много времени. Я буду у себя.

— Мой эльф! — процедил Иорвет, когда за Тэей с Исманом закрылась дверь.

— А что такое, ты против? — я взяла блокнот.

— Не представляешь себе насколько.

— Проси у Тэи для нас развод, я согласна! — воскликнула я и шлёпнула блокнотом о стол.

— Сегодняшние ведьмачьи решения тебе удаются гораздо лучше завтрашних!

— С удовольствием погуляю на твоей новой зерриканской свадьбе! — воскликнула я почти с восторгом от того, что «шалость удалась».

— С чего ты взяла, что я тебя позову? — Иорвет протянул руку.

— Тогда о разводе и не мечтай! — я накрыла его ладонь своей.

На мгновение показалось, что на лице белого Иорвета промелькнула улыбка, совсем как та, раньше, за которую я была готова продать душу дьяволу, и эта улыбка на миг осветила мрак изнанки. А, может, это был яркий отблеск от блокнота — из-под обложки вырывались, колебались белыми змеями языки пламени. Прекрасное лицо эльфа снова выглядело отстранённым, и я так и не поняла, не почудилось ли мне.

— Заклинание запирает его, — сказал он, взяв блокнот в руки.

Кожа обложки превратилась в тускло поблескивающий металл, а хитроумный замок на торце крепко схватывал пластины. Ключа, конечно же, не появилось. Я огляделась в поиске шпильки или шила, и внимание привлёк магический квадрат Исмана. Из цифры три вынырнула светящаяся полупрозрачная струя, перелилась в четвёрку и по хитрой извилистой траектории дугами полетела от квадрата к квадрату. Добралась до девятки, заставив вспыхнуть колбу со ртутью, перетекла в единицу, а оттуда нырнула в центр с двойкой и впиталась, будто вода, вылитая в песок. Пергамент погас, но в следующий миг струя света вновь зародилась в цифре три.

— Клади его сюда! — в волнении я ткнула пальцем в центральный квадрат со светящейся двойкой.

Иорвет, мигом схватив мысль, опустил блокнот, и дошедший до центра свет не исчез, а потёк дальше. Струя набрала скорость, зациркулировала между цифр, сложившись в

рисунки, похожий на цветок с шестью лепестками. Языки пламени на блокноте погасли.

— Бантик... — растерянно сказала я, глядя на металлические створки блокнота, скреплённые теперь вместо замка изящным, как на подарке, бантом. — Эта Исманова конструкция всё-таки работает!

— Чего же ты ждёшь? — Иорвет дёрнул ленту.

Узел банта распался, свет магического квадрата померк, и мы вернулись с изнанки в полумрак лаборатории. Протянув руку к пергаменту, я раскрыла блокнот — внутри лежала пухлая стопка исписанных мелким почерком листов.

Мы отдали расколдованный блокнот Тэе, которая наказала вернуться после обеда, и, как чужие, разошлись в разные стороны. Иорвет опять не замечал меня, и мимолетный всплеск эмоций ничуть не растопил тот непробиваемый слой льда, которым он отгородился.

Я шла, не разбирая дороги, и в конце концов заплутала в узких подворотнях. В этой части крепости мне ещё не доводилось бывать, и я сворачивала в переулки, оканчивающиеся тупиками, возвращалась и упиралась в следующий тупик. Раз за разом я проходила мимо одних и тех же дверей, на меня начали коситься сурового вида местные жители, и я жалела, что не взяла с собой меч. Я пыталась сконцентрироваться, но, как и утром, пустота не могла вытеснить сумбур мыслей, а истощённые изнанкой чутьё и ведьмачьи знаки не работали.

Окончательно заблудившись в очевидно не самом благополучном районе и свернув в первую попавшуюся арку подалее от провожавших меня глаз, я очутилась в тесном дворике, посередине которого смуглый волосатый здоровяк в ярко-красных шароварах колдовал над гигантским казаном. У стены притулились три крохотных столика, и вёрткая чумазая девочка, одетая в лохмотья, приветливо заверещала по-зеррикански и приглашающе потянула за рукав в сторону единственного свободного места за одним из них. Завороженная запахом еды, я подчинилась. За соседними столиками сидели мужчины такого же подозрительного вида, как те, что были в переулках, только сейчас они с достоинством пили чай и благодушно кивали мне. Моим соседом оказался древний старик, который также приветливо кивнул и убрал клюку с лавки, чтобы освободить мне место.

— Садись, тут лучший плов в городе, только для своих, — сипло с акцентом сказал он на всеобщем и подслеповато прищурился слезящимися глазами.

Девчушка грохнула на стол чайник и убежала за чашками.

— Дочка его, — старик указал на мужчину в красных шароварах.

— Почему она такая чумазая? — тихо спросила я.

Отец девочки не выглядел нищим. Старик шумно закашлялся, и я не сразу поняла, что он смеялся.

— Как бесёнок, а? Болела она, думали помрёт. Знахарей звали, даже алхимика позвали от самих Хранительниц. Да он что, только порошков дал, — старик махнул рукой. — Но, на счастье, занесло сюда шамана, из пустынных. Вот, как мы, ел плов на этом самом месте. Взятся он за дело. Обряд провёл, злых духов изгнал. Сказал только, что пока дочка в лета не войдёт, надо сажей мазать, в обноски одевать, по имени не называть, чтоб шайтан за свою признавал. Да и не сглазить теперь её никак. Всё до последнего дирхама, что было у семьи, в уплату забрал, но дело сделал. Выздоровела малая.

Хозяин расставил на столиках по блюду с горой плова. Мой собеседник неторопливо и важно наполнил тарелку, я последовала его примеру. Мы ели, старик забыл про меня. Опять провалившись в свои мысли, я поняла, что всего за несколько часов сегодняшнего дня уже

успела смертельно соскучиться по Иорвету. По тому, прежнему Иорвету. Я скучала, что мы разговаривали и он всегда не соглашался со мной. Скучала по тому, что каждый день он был рядом, и как бы ни подначивал, но всегда был за меня. Скучала по невысказанным словам, по прячущимся под маской дружеских, заряженным чем-то необъяснимым взглядам — будто и он, и я подразумевали что-то, но никогда не говорили. «Немного же стоили для него наши отношения, — думала я, и было обидно до боли, — что он так быстро про всё забыл». Однако плов был вкусным, девочка задорно улыбалась щербатым ртом во всю испачканную физиономию, а хозяин, прикладывая руки к заросшей груди, так кланялся и пытался узнать, понравилось ли мне, что я вернулась в реальность, и мрачные мысли отступили. Я выбрала и положила на стол самую большую и красивую монету.

— У него не найдется столько сдачи, — флегматично сказал старик.

— И не надо, — я отправилась восвояси.

Свернула в первый попавшийся проулок, вслед донеслись крики хозяина. Я вжалась в тень стены, и он промчался мимо, потрясая поднятой в пальцах монетой. Алые шаровары парусами надувались на бегу, и меня озарила мысль, что судьба дала вдруг подсказку. Если уж эти люди, потеряв всё, радовались жизни и улыбались, то мне-то уж точно нечего страдать. Вокруг меня — огромный удивительный мир, который не сошёлся клином на одном-единственном одноглазом эльфе. Я сконцентрировалась, чистая и ясная пустота пришла мгновенно, и даже слабых проблесков чутья хватило, чтобы безошибочно вывести сквозь трущобы обратно к знакомым улицам. Я вздохнула. Кажется, я поняла намёк — надо перестать цепляться репъём к Иорвету, оставить его в покое и жить свою жизнь. Поняла, но сердцем пока совершенно не могла этого принять.

Мы молча ждали Тэю в парадной комнате, и при виде каменного выражения лица Иорвета мой едва зародившийся бодрый настрой исчез, как надписи на песке под неотвратимым приливом. Наконец, она появилась, сжимая в руке добытые нами страницы.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, — заявила Тэя.

— Не имеет смысла, я всё равно перескажу наш разговор Иорвету. У нас общая цель.

— Я так и думала, но должна была услышать это от тебя, — кивнула она. — Я прочла записи. Всё серьезнее, чем я полагала...

Вскочив, она приняла из рук одной из Хранительниц горячий чайник и вернулась за стол.

— Я уже упоминала, что Виллентретенмерт был здесь и просил об услуге. Мне нужно было найти для него кое-что в горах, недалеко от перевала. Это и есть та настоящая причина, почему мы перекрыли путь через перевал. Как оказалось, — она похлопала по листам, — чародеи искали то же самое. Ради этого они и захватили Шалу...

— Ради чего? — спросила я.

— Я не могу сказать, — покачала головой Тэя, разлила чай. — Это не моя тайна. Вам достаточно знать, что тот мёртвый чародей, которого вы нашли, сумел собрать больше информации, чем я. Вероятно, он не успел передать её.

— Не успел, — подтвердила я. Тэя вскинула брови, и, скрепя сердце, я описала ей происшествие в пещере и договор с мёртвым Умутом. — Прости, что сразу не рассказала. Вы приняли нас не слишком дружелюбно.

— Я многим обязана Рэе, — тихо произнесла она. — И это было важнее, чем мнение чужаков.

— Значит, мы квиты, — усмехнулась я.

Она широко улыбнулась в ответ, но в следующий момент нервно сцепила пальцы.

— Это меняет дело. Теперь мне ясно, что нужно предпринять! — она закрыла глаза и некоторое время сидела неподвижно. — Вы связаны с мертвецом клятвой...

— Чёрта с два! — вклинился Иорвет.

— Это ты так думаешь, — Тэя посмотрела на него. — Но мы можем убить двух птиц одним камнем... Да! Так и следует поступить!

Она хлопнула по столу.

— Завтра я дам вам другие записки, и вы положите их обратно в блокнот, — сказала она. — Одна из моих девочек весьма искусна в воспроизведении почерка. Когда вы встретите чародеев...

— Если мы встретим чародеев, — перебил Иорвет, подчеркнув первое слово.

— Если. Хорошо, — Тэя серьёзно кивнула. — Я не могу желать вам встречи с ними. Шанс, что вы выживете, ничтожен. Но если вы их встретите, то отдадите подложные записки. Возможно, за это они отпустят вас. Что касается оригинала, то... Он должен попасть к Виллентретенмерту.

— Если он до сих пор гостит у Назара, мы передадим его, — предложила я.

— Нет, это не ваша забота, а моя. Исман проводит вас. Рэя найдёт дракона. Лучше её не справится никто, а ей нужно развеяться. Перемена мест пойдёт ей на пользу.

Иорвет молчал, а я раздумывала о том, что от Рэи, даже уйдя из Шалы, совершенно невозможно было избавиться.

— Завтра в Албохейру выходит караван. Пока вам будет по пути, вы пойдёте с ним. Я поговорю с Энру.

Тэя говорила деловито, будто всё уже придумала и организовала.

— Лея займётся сборами. В полдень будьте здесь!

Разговор был окончен. Мы с Иорветом вышли во двор, из тени деревьев из кресла поднялась хрупкая пожилая женщина. Она пристально вглядывалась в нас, потом отложила книгу, в которой я узнала приключения королевы воинов Зены.

— Молодые люди... — неуверенно сказала она. — Мы встречались?

— Сомневаюсь, — произнёс Иорвет, и Ненина вздрогнула от звука его голоса.

— Я плохо помню последние годы, — извиняющимся тоном сказала она, подошла ближе и взяла сухими ладонями мою руку. — Но почему-то чувствую, что должна поблагодарить вас. Ваши лица знакомы мне.

— Мы всего на несколько дней остановились в крепости, — смущённо сказала я. — И завтра уходим.

Старая женщина отпустила мою ладонь, задумалась.

— Счастливого пути, молодые люди. Пусть Драйк Кин хранит вас.

Ненина смотрела вслед, пока мы молча шли со двора к узкому коридору на выход. Иорвет взялся за ручку двери.

— Скажи же хоть что-нибудь! — безнадёжно воскликнула я, и помимо воли в голос проникли просительные ноты.

Он остановился и, слегка развернувшись ко мне, глядел мимо в пол.

— Мне нечего сказать тебе, — голос звучал глухо. — Давай просто сделаем то, что должны.

Он стоял близко, возвышаясь надо мной, и за правым ухом из-под ремня повязки так же,

как и раньше, задиристо торчало оранжевое перо гарпии. И всё в нём было таким же, как раньше, кроме того, что стал он невообразимо далёк. Он подождал, видимо ожидая ответа, я молчала. Толкнул дверь и вышел.

Лея с радостью согласилась помочь со сборами. Словоохотливая зерриканка повела по надёжным торговцам, скрупулёзно выбирая запасные бурдюки для воды, полотенца и тёплые верблюжьи одеяла. В одежной лавке она торговалась до последнего и заставила взять для защиты от солнца пару длинных рубах, которые она назвала «тоба», и тончайший белый платок, сквозь который можно было смотреть.

— Осень — время ветров, — пояснила она, — без гутры в пустыне делать нечего. Вот, возьми и для мужа.

Она протянула такой же платок, только чёрного цвета, и я замялась, не решаясь взять его в руки.

— Бери-бери, ему пойдёт, — подбодрила Лея. — Сам себе он такой никогда не купит, места надо знать. Так, что ещё я забыла? Шатёр дадут, кухня будет....

Шевеля губами, она загибала пальцы на руках.

— Ужин забыла! — воскликнула она и рассмеялась. — Пойдём, тут за углом хорошее местечко. А вещи оставь, их занесут.

Она отдала распоряжения хозяйке магазина, и я покорно поплелась за ней. Домой идти не хотелось, сборы были завершены. В «хорошем местечке» Лею уже ждали подруги, и я, убедившись, что среди них нет Рэи, села в углу и убивала время, рассматривая Хранительниц, и слушала их непонятную зерриканскую речь, перемежавшуюся смехом, и пила бесконечный мятный чай.

В чайхану я вернулась уже за полночь. Внизу было темно, а дверь в нашу комнату была закрыта на ключ. Отперев её, я тихо пробралась к кровати, около которой посыльный сложил мои покупки, и зажгла фонарь. Иорвет спал в своём углу, отвернувшись к стене, рядом горой лежали вещи в дорогу. Я заметила несколько бурдюков для воды, стопку одеял, незнакомые мне ножны. На цыпочках я осторожно подкралась к Иорвету и положила к его вещам чёрный платок — пусть делает с ним, что хочет. А мне надо от него отстать окончательно и бесповоротно. Твердя про себя эту мысль, я залезла в кровать. «Если любишь, отпусти», — прошептала я и задула фонарь. Хотелось плакать, но как никогда нужные, освобождающие слёзы ко мне так и не пришли.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Пустынная роза

Нигде так отчётливо не накрывает бесконечностью мироздания, как в пустыне. Застывшее море, шёлк иных миров, собранный в складки идеальных плавных форм. Геометричный узор будто по лекалу нарисованных теней и чистые линии изгибающихся, уходящих в горизонт гребней барханов. Безмолвие. Смерть. Каменистая красноватая пустыня предгорий осталась позади, нас ждал переход через царство жёлтого песка и синего неба. Верблюды ступали неспешно, обходя цепочкой очередной песчаный вал, мерные широкие шаги раскачивали, как на волнах.

Утро казалось столь же далёким, как прошлая жизнь. Сумки, взгляды в сторону, прикосновение ладоней и старательное завязывание магического банта. Суета погонщиков, прощально поднятая рука Тэи. Ближе к вечеру Энру, наш капитан, скомандовал о привале. Он потянул за верёвку на морде флагманского верблюда, тот послушно согнул передние ноги, потом задние, опустился на песок. Потом Энру прошёл вдоль остальных, и один за другим все двенадцать верблюдов, связанные в цепочку, улеглись. Можно было спешиться.

— Последний колодец, — пояснил старый погонщик и махнул рукой на шалаш из веток, возле которого белели овечьи кости. — Дальше до Страны Озёр один песок.

Сорок лет Энру водил караваны, и его сыновья, как только отпустили материнскую грудь, — с ним. Старший уже и сам дед, с чёрной с проседью бородой, а младший — совсем молод. Лицо Энру выдублено, как сапог, а во время рукопожатия при встрече показалось, что рука у него деревянная.

Сыновья подняли верблюдов на водопой. Иорвет направился на вершину ближайшего бархана, Исман сосредоточенно копошился в сумке, а Рэя, выхватив саблю, разминалась в бою с тенью. Усмехнувшись, Энру достал бурдюк.

— Давай чашку, — сказал он мне. — Водой в пустыне не напьёшься. Выпей хоть бочку, с потом втрое больше выйдет. Надо чай.

Чай был тёмным, почти чёрным и пенным, крепкий и очень сладкий.

— А ты своих зови, чай пить. Что это у вас каждый сам по себе?

— Сами придут, взрослые люди, — проворчала я.

Лицо Энру под тюрбаном, намотанным из двух разноцветных платков, весело сморщилось.

— Видел я, как чужие после перехода становились друзьями вовек, последним делились. Но и видел, как лучшие друзья вцеплялись друг другу в глотки. Пустыня обнажает до костей.

Он кивнул на скелет овцы. След кобры прочерчивал зигзаг по склону бархана.

Место для ночлега Энру выбирал тщательно. На открытом месте нельзя, иначе лагерь может занести песком. Да и не всякий бархан подойдёт для защиты от ветра. Он осматривал склоны — не слишком ли крутой, не накопилось ли песка столько, что склон вот-вот обрушится? Наконец, он нашел подходящий бархан, и мы встали у его подошвы.

Животных уложили, и погонщики расстелили ковры, каждый под боком у своего верблюда. Для туристов выделили шатры-палатки. Нам с Иорветом досталась одна на двоих, он молча помог собрать её из шестов и полотнищ и расстелил по примеру погонщиков одеяло около своего верблюда.

Старший сын Энру, тёмный от постоянной угрюмости бородастый Баха, сложил костёр, прикрепил над ним котелок. По его словам, древесина саксаула необычайно крепкая, рубить замучаешься, но на паре полен можно приготовить ужин. Исман, улучив момент, подбросил в костёр щепотку порошка, посыпались искры. Баха возмущённо закричал.

— Теперь хватит и одного полена, — довольно потирая руки, сказал Исман. — Я не первый раз хожу в Страну Озёр, и вы ещё попросите у меня порошка с собой, как другие просили.

— Трюки, — проворчал Энру.

— Наука, — назидательно возразил Исман.

Энру засопел. Вода закипела, Баха насыпал в котелок фасоли и вяленого мяса.

— Я говорю на всеобщем, нильфгаардском, хакландском, — сказал, наконец, Энру. — Объяснюсь с тилликом, найду общий язык с кочевым народом. Песчаника пойму, вот только не отвечу. Да там и без нужды, всё одно, бежать надо. Знаю каждый бархан в Корате. А ведь ни дня в школах не просидел, наукам не обучен. Пустыня — лучшая школа.

— Ты много знаешь, но не понимаешь сути, — прищурившись на огонь, сказал Исман. — Изучать науки необходимо, чтобы научиться думать.

— Иногда много думать вредно. Бывает, нужно просто верить, — вдруг сказала Рэя.

Она сидела неподвижной статуей, скрестив ноги, и наблюдала за огнём.

— Ты можешь так сказать, потому что пятнадцать лет провела в одной из лучших школ, — возразил Исман. — Иначе бы ты верила во всякий бред, придуманный пустынными шаманами.

Я встрепенулась.

— Я встретила в городе семью, и их дочь вылечил пустынный шаман.

— Выскажу предположение, что девочка выглядела как нищенка, выбравшаяся из угольной ямы? — Исман презрительно улыбнулся, я кивнула. — Знаю их. Она поранила ногу и приложила к ране грязную тряпку из хлева. Лежала в лихорадке, кровь стала дурной. Я дал лекарство. Но все деньги они отдали мошеннику из пустыни. Сглаз, злые духи, шайтан — вот тайные знания их трактатов, записанные на шкуре чёрной козы узелками из волос бесноватой прабабки — единственно пригодные, чтобы напугать невежд, а потом обобрать до нитки.

Я промолчала, вспомнив Ненину, которая выздоровела, освободившись от демона, и которой не помогло бы ни одно лекарство.

— Вы, городские, считаете, что познали мир, сидя над книгами дома при свечах, в безопасности, за закрытыми дверьми... Посмотри туда, — Энру указал черпаком в непроглядную тьму за спиной. — Ты не знаешь, кто идёт за тобой...

— Всего лишь волки, — быстро сказал Исман.

— Нет. Волки — вон.

Я прищурилась, и через некоторое время, когда глаза привыкли, заметила тени, ещё более чёрные, чем чернота пустыни. Затылку стало холодно.

— Ты думаешь, что знаешь из своих книг всё. Но здесь, в пустыне, есть вещи, которые невозможно познать. Это и есть шайтан. Тьма. Древнее зло. Оно скрыто в песках, оно идёт по следу и ждёт своего часа.

Исман зевнул.

— Суеверия, — он встал, подошёл к своему верблюду и снял бухту свёрнутой верёвки. — А вот это — наука. Защитит от змей и насекомых. Пропитана специальным

раствором, надо уложить вокруг шатров.

Он начал отматывать бечеву и резать на длинные куски.

— Когда привык к пустыне, скорпионы тебя не трогают, — скептически сказал Энру.

Баха протянул руку.

— Пригодится. Я в прошлый раз с утра полный ковёр уховёрток вытряхнул.

Исман едва заметно улыбнулся, передал по отрезанному куску Иорвету и Рэе. Я тоже взяла верёвку и уложила кольцом вокруг палатки. После ужина все разошлись спать, было холодно, и я завернулась в шкуру и лежала, прислушиваясь к шорохам снаружи. А потом мне снилось, что жёлтые волны вздымались, из пучины песков выныривало красноглазое неведомое чудище, и Энру кричал: «Шайтан!», и чудище ныряло, разбивалось мириадами блестящих, разбегающихся во все стороны скорпионов, и меня качало, качало на волнах.

На второй день появились чёрные камни, они то лежали россыпью, то оплывшими, спёкшимися на солнце кусками торчали из песка. Появились и воронки тех чудовищ, что мы с Иорветом встретили у перевала. Энру тщательно обходил круглые ямы. День был безветренный и жаркий. Через одного верблюда впереди меня маячили мощные плечи Рэи, обтянутые кольчугой, вдоль каравана ходил Суллу — младший сын Энру, приговаривая что-то. Сам Энру вёл на верёвке переднего верблюда. Иорвета я почти не видела — он ехал сзади, и казалось, что мы расстались много лет назад и я давно путешествую в одиночестве, сама по себе.

Энру остановил караван около плоского камня, едва выступающего из песка. К нему присоединился Суллу, и они обсуждали что-то, рассматривая камень. Баха уложил верблюдов, мы подошли.

— Кровь орикса, — сказал Энру, показывая на камень и уходящие по песку следы. — Старый, крупный самец. Раненый. Вероятно, песчаным крабом.

Раздвоенные следы, похожие на олени, петляли между барханами.

— Почему мы остановились? — спросил Иорвет.

Энру замялся. Он показал на Суллу, который неожиданно густо покраснел.

— Невеста у него в Стране Озёр, а я могу дать в приданое всего ничего.

— А нечего было на богатую глаза разувать, — буркнул Баха.

— И то правда. Нам целый год тигровый глаз из шахт с гор возить, чтобы на приданое накопить, — согласился Энру и указал на мешки, привязанные к верблюдам. — Но год невеста ждать не станет, выберет кого поближе. А тут — орикс.

Он опять показал на кровь, развернулся к Иорвету и с надеждой спросил:

— Ты же не для красоты лук носишь?

— И для красоты тоже, — отрезал эльф, и я едва удержалась, чтобы не улыбнуться. — Чего ты хочешь?

— Ориксов почти не осталось, а рога у него ценные...

— Это верно, — встрял всезнайка Исман. — Вытяжка из рога орикса — незаменимый ингредиент в лекарствах от малярии, от холеры, от лихорадки.

— Вот, учёный человек подтвердил, — Энру мгновенно потеплел к алхимику. — Нам бы скотину догнать, он и так не жилец, а следы свежие.

Иорвет присел около камня, стёр пальцем каплю запёкшейся крови.

— Тебе одну стрелу выпустить, а Суллу жену получит, — гнул своё Энру. — Да и верблюдам отдохнуть надо, вон под скалами место подходящее.

— Мне это не нравится, — сказала Рэя, и бородатый Баха кивнул.

Иорвет поднялся и задумался, глядя под ноги на следы. Мне ужасно хотелось пойти вместе с ним, но я молчала.

— Если до полудня не догоним оленя, вернёмся, — наконец, решил он и направился к сумкам.

Баха повёл верблюдов к редким колючкам, видневшимся в стороне. Вещи сложили под вертикальной стенкой чёрных скал. Я смотрела на удаляющиеся спины Иорвета и двух погонщиков, пока они не скрылись за барханами.

Исман уселся, привалившись спиной к камню, и достал книгу. Рэя оглядывалась вокруг, поводя носом, и будто принюхивалась, рука лежала на эфесе сабли.

— За этими камнями не видать дальше плевка, — бросила она. — Мне это не нравится.

Она полезла на скалу. Я присела около Исмана, положив рядом мечи. Из щели между камнями торчал низенький одревесневший куст без листьев, но с неброскими светло-розовыми, с малиновой кромкой, цветами.

— Что это? — спросила я Исмана.

— Пустынная роза, — ответил он. — На большее пустыня не способна.

— По-моему, очень красиво, — сказала я.

Цветы у пустынной розы были в форме пятиконечных звёздочек.

— Нет совершенной красоты, чем роза садовая, — не согласился Исман. — Её красоту воспевают поэты.

Мы помолчали. Было тихо, от песка шёл жар, вдоль кромки камня тянулась муравьиная дорожка.

— Я думала, что алхимики превращают металл в золото и ищут рецепт бессмертия, — сказала я.

Исман поднял голову от книги, снисходительно улыбнулся.

— И это тоже. Но на жизнь приходится зарабатывать более приземлёнными вещами. Лекарствами. Составами для бомб. Средствами от мышей и блох. Средства от блох — особенно ходовой товар.

Я рассмеялась. Исман с любопытством поглядел на меня.

— Я думал, что ведьмаки зарабатывают на жизнь убийством чудовищ, а не поиском пропавших эльфов.

— Всякое бывает, — я пожала плечами.

— Те знаки, у тебя и эльфа на руках... — начал Исман, — откуда они?

Я исподлобья посмотрела на него, уже пожалев, что затеяла разговор.

— Брачная татуировка по обычаю одной дальней страны, — ответила я. — На счастье.

— Но она не помогает счастьем, не так ли? — вкрадчиво сказал он, пристально глядя мне в глаза.

— Не помогает, — я отвернулась.

— Прошу прощения, госпожа ведьмачка, — сказал Исман и поднял книгу.

В тот же момент что-то прожужжало мимо уха, и в корешок книги, закрывшей лицо Исмана, воткнулся короткий дротик. Раздался крик, я вскочила и, ещё ничего не понимая, наложила защитный Квен. Кричал Баха и дёргал за верёвку, поднимая верблюдов. Исман упал на землю и пополз в расщелину. Вокруг летали дротики, Квен трещал, но пока они не могли пробить защиту. Из-за бархана высывались и тут же исчезали головы стрелков с духовыми трубками у губ. Со скалы спрыгнула Рэя, приземлившись рядом со мной.

Распрямылась во весь свой гигантский рост, лицо её было разгорячено азартом, и она крутила саблю с такой быстротой, что дротики отскакивали в стороны.

— Песчаники! — крикнула она. — Меч держать умеешь? За мной!

Я подхватила меч, сложила усиленный Квен, и мы побежали. Я пыталась вырваться вперёд, чтобы прикрыть Рэю, но она обогнала меня, будто я стояла на месте, и стальным вихрем ворвалась в гущу замотанных в тряпки, словно ожившие мумии, песчаников. Толстая коса летала вокруг неё, она рубила, лихо вскрикивая на ударах, рядом падали худые тела. Я заразилась её воинственным духом и прикрывала ей спину, откидывая песчаников Аардом. Последний выстрелил из духовой трубки и кинулся бежать. Рэя выхватила из-за пояса кинжал, примерилась, метнула вслед. Кинжал воткнулся бегуну между лопаток, песчаник выгнулся и упал.

— Вот и всё, — довольно сказала она и утёрла лицо, размазывая бурые брызги крови. — Хоть какое-то веселье.

Я присела около ближайшего трупа. Тонкие, непропорционально длинные руки и ноги скрывались под туго намотанными полосами ткани. Ткань закрывала и лицо, оставляя лишь щёлку для глаз.

— Хвала Солнцу, что вы остались в лагере, — сказал подошедший Баха. — Все верблюды целы!

— Надо проверить, откуда они пришли, — скомандовала Рэя. — Я уверена, что не песчаный краб ранил того орикса.

Мы двинулись с ней по следам. Те расходились в стороны, когда песчаники огибали барханы и скалы, а потом собирались снова. Я сосредоточилась — следы уводили в противоположную сторону от той, куда ушёл Иорвет.

— Песчаники пришли с другой стороны, — подтвердила мою догадку Рэя. — Идти за твоим мужем не нужно. Возвращаемся!

Украдкой я посмотрела на неё. Рэя выглядела довольной и как будто не питала ко мне ненависти. Мы уже подходили к лагерю, когда из-за скалы вылетел Иорвет. Увидел нас, остановился и согнулся пополам, опершись руками в колени.

— Все целы, — важно сказала Рэя, когда мы подошли. — И ведьмачка твоя цела.

Тяжело дыша, Иорвет распрямылся.

— Yeá, aé mire, — он посмотрел на меня, и моё сердце застряло где-то посередине горла.

Да, я вижу

Прикрыл глаз, несколько раз вдохнул и выдохнул, выравнивая дыхание.

— Что с ориксом? — спросила Рэя.

— Несут, скоро будут, — он махнул рукой назад и говорил отрывисто. — Мы догнали оленя уже умирающим, одной стрелы хватило. Отравленные дротики, не песчаный краб. Тогда я понял...

Резко замолчав, он развернулся и зашагал к лагерю. Исман, как ни в чём не бывало, крутил в руке дротик.

— Опасная штука, медленный яд. Никого не задело, я надеюсь? — он оглядел всех. — Досадно! Я бы опробовал противоядие собственного изобретения!

Баха кричал на отца, виновато свесившего голову, а Суллу обнимал мешок с головой орикса. Из мешка торчали прямые, как стрелы, рога. Юноша выглядел счастливым. Энру,

выслушав тираду старшего сына до конца, вскинул подбородок и хлопнул в ладоши.

— Хватит! Я повинился, и будет. Теперь ты своё место знай и за брата радуйся! — и он с поклоном вернул Иорвету стрелу.

Солнце клонилось к горизонту, и ночевать решили тут же, под защитой скал. Чтобы не приманивать к лагерю волков, братья ушли оттаскивать и закапывать трупы песчаников, Энру возился с ужином.

— Что твоя наука говорит, почему с песчаниками невозможно договориться? — пытал он Исмана.

— Отсталый народ. Живут в норах и пещерах, выращивают чаги, — Исман пожал плечами.

— А я тебе скажу так... Подкинь-ка своего порошка, чтоб лучше горело, — Энру подмигнул Исману. — Когда шайтан храпит во сне, в пустыне дует хауб — безумный ветер. Он и выдувает из песчаников разум.

— В моей стороне тот ветер звался чинук, — сказала Рэя. — Нет ничего лучше, чем спать, когда он свистит за окном.

— Это у вас в Восточных горах так. Под хауб не заснёшь, то другой ветер. А песчаники, они после хауба как волки делаются. А могли бы чагами торговать и горя не знать. Но находит на них временами, и только и хотят, что грабить и убивать.

— Раньше было не так, — тихо сказала Рэя. — Сердце Мира слабеет, Хаос крепнет, и они податливы Хаосу.

Уже не первый раз я слышала из уст Хранительниц про Сердце Мира, но спрашивать у Рэи не решилась. Посмотрела с надеждой на Иорвета, вдруг бы он спросил, но тот задумчиво курил трубку и смотрел на костёр.

Стенки палатки хлопали на ветру. Я вылезла, раскидав в стороны песок, который к утру намело у входа. Умылась, вслушиваясь в перезвон бубенчиков на пополах верблюдов. В центре лагеря у костра спиной ко мне сидел Иорвет, и ветром до меня донесло знакомый аромат. Я застыла, не в силах сдвинуться с места. Потом всё-таки, набравшись храбрости, пошла к костру и присела на корточки напротив Иорвета, который напряжённо сторожил густую кофейную пенку в джезве на огне. С наветренной стороны костерок прикрывали сложенные стенкой чёрные булыжники. Я смотрела на Иорвета и понимала, что улыбаюсь счастливо, по-дурацки, и совершенно не могла с этим ничего поделать. Пенка булькнула, поползла вверх, и Иорвет, подхватив джезvu, размешал кофе. Поднял, наконец, на меня взгляд. Он был серьёзен, но я могла поклясться, что где-то в глубине зелёного глаза мелькали насмешливые искры.

— Я вижу, что ты так же готова на всё ради этой жидкости? — спросил он.

— Не то чтобы на всё, — ответила я. — Но я могу дать облизать тебе мои руки!

Он наклонил голову, чтобы спрятать улыбку, налил кофе.

— Пожалуй, я откажусь, — он протянул чашечку.

Рядом появилась Рэя, и я метнулась в сторону, чтобы ненароком не разреветься при них. Неужели он сделал шаг навстречу, чтобы прекратить это изматывающее молчание? Неужели он тоже хоть чуточку соскучился? Неужели? Я крепко сжимала тёплую чашку, как единственное неоспоримое доказательство произошедшего чуда.

Ветер, принесший неожиданные перемены, усиливался. С кромок барханов срывался песок, ноги верблюдов по колени тонули в несущемся по земле мутном песчаном потоке.

Песок набивался в нос, в глаза, и я намотала платок-гутру на голову, в один слой у глаз и несколькими слоями вокруг носа и рта, мысленно благодаря предусмотрительную Лею.

Мы шли целый день без отдыха, и к вечеру ветер стих. Энру нашёл место под защитой пологого бархана в форме гигантского полумесяца. Измученные животные улеглись, даже не посмотрев в сторону колючек, тут и там торчащих из песка. Иорвет размотал с головы чёрный платок, убрал в сумку. Потом так же молча, как и раньше, помог поставить палатку. Несмотря на то, что внешне ничего не изменилось, напряжение, свербящее, как тупая зубная боль, ушло — мы оба устали от него и отпустили что-то, простили друг другу, и я была благодарна Иорвету хотя бы за такие перемены.

Поужинав, по какому-то молчаливому согласию все так и остались сидеть у костра. После трёх дней пустынной бесконечности, после дня ветра, когда вокруг не было видно ничего, кроме мохнатой, запорошенной песком шеи твоего верблюда, хотелось побыть среди живых людей. Суллу сидел чуть в стороне и молча разделявал голову орикса, очищая её от внутренностей, а Баха нудно бранился, сидя рядом с ним на корточках.

— Отстань от брата, — прикрикнул Энру.

— Меня женили, не спрашивая, — проворчал Баха, вернувшись к костру. — Кто меня выбрал, ту и полюбил. А этот, ишь! Любовь у него!

— В жизни нет ничего важнее любви, — сказала Рэя, и у меня из пальцев едва не выпал кусок хлеба.

— Времена меняются, — задумчиво сказал Исман, — все больше юношей хотят жениться по любви. Рано или поздно к этому придёт, помяните моё слово. Но в провинциях пока следуют закону, не то что в столице. Мне повезло, мой Мастер — современного ума человек. Он отдал мне руку Розы, несмотря на то, что я был нищим учеником без дара магии.

— Какой она была? — тихо спросила Рэя.

— Она была... розой, — Исман прикрыл глаза, — любовно выращенной в дивном, запертом от всего мира саду. Юный бутон...

Иорвет зевнул, набивая трубку.

— ... распутившийся совершенной красотой. Нежные лепестки губ, сверкающие звёздами глаза, брови, как крылья ласточки. Я не мог надыхаться амброй её смоляных кудрей, целовал песок, по которому она ходила. Голос её лился, как искрящийся ручеёк.

— И что же такая шехерезада в тебе нашла? — спросил грубый Баха.

— Она могла выбрать любого мужчину, — смиренно ответил Исман. — Но не искала их. Она жила затворницей с отцом. А я поклонялся ей. Я вознёс её на пьедестал. Есть просто женщины, а есть — богини.

Рэя фыркнула.

— Тебе никогда не понять! — оскорбился Исман. — Ты берёшь силой. А ей не надо было брать, любовь ей дарили, молясь, чтобы она приняла этот дар!

Даже при свете костра было видно, как лицо зерриканки налилось кровью. Она мотнула головой, да так, что высокая коса описала круг у её лица, а потом вскочила и скрылась в темноте. Энру укоризненно качал головой.

Разговор расклеился. Иорвет ушёл к своему верблюду, Исман сидел, нахохлившись, а погонщики заваривали чай, переливая его из одного чайника с длинным тонким носиком в другой, и шептались о чем-то своём. Я отправилась спать и уже у палатки услышала ритмичное, с присвистом дыхание. Осторожно обошла палатку и чуть не наступила на Рэю, которая и издавала эти звуки, резко и быстро отжимаясь от земли. Она распрямила руки, со

свистом выдохнула последний раз, прыжком поднялась на ноги.

— Что, тоже пришла посмеяться надо мной? — она надвинулась, почти коснувшись меня.

— Нет, — сказала я.

— Ты тоже берёшь, — яростно зашептала она. — Только не силой, а обманом. Я видела, как ты сражалась вчера. Ты не могла победить меня.

— Но я победила.

— Может, проверим ещё раз? — она пихнула меня грудью.

— Не советую, — я упёрлась в неё в ответ и выпустила правой рукой в песок небольшую струю огня.

— А без этого? У тебя нет техники, ты сражаешься, как слабый мужчина. Тебя никогда не учила умелая женщина.

— В чём же дело? Научи!

Рэя отпрянула, будто я окатила её водой.

— Тебя? — она запрокинула голову и захохотала. — Но почему бы и нет? Что ты готова отдать взамен?

— Чего ты хочешь?

— Того же самого. Я не могу получить всего, но дать мне часть в твоей власти.

— Говори же, я не понимаю, о чём ты!

— Я хочу провести ночь с твоим мужчиной, — сказала она.

Рэя совсем не походила на эльфийскую принцессу, но назначала цену столь же рассудительно и буднично.

— Как вы достали! — взорвалась я. — Он не мой, он свой собственный! Договаривайся с ним сама, напрямую, без сутенёров!

Я развернулась и занырнула в палатку, задыхаясь от гнева. Было что-то особенно издевательское в том, что все вокруг считали, что мне принадлежит то, что мне и даром не нужно было от Йорвета — его свобода, его воля. И только я знала, что того, в чём я на самом деле нуждалась — его любви, мне было не получить никогда.

Под медвежьей шкурой было жарко, песок вдруг стал твёрдым, и я ворочалась и бормотала на разные лады варианты хлёстких ответов по поводу Йорвета невидимым оппоненткам, когда полог палатки рвануло наверх и внутрь ввалился кто-то огромный. В момент мои руки оказались пришилины к полу.

— Я тебя придушу! — прошипел мне в лицо Йорвет.

Я дёрнулась.

— Ты в своём уме, тебя хабубом продуло? — воскликнула я.

— Ты продала меня Рэе? Или сдала внаём? — он был в бешенстве, предплечьем надавил у шеи, я лягнула его ногами, и Йорвет навалился, прижал меня к земле так, что я не могла пошевелиться.

— Да в чём дело-то? — придушенно выдавила я.

— Она несла какую-то дичь, что ты уступила ей права на меня. Ты отвратительная хозяйка!

— Я не хозяйка тебе, понял?! — я захлебнулась от ярости. — Не хозяйка! Когда ты это поймёшь? Разбирайся с Рэей и остальными сам, только оставь меня в покое!

Он замер, так и держа меня, потом откинул мои руки в сторону, сел рядом.

— Я буду спать здесь.

Приподнявшись, я оправила футболку. Иорвет, как у себя дома, уже расправлял одеяло. В палатке вдруг стало очень мало места, и я прогнала мысль, что его стало ровно столько, сколько нужно.

— Тогда я — там, — в темноте я нащупала и натянула шорты и вылезла наружу.

В безлунной тьме красным тлел костёр. Я добралась до своих сумок, нашла запасные одеяла, опять мысленно вознеся хвалу Лее, и пошла к верблюду Иорвета. Поправила бечеву от змей и насекомых вокруг лежанки, расстелила поверх одеяла. На фоне звёздного неба на вершине бархана чернел силуэт. Я улеглась, то и дело посматривая на неподвижно сидящую фигуру. Мне было не по себе. Наконец, я поняла, что всё равно не успокоюсь, и решительным шагом направилась на бархан.

Рэя не шелохнулась, когда я подошла. Я села на песок невдалеке, поджала ноги. Песок был холодным, искрилось небо, мы молчали. Тонкой чёрточкой мелькнула падающая звезда, потом ещё одна. «Осень, время звездопада, как и у нас», — подумала я. Рэя пошевелилась.

— Единственным человеком, кто всегда выбирал меня, была мать Ненина, — сказала она. — До тех пор, пока к ней не вернулся разум. В своем уме меня не выбирал никто.

Я не знала, что ответить, и молчала.

— Розы... Богини... — Рэя говорила будто сама с собой. — Почему им дарят любовь, а мне нужно брать? Почему?

Она повернула ко мне широкое плоское лицо, и была похожа на сфинкса, который смотрит на сине-чёрные ночные барханы и задаёт вопросы, на которые ни у кого нет ответа.

— Если бы я была как они... Хрупкой. Слабой. Если бы я была розой. Тогда мужчины не бежали бы от меня, как сбежал твой, — она сжала кулаки, и руки забугрились жилами. — Почему я не роза, скажи мне?

— Ты роза, — помолчав, сказала я, вспомнив крепкий древесный куст и его нежные цветы. — Просто другая. Пустынная. Не каждому дано видеть её красоту.

Рэя опустила голову.

— Я пустынная роза, которая всегда растёт в одиночестве... — прошептала она. — Я не понимаю, не понимаю тебя.

— Почему? — спросила я.

Рэя посмотрела на меня.

— Если он тебе не нужен, нечестно забирать его у других, — она покачала головой и опять опустила взгляд на сложенные на коленях руки. — Я смотрю на тебя и не понимаю... Если ты в пустыне и тебе дают стакан воды, разве ты не утолишь жажду? Если рядом твой мужчина, как не испить из этого источника? Ты больна? Ты дала обет? Зачем ты тогда дралась за него?

Я смотрела на неё, а она на меня. Вопросительно, почти умоляюще.

— Потому что я его люблю, — тихо ответила я.

Рэя медленно отвела взгляд.

— Ты ещё более ушибленная, чем я думала, — сказала она, опустила лицо на ладони и вдруг зарыдала, не стесняясь, по-бабьи, подвывая и всхлипывая.

Я подвинулась, положила руку на её дергающуюся спину, и Рэя, повернувшись, уткнулась лбом мне в плечо. Вспомнился огромный клетчатый платок Саскии и Дева-воительница, рыдающая у меня на груди. Кажется, такова была моя карма — в такие моменты быть рядом с женщинами, казавшимися крепче гранита. Рэя подняла зарёванное

лицо:

— Я буду учить тебя. Завтра начнём.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Шайтан

Ранним утром в лагере объявился кот. Он был худой и длинноногий — ещё не рысь, но гораздо крупнее домашней кошки. По песочного цвета шкуре от головы тянулись едва заметные коричневые полосы, рассыпающиеся на спине в пятна. Кот воровато покрутился у котелка, позволил Рэе почесать себя под подбородком и потёрся о её ногу. Баха зашикал и замахал одеялом.

— Не трожь! — крикнула Рэя и протянула коту кусочек вяленого мяса.

Животное жадно цапнуло мясо с ладони и скрылось за камнями.

— Далеенько он забрался, — почесал затылок Энру. — Коты-рыболовы живут в Стране Озёр, а до ближайшего озера нам идти с неделю.

Морда кота половинкой выглядывала из-за полога палатки, и добросердечный Суллу кинул ему ещё один кусочек мяса.

— Вот приبلуда, теперь не отделаемся, — проворчал Баха, а кот уже ходил восьмёрками, оглаживая спину Рэи, втирался головой ей в ладонь, и та заливисто смеялась.

Как я и подозревала, кофе, столь неожиданно вновь появившийся в моей жизни, столь же ожидаемо и исчез. Теперь уже я молчаливо помогала Иорвету разобрать палатку, и мимолетная оттепель закончилась, едва начавшись, вместе со вчерашним ветром. Лагерь был собран. Иорвет взялся за ремни седла, к нему подошла Рэя и что-то сказала, распрямившись во весь рост и открыто глядя прямо в лицо. Он слушал, чуть задрал подбородок, потом кивнул. Рэя протянула руку, и он, замешкавшись на миг, пожал её. «Кажется, все со всеми, кроме меня, сумели договориться», — подумала я и залезла на верблюда. После этого Рэя подошла к погонщикам и бесцеремонно вытянула из ножен Бахи и Суллы мечи.

— Редкостное дерьмо! — сказала радостно, вернувшись ко мне с мечами в руках. — Как раз то, что надо! Спускайся!

Я спрыгнула, Рэя махнула рукой Энру, верблюды поднялись на ноги, и караван тронулся с места. Мимо проплыл Иорвет и бросил с высоты удивлённый взгляд.

— Начнём! — гаркнула Рэя.

Не то появление хвостатого друга, не то открывшееся поле для деятельности преобразили её. Ещё до конца не проснувшись, я с тоской наблюдала удаляющуюся спину моего верблюда, на которой можно было дремать и дремать в сонном покачивании, а зерриканка была полна энергии — сунула мне в руки меч и встала в стойку.

— Всегда помни про центральную линию, — сказала Рэя, провела рукой вдоль прямо стоящего тела, — ты должна сохранять её даже в движении. Нет отдельно рук и ног, сила не уходит в отдельные части тела. Твоё тело должно быть едино.

Она сделала выпад, я выставила блок.

— Не так! На три дня ты забудешь о том, что у тебя есть сила. Атакуй! — на рубящий удар она парировала — не отбивая, а слегка придержав мой меч. В пару шагов ушла с линии атаки, провернулась, мой меч соскользнул, меня по инерции унесло вперёд, а её лезвие легло мне на шею.

— Ты будешь использовать силу врага, не свою. На силу может полагаться сильный. Ты — нет.

— А ты?

— Я могу, — самодовольно сказала она. — Но зачем?

Я беспокойно оглянулась на караван, ушедший далеко вперёд. Рэя ухмыльнулась.

— Это будет второй частью обучения. Бежим!

И мы бежали. Мы обгоняли караван, и она тренировала меня. Верблюды проходили мимо, на них расслабленно покачивались седоки, и мы бежали опять. Скоро я возненавидела пустыню, Рэю и себя — за то, что попросила её обучать меня. Я бежала и падала, она останавливалась, кричала: «А ну, вставай!», и мы бежали снова. После еды я ничком лежала у костра, а Рэя, погладив кота, который исправно появлялся в лагере на привалах, вставала и, словно прапорщик, кричала мне: «Подъём!», и я поднимала меч, и с яростью замечала одобрителное выражение на лице Йорвета.

Следующие несколько дней слепились в сплошной кошмар, когда я уже не понимала, пытается ли меня зерриканка с особой изощрённостью, либо, наоборот, старается дать всё, что может. «Подъём!» — кричала она на ухо утром, когда все ещё спали и только краешек солнца выглядывал из-за скал, а под шкурой было особенно тепло, и срывала с меня шкуру.

— Я больше не могу, — стонала я, и Рэя поднимала меня с песка за руки.

— Ты всё ещё используешь силу. Уходи с линии, сохраняй центр, — неуклонно повторяла она.

С мечом, без меча, захваты, болевые, ускользания с линии атаки, которые так гармонично ложились на науку Эскеля, бег, бег, бег. Лицом в песке, лицом в ковре, лицом в шерстяном боку верблюда — самое счастливое время. Я отползала после ужина, и свет выключался, а следующим утром безжалостная зерриканка снова расталкивала меня. Какое-то вселенское упрямство и уверенность, что когда дают, надо брать, не позволяли мне сдаться, и я всё надеялась, что сдастся тело, но этот желанный предел никак не наступал.

— Завтра — отдых, — сказала Рэя.

Мы сидели в ожидании каравана в тени скалы. Сегодня мы убежали вперёд особенно далеко, и после тренировки я обессиленно съехала боком по каменной стенке. Рэя сидела, расслабленно откинув голову на камень за спиной, на коленях лежал неказистый, словно из той мусорной кучи в Каэр Морхене, меч Бахи.

— Почему ты учишь меня? — спросила я и припала к фляге с водой.

Она повернула ко мне лицо, улыбнулась.

— Добро есть даже там, где не ждёшь его встретить, — сказала она.

Из-за бархана показались верблюды, они приближались в жарком зыбком мареве медленно, очень медленно.

— Вставай! — Рэя прыжком поднялась на ноги. — У нас есть время, пока они дойдут!

— Чёрный Аспид, — Энру показывал на скалистую гряду, неподалеку от которой мы разбили лагерь. — Свернулся кольцом вокруг Долины Духов. Когда-то там, говорят, такие, как ты, жили.

Он кивнул Йорвету.

— Эльфы?

— Да кто их знает. Но уши, как у тебя. А потом вода ушла, и теперь там пустыня, как и здесь.

— Долина Чёрных Сидхов, — с благоговением произнёс Исман, — покинутые дворцы, руины древней цивилизации. Говорят, что Dhu Siedhe первыми заселили этот мир, задолго до последнего Сопряжения Сфер. Я слышал о Долине, но не знал, что она так близко.

Он растирал в ступке порошок, который потом добавлял в бурдюки, чтобы вода не протухла.

— Первыми были драконы, — сказала Рэя.

— Я имел в виду — первыми из других миров. Драконы — единственные родные дети этого мира.

— Нету больше никаких дворцов, — сказал Энру, — всё поглотила пустыня.

— Дрянное место, — сказал Баха, — каждый раз поджилки трясутся там идти. Будто мёртвые зовут.

— Во владениях моего Мастера сохранились руины эльфийских построек, но они не сравнимы с теми, что, говорят, были в Долине. Странно, что в прошлые разы я тут не проходил, — сказал Исман.

— Так ты другой дорогой шёл, по югам пустыни, мы так обычно и ходим. Но Эотэанэрле наказала быстрее вас доставить, так что идём напрямки. Лучше бы гряды обойти, но так идти с десяток дней, а верблюды уже неделю без воды, на сушняке. По ту сторону долины выйдем к озеру Муджазе — «Чудо» по-вашему.

— Почему «Чудо»? — спросила я.

— Была легенда... Про любовь, как водится, — Энру хитро подмигнул. — Ревнивая колдунья превратила влюблённых в деревья.

— И сделала из них лодку? — спросила Рэя.

— Нет, — засмеялся Энру. — Их ветви сплелись, они стоят у воды и всю жизнь проводят в объятиях.

— Самые сильные деревья стоят в одиночку, — сказала Рэя.

— Каждому суждено найти своё дерево, — сказал Энру. — Да только это всё байки. А я так думаю, что Чудо-озеро оно потому, что после пустыни выйти к нему — всегда чудо. Оно от других озёр в стороне, и кабы его не было, нам этот переход ни за что не одолеть. Через день туда доберёмся, и там наши пути разойдутся.

Все задумчиво молчали, глядя на потрескивающий костёр. Под боком у Рэи свернулся кот, который совсем освоился в нашей компании, и она нежно почёсывала его за ухом.

Ранним утром мы уже шли по узкому ущелью среди чёрных скал. С верблюдов пришлось слезть. Тропа уходила вверх, под ногами громоздились гладкие скользкие камни, верблюды поскальзывались и осторожно выбирали место для шага, иногда застревая ногами в щелях между валунов. Я мысленно согласилась с Бахой — глянцево-чёрные скалы выглядели зловеще, и чудилось, что песок ручейками стекал под ногами, а медальон едва заметно подрагивал на груди. Поначалу я не обращала внимания на тихую пульсацию, принимая её за удары собственного сердца, но чем дальше мы шли, тем сильнее вибрировал медальон, и когда мы вышли из ущелья, он уже плясал на цепочке. Я бросилась догонять Иорвета, который шёл рядом с Энру.

— Может, магия от древнего народа осталась? — нерешительно предположил погонщик. — Говорят, от них вся наука чародейства и пошла.

Иорвет всматривался в песчаную долину, открывшуюся нам при выходе из ущелья. Она была ровной, как стол, и только далеко впереди в центре гигантской круглой котловины, образованной грядами Чёрного Аспида, виднелась скала, похожая на купол. Эльф поправил лук за спиной.

— Мы пойдём впереди, — сказал он, мотнув мне головой в сторону купола.

«Мы» звучало хорошо, звучало давно забытой музыкой, легким выдохом слегка соприкоснувшихся губ, и мы шли рядом, как раньше, и я пестовала это обманчивое ощущение в груди, представляя, будто всё и вправду было как раньше. Бившийся медальон добавлял тревоги и азарта, но было не страшно, потому что были «мы».

Сапоги по щиколотку утопали в рыхлом мелком песке. Чем дальше мы отходили от скал, тем чаще ветер поднимал странные завихрения из песка. Они крутились маленькими смерчами, угрожающе раздувались и осыпались. На вершине купола вдруг вспыхнул огонёк — яркий, как солнечный зайчик. Иорвет резко остановился:

— Ты видела?

— Свет? Видела, — ответила я.

— Нет, не свет.

Мы подождали остальных.

— Там люди. Я пойду один, и если что, отвлеку их, — распорядился Иорвет и показал рукой на купол. — Ждите здесь.

— Я с тобой! — воскликнула я.

— Идите, — Рэя достала саблю. — Я прикрою тут.

Иорвет зашагал вперёд, я побежала вслед. После пяти дней тренировочного насилия бежать было легко.

— Я, кажется, ясно попросил, — процедил он сквозь зубы.

— А я не хочу, чтобы ты сдох в одиночку, — ответила я. — Иначе весь этот поход станет бессмысленным.

— Ну конечно, ведь я твой билет обратно, — зло сказал он.

— Конечно, именно поэтому! Как ты догадался?!

Теперь и я заметила крохотные силуэты людей около купола. Пара микроскопических фигур наблюдала за нами. Иорвет остановился. Фигуры скрылись. Песчаные смерчи исчезли, огонёк потух, жаркая звенящая тишина висела над долиной, как над ведьминым котлом перед закипанием. Медальон замер, и это было ещё тревожнее, чем когда он бился.

— Держись рядом, — сказал Иорвет, и в этот момент свет над куполом вспыхнул снова, а песок под ногами дрогнул.

Низкий гул, от которого волосы встали дыбом, шёл из-под земли. Сзади раздался вой, я обернулась.

— Шайтан! Шайтан! — захлебываясь, кричал Энру, потом бухнулся на колени и то возносил руки к небу, то показывал за наши спины.

Голос его сорвался, верблюды, испуганные содрогающейся землей, заметались в стороны, мотая головами и взбрыкивая. Энру дёрнуло за верёвку, крепко намотанную на руку, он упал, и его поволокло за верблюдами. Сыновья бросились за ним.

А перед нами вспучивался горб, раздуваясь в гигантский холм, с его склонов лавинами тёк песок. В высшей точке холм замер и в тот же миг разорвался, и из бреши, как из кратера вулкана, в небо выстрелило исполинское песчаное членистоногое туловище. Оно шевелило бесчисленными отростками, которые тут же осыпались, и на их месте вырастали новые. Потом гусеничное тело согнулось дугой и обрушилось вниз. Уже отработанным движением я прыгнула на Иорвета, не заботясь о том, что он там себе подумает. Поймав меня, он упал на колени, а песчаная масса хлынула на оранжевый шар вокруг нас. В момент мы оказались погребены в крохотном пузыре в толще песка, я сжимала Иорвета ногами, а он стиснул меня в руках и уткнулся лицом в шею. В следующий миг, когда шар начал рассыпаться, я изо всех

внезапно приливших сил ударила с обеих рук Аардом вверх. Над нами взорвался песчаный потолок, появился воздух. Ползком, выдирая руки и ноги из песка, мы выкарабкивались из образовавшейся воронки. Со стороны купола приближалось огненное кольцо, похожее на портал. Оно уже было на полпути к нам, под ним виднелся человек. Йорвет пальцами перебирал стрелы в колчане за спиной, будто искал что-то. Кольцо вспыхнуло, и из него, как в моём сне, хлынула волна стрекочущих хитиновой бронёй скорпионов размером с эндриагу каждый. Я в ужасе смотрела на приближающийся поток чёрных тел, будто выдолбленных из окрестных скал.

Не спеша Йорвет вытянул меч и новую саблю, прокрутил их в руках и встал рядом со мной, плечом к плечу.

— Время зажечь, Яна, — сказал он, и на его лице появилась такая шальная и азартная улыбка, будто всё то время, что мы путешествовали по Зеррикании, он только и ждал, что этой схватки.

И мы зажгли. Скорпионы подбегали, высоко подняв передние ноги со страшными массивными клешнями, и задирали хвосты так, что жало свисало впереди. Как нельзя кстати пришлась наука уклонения, отточенная на занятиях с Рэей, чтобы ускользать из-под молниеносных ударов жалом и захвата клешнями. После тяжелого тренировочного меча я с наслаждением взмахивала лёгкой Розой Шаэрраведда, которая привычно впрыгнула в ладонь. Йорвет управлялся двумя мечами так, словно родился с ними в руках, кромсал скорпионов на куски, и от него в стороны летели брызги слизи и чёрные ошмётки панцирей. Мы бились, я палила скорпионов Игни, а потом Йорвет, улучив момент затишья, выхватил стрелу. Огненное порталное кольцо с громким хлопком взорвалось, и под ним одиноко осталась стоять фигура в капюшоне. Йорвет прицелился, и вторая, обычная, стрела пронзила ей грудь.

— Вот игодились взрывающиеся стрелы! — воскликнул он, развернулся ко мне и схватил за руку.

Улыбнулся опасно, по-разбойничьи, дёрнул к себе, прижал под шею рукой с луком и впился горячими губами мне в губы. В груди разорвалось будто ещё одно огненное кольцо, ноги подкосились, и я поплыла, скорпионы и шайтаны ушли куда-то на задний план, в голове помутилось.

— Ты отвратительная хозяйка. Тебя даже надо учить, как обращаться со своей собственностью, — тихо сказал он, касаясь меня губами, так же резко отпустил, и я осела на песок.

— Ещё один! — крикнула Рэя, она уже была рядом.

На нас шла вторая волна. По молчаливому согласию мы с ней рубили скорпионов, не давая им дойти до Йорвета, а тот невозмутимо целился во второе огненное кольцо. Взрыв, и человек, вскидывая руки, бросился бежать.

— Я догоню! — крикнула Рэя и, перепрыгивая через чёрные скорпионьи панцири, кинулась за ним.

У беглеца не было ни единого шанса, расстояние между ним и зерриканкой стремительно сокращалось. На бегу она достала и раскрутила вокруг головы то, что выглядело пучком тонких ремней, на концах которых виднелись тёмные шары. Размахнулась, швырнула этот зерриканский аналог боласа, шары обвилились вокруг тела беглеца, и он упал.

Чёрная скала оказалась рукотворной. Посередине долины из-под земли высывалась лишь макушка гигантского строения, ныне скрытого в песках. Из макушки торчал металлический шест с массивной прозрачной линзой в наверху, свет от которой мы и видели издали. Внутри купола вёл обрамлённый барельефами арочный вход, который когда-то был входом на верхний балкон дворца. На орнаменте по чёрному камню были выбиты колесницы и тонконогие облаченные в туники стройные фигуры, с особой тщательностью у которых были прорисованы острые эльфийские уши.

Пленник лежал в центре образовавшейся под куполом пещеры. Шары, сбившие его с ног, оказались двумеритовыми, и для пущей надёжности подготовленная ко встрече с чародеями Рэя сковала двумеритовыми наручниками его запястья за спиной. Он лежал тихо, с тоской глядя на пятно от заходящего солнца у входа. Как и Умут, он был бородат и одет в шаровары и кожаную безрукавку, шею скрывал тряпичный шарф с пришитым капюшоном.

— Они разбили здесь лагерь, — задумчиво сказал Йорвет, оглядывая ящики у стены и оборудованное кострище. — Зачем?

Исман, который всю схватку прятался где-то, разжигал огонь и причитал о потерянном багаже. Кругом в песок были воткнуты толстые свечи. Рэя пнула чародея ногой в бок, спросила по-зеррикански. Тот выгнулся, выкрикнул что-то.

— Твердит про какой-то ковёр, — буркнула Рэя, присела на корточки и рванула ремешки на жилете пленника.

Открылась голая грудь, на которой виднелась искусно выведенная татуировка из сплетённых змей. На груди Хонзы была очень похожая, но сейчас стало очевидно, что то была подделка, а вот это — оригинал, настолько тонко и реалистично был выбит рисунок. В карманах чародея было пусто.

— Надо обыскать второго, — сказал Йорвет и вышел.

Рэя опять громко спросила что-то, пленник плюнул, кулак Рэи с хрустом опустился на его лицо, разбив нос. Я присела рядом.

— Что ты у него спрашиваешь?

— Он из Чистого Братства, — мрачно сказала она. — Мы искали, куда они скрылись после побега из Шалы, но не смогли найти.

Я сложила Аксий, на лице чародея появилась издевательская улыбка, и кулак Рэи не смог согнать её.

— Давай ещё! — скомандовала она.

Каждый наложенный знак действовал на него, как стакан водки. Несмотря на разбитое лицо и текущую из носа кровь, пленник широко улыбался разможжёнными губами и заплетающимся языком бормотал что-то на своём языке.

— Он благодарит тебя, — удивлённо сказала Рэя, — и всё повторяет про какой-то обряд Заката и ковёр.

Речь чародея стала бессвязной, он всхлипывал и бормотал. Потом попытался гусеницей поползти к ящикам, но тут же был остановлен неумолимой зерриканкой.

Я вышла. Солнце висело совсем низко над зубчатым краем Чёрного Аспида, к пещере возвращался Йорвет, и я следила за его длинной тенью, не решаясь смотреть в лицо. На губах горел его поцелуй, и по сравнению с ним все мои резолюции и волевые продуманные решения казались чем-то мелким, безосновательным. Зачем я сказала ему «нет»? Я не помнила. Я — сон, мимолётный гастролёр в другом мире, зачем мне здесь любовь до гроба, зачем было требовать её от других? Вдруг стало отчётливо ясно, что ничего лучше его

предложения нет и в создавшихся условиях быть не могло. Иорвет прошагал мимо и вручил Рэе стопку листов.

— Я нашёл следы верблюдов. Энру ушёл дальше на восток.

— Значит, завтра нагоним их, — сказала она и разложила добытые записи на песке. —

Посмотрим, что тут у нас.

Среди страниц, исписанных по-зеррикански, выделялся рисунок равностороннего треугольника, в одной из вершин которого был нарисован маленький чёрный купол. Стрелки, подписанные одинаковыми затейливыми значками, указывали из центра треугольника в сторону каждой из вершин.

— Очень интересно, — сказал голос Исмана мне в ухо.

— Что? — спросила я, и в этот момент пленник закричал.

Отсвет солнца на входе стремительно удлинялся, чародей выгнулся, как в столбняке, грудь колесом выпучилась, и на ней огнём горела татуировка. Он забился, перекатился на живот и судорожно втирался грудью в песок, не переставая кричать. Солнечный луч скользнул на стену, и пока все в ступоре следили за корчащимся телом, побежал выше, ещё выше и исчез. Пленник затих. Рэя перевернула его на спину, а на груди, как выжженное клеймо, ещё дымилась татуировка из сплетённых змей.

— Очень странно, — сказал Исман, наклонил лист к свету костра, показывая пальцем в центр нарисованного треугольника. — Вот здесь — основной лагерь чародеев, и судя по руне Солнца, он стоит на мощном природном источнике силы. Вершины треугольника — три особых места, одно из них — то, где мы находимся.

— А что странного? — спросила я.

— В трактате «Двенадцать ключей мудрости» описан такой треугольник, представляющий собой треугольник Солнца. Он используется для концентрации магической силы из вершин в центр. У моего Мастера была подобная конструкция для аккумуляции силы... — Исман осёкся и, помолчав, продолжил: — Тут же на стрелках вместо рун Солнца использованы руны Луны, что заставит силу истекать из центра в вершины. Но зачем? Ведь в центре — основной лагерь чародеев с Верховным Магистром.

Рэя откладывала по одному в сторону исписанные листки.

— Птичий язык, — пробормотала она недовольно. — Каждое слово понятно, но вместе — абракадабра!

— Дай посмотреть, — Исман погрузился в записи. — Расчёты и система заклинаний. Похоже, что под нами есть огромная полость...

— Под нами дворец, — сказал Иорвет. — Какие-то залы могли остаться незасыпанными.

— Именно так, — подтвердил Исман и замолчал, переворачивая листы. — Они... Как бы вам сказать по-простому? Сцеживают энергию из своего лагеря в три резервуара, один из которых под нами. Причём делают это даже сейчас. Вероятно поэтому двум весьма заурядным чародеям удалось вызвать песчаную сколопендру — им было достаточно лишь освободить силу.

— Бессмысленное чудовище, — усмехнулся Иорвет.

— Они рассчитывали напугать простых погонщиков и добились цели, — веско сказал Исман.

— Заговор! Вот что тут происходит, — Рэя подняла разлинованный листок с другим

почерком. — Тут даже подпись есть — Мавла...

Мы с Иорветом переглянулись — это имя упоминал в пещере-ловушке Умут, говоря о каком-то своём амбициозном недоброжелателе.

— В Чистом Братстве не всё спокойно, — она хохотнула и зачитала: — «Братья, наша цель близка. Дракона видели неподалёку. Три построения работают, сила покидает Оплот. Продолжаем исполнять обряды Рассвета и Заката, покуда не будет дан сигнал. Время аз-Занджани проходит, приходит наше». Они видели дракона! Значит, Виллентретенмерт всё ещё где-то здесь.

— А он говорил про обряд Заката, — я показала на труп пленника. — И ковёр.

Иорвет поднялся от костра и, захватив свечу, пошёл к ящикам. Я увязалась за ним. Мне хотелось быть рядом и хотелось, чёрт возьми, узнать, что это такое было во время боя. Иорвет же вёл себя так, будто ничего и не было. Откинув крышки сундуков, он принялся вытряхивать содержимое на песок. Похоже, что чародеи планировали провести под куполом не один день — мы нашли склад провизии и дров, бурдюки с водой, посуду, запас одеял. В другом сундуке нашлись поблескивающие латуню чародейские приборы, поверх которых лежали два свёрнутых в рулон коврика. Медальон мгновенно среагировал на них.

— Знак Солнца, — ахнул Исман, когда мы расстелили коврики около костра.

На каждом из них был вышит золотыми нитями рисунок — змеи, клубком сплетённые вокруг руны, такой же, как в центре треугольника.

— Во время захода солнца он должен был быть на нём... — догадался Исман.

— Надо было сказать человеческим языком, — буркнула Рэя. — Пойдём, закопаем его и того, второго.

Она поднялась, посмотрела на меня и внезапно многозначительно зашевелила бровями. Хлопнула Исмана по плечу, подняла за ноги и потащила тело чародея к выходу. Мы остались с Иорветом вдвоём. Я подкинула в костёр обрубков ветки, кора затрещала, разбрызгивая смолу, и по чёрному куполу заплясали отблески огня. Мы снова молчали, молчали долго, будто в мире не было ничего интереснее, чем горящий костёр, и в какой-то момент я испугалась, что сейчас вернутся Рэя с Исманом, и редкий момент наедине будет упущен.

— Иорвет... — начала я.

— Яна... — сказал он одновременно со мной.

Мы глядели друг на друга мгновение, вокруг была темнота и только мы, в неверном свете пламени. Иорвет опустил взгляд.

— Забудь, что я сделал и сказал сегодня. Просто забудь.

ПУСТЫНЯ КОРАТ. Живительная как попала

— Нет, — ответила я.

— Тебе так нравится говорить мне «нет»? — он криво усмехнулся и посмотрел исподлобья.

— Нет! Иорвет...

— Нет. Не говори ничего, от слов только хуже. В крепости я сказал, что мне нечего сказать тебе. Теперь есть, — он встал, прошёлся взад-вперёд, и по куполу заскользила его тень.

Сел опять у костра. Помолчал, а потом заговорил медленно, отстранённо.

— Не так давно я и мои эльфы жили с одной целью — протянуть хотя бы ещё один день, вырвать его из зубов этого мира. В Вергене всё изменилось. Мы сделали это. И ты. У меня, у скоя'таэлей вдруг появилась жизнь. Просто жизнь... — Иорвет замолк опять, подвинул сапогом в огонь выпавшую ветку. — Я расслабился. Я забыл, что чудес не бывает, что заигрывать с судьбой — дрянная затея. Забыл и о том, что хорошо умею выживать, но не жить. Жизнь даёт надежду, а надежда — обманчивое, опасное чувство. Она заставляет верить в невозможное, заставляет ошибаться. Я ошибся и получил горькую пилюлю из правды... Что же, говорят, что правда лечит. Я был неправ сегодня — всё ещё не хотел поверить в неё до конца. Поэтому прошу — забудь и не говори ничего.

Я до боли закусила губу и еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Было очевидно, что любые попытки оправдаться сделают только хуже. Убедить его могла лишь правда из простых трёх слов, но сказать их было и страшно, и невозможно. Для Иорвета стал горькой пилюлей мой отказ в близости, и он придумал для него своё объяснение, далёкое от истины, однако, если я назову настоящую причину отказа, если признаюсь ему в любви, он убежит от меня, как от чумы. Он предложил мне всё, что мог, моё же признание потребует от него больше, чем он может дать. Оно всё разрушит.

Я молчала, а он следил за моим лицом, будто ждал ответа и всё ещё не мог поверить, что его просьбы «забыть и не говорить» хватило. Будто надеялся, что я, по обыкновению, буду сопротивляться и спорить, а он бы решительно отразил удар. А я не могла ничего ответить, язык прилип к нёбу, и мне неистово хотелось поцеловать его без всяких лишних слов, вернуть должок, но пока я мучительно решалась, момент был упущен, снаружи послышались голоса, и в пещеру возвратились Рэя с Исманом. Иорвет отвернулся. Зерриканка посмотрела на меня долгим взглядом и осуждающе покачала головой.

«Подъём!» — в ухо громогласно шептали. Песок и небо были серыми, и около входа в купол серела тень умывающегося кота.

— Раз наши дрянные мечи сбежали от шайтана, — Рэя энергично размахивала руками, — сегодня — болевые приёмы.

— Ты никогда не позволяешь себе никаких слабостей, да? — я зевнула — заснуть мне удалось лишь под утро. Попрыгала на прохладном песке. — Поспать там... Или дать поспать другим?

— Слабости делают людей слабыми, разве непонятно? — удивилась Рэя. — А я всегда сильнее всех. За это меня и не любят. Пожми мне руку.

Я осторожно пожала протянутую руку, и Рэя, повернув ладонь, обхватила мой большой

палец, загнула его, и я бухнулась на колени.

— Ты должна быть сильной. Но если ты, ведьмачка, так и будешь колебаться и бояться трудностей, то останешься такой же слабой, как трухлявая палка. Твоя очередь.

— Есть у меня подозрение, что не любят тебя не за силу, — буркнула я и вцепилась ей в палец.

Рэя расхохоталась.

— Что, больно от правды? Но в правде — сила, — сказала она и заломила мне локоть.

Я взвыла.

— Но это же не значит, что надо без запроса вываливать людям в лоб всю правду-матку!

— Значит. Говорить правду — всегда лучше, чем умолчать, любая ложь начинается с умалчивания, — Рэя стояла прямо, а я выгибала её согнутую в локте руку взад и вперёд. — Вчера, когда я дала вам время наедине, ты ведь так и не сказала своему эльфу правду — ту, которую сказала мне? — она поморщилась. — Не так резко, мы на тренировке, а не в бою!

Она вырвалась из захвата, перехватила мою руку, нажав в локоть, будто выгибала его в другую сторону, и уложила меня лицом в песок. В спину упёрлось колено.

— Я никогда не вру, потому что не боюсь. А ты недоговариваешь и обманываешь, потому что боишься. Это твоя слабость.

— Какая же ты зануда! — я отплёвывалась от песка и думала о том, как сильно она права.

— Это правда, — засмеялась Рэя и поднялась.

— От этой твоей правды сплошные неприятности, — сказала я.

— Чушь! Ну-ка, попробуй достать меня!

— А ещё правда в том, что за твоей спиной никого нет, — я пристально смотрела сбоку от её плеча.

Рэя резко обернулась, я схватила её руку, заломила тем самым приёмом, что она только что показала. Она упала на песок, и я удерживала её руку в болевом, чтобы она не могла подняться.

— Ты обманула меня, сказав правду! — возмущённо воскликнула Рэя, захохотала и похлопала другой рукой по песку. — Надо запомнить!

Она перекатилась на спину, вытянулась во весь рост, будто загорала на пляже. Я вытряхивала из волос песок.

— И всё-таки, свободен лишь тот, кто может позволить себе не лгать, — заключила она, следя за вспыхнувшей над горами полоской солнца.

За ночь следы каравана замело. Иорвет вывел к месту, где видел их, и я пошла впереди, ведомая ведьмачьим чутьём. Рэя навьючила на себя гигантский мешок с едой и водой из запасов чародеев и на всякий случай прихватила один из магических ковриков с руной Огня. Несколько дней тесного контакта, тяжкий бег и тренировки окончательно растопили между нами недоверие и взаимные претензии, и зерриканка шла рядом и говорила, говорила, говорила. Она рассказывала о детстве в горах, о том, как десятилетней девчонкой победила чемпиона по кулачным боям из соседней деревни, и как обиженный чемпион отравил её кобылу, и она, прорыдав неделю, сломала ему обе руки. Родители отослали её в школу Юнтай, чтобы вражда между деревнями не переросла в бойню.

— Тогда я хорошо усвоила, что ты можешь быть правым, но все вокруг, даже твоя семья, будут против тебя, — сказала она.

Я внимательно слушала Рэю — это помогло сосредоточиться и перестать грызть себя за нерешительность во вчерашнем разговоре с Иорветом. Между тем ничего забывать, как он просил, я не собиралась. Но и предпринимать никаких действий не собиралась тоже. Я устала думать, колебаться, обмениваться колкостями и устала принимать неверные решения, которые неуклонно заводили в тупик. От этого опустошения, вкупе с отчаянным непониманием, что делать дальше, я махнула на всё рукой, сдалась на волю течений и ветров, и на меня снизошло давно забытое во взрослой жизни состояние, которое когда-то с подругой, затеявая очередное безумство, мы окрестили «какпопалой». Планирование и рациональные решения слишком часто заставляли дёргать за ручки закрытых дверей, тогда как игривая какпопала получше печального всёпоплану не раз вывозила к тем же самым дверям, которые, оказывается, просто открывались в другую сторону. Мы шли, в голове было пусто, следы вели, Рэя говорила, и я зацепилась за это безбашенное состояние, поверила в него. Всё, что мне было нужно — отдаться ему, плюс немножко чуда, и пусть всё горит огнём и будет как попало!

После полудня мы спустились из ущелья с другой стороны Долины Чёрных Сидхов. Медальон больше не вибрировал, мы шли, огибая барханы, след в след за Энру. К концу дня близость воды стала проявляться в порывах свежего, пахнущего пыльной влагой ветра, в загустившихся островках травы. Рэя оглядывалась в поисках кота, но того и след простыл. Потом появились первые деревца. Саксаулы, что стояли в пустыне голыми сухими корягами, окутывала нежная зеленоватая дымка из плакучих тоненьких ветвей.

К оазису мы добрались к закату. Иорвет заметил дым костра и пошёл впереди. Сквозь ряды куцых пальм, сменившихся развесистыми акациями, мы вышли к стиснутому в чёрных скалах озеру. Энру разбил лагерь на песчаном пляже под тёмно-зелёными кронами кедров, усыпанных торчащими вверх шишками, похожими на пузатые бочонки из лото. Верблюды лежали кругом. Старый погонщик вскочил, завидев нас, сорвал с головы тюрбан и подкинул в воздух.

— Чудо, истинное чудо! — приплясывая, выкрикнул он. — Вы спаслись от шайтана! А мы ждали! Мы надеялись!

Он повёл рукой в сторону расставленных для нас шатров. Исман с гордым видом, будто он самолично изничтожил шайтана, прошагал к своему верблюду и нырнул в сумки.

— Нет! Истинное чудо, что книги вернулись ко мне, — сказал он.

Иорвет пожал руку Энру.

— Нет шайтана страшнее, чем люди, — сказал он.

Сыновья Энру засуетились, загремели котелками, и видно было, что даже Баха рад нам. Рэя огляделась по сторонам, пошла по краю темнеющей рощи, нагибаясь, присвистывая и всматриваясь между деревьев. Кота нигде не было. Она погрустнела и вернулась к костру.

— Завтра мы ещё постоим тут, верблюдам нужен отдых, а потом пойдём своей дорогой, — сказал Энру. — Вам нужно идти дальше на восток.

— Я знаю путь, — Исман расправил на коленях карту и водил по ней пальцем. — За день дойдём до главной системы озёр, и ещё через день до озера Мустадир, где лежат владения моего Мастера.

— На неделю, значит, мы путь срезали, — Энру снял с огня котелок. — Всегда бы так ходить, если бы не шайтан...

— Чтоб я ещё раз через это проклятое место пошёл! — воскликнул Баха. — Вот уж срезали так срезали, чуть прямиком до смерти не срезали.

— Лучше там не ходить, — сказал Иорвет.

Погонщики согласно кивали. Рэя расстроено вглядывалась в сумрак.

— Смерть ходит по всем дорогам без разбора, — мрачно сказала она. — И что бы мы ни делали, всё равно станем пищей для червей.

Она отставила плошку с едой, повернулась ко мне:

— Тренировку? У нас снова есть мечи.

Она не приказывала, как обычно, а просила, и в этот момент я поняла, что наши тренировки нужны были ей так же, как и мне. И что, как бы я ни устала и как бы мне ни хотелось отдыхать, купаться, спать, сидеть у костра, и всё это одновременно, я просто не имела права покинуть её, как это сделал безответственный дикий кот. По доброй воле с утра и до вечера зерриканка занималась со мной, заставляла учиться, и было бы верхом неблагодарности расстроить её.

— Конечно! — я вскочила.

Рэя кивнула, мы вышли на берег.

— Он вернётся, я уверена! — сказала я и атаковала.

— Хотела бы я тебе верить, хоть раз, — проворчала она, отбивая мой меч.

Мы тренировались до полной темноты, пока плеск и шепуршание не отвлекли нас. Зерриканка радостно взвизгнула — от кромки воды отделилась быстрая тень, и к нам подбежал кот, держа в зубах трепыхающуюся рыбину. Уронил добычу к ногам Рэи.

— Ты ж мой хороший! Ты вернулся! — запричитала она. — Ты ж моё дерево!

Она присела около кота, затрепала его за ушами, и тот басовито замурчал. Я собрала мечи. Изнутри палатки Исмана просвечивал огонёк, Энру с сыновьями хлопотали у костра, Иорвета нигде не было. Мои вещи лежали у нашего пустого шатра, и я привычно оттащила их к верблюдам, заметив, что со своей сумкой Иорвет поступил так же. «Всё будет, как попало», — прошептала я, достала новое льняное полотенце из купленных Леей запасов, стянула сапоги и босиком направилась к озеру.

Чёрная вода была неподвижна, а озеро казалось тарелкой, полной звёзд, с волнистой чернильной каймой от теней кедров по берегам. Я шла по мокрому песку, следы тут же наполнялись водой, огни лагеря остались позади. Песчаный пляж уткнулся в скалу, клином уходящую под воду. Сложив вещи, я не спеша разделась. Вокруг было так тихо, так неподвижно, что не хотелось ни звуком, ни лишним движением потревожить эту ночь. Вода была прохладной и приняла меня ласково, я нырнула и скользила в водной невесомости, где нет места сомнениям, где ты тот, кто ты есть, родившийся миллиарды лет назад в воде, без налипшей за жизнь шелухи. Потом я всплыла, раскинулась морской звездой и лежала на поверхности, глядя в небо, будто отражённое от воды. С другой стороны скалы послышался тихий всплеск.

«Ты ждала чуда — вот оно», — пришла мысль, и, не допуская больше никаких размышлений, я нырнула в ту сторону, сосредоточилась на пустоте. Руками нащупав песчаное дно, оттолкнулась, вынырнула за воздухом на полпути. Плеск за скалой стих. И опять глубина, и лёгкий подводный гул в ушах, и глоток спокойствия.

Иорвет стоял по пояс в воде, и в свете звёзд его кожа казалась белой, а сам он был будто выточен из амеллского мрамора — прекрасная эльфийская статуя, застывшая с набранной в ладони водой. Я вынырнула перед ним, и была голой и уязвимой, без панциря из одежд, без доспехов из показного безразличия. Последние капли просочились меж его пальцев, и он так

и стоял со сложенными ладонями и молча смотрел на меня. Я глубоко вдохнула и спросила:

— Твоё предложение ещё в силе?

Стрела, летящая вечно, застывшая падающая звезда — ещё не успели слова сорваться с моих губ, как невыносимое ожидание ответа кислотой разъело меня, и захотелось нырнуть обратно в глубину и покой, исчезнуть, будто меня и не было.

Его ладонь поднялась, задержалась в воздухе на вечность, а потом несмело прикоснулась к моему лбу, и он отвёл в сторону мокрые волосы, упавшие мне на лицо. Я закрыла глаза и чувствовала путь кончиков пальцев по краю брови, по виску и за ухо. И ещё.

— Да, — сказал он, взял в ладони моё лицо и прошептал: — Глупая ведьмачка.

— Да, — ответила я, подняла руку и провела пальцами по его щеке. — А ты — очень глупый эльф.

Он склонился, миг мы смотрели друг другу в глаза. Прикоснулся прохладными губами к моим, а потом порывисто привлёк к себе, и наши жадные руки, наконец, дорвались друг до друга, ощупывая, сжимая, глядя, убеждаясь, что это не сон, что это можно взаправду. «Да», — повторял он между поцелуями, потом утянул в глубину, и мы переплелись там, не в силах оторваться друг от друга, и целовались под водой и над водой, а потом выплыли к скале, и он подхватил меня под коленки и спину и понёс на берег, как нёс древний человек свою пещерную женщину, и прижимал так крепко, будто боялся, что я скользкой русалкой просочусь из его объятий и исчезну снова.

Над головами чернели сплетённые кроны, Йорвет положил меня на свою одежду, и я нетерпеливо приникла к нему, не в состоянии терпеть дистанцию. Его мокрые волосы щекотали шею, губы ласкали плечи, и мы соединились в одно существо с единым сбившимся дыханием и сердцем, бьющимся на двоих. Всё, наконец, стало так, как должно было быть, как было задумано, и даже если завтра оно рассыплется, как карточный домик, сейчас это было неважно. «И правда, озеро-чудо», — подумала я и больше не думала ничего.

СТРАНА ОЗЁР. Таинственный остров

Я открыла глаза. В палатке было светло и тесно — вчера в ночи мы зачихали внутрь наши сумки, и нам было совершенно не до того, чтобы наводить порядок. Иорвет спал на медвежьей шкуре, положив изуродованную щёку на вытянутую руку, а я лежала и смотрела на его спокойное расслабленное лицо, на длинные эльфийские ресницы. Заметила выступившие от жаркого зерриканского солнца едва различимые веснушки на скуле и у переносицы, которых не видела раньше. Он приоткрыл глаз.

— Я почувствовал, что ты на меня смотришь, — произнёс он и протянул руку. Улыбнулся. — О чём ты думаешь?

— Гадаю. Что скажет утром один эльф, проведя ночь с dh'oine. Опять.

Его рука добралась до моей, и он сжал мою ладонь.

— Одной ночи слишком мало, — он потянул меня к себе на грудь. — Надо ещё. Тогда я пойму.

— Что, в плане даже нет попыток? Лицом в муравейник или что там ещё у вас в ходу?

— Как бы ты хотела, чтобы я тебя пытал? — он водил пальцами обеих рук по моей спине, а потом запустил их в волосы на затылке.

— От пытки с помощью кофе не отказалась бы.

— Признайся, ты сказала мне «да» только из-за этой жидкости! — он спихнул меня с груди и уже нависал сверху.

— Ты меня раскусил! — я притянула его за плечи.

— Всё-таки пытки это хорошая мысль, — металл в его голосе на этот раз был расплавленным. — Очень хорошая.

В лагере уже давно слышались голоса и звяканье посуды, плеск воды и перестук топора, а мы всё не спешили вылезать из жаркой палатки. Нам срочно нужно было убедиться, что утром ничего не изменилось, что «да», как ему было свойственно раньше, не ушло вместе с ночью, не превратилось при свете дня в «нет». И когда мы выбрались наружу, наши попутчики и даже Рэя обменялись, словно заговорщики, понимающими взглядами, будто мы, наконец, перестали валять дурака и в итоге сделали то, что по их мнению должны были сделать давно.

Иорвет тут же нацепил высокомерный вид и принялся за приготовление кофе. Рэя хлопнула меня по плечу:

— Ты пропустила утреннюю тренировку! Завтракай, и начнём!

Энру выскребал остатки пшённой каши из котелка:

— А я говорил тебе про пустыню, — он назидательно поднял палец. — После перехода все меняются.

— А вы? — спросила я.

— А я давным-давно изменился, — засмеялся он.

В этот день никто не спешил. Энру с сыновьями чистили верблюдов широкими щётками и водили на водопой. Мы перепаковали вещи из седельных мешков обратно в сумки, и мне пришлось оставить погонщикам лишние одеяла и бурдюки. Наточили мечи. Я тренировалась с Рэей, а потом она безуспешно пыталась дрессировать кота. А после обеда мы с Иорветом переплыли озеро, и лежали на берегу под сплетёнными ветвями кедров, и смотрели в небо, и любили друг друга.

На прощание Суллу долго тряс руку Иорвета и низко кланялся. Караван, позвякивая бубенцами, уходил по светлеющей в рассвете тропе. Исман, кряхтя, взваливал на себя сумки.

— Вот зачем ты взял с собой книги? — ворчала Рэя. — Скоро же вернёмся домой!

— Учёный без книг, как Хранительница без сабли! — защищался Исман, покачиваясь под поклажей.

— Так мы далеко не уйдём, — Рэя сняла у него со спины одну сумку и забросила себе на плечо. — Чтоб я ещё раз с учёными куда пошла, да ещё и пешком!

Наша тропа повела в другую сторону от той, куда ушёл Энру. Мы обогнули озеро, перевалили через окаймляющие его скалы. Песок пустыни постепенно уступал место твёрдым песчаным почвам, поросшим выгоревшей травой, в которой то и дело мелькали быстрые хвосты змей. Между редко стоящими акациями буйствовал подлесок из колючих вечнозелёных кустов. Рэя шла впереди и взмахами сабли освобождала тропу. Я следовала за пыхтящим Исманом и время от времени оглядывалась на бесшумно идущего позади Иорвета, чтобы убедиться, что он никуда не исчез. На публике мы с ним вели себя как раньше, будто ничего не изменилось, и только мы знали, невзначай касаясь друг друга или срывая беглый поцелуй, пока никто не видел, что так, как раньше, уже не будет никогда.

Между акациями начали встречаться южные сосны с длинными иглами, и воздух жарко пах хвоей. Сосны вытеснили подлесок, идти стало легче. Сухой лес перемежался чёрными скалами, между которыми в каменных провалах виднелась вода, а со склонов с криками срывались стаи озёрных чаек.

На ночлег встали на испещрённом гротами берегу озерца. Казалось, что в эти места не ступала нога человека — в сумерках на водопой пришло семейство оленей и с любопытством косилось на нас. Иорвет натянул было лук, потом опустил — мы были перегружены припасами и не смогли бы взять с собой ещё мяса.

Исман был радостно взбудоражен. Он вытряхнул в костёр порошок из мешочка, и пламя взметнулось до нижних веток сосен и осветило скалы на другой стороне озера.

— Признаться, я с нетерпением жду встречи с Мастером, — сказал он. — В прошлый раз я не уделил ему достаточно внимания, и это гнетёт меня. А он так старался показать мне свою новую машину.

— Машину? — удивлённо переспросила я.

— Так он называет свои механизмы. Гений Назара много лет трудится над задачей воспроизведения магической способности отдельно от самого мага и для перенесения её в предметы. Магические предметы существуют давно, но Мастер решил подойти к задаче в широком смысле, чтобы каждый, самый обычный человек мог подключиться к неисчерпаемому магическому миру и обрести силу мага.

— А в людей её можно перенести? — спросила Рэя.

— К сожалению, это более трудная задача, — Исман вздохнул, — и я буду самым счастливым человеком, когда Мастеру удастся решить её.

— Представляю, во что превратится мир, если каждый dh'oine начнёт размахивать волшебной палочкой, — мрачно сказал Иорвет.

— А если каждый эльф? — спросил Исман. — Настоящие учёные — любопытные романтики, они верят, что возможно всё, и никто не сумеет остановить их на пути познания.

— Миром правят не они. И что бы твои романтики ни придумали, в итоге у них всё равно получается оружие.

— Ты сможешь обсудить это с Мастером не далее, чем завтра, — Исман разлил по кружкам чай. — И я уверен, что он найдёт слова, чтобы убедить даже такого противника прогресса, как ты.

Я слушала их разговор, внутренне соглашаясь с Иорветом. Почему-то для этого мира совсем не хотелось такого прогресса, как у нас, хотя я понимала, насколько моё желание эгоистично. Я сама воспользовалась частичкой знания нашего мира, когда мы с Титом Сорокой проектировали бомбы для обороны Вергена, и сделала бы это снова. Перед глазами встала Шани в госпитале — с грубыми инструментами, с примитивными лекарствами. Вспомнились рассказы о деревнях, вымерших от Катрионы, в которые не заглядывали даже гули и в которых некому было хоронить умерших. Вспомнились и военные хроники нашего мира, известные каждому школьнику, и я совсем перестала понимать, как правильно, и просто молчала и смотрела на Иорвета.

Исман повернулся к Рэе:

— А что думают Хранительницы насчёт прогресса?

— Наше дело — хранить драконов и противостоять Хаосу, — сказала она, совершенно не заинтересовавшись темой беседы. Она дразнила кота кусочком мяса и пыталась заставить его сидеть смирно. — Не моё дело думать о будущем. Надо жить одним днём, ведь никто не знает, наступит ли завтра.

Ночью мы с Иорветом лежали, обнявшись, руки и ноги были перепутаны, переплетены под коконом шкуры, и я думала над словами Рэи — о том, что она всегда была права со своей прямолинейной мудростью. У меня не было будущего и не было завтра, а было только сегодня и одна цель — помогать Иорвету. «И любить его», — добавила я мысленно. И была вторая цель — чтобы он помог мне вернуться назад. Но о второй цели я не думала в ту ночь, а просто крепче прижимала его к себе.

«Яна, вставай... Яна, вставай...», — шептало эхо, и я всё не могла очнуться ото сна, пока Иорвет не растормошил меня.

— Тренировка! — Рэя заглядывала в наш грот и шептала так громко, что могла бы кричать, и разницы бы не было. — Вставай и приходи на берег!

С тяжким вздохом я села, потёрла глаза.

— Почему ты занимаешься с ней, раз тебе это так не по нраву? — Иорвет, казалось, уже совсем проснулся и разглядывал меня, оперев голову на руку.

— Такой шанс выпадает редко, а когда дают — надо брать, — ответила я.

— Да? — он усмехнулся. — Работает не со всеми.

— Я же взяла, — я повалила его на спину.

— Почему мне так часто хочется тебя придушить? — он сомкнул ладони на моей шее и слегка сжал.

— Супружеская жизнь, привыкай, — буркнула я.

Он засмеялся, отпустил руки, потянулся и стал рассматривать потолок грота.

— Я говорил, что женитьба — это весело, но ещё не подозревал насколько. Иди, — он царственно махнул рукой. — Ты должна быть сильной, тренировки идут тебе на пользу.

— Да вы сговорились, ей богу! Теперь мне хочется придушить тебя!

— Как пожелаешь, госпожа.

Я кинулась на него, и мы боролись, и Иорвет выпихнул меня со шкуры. Рэя ждала на берегу, кидая камешки в воду.

— Сегодня последняя тренировка, — объявила она. — Скоро конец нашего пути.

Я вдруг расстроилась, как будто у меня отобрали нечто очень важное. Присела рядом с ней.

— Почему так скоро? Я всё ещё не могу победить тебя, — я заглянула ей в лицо.

— Ты не сможешь победить меня никогда, — серьёзно ответила Рэя. — Но это неважно. Главное — не победить, главное — сражаться.

Она встала в стойку.

— Давай, покажи, чему ты научилась, и клянусь, на этот раз я не буду оборачиваться!

С высокого скалистого берега озеро Мустадир выглядело бескрайним, и лишь у горизонта виднелась зыбкая полоска противоположного берега. Оно было абсолютно круглым, с тоненьким золотым обручем пляжей далеко внизу, куда, казалось, невозможно было спуститься. Исман уверенно вёл через густой лес, лианы опутывали стволы дубов, под которыми глянцево поблескивали тёмно-зелёные листья кустарников.

— Жаль, что сейчас не весна, — сказал Исман, — когда по берегу цветут каштаны и магнолии, и ты дышишь не воздухом, но мёдом, а само озеро будто надевает розово-белый веночек невесты.

Иорвет покосился на него.

— Долго ещё идти?

— Так мы почти пришли! Владения моего Мастера на острове, посреди озера...

Мы остановились и вглядывались в водную гладь — никакого острова на озере не было и в помине. Исман посмеивался.

— Много лет назад Назар нашёл это место и сразу понял, что оно создано для него. За особые заслуги Хатун Мелике, царица, а она правила уже в те времена, пожаловала ему остров, и он устроил тут всё по своему плану.

Исман вывел к неприметной узкой тропе, круто ведущей вниз.

— Мы воспользуемся чёрным ходом, для своих. Если Мастер решает покинуть остров, а такое желание возникает у него всё реже, он открывает себе другую дорогу.

Рэя в несколько прыжков спустилась до пляжа, за ней бежал кот, грациозно перескакивая с камня на камень. Иорвет под руку удержал Исмана, который опасно накренился под тяжестью книг.

— Так, запоминайте, — сказал алхимик, когда выбрался на песок и утёр со лба пот. — Айб бен гим!

— Айб бен гим, — себе под нос повторила я, а потом написала на песке заклинание, чтобы не забыть.

Иорвет опустил на землю, и я села рядом с ним. Рэя взволнованно ходила туда-сюда по пляжу. Ничего не происходило. Исман сжимал и разжимал кулаки и вглядывался в озеро.

Вдруг, как это бывает с заклинаниями, в момент, который ты не можешь уловить — когда реальность на миг сбивается, и ты гадаешь, привиделось тебе или нет, а потом моргаешь и понимаешь, что не привиделось — мы увидели лодку. Она плыла в нашу сторону, без волн рассекая водную поверхность, и не было у неё гребцов, и вёсла не опускались в воду. С тихим шелестом крохотный деревянный челнок, в который едва уместились бы двое, уткнулся в песок. Исман развернул его носом в озеро и деловито забросил внутрь свой скарб.

— Мы с Хранительницей переправимся первыми, — сказал он нам с Иорветом. — Я хочу предупредить Мастера о гостях с Севера. Он человек пожилой, может переволноваться,

если увидит вас без должной подготовки. Когда тень от скал дойдёт досюда, — он прочертил ногой на песке линию, — повторите заклинание.

Он перелез через борт и уселся на носу. Рэя бережно перенесла кота с берега на лавку, оттолкнулась и впрыгнула внутрь. Челнок накренился и плавно направился к центру озера. Он удалялся, покачиваясь, и лёгкий пар окутал его. Скоро силуэты Рэи, прижимающей к груди кота, и Исмана с мешком книг на коленях полностью скрылись в тумане. После этого дымка над озером рассеялась, и осталась лишь необъятная водная поверхность, искрящаяся в лучах полуденного солнца.

— Ненавижу чародеев, — сказал Иорвет и обнял меня.

С тихими всплесками крохотные озёрные волны выносили на песок редкие кораблики буро-жёлтых опавших листьев.

— Всё это очень загадочно, — сказала я, — но очень тревожно.

Он склонился, я поймала губами его губы и, обвив руками шею, увлекла за собой на песок. Мы коротали время, целуясь медленно, вдумчиво, никуда не спеша, а в это время тень невидимо, но неумолимо приближалась к черте на песке.

— Тебе не кажется, что мы потеряли непростительно много времени? — сказал Иорвет.

Он смотрел мне в глаза и задумчиво водил кончиками пальцев по краю моих губ.

— Не кажется, — ответила я. — Я это точно знаю.

— Айб бен гим, — в сотый раз я повторила заклинание, но лодка не появлялась.

Пляж уже полностью накрыла тень. Иорвет мерял шагами узкую полоску песка.

— Мы можем попробовать добраться туда вплавь по изнанке, — наконец, сказал он.

— Айб бен гим! — с отчаянием воскликнула я ещё раз, чувствуя себя ужасно глупо, и медальон вдруг больно дёрнул за цепочку, будто хотел сорваться.

Я подошла к Иорвету.

— Давай подождём немного, что-то изменилось, — я взяла его за руку, так было спокойнее, и мы стояли на берегу, всматриваясь в невозмутимые воды озера.

Лодка появилась. В этот раз от носа расходились буруны, будто многократно повторённое заклинание прибавило ей прыти. Иорвет зашёл по колено в воду и развернул её кормой к себе, как это сделал Исман. С кормы свисала верёвка. Иорвет поймал из воды конец и выругался. Показал мне — край верёвки был неровным, распушённым, будто кто-то грыз её или перетирал о камень.

— Залезай! — скомандовал он.

Я сапогом стёрла с песка заклинание и забралась в лодку.

Пар поднимался от воды, заволакивал, поглощал берег. Ясные цвета дня потускнели, и наступили сумерки. Лицо Иорвета побелело, и я не видела больше его красной повязки — обоими глазами он смотрел на меня, а сквозь кольчугу и кирасу проглядывали пластины белоснежных доспехов.

— Мы на изнанке, — он не шевелил губами, но я слышала его голос.

Вода стала прозрачной и вместе с тем чёрной, как в стоячем лесном пруду. Нос лодки уверенно и бесшумно рассекал загустившуюся, как жидкое стекло, воду, а в глубине шевелилось нечто, извиваясь белёсым бесконечным телом и чуть не касаясь днища лодки. От мысли, что нам едва не пришлось пересекать озеро вплавь, держась за руки и с такой жутью под животом, меня передёрнуло.

Так же незаметно, как мы попали на изнанку, так же плавно цвета начали проявляться, обретать сочность. Вода опять радостно засияла, солнечные блики заиграли в глубине, туман развеялся, и нам открылся высокий зелёный остров.

Челн аккуратно прирулил к деревянным мосткам. Мы выбрались. Иорвет задержался, покрутив в руках перегрызенный конец, свисающий с причала, и устремился по тропе, ввинчивающейся в крутой берег. Она была выложена чёрной галькой и, прихотливо огибая валуны с шапками мха, стелилась под низко висящими плетями плакучих ив. А потом тропа неожиданно выныривала на утёсах с видом на озеро, и у путника перехватывало дыхание. Было очевидно, что её придумали не для кратчайшего пути из пункта А в пункт Б — мы шли по искусно спроектированному, но начавшему дичать саду, и создатель приоткрывал перед нами уголок за уголком, будто бы рассказывал историю. И как бы тревожно ни билось сердце, я не могла не вздохнуть восхищённо, когда взгляду открывались уютные заросшие уголки, гроты с прозрачными ручьями, кованые скамейки с закрученными ножками под тенистыми кронами, между ветвями которых, как в оконце, блестела вода далёкого озера. Иорвет, казалось, не обращал никакого внимания на красоту и бежал вперёд, а я бежала за ним.

Боевой крик Рэи, её взрывное «Ха!», донёсся, когда тропа круто обогнула скалу и сквозь пышные папоротники устремилась в глубь острова. Скоро послышались звуки ударов, и мы вылетели на круглую площадку, с четырех сторон к которой подходили такие же тропы, как наша. Гигантское, с телёнка, существо, похожее на раздувшегося богомола, топталось вокруг статуи девушки в выложенном камнями водоёме. Зазубренная, как пила, передняя нога взлетела, распрямилась и, загребая когтем на конце, хлестнула воздух рядом с Рэей, оставив царапины на подёрнутом зелёной плёнкой чёрном камне статуи. Рэя увернулась и спряталась у статуи за спиной.

— Химера! Уже третья! — крикнула зерриканка, выскочила с другой стороны, и в воздух взлетел отрубленный коготь с куском голени.

Мы бросились на подмогу. Громкий хлопок Аарда оглушил чудовище, треугольная голова на тонкой, как палка, шее замерла на миг. Иорвет подрубил задние бегательные ноги, и химера накренилась, плюхнулась надутым, как у осы, брюхом в воду, а Рэя так высоко подпрыгнула с бортика, что казалось, что она зависла в воздухе, и снесла чудовищу голову.

— Долго же вы добирались! — воскликнула она, показывая на останки ещё двух химер, разбросанные по площадке.

— Лодка не возвращалась за нами, — ответил Иорвет. — Где Исман?

— Убежал вперёд успокаивать своего сумасшедшего Мастера! Не убирайте мечи.

Рэя, вытянув перед собой оружие, обходила водоём. Обнажённая каменная девушка держала на плече высокий кувшин, из которого текла каменная вода, и безмятежно глядела вниз на труп химеры. Вдруг вода дрогнула, между помятых листов кувшинок показался шипастый коготь, потом второй, когти зацепились за бортик водоёма, и из воды подтянулась и стала выкарабкиваться ещё одна химера. Мы навалились на неё с трёх сторон.

— Бежим за Исманом! — скомандовал Иорвет, когда мы покончили с ней, а потом с ещё одной, вылезшей вслед. — Они будут появляться друг за другом бесконечно!

Мы побежали, уже не обращая внимание на красоту сада. Рэя резко затормозила на развилке — в стороны расходились одинаковые чёрные дорожки. Я пронеслась мимо, чутьём определив, куда вели следы Исмана. Наша тропа уводила наверх, серпантинном вилась по склону горы. Между скалами гулял ветер. Мы перепрыгивали через ступени, а сзади

клацала когтями по камням химера. Тропа поднималась выше и выше и иногда была прорублена в скале, а иногда, на пологих местах, выводила на пестрящие разнотравьем сочно-зелёные луга.

Рэя нетерпеливо убегала вперёд, и я не могла угнаться за ней. Тропа опять повела вверх по широким ступеням между растрескавшихся скал. За лугом впереди виднелся висячий мост через разлом. Иорвет остановился, наблюдая за преследовавшей нас химерой.

— Успеешь добежать? — спросил меня, показывая на мостик, у которого уже ждала Рэя.

Сжав зубы, я рванула вперёд через волновавшийся на ветру луг. Добежала, задыхаясь, до Рэи, а та почему-то не переходила через мост, а подняв руку, показывала за наши с Иорветом спины. Я обернулась.

Из трещины в скале выметнулась длинная конечность и хлестнула по спине химеры, приплюснув её к земле. Вслед за конечностью из щели показалась плоская туша, покрытая кирпично-ржавой шерстью, и вторая шипастая нога ножницами сомкнулась с первой. Тело богомола-мутанта треснуло, захрустело. Исполинское паукообразное подтянуло ногами химеру, казавшуюся по сравнению с ним букашкой, и непрерывнодвигающиеся жвалы кромсали её голову.

— Быстро! На ту сторону! — приказал Иорвет, выводя нас с Рэей из ступора.

Мы перебежали через крепко связанный верёвочный мост, и я краем глаза заметила далеко внизу воды озера. В два меча Рэя и Иорвет рубили тросы, на которых держался висячий мост. Голова химеры исчезла в пасти паука, тот откинул тело и полностью вылез на тропу. Развернулся, уставился на нас четырьмя парами глаз.

Мост вибрировал, два каната уже были перерублены, когда жуткий паук дрогнул и стремительно помчался к нам. Последние удары — и мост лентой рухнул, ударившись о противоположную стену разлома.

— Бежим! — крикнул Иорвет.

— Он не переберётся! — торжествующе воскликнула Рэя.

Я уже неслась дальше. Сзади раздался крик зерриканки. Обернувшись, я успела заметить летящее в прыжке над пропастью тело паука. Нагнавшая меня Рэя схватила под руку и потащила вперёд. Тропа вилась между камней, торчащих из зелёной травы, и уходила к вершине горы, на которой за высокой каменной стеной виднелся купол изящного круглого строения, окружённого колоннами.

— Бегите туда, я его задержу! — закричала Рэя и остановилась.

— Не будь идиоткой! — Иорвет дёрнул на бегу её за руку.

Рэя, оглядываясь, подчинилась, но осталась позади. Паук был уже близко, и взмахами сабли она заставила его притормозить, выгадывая нам время, а потом бросилась вслед. Догнала, опять задержалась и метнула нож, воткнувшийся в один из паучьих глаз.

Мы с Иорветом вбежали в арочный проход в стене, я сорвала со спины арбалет. Чернокаменная ротонда была совсем близко. Рэя метнула ещё один нож, тот отскочил от панциря, и паук кинулся на неё. Зерриканка атаковала, заставила его поджать передние ноги и отступить, хотя её удары, казалось, не причиняли бронированному чудовищу никакого вреда, и помчалась к нам. В этот момент загудело, загрохотало, и из пазов в кладке изнутри ворот показали кончики острых пик. Рэя была уже в нескольких шагах от нас, когда паук вдруг подпрыгнул, как тогда, через разлом, и глубоко воткнувшись когтями в землю, приземлился перед Рэей, отрезав ей путь. Иорвет выругался, выхватил меч и бросился

обратно через ворота Рэе на помощь. Пики всё удлинились. Зерриканка закричала страшным голосом, глядя на них, вихрем промчалась между ног паука, подбежала к Иорвету и, примерившись, вытолкнула его на мою сторону в почти сомкнувшийся проём. Я выстрелила, подбив ещё один глаз, паук отскочил назад, а в следующий миг металлические штыри сомкнулись и закрыли арку. Зерриканка оказалась отрезана от нас.

— Рэя! — закричала я и ударила Аардом в решётку.

На её лице расцвёл воинственный оскал, и она махнула нам рукой.

— Остановите чародея! Он, похоже, совсем выжил из ума. А я разберусь с этой пташкой, — с оголённой саблей в руке она повернулась к надвигающемуся пауку.

— Яна! — позвал Иорвет, он уже бежал к строению. Я увидела Исмана, который призывно махал нам с порога.

Мы влетели внутрь круглого помещения, в центре громоздился причудливый механизм из разнокалиберных котлов, опутанных металлическими трубами.

— Вы прибыли раньше, чем я планировал, — сказал Исман и потянул на себя рычаг, торчащий из пола. — Не знаю, как вам это удалось, но вы чуть было всё не испортили.

Как в плазменном шаре воздух прорезало трескучими электрическими разрядами. Они соединились в молнию и через перчатку ударили в знак на ладони. Каждая клетка тела разорвалась от боли, меня парализовало. Остановившись взглядом я видела сквозь высокие распахнутые окна синюю гладь озера, а когда падала, видела, как падал рядом Иорвет, и видела ноги Исмана у моего лица.

— Наша Хранительница — весьма настырная женщина. Весьма. Никак от неё не избавиться. Еле уговорил её подождать у статуи моей Розы. Еле успел запустить защитные магические механизмы Мастера. Роза же должна быть с шипами... — доброжелательно бормотал Исман.

Он задёргал за мою перевязь с мечами, расстёгивая её, стянул и откинул в сторону. Потом подхватил меня под мышки и потащил к механизму.

— Я еле подгадал момент, чтобы закрыть ворота! Ах, как она убивает, наша Хранительница, загляденье! Я думал, что до костеца не дойдёт. По плану Рэя должна была быть мёртвой к вашему появлению...

На чёрном каменном потолке ротонды, расписанном звёздами, по орбитам ходили нарисованные планеты. Исман уложил меня на подобие шезлонга с высоким приподнятым изголовьем, стоявшее позади механизма, защёлкал пряжками ремней, и я чувствовала, как они сжимают кожу рук и ног.

— Я так долго вас ждал! — сказал алхимик и направился к Иорвету.

— Я знаю, что вы меня слышите, — сказал Исман.

Он кряхтел, пытаясь втащить Иорвета на такой же, как у меня, деревянный шезлонг. Тот стоял рядом через столик чёрного полированного камня из куска колонны, на котором под тканью виднелись очертания чего-то круглого.

— Слышать-то слышите, а сказать не можете, — повторил Исман и защёлкал застёжками ремней на койке Иорвета. — Да и что вы, солдат и наёмница, можете мне сказать? Разве что признать, что в противостоянии разума и силы всегда побеждает разум!

Тело не слушалось, ощущение себя сжалось до размеров черепа, и лишь через глаза, как сквозь бойницы, я могла наблюдать за происходящим. Исман поднялся, исчез из поля зрения, и я услышала жужжание и металлическое тарыхтение, как будто вращались шестерёнки. Потом ухнуло, пахнуло гарью. Алхимик вернулся, присел у меня в ногах.

— Подождём, пока нагреется котёл. А я пока поболтаю, вы не против? — он засмеялся. — Я знаю, не против. Два года я ни с кем не мог поговорить о том, что мне действительно интересно.

Он обвёл рукой зал.

— В пещере чародеев я неосторожно обмолвился, что у Мастера есть конструкция для аккумуляции силы — это она. Сам Мастер мог бы запустить процесс самостоятельно, мне же понадобится его машина. А где же он сам, спросите вы?

Он вскочил, подошёл к механизму, наклонился и зазвенел дверцами.

— Время ещё есть, — сказал, вернувшись. — Я расскажу вам. Последнюю сотню лет Назар изучал магический мир — тот мир, что существует отдельно, но неотделим от нашего. Тот мир, частичку доступа к которому имеют маги. Да и то — они лишь ловят отблески света из-под двери, ведущей туда, но не могут открыть саму дверь. Мой Мастер смог.

Он засмеялся, потом его холёное гладкое лицо сморщилось, и он воскликнул.

— Я был ему как сын! И что же, что услышал я в ответ, когда узнал, что он не только смог открыть портал в магический мир, но и сотворил талисман, который мог наделить безграничной магией любого?!

Исман подался вперёд и с нажимом произнёс мне в лицо:

— Он сказал, что никому из людей не доверит могущество талисмана, даже мне! Он сказал, что то, что он увидел по ту сторону, убедило его прекратить исследования!

Алхимик закачался, как в трансе, и закрыл лицо руками.

— Я не мог поступить иначе! Всю мою жизнь я мечтал быть магом. Я старался! Я учился, не поднимая головы от книг, каждый день, пока буквы не расплывались в глазах! И я оказался недостоин! — он зло ткнул пальцем мне в грудь. — А какие-то пришельцы с Севера, которым магия не нужна даром, вдруг получают волшебные знаки ни за что! Просто так!

Он схватил меня за левую руку. Дёргая за пальцы, содрал перчатку и вывернул ладонь вверх.

— Я должен был быть на вашем месте... И я буду!

Отшвырнув мою ладонь, Исман вернулся к механизму и покрутил вентили сбоку.

— Старый болван нагадил мне даже после смерти. Я забрал талисман, а он должен был уйти тихо, во сне, как свойственно пожилым людям... Но он умудрился добраться до свечи и

опрокинуть её, пока мы с Розой были здесь, и все его записи вместе с домом уничтожил пожар. В ту ночь я завёл механизм и отправил Розу в магический мир. Она должна была довершить то, что придумал её отец — зарядить талисман в Месте Силы и принести мне. Но она всегда была глуповата, моя Роза, и она не вернулась с той стороны... Мне надо было идти с ней, проконтролировать...

Он помолчал.

— Жизнь несправедлива. Роза родилась с потрясающим магическим даром, но не развивала его. Она ненавидела магию, потому что при живом отце, погружённом в науку, жила сиротой. Как бы я хотел поменяться с ней местами...

Он бережно снял ткань с предмета на столике, и краем глаза я увидела лежащий на странной металлической конструкции каменный шар из плавно переходящих друг в друга белой и чёрной частей, как будто символ Инь и Ян обрёл объём.

— Вижу, что ты начала понимать, — сказал Исман, проследив за моим взглядом. — Это — замок в двери на ту сторону, а вы будете ключом... Можешь себе представить, что почувствовал я, когда увидел знаки на ваших ладонях там, у Хранительниц! А ведь я почти отчаялся ждать... Два года назад, после того, как пропала Роза, я отправился в Шалу, чтобы найти вампирскую чародейку, старую знакомую Назара. Сначала девчонка не желала со мной говорить, и мне пришлось отдать перстень Мастера, который я откопал на пепелище, чтобы уломать её. В обмен она дала мне пророчество, — он засунул руку в карман накидки, достал бумажку, совсем такую, как Мариам выдала Иорвету, развернул и зачитал: — «С Севера в Шалу придут двое и принесут в руках знаки. Они проводят тебя туда, куда ведёт твоя мечта».

Он убрал пророчество, потом взял со столика металлическую решётку размером с лист бумаги, приложил к ней мою левую ладонь тыльной стороной и начал привязывать к решётке, просовывая бечеву в ячейки и обматывая вокруг запястья.

— Я очень умён. Я готовился. Кое-что смастерил ещё в Шале, пока делал вид, что разгадываю книгу чародеев, — теперь он привязывал каждый палец, и скоро моя растопыренная ладонь оказалась распята на решётке. Исман пересел к Иорвету. — Я брал отпуска от ненавистной службы у Хранительниц... Знаете, каково учёному тратить время на бесконечное измельчение двумерита, выпаривание селитры и смешивание противозачаточных препаратов? Как греет мысль, что больше мне не придётся вернуться туда никогда! На остров я приезжал, чтобы подготовить всё ко встрече с вами, наладить ловушки Мастера, и каждый миг боялся, что вы придёте в Шалу, пока я буду здесь, и что я пропущу вас. Но пророчество свершилось.

Из тонкой трубки на верхушке механизма со свистом повалил пар. Исман подскочил, дёрнул рычажок сбоку. Шар на столике тускло засветился изнутри, и в глубине белой части, ставшей почти прозрачной, проступили очертания чёрного шарика.

— Всё готово, — сказал Исман дрогнувшим голосом.

Он потянул меня за руку, повернув ладонью к шару. Она не дотянулась. Исман дёрнул руку, потом, сердито бормоча, вскочил, и толчками подвинул кушетку. Бросил меня и ринулся к Иорвету.

— Начнём с него, у него тяжелее рука. А тут важен каждый миг.

Он поднял руку Иорвета и вдвинул решётку с привязанной ладонью в паз на подставке шара Инь-Ян. Подвигал туда-сюда. Потом опять уселся ко мне на койку, взял мою ладонь, вставил решётку в паз. Застыл. С шумом вдохнув и выдохнув, положил правую руку на шар и

протолкнул решётку до упора. К коже прикоснулся гладкий тёплый камень.

Мы были на изнанке. Стены, окна и крыша ротонды исчезли, а нарисованные планеты стали объёмными и летали наверху вокруг маленького белого солнца. На месте несущих колонн, как лазерные лучи, били в небо столбы света. Шар грел ладонь. Я попыталась повернуть голову, чтобы увидеть лицо Йорвета, белые доспехи которого поблёскивали слева, но и на изнанке моё неподатливое тело не слушалось.

Рука Исмана лежала на шаре. Алхимик съёжился, сгорбился, а его благообразное лицо будто нарисованное штрихами, хоть и осталось узнаваемым, но приобрело какое-то новое отталкивающее выражение и безотчётно вызывало гадливость. Мой чёрный волк, казалось, глубоко спал, его меховое тело наполовину высывалось из-под лежанки, и он никак не реагировал на мысленные призывы.

— Нам надо добраться до подземной реки, — сказал алхимик и провернул шар на подставке.

Тёплая поверхность потёрлась о ладонь. В тот же миг, как Исман начал вращать шар, очертания местности вокруг сдвинулись, при этом ощущения движения не возникло. Казалось, что мы, пол и световые колонны остались на месте, а мир вокруг поехал.

Под нами скользнул склон горы, потом поверхность озера с чёрной водой, точно такой, как мы видели с лодки. Исман крутил шар, будто вращал колёсико трекбола, и бормотал под нос.

— Где-то здесь должен быть вход в пещеру...

Мимо проносились нарисованные деревья, а потом мы стали опускаться под землю. Наступила темнота, в которой иногда мерцали светящиеся жилы залегающих металлов. Потом темнота заискрилась бликами на стенах — мы попали в просторную длинную пещеру и поплыли над подземной рекой.

— Всё правильно, — кивнул Исман. — По реке придём к Месту Силы.

Иногда казалось, что наша летающая конструкция не сможет пролезть между сужающимися и расширяющимися стенами, но длинные сталактиты и выступы на потолке будто бы растворялись, когда мы проплывали под ними. А иногда Исман погружал нас, и тогда вода, как в аквариуме, плескалась вокруг колонн на уровне пояса.

— Места Силы сшивают наши миры, — пояснил он. — Не дают отделиться друг от друга. Мастер говорил, что есть ещё один мир, лежащий по другую сторону от магического. Тот, куда уходят навсегда... И что Место Силы на самом деле связывает все три.

Он замолчал и больше не говорил с нами, сосредоточенно подруливая шаром. Пещерный тоннель сверкал от подводной реки, мы парили. Мы были на изнанке уже дольше, чем когда-либо, и я поняла, что сила, которую освободил Исман с помощью механизма, не пускает нас обратно в реальный мир, как это происходило обычно, когда мы с Йорветом касались ладонями.

Река вывела в пещеру. Потом она по стене огибала её и уходила дальше, но Исман остановил нас. Центр пещеры колонной подпирал широкий яркий столб света. Он был настолько ярок, что было видно, как он уходил дальше вверх сквозь каменный потолок и вниз через пол, спицей протыкая пещеру насквозь. Невдалеке от Места Силы стояла лодка, наполовину вытащенная из реки на каменистый берег, и в ней виднелись два тёмных силуэта, склонившиеся друг к другу капюшонами.

Одна из фигур шевельнулась, откинула с головы накидку. Волнистые тёмные волосы

упали на плечи, девушка смотрела на нас.

— Роза, любовь моя! — вскричал Исман.

Он вскочил, не отпуская ладони от шара, и замахал свободной рукой. Девушка смотрела на него и явно колебалась. Исман замахал пуще прежнего. Тогда, поднявшись, она решительно тряхнула головой, сняла накидку, переступила через борт лодки на берег и направилась к нам. В сиянии от Места Силы я увидела её печальное миловидное лицо с чёрными дугами бровей. Девушка осторожно ступала по острым камням, придерживая рукой подол длинной туники.

— Я так долго ждал встречи с тобой!

С берега девушка перепрыгнула на нашу летающую конструкцию.

— Я знала, что ты вернёшься, Исман, — нежным голосом произнесла она. — Я ждала тебя и не переправлялась на ту сторону.

Она показала на лодку. Второй, чёрный человек, так и сидел неподвижно, склонив голову, и его лицо было скрыто глубоким капюшоном.

— Иди же ко мне! — Исман потянулся к ней.

Роза нерешительно шагнула вперёд, он обхватил её за талию, упал на колени и осыпал поцелуями её руки.

— Знала бы ты, как я стремился к тебе! — Исман поднял на жену лицо. — Ты ведь поместила талисман в луч силы?

Роза сжала что-то через ткань туники у себя на груди.

— Да, — бесцветным голосом ответила она.

— Отдай же его мне, любимая, и я смогу быть в магическом мире с тобой навечно!

— Я отдам тебе талисман на нашем месте, там, где мы расстались. Проводи меня, я хочу вновь увидеть озеро с вершины горы. Я хочу домой.

— Да-да, конечно! — не выпуская руку Розы из своей, Исман яростно закрутил шар, и мы помчались обратно напрямик, сквозь толщу земли, над лесом и над озером, которые мелькали как кадры при перемотке чёрно-белой плёнки.

Исман замедлил скорость, мы поднялись по склону горы, и за светящимися колоннами опять открылся знакомый вид на озеро, а над головами крутились планеты. Роза огляделась по сторонам, и её взгляд задержался на нас с Йорветом.

— Кто эти люди, Исман? — спросила она.

— Никто, любимая. Лишь проводники, не думай о них, думай о нас, о том, что мы всегда теперь будем вместе. Отдай же мне талисман!

Роза высвободилась из его объятий, отступила на шаг.

— Никто... — повторила она, — такое же никто, как были для тебя я и мой отец, не так ли, мой возлюбленный муж?!

— Как ты можешь такое говорить, ты — единственный свет моих очей, моя Роза! — елевым голосом пропел Исман и протянул к ней руку.

— Тут, в этом мире, у меня было время подумать, — она подошла к колоннам и смотрела на озеро, не отпуская руки от груди. — Этот мир отличается от нашего, но это настоящий, необъятный мир, где идёт своя жизнь. Здесь я вдруг поняла, что дышу свободно. Что среди жителей этого мира я больше не чувствую себя никчёмной, глупой, нескладной... Я поняла, что я была никем только рядом с тобой.

— Ты говоришь глупости, девочка моя! — Исман повысил голос. — Лишь твоё счастье было для меня наиглавнейшей из задач!

— Я всегда говорю глупости! — прошипела она и гневно нахмурила брови. — Мне говорил об этом только ты и больше никто, а я верила тебе, считала себя ничтожеством! Ты не давал мне уйти с острова, не пускал к людям, ты лгал, что мы уедем в Алтинадир, а на самом деле ждал, пока отец закончит исследования!

Голос её сорвался. Она смотрела на Исмана, сжав руки и выпрямившись. Отблеск света ударил мне в глаз, и я, отвлекшись от супружеской ссоры, вдруг с изумлением увидела, что вдалеке, на арке ворот над тропой, откуда мы пришли, сидит самый настоящий дракон, от сияющей чешуи которого во все стороны разбегались яркие блики. Не веря своим глазам, я тарасилась на него, а дракон широко зевнул зубастой пастью и, вдруг задрав в небо заднюю ногу и изогнув длинную шею, стал вылизывать себе под хвостом.

Исман театрально схватился за сердце.

— Всё, что я делал, было только для твоего блага! Для твоего развития! — он потянулся к Розе, но не смог достать, не отпустив руки от шара.

Переключив внимание на Исмана, я отвела взгляд от стены, а через миг никакого дракона там уже не было.

— Я знала, что ты найдёшь способ вернуться за талисманом, — в голосе Розы появилась угроза, он завибрировал. — Теперь я уже не та юная девочка, которая ловила каждое твоё слово, у меня было время осознать... Когда я пришла к Месту Силы и зарядила талисман, я встретила отца. Он садился в лодку к Перевозчику, чтобы уйти на другую сторону. Ты отравил отца тоже для моего развития?!

— Дорогая, Назар всё неверно понял, — залопотал Исман, — это недоразумение, я никогда не сделал бы ничего, что могло бы огорчить тебя!

— Это я всё неверно поняла, когда поверила в твою любовь, что такой, как ты, способен любить! Отец ведь предостерегал меня... А тебе всегда был нужен лишь мой магический дар, чтобы было кому принести талисман после того, как ты избавишься от отца!

Она гневно выкрикивала обвинения, и её рот вдруг стал растягиваться и деформироваться. Исман отшатнулся.

— Ты думала только о ерунде, витала в облаках, тебя ничего не интересовало, кроме твоих роз! — воскликнул он. — И тебе было наплевать на то, как важна для меня магия!

— Магия! Как вы надоели со своей магией! А мне важны были просто муж и просто отец!

Она топнула ногой, и вдруг её волосы стали удлиняться, завиваться плетьюми, на которых набухали почки, вылезали листья и из бутонов распускались розы. Лицо скрылось под ними. Тело утончалось, росло, руки обратились ветвями, и из пальцев хлынули отростки. Исман завизжал, когда колючие лианы обвили его, сжали, как удавы, а острые шипы впились в нарисованное тело. Он надсадно кричал, а они разрывали его на лоскуты и всасывали в себя. Ещё миг, и он полностью потонул под цветами и листьями и замолк. Роза встряхнула руками, плети опали на землю, и вновь перед нами стояла миловидная девушка с грустными глазами. Она подошла к нам.

— Вам рано уходить навсегда, — промолвила она. — Как и мне. Перевозчик подождёт. Я больше не могу вернуться в мир материи, но я смогу жить в магическом мире... Свободной.

Роза подошла к механизму, обернулась к нам, сложив пальцы в щепотку. Защёлки ремней на руках клацнули и раскрылись. Она щёлкнула чем-то на механизме, потом перевела вверх рычажок. Изнанка замерцала, я в последний раз увидела сосредоточенное

лицо девушки, и пространство заполонил оранжевый вечерний свет солнца. Мы вернулись в реальность.

По мне будто пробежал табун лошадей. Не с первого раза я смогла выдернуть левую руку из паза на подставке шара, потом попыталась встать. Мешком свалилась с койки и, позвякивая об пол привязанной к ладони решёткой, на четвереньках поползла к Иорвету.

— Яна... — услышала я его голос. Он пытался сесть.

— Мы слишком долго были на изнанке, — прохрипела я, подтянулась к нему и, обняв, прижалась щекой к груди.

Он положил руку мне на голову, и я поняла, что через миг так и усну под тёплой ладонью, накрывшей ухо.

— Стилет... — прошептал он. Приподнялся и потянулся к сапогу.

Я сползла на пол. Около механизма громоздилась куча завядших сухих плетей вьющейся розы.

— Рэя! — воскликнула я.

— Дай руку, — Иорвет освободился и срезал верёвки, удерживающие мою ладонь на решётке.

— Надо встать, — я оперлась об его кушетку, поднялась. Голова кружилась, а колени подгибались.

Цепляясь друг за дружку, мы разогнулись и, как старые развалины, под руку направились в сторону ворот.

Проход в арке был открыт, пики втянулись обратно в стены. Закатное солнце прочерчивало на озере яркую медную дорожку. Мы прошли сквозь ворота, недалеко от них на сломанных, распростёртых в стороны ногах лежал на земле труп паука, которого Исман назвал костецом. Я оглядывалась в поисках Рэи, а Иорвет потянул к скале, нависшей над обрывом.

Зерриканка полусидела, прислонившись к скале, и смотрела на заходящее над озером солнце. Рядом свернулся кот, и её рука лежала на его боку. Другая была прижата к окровавленному животу, кольчуга была разодрана, а землю вокруг заливала кровь. Я упала на колени около неё.

— Рэя! — с отчаянием воскликнула я, осторожно отвернула кольчугу, достала и прижала к рваной ране чистый платок, тут же пропитавшийся кровью, и её рука безвольно соскользнула с живота.

— Я нашла её, ведьмачка, — едва слышно прошептала она и посмотрела вверх.

Над её головой из трещины в скале тянулись к свету крепкие ветки пустынной розы, занесённой сюда неведомыми ветрами. К закату остроконечные лепестки сомкнулись, почти закрылись.

— Я победила... — сказала Рэя, и из угла рта со словами потекла струйка крови.

Она попыталась приподняться, и я поддержала её под спину. Иорвет присел на корточках рядом.

— Ты всегда побеждаешь, — сказала я, и горло свело спазмом. — Сейчас я найду эликсиры.

Иорвет перехватил мою руку на животе Рэи, а я расстегнула сумку на поясе.

— Нет, — прошептала она. — Надо спешить. Мне так тепло...

— Тихо, — бормотала я, — тихо. Тебе нельзя говорить.

— Возьмите записки, — с трудом сказала она, взглядом указав себе на грудь. — Найдите Виллентретенмерта и передайте ему. Скажите, что мы подложили чародеям информацию, что дитя погибло. Он скажет, что делать. Обещайте мне!

Кровь опять хлынула из её рта, спиной она начала соскальзывать по стенке, и я подхватила её.

— Ты сама передашь Виллентретенмерту эти записки! — воскликнула я. — Держись, ты должна победить!

Она тихо засмеялась.

— Не ищи эликсиры, — сказала она и с усилием повернула ко мне лицо. — Я победила, но правда в том, что порой жизнь это шутка, жестокая шутка.

Её тело потяжелело в моих руках.

— Мы хорошо полетали вместе, ведьмачка, — прошептала она.

— Нет, Рэя, нет! — закричала я. — Пожалуйста, Рэя!

Она вдруг приподнялась, выпрямив спину. Впилась взглядом в Йорвета, посмотрела на меня.

— Запомните моё имя — Рэанэрдана, — сказала она и умерла.

Слёзы лились из глаз, я стискивала её, не в силах поверить, что её больше нет.

— Отпусти её, Яна, — тихо сказал Йорвет.

— Так не должно было быть! Она не должна была умереть, не должна! — я уже редела навзрыд. — Я полюбила её...

— Мы все умрём рано или поздно.

— Нет, нет, нет! Она умерла из-за нас!

— Она умерла ради нас, — сказал Йорвет.

Я опустила тело Рэи на землю. Кот тут же подошёл и опять устроился у неё под боком. Я переползла к Йорвету и рыдала у него на груди, а он обнимал меня и тихонько приговаривал что-то на эльфийском, прижавшись щекой к макушке.

Солнце уже зашло, а мы так и сидели, обнявшись. Силы потихоньку возвращались в тело. Йорвет прикоснулся губами к моему лбу. Кот равнодушно приподнял голову.

— Ты видела дракона там, на изнанке? — наконец, спросил Йорвет.

— Да.

— Я думал, что мне показалось.

Он потянулся к коту, приподнял под передние лапы и стал вглядываться в усатую морду. Кот смотрел безразлично и медленно вытекал длинным телом из его ладоней.

— Ты думаешь, это он? — спросила я.

— Я уверен, что это он. Ни один дикий кот никогда не привязался бы к человеку. И не просто к человеку — к Хранительнице. Да и верёвка на лодке была перегрызена.

— Сила не вернётся к нам до завтра, а то и дольше, когда мы сможем взглянуть на него с изнанки. Может быть, его стоит поймать? — неуверенно предложила я.

— Если это и вправду дракон, он никуда не уйдёт от неё, — ответил Йорвет и отпустил кота.

Тот выгнул спину, потянулся и, покрутившись на месте, улёгся под слегка отведённой в сторону рукой Рэи.

Йорвет поднялся, пошёл за сумками, которые остались валяться на полу в ротонде. Я

держала Рэю за руку, и мне казалось, что она всё ещё жива, потому что ладонь у неё была тёплой. Потом я осознала, что тепло идёт от моих рук, и слёзы снова покатались из глаз. Иорвет вернулся, присел рядом, достал флейту. В тишине заколдованного острова плыла и улетала в ночь мелодия о женщине — великом воине, которую звали Рэанэрдана.

Утром мы похоронили Рэю на том месте, где она умерла, под кустом пустынной розы. Во впадине у скалы я рыла ножом влажную податливую землю и выгребала её руками. Потом Иорвет принёс лопату, которую нашёл в задней комнате ротонды, где спряталась небольшая алхимическая мастерская. Мы опустили Рэю в могилу, и я вложила в сомкнутые на груди руки зерриканки саблю.

— Красивое место, чтобы умереть, — сказал Иорвет, когда мы закончили и сидели на обрыве, глядя на ослепительно яркое до черноты солнце, которое поднималось над озером.

— Место красивое, — ответила я, — только в смерти красивого ничего нет.

— Neén, — он упрямо мотнул головой, — для воина смерть в бою — красивая смерть. А если ты настоящий воин, то и живёшь, считая, что ты уже мёртв. Рэя была настоящим воином.

— А ты так считаешь? — я взяла его за руку.

Он задумался и долго сидел, глядя на воду.

— Считал, — наконец, ответил он.

Остров оказался невелик, и вчера в забеге от причала до вершины горы мы пересекли его из конца в конец. Знаки на ладонях не торопились наполняться силой, и мы решили исследовать бухту внизу, на другой стороне горы — той, по которой мы летели с Исманом. Спрятали вещи в мастерской, где Иорвет нашёл лопату, и по крутой каменной лестнице стали спускаться в разлившееся у подножья горы зелёно-жёлто-красное море кучерявых крон.

Внизу ветра не было, а дорожку покрывал толстый слой опавшей листвы. За два года некогда пасторальные лужайки между деревьев захватила сорная трава, и под плющом было не разглядеть статуи, поджидающие на поворотах. Воздух был влажен и неподвижен, прело пахло осенью и запустением. Я смотрела под ноги, вскидывала сапогами листья, те шуршали. Иорвет поглядывал на меня, но молчал и не пытался растормошить, и я была благодарна ему за это. Сквозь дубовую рощу тропа вывела на залитую тревожным жёлтым светом аллею сомкнувшихся клёнов с разлапистыми листьями, а в конце аллеи зачернел дом.

Мы осторожно подошли к нему сбоку, держа наготове мечи — было неизвестно, не оставил ли Назар ещё ловушек. Крыша дома провалилась, а некогда глянцевый чёрный камень стен покрывала неопрятная копоть. Иорвет подсадил меня, я подтянулась и заглянула в лопнувшее окно. Внутри было черным-черно, пол захламляли горелые остатки мебели и вещей, обрушенные балки и осыпавшаяся отделка стен. С развороченного книжного шкафа взметнулась и захлопала крыльями пара горлиц, устроившая себе там гнездо.

— На вид ничего интересного, — сказала я, спрыгнув. — Полный разгром.

— Да, чтобы найти что-нибудь ценное, пришлось бы расчищать завалы, — ответил Иорвет, рассматривая стенную кладку.

Потом, задрвав голову, отошёл подальше.

— Этот дом построен на фундаменте эльфийского здания, — сказал он. — Смотри, со второго этажа камни уложены по-другому.

И правда, первый этаж был построен из длинных гладких чёрных плит, которые касались друг друга без малейшего зазора, выше же начиналась стена из некрупных каменных блоков, скреплённых строительным раствором.

— Исман говорил, что во владениях Назара сохранились руины эльфийских построек.

Иорвет кивнул, мы двинулись к фасаду дома и когда вышли из-за угла, я ахнула. Две полукруглые лестницы спускались к бассейну, по краям которого буйствовали и теснились розовые кусты в полном цвету и всех возможных видов: от мелких белых и махровых оранжевых до высоких аристократичных бордовых, и казалось, что их ничуть не затронул упадок.

— На этом острове слишком много роз, — процедил Иорвет и направился вниз по лестнице.

Мы прошли вдоль кромки бассейна, вода в котором была прозрачной и чистой, и я любовалась на розы — радостные, здоровые, полные жизни, так контрастирующие с дичающим и запущенным садом.

— Роза осталась жива на изнанке, — сказала я. — Она продолжает ухаживать за своими цветами.

Через зелёный полумрак перголы в торце бассейна, тоже увитой розами, на этот раз плетистыми, мы вышли к изящной каменной беседке на самом берегу озера. В воде, почти уткнувшись носом в ступени лестницы, спускавшейся от беседки и уходившей под воду, покачивался крохотный челнок, совсем такой же, как тот, на котором мы прибыли на остров. Челн не был привязан, и аккуратно смотанная верёвка лежала внутри. Я присела на ступенях.

— Её тоже сделали эльфы, — осматривая беседку, сказал Иорвет. — Она сохранилась нетронутой.

Взгляд его задержался на чём-то дальше по берегу, и, пройдя между колонн, Иорвет спрыгнул на боковую дорожку.

— Яна! — позвал он.

В центре круга из шести кучно стоящих узловатых старых дубов подымалась из земли прямоугольная плита. На чёрном камне высотой в два моих роста были выбиты рисунки, похожие на те, что мы встретили в пустыне на куполе дворца.

— Стела Dhu Seidhe с легендой о том, как они покинули наш прежний мир, — в голосе Иорвета послышалось волнение.

— Разве они не приплыли на Белых Кораблях вместе с вами? — спросила я.

— Нет. Каждый эльфийский народ ушёл своим путём.

Сверху на стеле я увидела уже знакомые по орнаменту в пустыне колесницы, запряжённые мощными конями с развевающимися гривами. От колесниц тонкими линиями расходилось сияние. Ниже виднелось солнце, распавшееся на куски. Пока я раздумывала о сомнительной физической возможности путешествий в космосе на колесницах, Иорвет, где сумел достать, смахнул перчаткой с поверхности камня налипшую труху. Ниже были изображены битвы — мешанина из эльфов, коней, копий, мечей и луков. Ещё ниже я увидела, как отряд эльфов ведёт закованных в кандалы пленников с волчьими головами.

— Иорвет, смотри! Это же та раса древних жителей, что мы видели на фресках в пещерах на перевале. Эти эльфы превратили их в рабов, — я показала на место, где скованные цепями люди с волчьими головами долбили камни.

— Судя по всему, их всех уничтожили, — сказал Иорвет, лицо его было мрачно. — А

потом исчезли и Чёрные Сейдхе.

— Нильфгаардцы считают, что они стали их предками...

— Для народа вымереть или раствориться в другом — разницы нет. Они исчезли, а значит, их рулевой тоже выбрал неправильный мир.

Он стоял и невидящим взглядом смотрел сквозь камень.

— Расскажи про Знак. Тот, что должен был увидеть Велунд, — тихо попросила я.

Он вздрогнул, очнулся. Стал ходить кругами, потирая подбородок, потом схватил меня за руку и потянул обратно к беседке. Мы уселись на ступенях у воды. Иорвет долго молчал.

— Не так уж много я знаю, — наконец, сказал он. — Велунд был из могущественной семьи Фелеаорнов. Способности предков превосходили наши — легенды говорят, что в те времена эльфы были полубогами. Велунд был кузнецом, Знающим, и он сконструировал Белые Корабли, которые строил весь эльфийский народ от мала до велика в то время, когда мир уже начал погружаться во тьму. Ему было дано пророчество...

В памяти всплыло бледное лицо Мариам, её запачканные чернилами пальцы, и как старательно она заполняла залоговый билет.

— Ненавижу пророчества, — зло прошептал Иорвет, и я вспомнила, как он сказал те же самые слова, когда прочитал пророчество Мариам.

— Что оно говорило?

— Что Велунду предназначено быть кормчим и выбрать мир, куда направить корабли. Если он выберет мир правильно, то ему или его потомкам будет дан Знак.

— Какой Знак?

— Кто бы знал, — усмехнулся Иорвет. — Ни одно пророчество никогда не говорит ничего прямо. Как бы то ни было, ни Велунд, ни его потомки Знака не увидели. А сейчас из его рода остались только двое.

— И кто второй? — спросила я.

— Filavandrel aen Fidhail, главный советник Францески Финдабаир, — ответил Иорвет.

Мы опять молчали, я сняла перчатки и намочила в воде руки. Вода оказалась тёплой. Знак на ладони побелел.

— Почему ты не спросил Айонантаниэла там, в Ард Доле, правильный ли мир выбрал Велунд? Уверена, что он знал об этом.

Иорвет откинулся спиной на ступеньки, стянул перчатку с правой руки и тоже поглядел на свой чёрный знак. Сжал кулак.

— Потому что я боялся услышать ответ, — сказал он и посмотрел мне в глаза.

Мы вернулись к ротонде на вершине горы тем же путём, только предварительно обошли дом с другой стороны. В левом крыле, также сгоревшем, когда-то были кузница и лаборатория самого Назара. Алхимические приборы погнулись от жара, колбы разбились, а куски стены не было — вероятно от огня взорвались какие-то горючие вещества.

Когда мы выбрались из бухты обратно на гору, то издали показалось, что туша убитого Рэей паука шевелится. И лишь подойдя ближе, я поняла, что паучью спину облепила стая копошащихся скворцов. Наглые птицы и не подумали разлетаться, завидев нас. Кот, как и предсказал Иорвет, сторожил могилу и сидел, напряженно вытянувшись и не отрывая взгляда от перепархивающих с места на место птиц.

— Надеюсь, в виде дракона он будет разговорчивее, — пробормотал Иорвет, и я, присев, осторожно почесала коту шею. — Мы потеряли две недели, идя по ложному следу.

— Нам всё равно надо найти Виллентретенмерта, мы обещали Рэе.

— Мы не обещали, — сказал Йорвет.

— Я — обещала! — воскликнула я. — А потом, Исман откуда-то знал имя Исенгрима. А это значит, что он врал, но не во всё. Возможно, он и правда видел Виллентретенмерта вместе с Исенгримом.

— Хорошо, давай руку, — уступил Йорвет, поднял правую ладонь, я левую. — Только сперва...

Мы переплели пальцы, и, отведя руку назад, он притянул меня к себе. Мы целовались, ладони прижались друг к другу, и, приоткрыв веки, я увидела, что целуюсь уже с белоснежной версией Йорвета.

— Кхм... — услышали мы.

На том месте, где сидел кот, теперь восседал давешний дракон. Его чешуя сияла и слепила глаза, да так, что вся остальная изнанка погрузилась во тьму. Он согнул длинную змеиную шею, поднёс к нам узкую и изящную, будто произведение искусства, голову.

— Я надеялся, что вы догадаетесь пообщаться со мной до того, как произойдут все эти безобразия, — проворчал дракон совершенно человеческим голосом. — В теле кота, знаете ли, сложно вести осмысленную коммуникацию.

— Виллентретенмерт? — спросила я.

— Когда я дракон, то да, но не теряю надежды быть представленным вам под более подобающим именем.

— Ты знаешь, где Исенгрим? — взял быка за рога Йорвет.

— А ты привык не терять времени? — глаза дракона сузились. — Впрочем, мой друг, представившийся мне когда-то Вольфом Исенгримом, тоже не любил терять времени.

— У нас его мало, и за те мгновения, что мы здесь, нам нужно обсудить многое, — сказал Йорвет. — Есть дело, касающееся тебя, есть дело, касающееся нас. Но сперва скажи, почему за всё это время ты не сменил облика кота? Саския говорила, что её отец может превращаться в кого угодно!

— Моя дочь права. А у вас мало времени. Смотрите! — приказал дракон, и вдруг его глаза разъехались: один в сторону Йорвета, другой на меня. Узкий зрачок расширился, и меня затягивало внутрь. И вот чернота засосала целиком, и в следующий момент я уже смотрела изнутри драконьей головы.

Далеко внизу проносилась с бешеной скоростью земля. Поперёк проскакало стадо оленей, я летела над пустыней. Потом замелькали чёрные скалы и жидкие зеркала озёр. Потом между скалами показались шатры, загон с лошадьми, отара овец и стоящие по периметру круглой площадки фигурки в капюшонах. Скорость увеличилась, я вошла в пике, пронеслась над ними, и из моего лица вырвалась струя огня. Над фигурами замерцал тонкой плёнкой купол, а потом вспыхнуло, тряхнуло, перед глазами появилась крупноячеистая сеть. Я больше не летела. Я падала. Снизу опять вспыхнуло, а ячейки сетки вдруг стали расти, и в тот момент, когда я ударилась о землю, я проскочила сквозь них.

— Чародеи наложили заклинание, препятствующее трансформации. Но за миг до того я успел обратиться в кота. Это было первое, что пришло мне в голову, — пояснил дракон. — Я летел к старому другу, когда это случилось. И обратившись, продолжил свой путь, зная, что Назар всегда поможет мне.

Я опять смотрела из его глаз с низкого необычного ракурса и неслась сквозь траву, поднимавшуюся выше роста, перепрыгивала через камни, юркнула в глубь колючих кустов.

Мелькали ветки и корни, в животе сжалось, когда я спрыгнула вниз со скалы и помчалась прыжками меж камней к песчаному берегу.

— К счастью, коты-рыболовы прекрасные пловцы, и к тому же все кошки видят магический и реальный мир одновременно, так что мне повезло с выбором облика дважды, — сказал дракон. — Я приплыл на остров.

Его зрачки опять сузились, он смотрел холодным змеиным взором.

— Я нашёл дом сгоревшим, — сказал дракон. — Назар и его дочь пропали, и до вчерашнего дня я был уверен, что в этом виновны чародеи из Чистого Братства. Однако, как оказалось, сам Назар пригрел на груди змею.

— Как жаль, что ты не предупредил нас, что Исман ведёт в ловушку, — сказала я. — Тогда Рэя не погибла бы!

— Внутри несомненно симпатичной, но чрезвычайно компактной кошачьей головы мой разум заперт, словно узник в темнице. Лишь иногда, невероятным усилием воли, он пробивается сквозь броню инстинктов. Я не знал о ловушке, полагая, что алхимик и сам был в неведении о смерти Назара. И догадался, лишь когда застал его привязывающим лодку. Я не смог защитить мою девочку...

Дракон покаянно склонил голову и начал бледнеть. Перед нами снова сидел кот, который зевнул во всю пасть и принялся старательно вылизывать бок. Иорвет выругался.

— Ещё один день коту под хвост! — воскликнул он.

— Он ответил на твой вопрос, — сказала я. — Судя по всему, лагерь чародеев где-то близко...

— Я предпочёл бы вообще не сталкиваться с чародеями.

— Похоже, нам этого не избежать, — сказала я. — Виллентретенмерт заперт в шкуре кота, а его нужно как-то расколдовать.

— И чтобы его расспросить, нам понадобится несколько дней... — с досадой сказал Иорвет.

Волей-неволей нам пришлось обустроиваться. Позади ротонды отыскался садовый фонтанчик с чистой водой. Как дикари, мы разожгли костёр на вершине горы и переночевали под открытым небом. Сама мысль о ночёвке под крышей на этом острове претила как Иорвету, так и мне.

Из-за вынужденного промедления и безделья Иорвета обуяла жажда деятельности, и утром он решительно распахнул двери ротонды и направился к механизму.

— Эта штука поможет нам задержаться на изнанке, — объявил он и уже потянулся, чтобы начать щёлкать рычажками.

— погоди! — вскричала я. — Надо хотя бы вспомнить, в какой последовательности Исман это делал. Вдруг мы опять включим химер!

Иорвет опустил на шезлонг, к которому Исман привязывал его, и прикрыл глаз. Я достала меч и осторожно поворошила кучу сушёных розовых плетей. Внутри было пусто, тело Исмана, уничтоженное в магическом мире, исчезло и из нашего.

— Вот и всё, что нужно знать о пророчествах, — с едким сарказмом сказал Иорвет, следя за моими манипуляциями, и вскочил. — Сначала он вертел тут, — прислушиваясь, он повернул маленькую латунную ручку. Тихонько зажужжали шестерёнки. — Это пружина, он её взвёл. Потом зажжёт огонь в горелке.

На пороге возник кот, степенно уселся, обернув хвост вокруг лап, и принялся невозмутимо наблюдать за нами. Несмотря на то, что мы с Иорветом более-менее сошлись в

воспоминаниях, что делал Исман, но всяких вентилях, рычагов и дверец было слишком много, чтобы с уверенностью воссоздать последовательность его действий.

— А вот сюда надо положить какое-то вещество, — пробормотал Иорвет, открыв стеклянную заслонку, за которой в металлической чаше виднелись прогоревшие чёрно-фиолетовые крошки. — И у нас его нет.

Я выдохнула с облегчением. Иорвет насмешливо посмотрел на меня.

— Не узнаю тебя. Разве не именно тебе всегда приходили в голову самые безумные планы?

— Это я тебя не узнаю! — воскликнула я. — Вроде бы именно ты просчитывал всё на три шага вперёд, а теперь из-за пары дней промедления готов взорвать нас к чертям!

Он обошёл механизм, неожиданно возник за спиной и притянул к себе за живот.

— Похоже, нам нужно знакомиться заново, — вкрадчиво сказал мне на ухо.

— Очередное безумное предложение, — от его тела спине стало тепло. — Мне нравится...

Бесстыжий кот так и таранился на нас, и мы сбежали через окно к нашему лагерю. Иорвет, похоже, решил направить свою энергию в другое русло, и я чувствовала себя тем самым механизмом, у которого включали и выключали все возможные рычажки, и, в отличие от машины алхимика, с этим эльф прекрасно умел управляться. А может, то было его лекарство для возвращения меня к жизни после смерти Рэи, и я жадно пила дурманящее, исцеляющее и мучительно сладостное зелье. Он разделял его со мной, и мы забылись на этом забытом и потерянном острове, и время, над которым у нас не было власти, то невыносимо долгое, то утекающее сквозь пальцы, исчезло.

— История, нужная вам, и история, нужная мне, — слишком длинные. Сосредоточимся на насущном — с меня необходимо снять заклинание запрета трансфигурации, — безапелляционно заявил дракон.

— Есть ли у тебя в друзьях колдуны, которые помогут с этим? — спросил Иорвет.

— Был. Назар. Остальным я не доверил бы даже прощупать пульс. Драконы слишком ценны для колдунов... и колдуний, — добавил он ядовито, — и я не готов поручиться, что алчность и желание обладать Силой не перевесят благое намерение помочь.

— И что же делать? Не можем же мы просить чародеев из Чистого Братства расколдовать тебя? — воскликнула я.

— Именно это вам и предстоит сделать. Они охотятся за мной и уничтожили всех диких кошек в округе в попытке отыскать меня, не говоря уже о том, сколько драконов они умертвили до того. Я — убеждённый противник наказаний, но любой поступок влечёт последствия, и чародеи должны исправить и искупить то, что натворили. Я не могу оставить на волю случая такие важные вещи, как искупление и исправление.

Мне показалось, что дракон зловеще ухмыльнулся, во всяком случае кончики его рта уехали вверх, обнажив острые зубы.

— Но как нам это сделать?

— Не знаю, — драконья морда вплыла между нами, и он поочередно рассматривал нас, вертя головой. — За год с лишним в облике кота я исследовал их лагерь вдоль и поперёк. Знаю всю подноготную, чем они живут. В чём их сила, в чём боль, в чём изъясн... Вам нужно лишь сложить два и два.

— Рассказывай! — потребовал Иорвет. — Мы теряем время.

— Время — это твоя боль, эльф, не так ли? Ты всё время поминаешь время, — Виллентретенмерт шипяще хохотнул своему каламбуру, а белое лицо Йорвета гневно нахмурилось.

Дракон заговорил. Три дня и три сеанса связи потребовались нам, чтобы он рассказал всё, что знает про чародеев Чистого Братства.

— Они захватили крепость у перевала, чтобы найти дитя золотого дракона... — рассказывал он нам, и в ответ на мои вопросы о дитя начинал темнить и недоговаривать.

— Хотя бы ответь, зачем чародеям дитя? Нужно же понимать их мотивацию! — не отставала я.

— Хребет дракона — это хребет этого мира, — туманно ответил он. — В нём течёт субстанция, преобразующая материю, именно за счёт неё нам подвластно изменение облика. За это нас, а точнее содержимое нашего позвоночника, так любят колдуны. Пока золотой дракон юн и ещё не умеет трансфигурировать, его субстанция чиста и имеет ту же силу, что и само Сердце Мира, и именно её так жаждал получить Магистр. И тут мы подходим к самому интересному...

Рассказанное далее дополнило информацию, которую мы узнали в пещере в Долине Чёрных Сейдхе — в лагере чародеев действительно зрел заговор.

— Магистр стар, его собственная чародейская сила истощена. Он превратил братьев в доноров энергии. Дважды в день они садятся на коврики и вливают в него Силу, и смерть наступает ослушников.

— Обряды Рассвета и Заката! — я вспомнила горящую татуировку на груди чародея в пустыне и слова Исмана о том, что тот должен был быть на коврике.

— Сам Магистр безвылазно сидит в пещере на Месте Силы, как ящерица на горячем камне. Понятно, что молодым адептам такое положение дел не по нраву. Они уже выпили его знания, а теперь он пьёт их жизненные соки.

— Мавла... — вспомнила я.

— Мавла, — подтвердил дракон. — Молодой, строптивый и необычайно талантливый чародей. Любимый ученик Харуна Аз-Занджани. Он сделал всё, чтобы у старика не возникло ни капли подозрения в его преданности. Именно Мавла ищет меня. С моей помощью он запустит ритуал, который разом оттянет энергию из-под Магистра, чтобы после этого разрушить его власть над ними. День и ночь братья тайно высасывают из него понемногу, но своих сил, чтобы довершить дело, у них не хватит. Им нужен взрослый, сильный дракон. Им нужен я.

Виллентретенмерт горделиво расправил сияющие перепончатые крылья и повернулся перед нами во всём своём великолепии. Гребенчатый хвост поднялся дугой, а сам дракон застыл в позе, запечатлённой на зерриканских монетах. Красуясь, выдержал паузу.

— Если что — я против, — сказал он и хитро сощурился. — После такого ритуала мне не выжить. Освободившись, Мавла не остановится. Он будет искать дитя, чтобы потом, напитавшись его силой, добраться до Сердца Мира. Вот почему он ещё опаснее, чем Магистр Харун Аз-Занджани...

В перерывах между разговорами с драконом мы исследовали остров, тем более что изменившийся ветер притянул к ротонде невыносимую вонь от разлагающейся туши паука. Кот стал исчезать тоже, но пунктуально возвращался на randevу ровно в нужный момент, как будто чувал, когда наши знаки зарядятся силой.

Попутно из кусочков информации мы пытались воссоздать общую картину и придумать,

как же сложить эти нескладывающиеся два и два.

— Чародеям вместе с Мавлой нужен дракон, а не кот. Значит, для ритуала они снимут заклинание и вернут ему истинный облик, — рассуждал Иорвет.

— И тут же наложат снова, но уже на дракона, чтобы он не успел обернуться мухой или ещё кем-то таким, — добавила я.

— Да. Магистру же дракон не нужен, ему нужно дитя, и он ждал отчёта Умута о его поисках.

— А тот ввязался в наркоторговлю и погиб на перевале. Жаль, что мы не можем прочитать его отчёт, — задумчиво сказала я.

— Его прочтёт Виллентретенмерт, когда сможет, нам он ни к чему.

Я мельком взглянула на Иорвета, радуясь, что он включился в задачу по спасению дракона. Заметив это, он усмехнулся.

— Клятва, принесённая в пещере, так или иначе не отпускает нас. Мы должны, как и обещали, отдать зачарованный блокнот Магистру.

— Надо ещё показать ему записку Мавлы в доказательство того, что ученики готовили заговор. Только, боюсь, этого не хватит, чтобы Магистр поверил нам. Виллентретенмерт сказал, что тот верит Мавле, как самому себе.

— Люди не верят тому, в чём их убеждают другие, — задумчиво сказал Иорвет. — Но они верят, когда открывают ту же самую правду сами...

— Значит, Магистр должен сам догадаться о заговоре? Но как? — спрашивала я. — И ещё надо успеть освободить дракона...

Каким образом всё это проверить, было совершенно неясно. Мы должны были вызволить Виллентретенмерта в тот момент, когда с него снимут заклятие, столкнуть между собой Магистра и его учеников, и при этом выжить самим. Задача казалась неразрешимой.

На четвертом свидании Иорвет с пристрастием допрашивал Виллентретенмерта о том, что именно собирались с ним делать чародеи.

— Они прикуют меня в центре лагеря в ритуальном кругу. Цепи, надо сказать, выкованы особым образом. Иными меня не удержат, — ответил он с гордостью.

Тысячи раз, снова и снова мы прокручивали с Иорветом полученную информацию в попытке найти хоть какую-нибудь лазейку и придумать план, пока, наконец, не стали вырисовываться первые идеи. Уже под вечер мы добрались до сгоревшей кузницы и раскопали угол с инструментами. В пепле и мусоре отыскались массивное долото и кувалда.

— Так и представляю, как мы долбим цепи посреди лагеря чародеев, пока те мирно спят, — мрачно изрёк Иорвет, взвешивая кувалду в руке. Он вышел на воздух, уселся на ступенях. Посмотрел на меня исподлобья. — Время безумных идей, ведьмачка, что скажешь?

Я присела рядом. Безумная идея была, но она сильно, очень сильно мне не нравилась. Иорвет вопросительно приподнял бровь.

— Нам всё-таки надо завести механизм Назара, — безнадёжно ответила я.

Утром мы снова стояли перед механизмом в ротонде. Я волновалась. Кот сидел на пороге.

— Повторим ещё раз, — сказал Иорвет и стал поочередно дотрагиваться до частей механизма. — Ручка тут, зажечь горелку — масла ещё полно, потом проверить заслонки, потом вентили. Всё просто. Нет только фиолетового вещества.

Шагнув к шару Инь-Ян, я взяла его в руки. Он был невероятно тяжёлым, гладким и

холодным, почти ледяным.

— Никогда не пойму, как работает магия, — пробормотала я и опустила шар обратно. — Никакой логики.

Иорвет уже громыхал чем-то в алхимической мастерской. Потом позвал меня, и мы обыскали тесную каморку, но поиски таинственного вещества не привели ни к чему. Не то Исман привёз его с собой, не то оно сгорело в пожаре в лаборатории Назара, не то просто закончилось.

— Придется запустить без него, — сказала я. — Посмотрим, что выйдет.

— Надо подумать, — заявил Иорвет, схватил деревянный шезлонг и потащил к выходу из ротонды.

Я подхватила второй, и мы выволокли их на обрыв у нашего лагеря и, как пляжники, развалились с видом на озеро. Иорвет курил, я смотрела на облака. Стояли тишина и безветрие, и облака висели неподвижными ватными громадами.

— Кажется, я начинаю понимать Геральта, — сказал Иорвет.

— М-м?

— Он охотится на чудовищ и ищет заказов на простых чёртовых чудовищ. А вместо этого раз за разом разгребает людское дерьмо.

Я уже открыла было рот, чтобы вставить необходимую ремарку, но Иорвет опередил меня.

— Да-да, знаю, не только людское. Ещё эльфийское, краснолюдское и иногда драконье, — он повернул голову. — Но людей всё равно больше.

Я засмеялась.

— Вместо того, чтобы искать Исенгрима, мы разгребаем дерьмо чародеев и недочародеев, и пока на пути нам не встретилось ни одного честного чудовища, которое бы препятствовало нам само по себе.

— Гарпии были честными, — сказала я.

— Разве что гарпии... — задумчиво сказал он. — В своём мире ты знала о жизни ведьмаков, так почему ты выбрала здесь этот путь?

— Весемир когда-то сказал, что ведьмаками становятся потому, что иного выбора нет. Вот поэтому. Да и в эльфы меня бы точно не приняли, — не удержалась я от шпильки.

— Не приняли бы, — кивнул Иорвет. — Но ты могла приснить себя эльфийкой, но не сделала этого, а значит и не хотела ею быть, не так ли?

Я задумалась. Он был прав.

— Я хотела быть ведьмачкой.

— Значит, свой путь выбрала ты сама, — он выбил трубку о край лежака. — Пойдём, дерьмо само себя не разгребёт.

Огонёк вспыхнул, через миг ухнуло, как будто внутри механизма зажглась горелка побольше.

— Кот сбежал, — сказал Иорвет, оглядевшись.

— На его месте я бы тоже сбежала, — ответила я, прислушиваясь к гудению. — Теперь ждать.

Пузатый медный котел в основании механизма медленно теплел. Иорвет для виду лязгнул задвижками, ничего не изменилось, и он вернул их на место. Потом так же наобум покрутил один из вентиляй. Мы ждали. Наконец, из трубки наверху вырвался пар.

— Ну что же, готово, — Иорвет перевёл рычажок вниз.

Шар Инь-Ян так и остался лежать хладным камнем на подставке.

— И почему я не удивлён? — с досадой Иорвет щёлкнул рычажком обратно вверх и ушёл к окну, а я в это время задула горелку.

Пар ещё некоторое время бил в потолок, а потом потерял силу и тонкой струйкой завился из кончика трубы.

— Придётся придумывать новый план, — сказала я.

— А может быть и нет, — Иорвет перегнулся через подоконник и следил взглядом за чем-то по ту сторону.

В ротонду ворвался кот. Он был измазан в саже, хвост подрагивал. Кот подбежал к механизму и, разинув пасть, выронил на пол тёмно-фиолетовый, почти чёрный камешек, и тут же, не сходя с места, стал приводить мех в порядок, как будто в этот момент на свете не было ничего важнее.

— Всё-таки в кошачьей шкуре он понимает гораздо больше, чем пытался нас убедить, — Иорвет присел, подобрал добычу и, несказанно удивив меня, погладил кота. — У нас есть ещё одна попытка. Дождёмся ночи.

С наступлением темноты мы сдвинули столик с шаром к порогу ротонды, приготовили долото и кувалду. В распахнутые окна тянул свежий ночной воздух, в кустах неподалеку подачному пел соловей. Кот сидел рядом.

— Зажигай!

Огонёк в горелке вспыхнул, уже привычно ухнуло, и через несколько минут камеру с фиолетовым кусочком заволокло сизым дымом. Когда пар засвистел, Иорвет включил рычажок, и механизм, дрогнув, завибрировал. Мы обеспокоенно переглянулись — в прошлый раз такого не было. В полумраке помещения неярко и приглашающе засветился каменный шар. Мы присели на коленях с двух сторон от столика, и Иорвет проверил, что может дотянуться до инструментов.

— Главное, не отпускать ладони, — на всякий случай ещё раз напомнил он. — На счёт три...

Мы сжали шар с двух сторон, и путешествие на изнанку началось. Вокруг всё выглядело ровно так, как в прошлый раз с Исманом, только вместо алхимика рядом, вытянув шею и почти касаясь ноздрями столика, сидел дракон.левой рукой Иорвет стал прокручивать шар. Вся конструкция вместе с праздничной иллюминацией из световых колонн и дракона сдвинулась с места, освещая темноту, и на той же высоте выплыла с обрыва. Далеко внизу в тусклой поверхности озера засияло наше отражение.

— Надо понять, как Исман заставлял эту штуку менять высоту, — Иорвет остановил нас и попытался нажать на шар, но это не помогло.

Я собрала пальцы правой руки в щепотку и раздвинула их на поверхности камня. Как на лифте, мы поехали вниз, и из темноты выступили очертания эльфийской беседки на берегу озера. Иорвет удивлённо глянул на меня.

— Интуитивно понятный интерфейс, — важно сказала я, собрала пальцы, и мы тут же стали подниматься.

— Нам правее, — скомандовал дракон и, словно пассажир заднего сидения, просунул голову между наших плеч. — Держи курс на Место Силы.

Вдалеке и правда в небо бил столб света, которого я не видела в прошлый раз, так как ехала тогда спиной вперёд. Озеро закончилось, берег остался позади, и мы парили над едва видимыми в черноте деревьями, нарисованными тонкими линиями. За лесом начались скалы и участки пустыни.

— Помедленнее, мы уже близко, — произнёс дракон. — Вот и пещера, где сидит Магистр.

Невдалеке из скалы пирамидальной формы вверх поднимался луч от Места Силы, а вокруг стояли шатры. Мы приземлились посреди круглой площадки.

— Здесь будет ритуал, — Виллентретенмерт, переваливаясь на задних когтистых лапах, подошёл к краю платформы, и за ним извивался хвост. — Подруливай ближе.

С четырех сторон от ритуального круга в скалы были вбиты мощные крюки, от которых тянулись толстые, будто якорные, цепи. Иорвет подрулил к одной из них и подкрутил шар так, чтобы цепь лежала у наших ног. Подтянув её правой рукой, я выбрала звено поближе к крюку и приставила долото. Иорвет подхватил кувалду в левую руку, примерился и замахнулся. Я малодушно зажмурилась. Звон сотряс изнанку, ладонь загудела от отдачи, и я

приоткрыла глаза. Под долотом образовалась едва заметная вмятина.

— Я же говорил, что цепи особые, — с непонятым мне удовлетворением сказал дракон. — Гномы сковали, колдуны зачаровали.

— Есть идеи получше? — огрызнулся Йорвет.

Отложив долото, я выпустила в цепь струю огня, надеясь, что на изнанке моей силы хватит, чтобы раскалить металл, как в кузнечном горне. Однако этого было недостаточно, звено так и осталось твёрдым.

— Да, теперь есть, — важно сказал Виллентретенмерт и, перегнув через нас шею, поднёс морду к цепи.

— Разойдись! — залихватски скомандовал он, мы отползли насколько было возможно, не оторвав ладоней от шара, и дракон дыхнул.

По сравнению с его огнём мой Игни был как пламя свечи рядом с лесным пожаром. Узкая огнёмётная струя жарила цепь, и раскалённый участок засиял белым светом. Мой волк задрожал, заметался по платформе и вдруг душераздирающе завыл, подняв морду в чёрное небо. В ответ из конюшни послышалось испуганное лошадиное ржание, и звучало оно странно — басовито, растянуто во времени, будто пробуксовывающая пластинка.

— Нельзя! — крикнула я волку, и он, прижав уши, пополз ко мне, по широкой дуге огибая дракона.

— Яна, давай! — воскликнул Йорвет, я приставила долото, и с ударом оно вязко вошло в металл, расколов к тому же плитку пола.

Одно звено было разомкнуто.

— Лошади нас слышат, — сказала я. — Надо спешить, чтобы и чародеи не услышали звон.

— Животные более чувствительны. А чародеи всего лишь люди, а не кошки, и им далеко даже до лошадей. Люди обычно не видят и не слышат проявлений магического мира, — сказал Виллентретенмерт. — Такой талант есть у избранных, в народе их кличут юродивыми. Но ржание лошадей чародеи слышат...

Дракон мотнул головой к следующей цепи. Мы ослабили уже три звена, когда в одной из палаток замерцал свет, полог заколебался, и изнутри, заторможенно передвигая ногами, вышел молодой мужчина. Он казался наполовину нарисованным, наполовину проявленным на изнанке и сжимал в руках посох, из навершия которого лучился свет.

— Мавла, — тихо сказал Виллентретенмерт, пока Йорвет подруливал к последней цепи. — Ждём!

Чародей прислушивался, склонив голову на бок, а потом медленно поднял посох. Механизм, и так нехорошо вибрирующий всю дорогу, задрожал сильнее, и внутри что-то зазвенело.

— Быстрее, нагревай! — прошипел Йорвет, и дракон послушно дыхнул.

В посохе Мавлы разгорался свет, а механизм задрезжал, как выкипающий жестяной чайник с плохо закрытой крышкой. Я торопливо приставила долото, Йорвет занёс руку для удара, и тут наша платформа содрогнулась. Кувалда опустилась, вскользь задев долото, и звено осталось перебитым лишь наполовину. Отшвырнув кувалду, Йорвет закрутил шар, который уже ярко сиял и обжигал ладони. Пол под ногами ходил ходуном, и с громким хлопком сорвало конус с трубы на верхушке механизма. Паром заволокло площадку, и сквозь него просвечивал дракон, расправивший крылья.

Йорвет мчал платформу близко к земле, и мимо нас проносились деревья. Он был

сосредоточен и будто не замечал творящегося разгрома, а я всеми силами старалась не паниковать и обеими ладонями придерживала раскалённый, прыгающий в руках шар.

— Уже близко, — сказал Иорвет, когда мы летели над озером, и в тот же момент со скрежетом и лязгом вспучились обода на котле.

Из щелей между пластинами вырвался пар, и механизм взорвался. Воздушной волной нас смело с платформы, и в полёте какой-то отстранённой частью сознания я пыталась вычислить, в каком я мире, потому что вокруг было так же черно, как на изнанке, а потом меня плашмя ударило о воду.

— Иорвет! — завопила я, когда вынырнула под звёздное небо и поняла, что цела.

Выпустила Игни, который огоньком свечи сорвался с пальцев.

— Я здесь, — ориентируясь на голос, я погребла в ту сторону и в темноте проплыла бы мимо, если бы Иорвет не ухватил меня.

— Где кот? — спросила я.

— Он доберётся, — ответил он и позвал: — Айб бен гим!

Мы висели в воде и ждали.

— Не уверена, что у лодки на этой стороне острова то же самое заклинание, — сказала я.

— Вот и проверим, — Иорвет нырнул, всплыл, отфыркиваясь, и добавил мечтательно: — Мне понравилось лететь быстро...

— В нашем мире ты мог бы быть лётчиком, — сказала я. — Хотя, ты слишком длинный.

— Высокий, — поправил он. — Что такое лётчик?

В этот момент в нас уткнулся нос лодки и мои объяснения перенесли на неопределённый срок. Залезть в челнок из воды, не перевернув его, было трюком, сродни цирковому. Изнанка опять высосала из тела все силы, и даже подтянуться на борт оказалось совсем непростой задачей. В конце концов, мы ввалились внутрь с двух сторон, и челн плавно повёз нас к острову.

— Ты точно Спящая, — услышала я голос Иорвета, и губ коснулся поцелуй, такой лёгкий, как продолжение сна, где я летала вверх и вниз по своему желанию и не имела веса, а подо мной проносились осенние леса, — сколько можно спать?

Солнце светило жарко, а Иорвет уже был одет в доспехи. Вокруг лагеря валялись каменные обломки — от ротонды осталась лишь пара колонн, и на одной из них ещё держался опасно накренившийся кусок крыши. Я присвистнула. Ночью, когда мы добрались сюда, масштаба разрушений не было видно.

— Я уже рассказал коту наш план, — с полной серьёзностью произнёс Иорвет и добавил: — Несколько раз. Надеюсь, до него дошло. У нас нет времени встречаться с ним на изнанке — чародеи могут заметить пробитые цепи.

— Ты что, уже собрался идти? — я мигом проснулась. — Погоди, я не готова!

Иорвет засмеялся.

— А я готов.

Смеялся он и когда я бросилась ему на шею на ступенях у каменной беседки.

— Ты похожа на девчонку, провожающую жениха на войну, — сказал он. — А ведь это и твой план тоже. Время двинуть пешку вперёд.

— Знаю, просто ненавижу ждать, — сказала я. — Помахала бы тебе платочком, да платка больше нету.

— Не надо платочков, — неожиданно без тени улыбки ответил он, переступил через борт, и челнок отчалил от берега.

Ожидание и вправду было невыносимым. Я притащила с горы наши вещи и тревожно слонялась вокруг бассейна с розами. Потом ещё раз до дыр рассмотрела стелу Чёрных Сейдхе. Кот, казалось, тоже чувствовал важность момента и ходил за мной по пятам. Как и Иорвет, я несколько раз расписала ему план по шагам, но так и не заметила в его глазах ни толики понимания.

Лодка с Иорветом вернулась к полудню, и по его лицу совершенно невозможно было распознать, удался ли нам первый шаг или нет. На мраморной скамье в беседке я разложила сухари, вяленое мясо, сыр и сухофрукты.

— Ну? — воскликнула я.

— Что «ну»? — явно передразнивая меня, переспросил он и в следующий миг улыбнулся. — Мавла заглотил крючок по самый желудок.

Он взял хлеб, выбрал и бросил коту кусок мяса.

— Давай по порядку. Всё прошло по плану? — спросила я.

— Да. Я позволил чародеям засечь себя недалеко от лагеря, и самым сложным было убедить их не начинать бой. Слова «дракон» и «кот» сработали, как пароль. Меня провели к Мавле.

Некоторое время он сосредоточенно ел, нахмурившись.

— Опасный тип. Если бы не удавка, которую Магистр накинул ему на шею, он, не задумываясь, убил бы меня. Я рассказал ему нашу легенду — что ищу эльфа, своего брата, и о том, что только дракон знает, где он.

— Он поверил?

— Не сразу. Такие, как этот Мавла, верят только в корыстные мотивы, поэтому, когда я выставил ему условия сделки, его подозрительность поубавилась. Я должен принести ему кота, а он взамен обещал дать мне время поговорить с драконом после того, как снимет с него заклинание.

Иорвет посмотрел на кота, который ждал очередного куска.

— Конечно же, Мавла солгал, и никакого разговора с драконом он не собирался мне давать. Поэтому, я сделал следующий шаг и рассказал ему о находке в пещере. О том, что отчёт Умута ас-Сафы о поисках золотого дитя хранится в надёжном месте и что Мавла получит его, если я получу нужные сведения от дракона. Во всяком случае, теперь он не убьёт меня сразу после того, как я отдам ему кота.

Иорвет усмехнулся.

— Они следили за мной, когда я ушёл. Лучше бы надували свои магические пузыри, чем позорились в лесу, треща ветками, как раненые лоси. Одной стрелы в качестве предупреждения оказалось достаточно.

Он встал, стряхнул крошки с колен, помог убрать еду.

— Пойдём ещё раз проговорим план.

Мы выбрались на берег за стелой, и Иорвет нарисовал на песке схему лагеря.

— Вход в пещеру Магистра охраняют двое, но они не слишком стараются и постоянно уходят в шатёр напротив. Тебе нужно их отвлечь и остаться незамеченной. Шатёр Мавлы тут, ты видела вчера, — он нарисовал веткой прямоугольник рядом с круглой площадкой. — Он ждёт меня с котом и хочет начать ритуал сегодня на закате.

— Уже сегодня! — воскликнула я и заметалась вокруг рисунка.

— Чем быстрее мы с этим разделаемся, тем лучше, — Иорвет пристально посмотрел на меня. — Иди ко мне.

Я обняла его, пытаясь успокоиться. Дышала в такт его медленному дыханию, и мне казалось, что он через кирасу чувствовал, как из моей грудной клетки выпрыгивает сердце.

— Я готова, — сказала я.

Мы вернулись в беседку, и Иорвет вытряхнул содержимое своей сумки на каменный пол. В своей я тоже оставила только необходимое для плана. Ценные вещи и оригинал записок Умуга замотали в мою шкуру, Иорвет стрелой перекинул верёвку через ветку дуба у стелы, и мы подняли наш клад в густую листву. Второй конец привязали к одной из веток на высоте роста.

— Господин кот, пройдите в мешок, — сказал Иорвет, приоткрывая сумку.

Кот презрительно смотрел на него, не двигаясь с места, и только когда я протянула к нему руки, с высоко поднятым хвостом зашёл в сумку. Иорвет затянул горловину и защёлкнул ремни.

— Настолько безумного и настолько дырявого плана у нас не было ещё никогда, — сказала я, когда мы уселись в лодку и отчалили от берега.

— Но тем интересней, не правда ли? — ответил Иорвет.

В нагретом вечернем воздухе слышались звуки лагеря — гортанная речь, фыркание лошадей и бляение овец, которых чародеи держали в загоне рядом с конюшней. Между овечьих копыт прохаживались квохчущие куры. Мы забралась по склону пирамидальной скалы, внутри которой на Месте Силы сидел Магистр, и смотрели на лагерь сверху, распластавшись на камнях и осторожно выглядывая из-за скального выступа. Иорвет настоял, что доведёт до места, откуда должна была начаться моя миссия. Сперва я возмутилась, но очень скоро поняла, что без него не смогла бы добраться сюда незамеченной. Чародеи кишели вокруг лагеря, занимаясь хозяйственными делами, и каким-то шестым или седьмым чувством Иорвет знал в какой момент нужно перебежками скользить от скалы к скале, а в какой замереть и не дышать, чтобы невидимками добраться до нашей цели.

— Найди меня, если тебя раскроют. Мы уйдём по изнанке, — шепнул он на ухо.

— Ты уже два раза это говорил, я помню, — прошептала я в ответ.

— Просто выслушай и в третий!

— С каких это пор ты стал меня опекать? — мы уже шептались яростно, и сумка Иорвета зашевелилась.

— С тех пор как... Я тебя не опекаю!

— Ш-ш, — я приложила палец к губам. — Всё будет хорошо. Тебе пора.

— Надеюсь, ты видишь, что сейчас у входа в пещеру трое.

Я выплянула из-за камня. Действительно, третьего-то я и не заметила. Иорвет покачал головой.

— Удачи, — он подтянул сумку с котом и слегка сжал мою руку. — И сразу скажу, на будущее... Прости.

Он дождался, пока я кивнула, и в следующий миг исчез, словно тень. Я вернулась к наблюдению, коря себя за невнимательность и за то, что, положившись на Иорвета, не использовала чутьё. Сосредоточилась. От Места Силы в живот ударило жаром, и я почувствовала, как один из чародеев отделился от часовых. Выглянула. Да, третий ушёл. Осторожно,

распластавшись человеком-пауком, ползком я стала огибать скалу справа, пока внизу не показался овечий загон. Сконцентрировалась снова и ждала. Через некоторое время у входа в пещеру остался лишь один человек, и я, выбрав ближайшую к бревенчатой ограде овцу, послала в неё Ирден.

Овца истошно заблеяла и задергалась в ловушке, а я рванула обратно. Почти у цели нога соскользнула, я сорвалась и, ободрав кожу выше локтей, съехала до низу. К счастью, овцы блеяли уже всей отарой, и чародей, стороживший вход, не услышал меня. Наконец, он лениво отделился от стены и двинулся в сторону загона. Я пригнулась и рыбкой нырнула за полог, прикрывавший вход в пещеру.

В пещере было прохладнее, чем на улице, но всё же разница была не сильно велика, а холод пробрал до костей, будто у меня резко подскочила температура. Вместе с холодом в грудь заползла беспросветная тоска, и я вспомнила, как похожее чувство каждый раз накрывало меня, когда я звонила соседке в дверь, забыв ключи. Древняя старуха отворяла, душно пахло валидолом, кислой старостью и тоской. К холоду и тоске пещеры примешивалось что-то ещё, что раздевало донага, исследовало с какой-то жуткой жадностью. Не потому, что у меня было нечто особенное, а потому, что и обычного не было у того, кто ждал в пещере.

Дыхание сбилось, усилием воли я отключила чутьё — слишком опасно, по ощущениям то существо не походило на человека и в медитации читало меня, как открытую книгу. Овладевшие мной чувства совсем не соответствовали ожиданию: из того, что Виллентретенмерт успел рассказать о Магистре, в голове сложился образ древнего старца, чахнувшего над фолиантами в поисках бессмертия, эдакого престарелого профессора. А я, соответственно, решила придерживаться тактики студентки, сдающей ему зачёт: то есть быть очень глупой и преклоняться перед величием учёного светила. Не раз я видела, как эти самые профессора злобно и с видимым удовольствием валили лучших студентов и тут же покорно, словно овечки, подписывали зачётки их менее продвинутым в науках, но более подкованным в житейской мудрости однокурсникам.

Однако сейчас меня одолели сомнения в правильности выбранной тактики, и вспомнился рассказ подруги, пришедшей на экзамен в ультракороткой юбке, вот только седого профессора заменила не менее седая профессорша. В ногах послабело, но другого плана у меня не было. Полог, из-под которого пробивался дневной свет, был неподвижен, и, держась за каменную стенку, я пошла по тёмному коридору.

Под сапогами стало мягко, я зажгла на ладони Игни, и вдруг огонёк, дёрнувшись, погас, будто кто-то задул его, как свечу. Во вспышке света я успела заметить толстый ковёр, устилавший пол коридора. Зажгла ещё Игни, и его сорвало с ладони.

— Зачем? — от стен эхом отразился голос, надтреснутый и какой-то рыхлый. — Зачем ты здесь?

— Здравствуйте! — озираясь, отозвалась я. — Мне нужно увидеть Великого Магистра. Меня привела клятва!

Повисла пауза, и вдруг на ковре расцвёл язычок пламени, который побежал вперёд. За ним возник следующий и тоже умчался по коридору. Я следовала за ними в глубь горы, пока не дошла до места, где огоньки останавливались и дрожали на пороге чёрного провала пещеры, будто боялись зайти дальше. Перешагнув порог, в тусклом свете я вглядывалась в чернеющую впереди гору.

— Какая клятва? — гора пошевелилась, по всей окружности пещеры вспыхнули такие же язычки пламени, как были в коридоре, и зазмеились по стенам, поднимаясь по спиральям выше и выше, словно огоньки на новогодней ёлке. — Отвечай!

Громадина разворачивалась ко мне. В центре пещеры на ковре, левитирующем на уровне колена и, словно гамак, прогнувшемся почти до земли под тяжестью колоссального тела, восседал Магистр. Из бесформенной массы, задрапированной в бесконечно длинный шёлковый отрез, едва торчал лысый шар черепа. Щёки и складчатый подбородок, все в старческих пигментных пятнах, стекали на объёмную грудь, лежащую на вздутом животе, который занимал всё остальное тело. Из-под отвислых век показались глаза. Я шагнула вперёд.

— Не подходи! — в его скрипучий голос проникли визгливые ноты. — Мне не нужна зараза с Севера, которой на тебе полно, как на шелудивой собаке!

— Я уже давно в Зеррикании, на мне только местная зараза, Великий Магистр, — я поклонилась до полу.

— Всё равно. Стой на месте и отвечай.

Распрявившись, я смотрела ему в глаза, стараясь не переводить взгляд ниже, на странно колыхавшуюся, будто булькающую под шёлковой тканью плоть.

— Мой мужчина изменил мне с Хранительницей. Я хочу вернуть его, — сказала я.

Глаза Магистра вспыхнули, а складки рта брезгливо искривились.

— Меня не интересуют твои похотливые похождения, — сказал он. — Говори про клятву.

— Это связано! Вообще-то мы знали, кому подороже сбыть товар, который нашли на перевале, но раз уж он украл кота и за моей спиной решил продать его Мавле... — я сжала кулаки. — Это я бы ещё простила, но измену — никогда!

— Что ты несёшь, женщина?! — Магистр разъярился, и огни на стенах засияли опасно, будто тянулись языками ко мне.

Дальше мутить воду было нельзя.

— Умут ас-Сафа, знаете такого? — быстро сказала я. — Он передал нам посылку для Харуна аз-Занджани, мы дали клятву её доставить. Но сами понимаете, клятва — это одно, а тот, кто даст больше цену — это другое...

— Прекрати молоть языком! — Магистр всплыл на ковре почти к потолку, и меня накрыла его тень. Потом спланировал к полу: — Умут ас-Сафа был Высшим Магом моего братства, и он пропал в горах. Или ты расскажешь мне всё, ясно и связно, или я убью тебя.

Огни на стенах удлинились, потянулись ко мне угрожающе.

— Эй, потише! — я выставила вперёд ладони. — Я затем и пришла, чтобы всё рассказать.

Магистр слушал, прикрыв щели глаз, а я отчитывалась о том, как мы нашли труп Умута и о данной его призраку клятве.

— Дай мне книгу! — толстые руки Магистра остались безжизненно висеть по бокам, а драпировки на груди изнутри вдруг раздвинули пухлые пальцы, и оттуда высунулась ещё одна рука — трехпалая, будто детская, и этот отросток, как резиновый, протянулся ко мне.

Я достала из сумки блокнот Умута.

— Не так быстро! Услуга за услугу, — сказала я. — Вам книжка, а мне вернуть любовь эльфа!

— Какого, к дьяволу, эльфа? — взревел Магистр.

— Того, что изменил мне, — заговорила я, вертя блокнотом в воздухе. — Вы же Великий Магистр Харун аз-Занджани, а Умут говорил, что сильнее вас никого нет, чего вам стоит?

— Ты очень глупая и жадная женщина. Все вы таковы, — сказал он. — Любовь не купить магией.

В воздухе соткалась огненная верёвка, которая метнулась ко мне, обвившись, как лассо, вокруг груди и подтащила к Магистру. Третья рука выдернула блокнот. Верёвка удавкой сжалась и тянула к потолку, и я едва доставала ногами до земли. Магистр поднёс к лицу блокнот.

— Он пустой! — крикнула я. — Я не виновата, он такой и был!

— Чтобы убережь от праздных зевак. Таких, как ты, — проговорил Магистр, открыл обложку, и из неё выпал лист бумаги.

Я бросилась к нему, лассо тут же натянулось и откинуло меня в сторону. Из-под подола Магистра вытекла полужидкая масса, слепилась в ещё одну руку и схватила лист.

— Это не для вас, это для другой сделки! Отдайте! — кричала я.

— Поистине, глупость человеческая безгранична, — сказал Магистр. — Я прочту всё, и после этого ты умрёшь.

Запасные не то руки, не то щупальца вырастали из его тела, передавая друг другу выпавшую записку, и втягивались обратно, тогда как настоящие руки продолжали свисать по бокам неподвижными мешками. Он прочёл текст. Гора замерла, и только под кожей, толчками, в разных частях его тела что-то вспучивалось, словно на склонах вулкана перед извержением. Свет погас.

— «Время аз-Занджани проходит, приходит наше», — послышался в темноте его голос. — Я не верю тебе, женщина, признавайся, откуда ты взяла эту бумагу?

Огненная верёвка хлыстом взвилась в воздух, и я едва успела наложить Квен, когда она стегнула меня по лицу. Знак распался, а хлыст ударил вновь, ожёг ноги ниже колен и дёрнул. От Магистра исходил свет, заливая пещеру кровавой краснотой. Я свалилась на пол, больно ударившись головой о рукоять меча за спиной, и из раскрытой сумки вывалился коврик с руной Солнца. Хлыст замер в воздухе и опал. Коврик расправился, взмахнул кисточками на углах и подлетел к Магистру.

— Так это не ложь... — прошептал тот. Свет замерцал, будто закоротило розетки. — Вот почему я чувствую себя больным последнее время...

Замолчав, он закрыл глаза и начал втягивать и выпячивать губы.

— Знаешь ли ты, что такое предательство? — наконец, спросил он.

Голос Магистра звучал тихо, едва слышно. Я поднялась с пола.

— Может быть, я не такая умная, как вы, но я прекрасно знаю, что такое предательство! Именно поэтому я и пришла к вам.

— Ты ведьмак, хотя и женщина, — продолжил он. — Я знал мага из наших земель, которого изгнали из всех братств. Он желал создать армию из ведьмаков и погиб на далёком Севере от руки ведьмака. Маленький глупый винтик в великом механизме замысла порой ломает всю систему. Глупая ведьмачка, что пришла торговаться за свои глупые цели, рушит весь мой заботливо выстроенный мир.

— Ваш мир разрушили без меня ваши же ученики. А я помогла узнать правду, — я посмотрела на него исподлобья. — Преданность, как и любовь, не купить магией.

— Преданность, в отличие от любви, довольно дёшево покупается страхом, — он

отшвырнул записку и подтянул к глазам блокнот из пещеры. — Умут ас-Сафа — один из немногих, для кого не нужен был страх, кто был предан мне даже без печати на груди...

В его руках кожаная обложка распухла, на торце звякнул замочек, и блокнот раскрылся. Магистр близоруко приблизил его к носу. Страницы зашелестели, а я во все глаза смотрела, как он читал — в этот момент решалась наша судьба.

Рука с блокнотом безвольно опустилась. Магистр прикрыл веки, и шёлковая ткань зашевелилась, как будто под ней перекачивались баллоны.

— Ты принесла мне две вести, одну хуже другой, — наконец, глухо произнёс он. — Последнее дитя золотого дракона мертво. Надежды нет...

— Зачем вам дитя, если Мавла поймал настоящего золотого дракона? — спросила я.

— Мне не нужен взрослый дракон! Посмотри на меня, что ты видишь?! — взревел Магистр. — Говори!

— Э-э... Большого человека?

— Ты видишь, как инъекции вытяжки из хребта дракона могут продлить жизнь на столетия. Но те же самые инъекции заставляют ткани тела мутировать, трансформируют плоть в живое протовещество, и процесс неостановим. Слишком дорогая цена за бессмертие! Мне нужно было дитя, покуда оно еще не умеет менять облик, чтобы вернуть назад моё тело, вернуть Силу... — он вдруг запнулся. — Мавла поймал золотого дракона?

— Я с этого и начала, но вы не слушали! В пустыне мы встретили одного из ваших учеников...

Я рассказала о песчаной сколопендре, о битве с чародеями.

— Перед смертью он признался, что Мавла с братьями ищут дракона, который скрывается в виде кота. Эльф, мой спутник, прекрасный следопыт. Он выследил кота, и мы решили продать его Мавле. Но эльф предал меня! Сегодня утром он обещал, что мы вместе отнесём кота, ведь на закате братья планируют какой-то ритуал, а сам сбежал!

— Ритуал освобождения будет сегодня на закате... Воистину, ценные сведения выпадают из твоей глупой головы помимо твоей воли, — сказал Магистр. — Винтик, сломавший один механизм, пригодится в другом. Следуй за мной.

Волшебная верёвка вновь стягивала грудь. Я шла по коридору рядом с Магистром, который летел над полом на ковре и держал конец в одной из своих ложных рук, ведя меня, как на поводке.

Около полога Магистр схватился за ткань у ворота, оттянул её.

— Они начали ритуал, я чувствую это, — прохрипел он.

Ковёр остановился, а я выглянула за полог. Угадать правильное время для нашего появления было критически важным — по плану Магистр не должен был помешать началу ритуала, но должен был помешать завершению.

Часовых у входа не было, а солнце почти касалось горизонта. Я потянула за верёвку, чтобы сдвинуть летающий ковёр с места, и, как бурлак, потащила мою ношу мимо шатров к ритуальному кругу. Магистр сидел неподвижно, крепко зажмурил глаза на скорбном лице. У шатра Мавлы он пробудился.

— Стой! — как лошади, крикнул он мне. Верёвка исчезла, и он подлетел к краю площадки.

Все чародеи лагеря были в сборе. Они сидели по периметру ритуального круга на коленях на таких же ковриках, как мы добыли в пустыне, и, как один, обернулись к нам, не

переставая хором бормотать заклинания. Посередине площадки над лежащим на боку котом согнулся Мавла. Иорвет, сложив руки на груди, прислонился к одному из четырех камней, в которые были вбиты крюки, и наблюдал. Оружия при нём не было. Цепи, толстые у крюков, постепенно истончались к центру и заканчивались крошечными браслетами на каждой кошачьей лапе. Подняв голову от кота, Мавла заметил Магистра, вскочил и торопливо ударил посохом в центр круга, и в месте удара проскочила голубая искра. Чародей был молод и красив, как аравийский принц и, в отличие от остальных братьев, нарядами напоминающих головорезов, был одет в длинную рубашку-тобу, подхваченную богато украшенным поясом.

— Мой любимый ученик — предатель, и вы пошли за ним? Знаете ли вы, что делают с собаками, кусающими руку благодетеля? — загудел Магистр и обвёл грозным взглядом бормочущих чародеев, сидевших на ковриках. — Так ли вы прилежно учились, посмеив восстать против Учителя, если поспешили слепо довериться незнакомцу с Севера?

Чародеи не двигались и не замолкали, но лица тех, кто был поближе, побелели от страха. Магистр вытолкнул меня вперёд.

— Проверили ли вы его прошлое, его мысли? Не скрывает ли он кого-то, например, обиженную женщину, что скорпионом, во сне забравшимся в ухо, ждёт часа, чтобы ужалить?

Мавла резко обернулся на Иорвета, лицо которого изображало крайнее изумление.

— Что за игру ты ведёшь, эльф? — бархатный голос чародея звучал опаснее бритвы, а на красивом лице появилась нехорошая усмешка.

— Что, не ожидал меня увидеть?! — злобно крикнула я Иорвету.

— На каждого предателя найдётся свой предатель, — Магистр пытался говорить веско, но слова его были едва слышны, и рукой, сжимающей блокнот Умута, он схватился за сердце. Похоже, что начатый ритуал лишил его последних сил, и я испугалась, что он вот-вот потеряет сознание.

Иорвет стремительно прошагал ко мне.

— Зачем ты явилась? — прошипел он.

— Ты обманул меня. Никто не имеет права поступать со мной так! — краем глаза я видела, что Мавла вернулся на свой коврик и не отрывал взгляда от блокнота на груди Магистра.

— Ты волочишься за мной с самого Севера! Когда ты уже от меня отстанешь?! — в ярости закричал Иорвет.

— Никогда! — крикнула я в ответ.

Рука Иорвета поднялась, и он наотмашь вlepил мне пощёчину. Несмотря на то, что она была запланирована, ярость всё равно ударила в голову, и из глаз брызнули вполне натуральные слёзы. Я выбросила Аард, получившийся сильнее, чем я ожидала. Иорвет отлетел к камню, приложился об него головой, сполз и остался неподвижно лежать у подножья. Мавла захохотал и слегка поклонился мне:

— Весьма своевременно. Вижу, что эльф больше не нужен мне, я и сам бы его убил, — звучно сказал он и, продолжая опасно улыбаться, повернулся к Магистру. — А ты опоздал, старик.

Он махнул рукой на круг, который почти целиком накрыла тень от камней, и лишь середину по диаметру пересекала полоса последнего солнечного света. Вокруг кота из искры разрасталась голубоватая сфера, и глаза его светились.

— От Великого Магистра давно осталась лишь жалкая оболочка, почему-то уверенная,

что с ней всё ещё стоит считаться. Только потому, что для ритуала ты нужен живым, я не убил тебя раньше, — сказал Мавла, не спуская глаз со своего учителя, и направил в его сторону светящийся посох. — Ты надулся временем и нашими жизнями, как пиявка, и раз уж ты вылез из своей норы, я не откажу себе в удовольствии сделать твоё ожидание конца не столь приятным.

Я обернулась на Магистра, надеясь, что он даст отпор, но тот хватал ртом воздух и пытался многочисленными руками ослабить повинующуюся Мавле шёлковую ткань, которая всё сильнее стягивалась вокруг шеи и душила его. Вылезающими из орбит глазами Магистр следил за таявшим диском солнца.

— А мы чувствовали себя так каждый день, — с издёвкой сказал Мавла. — Смотри на последний закат, ведь ты так любишь рассветы и закаты...

Кот тем временем рос. Шерсть заблестела, превращаясь в чешую, морда и шея удлинились. Между ковриками чародеев заметались искры и закрутились в хоровод, а сами они, повинувшись резким приказам Мавлы, не вмешивались и продолжали хором читать заклинание. Над драконом развернулась плёнка защитного купола.

Наш план трещал по швам — вместо того, чтобы вмешаться в ритуал, потянуть время, остановить братьев, столь могущественный по рассказам Магистр сдавленно хрипел и задыхался. Как и вокруг ковров чародеев, у его огромного ковра тоже закрутились искры, золотая вышивка начала тлеть, с краю загорелось. Я не понимала, что делать — нестись ли к Иорвету, чтобы сбежать, или пытаться помочь Магистру, лицо которого побагровело и налилось кровью. На меня никто не обращал внимания, и через бесконечный миг сомнений, выхватив ведьмачий нож, я прыгнула на летающий ковёр. Схватила Магистра за ворот и полоснула по ткани, которая с треском разъехалась, освободив ему горло. Мавла снова засмеялся, и из его посоха вылетела кривая молния. Стоя на горящем краю ковра, я сложила усиленный Квен, загородив собой Магистра, молния ударила в шар и, как струя об стену, брызнула в стороны. Кот уже был размером со льва и, привставая на задние лапы, дёргал цепи, которые увеличивались вместе с ним.

Голос Мавлы присоединился к хору. Чародей позабыл о теряющем силу, беспомощном Магистре и жадно следил за трансформацией дракона. С отчаянием Магистр пытался что-то сказать мне, но с его губ срывались лишь хрипы. Руками он показывал на горящий ковёр и шатался на нём из стороны в сторону. Одна из рук ухватила меня и прижала к студенистой груди.

— Помоги, — услышала я и, наконец, поняла, что от меня требуется.

Враскачку я стала пытаться столкнуть Магистра с ковра, но с его необъятной массой это было почти невозможно. Дракон принял свой истинный облик и, раскрыв пасть, изрыгнул огонь, который разбился о магический щит чародеев. Рванулся, и две цепи лопнули по перебитым звеньям, рванул ещё раз и лопнула третья. Захлопав крыльями, он попытался взлететь, но последняя цепь крепко держала его за лапу. Мавла направил в дракона посох. Я раскачивала Магистра, и когда он, словно корабль, накренился, присела и ударила в днище ковра Аардом. Магистр вывалился, как тесто из чана, и в следующий момент одна из его настоящих рук шевельнулась — заклинание Мавлы, летящее в дракона сгустками огня, впиталось в ледяной щит. Голова Магистра бессильно свесилась к земле. Дракон бился на последней цепи, посох Мавлы снова разгорался.

— Иорвет! — заорала я и швырнула рукояткой вперёд в сторону лежащего эльфа меч.

Иорвет сориентировался мгновенно, меч тут же полетел в сторону Мавлы. Руки тогс

взметнулись, и меч, изменив траекторию, скрылся за краем ритуального круга. Последний луч солнца поблёк. Виллентретенмерт, получив секундную передышку, рванул опять, и четвёртую цепь вырвало вместе с крюком из камня. Дракон взмахнул крыльями и, звеня цепями, взмыл в небо. За ним летели сгустки огня следующего заклинания Мавлы, но, не догнав его, растаяли в воздухе. Солнце погасло, и на ковриках под чародеями вспыхнули руны. И пока догорал ковёр Магистра, не стихал крик братьев, катающихся по земле и раздирающих на себе одежды. Рубашка на груди Мавлы горела, и с ненавистью, перекосившей его красивое лицо, он смотрел на Магистра и пытался поднять посох. Но рука его замерла на полпути, он покачнулся и упал ничком. В наступившей тишине испуганно заблеяла овца.

— Болит?

Мы стояли у палатки Мавлы, откуда Иорвет вынес своё оружие, и эльф целовал по краешку моей раскалённой щеки.

— Болит! — воскликнула я.

— Я же сказал «прости», — он поцеловал чуть выше. — А тут?

— И тут болит.

— А где не болит?

— Тут, — я дотронулась до лба, и он, пригладив в сторону выбившиеся из косы волосы, поцеловал над одной бровью, потом над другой. Я прикоснулась пальцем к губам. — И тут...

Спустились тёплые сумерки, и небо было светлее накрытой тенями земли. Магистр лежал неподвижной горой и дышал тяжело, с присвистом. Мы подошли, Иорвет задумчиво рассматривал его, положив руку на рукоять меча.

— Он спас Виллентретенмерта, — сказала я.

— Он спас себя, — ответил Иорвет. — Если бы Мавла успел наложить заклинание на дракона, то довел бы ритуал до конца.

Магистр едва заметно шевельнулся.

— Время, — прошептал он, — это единственное, что у меня осталось. Не забирайте у меня время.

— Зато у нас времени нет, — отрезал Иорвет и вытянул из ножен меч.

— У вас есть молодость — это больше, чем время. Больше, чем мудрость, — тело Магистра заколыхалось, и я с удивлением увидела, что он смеялся. — Глупость обманула мудрость. Вы хотели освободить дракона и обвели всех вокруг пальца. Но мне теперь всё равно. Золотые драконы спариваются раз в сто лет, и следующего золотого дитя мне не дожидаться в том, что осталось от моего тела. Я победил время, но потерял всё остальное. Отнесите меня к Месту Силы, и мир больше не услышит о Великом Магистре Харуне аз-Занджани.

— Нет, — Иорвет поднял меч.

— Нет! — воскликнула я. — Не надо, это неправильно!

— Неправильно оставлять в живых могущественного чародея, который при первой же возможности убьёт и нас, и Виллентретенмента. И ты это прекрасно знаешь!

— Знаю. Но у него не будет такой возможности, — сказала я, смотря на Магистра, лежащего с закрытыми глазами у наших ног.

Иорвет досадливо цокнул языком и втолкнул меч в ножны. Уже в потёмках мы закатали необъятное тело чародея на срезанный полог шатра и, пригнав лошадь, протащили его через

лагерь обратно в пещеру, оставив лежать ничком на Месте Силы.

— Знаешь, почему я уступил тебе? — спросил Йорвет, когда мы вышли из пещеры наружу.

— Почему?

— Я сам не знаю, — ответил он.

Как при оползне в горах, загрохотали камни, и вход в пещеру начал затягиваться и зарастать, и скоро исчез, как будто его и не было. Скала, скрывшая в себе Великого Магистра, со всех сторон стала сплошной.

Лодка вынырнула с изнанки в звёздную ночь, и мы увидели ярко горящий костёр, который маяком светил с острова. Отблески пламени мерцали на безглазой стене сгоревшего дома, пробивались между колонн эльфийской беседки.

— Кот добрался, — сказал Иорвет, выпрыгнул из лодки и подтянул её к ступеням.

Отражение огня плясало в неподвижной воде бассейна, а розы, казалось, замерли при виде кошунственной сцены: там, где сходились ведущие от крыльца дома полукруглые лестницы, прямо на мраморе жарко пылал костёр. С двух сторон к нему были придвинуты переташенные от бассейна кованые скамейки. На одной из них, расслабленно откинув руку на спинку и вытянув ноги на сидении, полулежал человек.

Мы подошли. У кромки бассейна недалеко от костра валялись цепи с массивными, как на слона, браслетами на концах.

— Вот мы и встретились, друзья мои, — сказал человек тем самым голосом, что говорил дракон, и погладил рукой нечто у себя на коленях. Из-под ладони подняла голову и посмотрела на нас блеснувшими в свете пламени глазами крупная полосатая кошка. — Борх по прозвищу Три Галки, ранее известный вам, как Виллентретенмерт, к вашим услугам.

Он ссадил с колен кошку, которая юркнула под скамейку. Я пригнулась и заметила спрятавшихся там котят. Кошка зашипела на меня.

— Коты-драконы? — насмешливо спросил Иорвет.

— К сожалению, просто коты, — улыбнулся Три Галки, — драконы получают только у пары драконов. Но немного драконьей крови не помешает любому виду живых существ. Тем более, что из-за меня котам-рыболовам необходимо восстанавливать популяцию.

Он хитро смотрел на нас живыми чёрными глазами, неуловимо напоминающими глаза Саскии, потом вскочил и пожал руку Иорвету. Борх не был высок, но при этом ощущался крупным, и черты лица у него были крупными и вместе с тем подвижными, и было в нём какое-то необъяснимое очарование. Он пригладил пятернёй взлохмаченные вьющиеся волосы, взял мою руку, галантно склонился, а потом передумал и крепко потряс её. На левом рукаве рыжеватого тонкого кафтана я заметила потёртую вышивку герба — три одинаковые чёрные галки с золотыми клювами и лапками расселись треугольником на некогда белом поле.

— Я позволил себе порыться в ваших вещах, — он показал на костёр, сбоку которого стояли котелки. Вода в одном из них закипала. — Считайте, что некая непосредственность досталась мне в наследство от кота.

Без тени смущения Три Галки протянул руку к моему поясу и достал из ножен ведьмачий нож.

— Я ждал инструмент, — сказал он. — А теперь, принесите-ка мне ещё воды и хвороста, и клянусь, у нас будет ужин, лучше которого я давненько не едал!

Он сунул Иорвету в руки пустой котелок, и начал деловито развязывать мешочки с припасами. Иорвет пожал плечами, и мы направились к озеру. Заодно сняли спрятанные в кроне дуба ценные вещи и с водой и хворостом вернулись к костру. Борх колдовал над котелками и попутно говорил, не переставая, будто восполнял время, проведённое в молчании в шкуре кота.

— Лук! Ешьте побольше лука! Как говаривал один мой знакомый торговец — лук

полезен для пищеварения, для печени, для желудка, для легких, для сердца и мозга, — он подкинул в руке крупную луковицу. — Ишак того торговца питался только сырым луком и ни дня в своей жизни не проболел.

Борх доверительно склонился ко мне, одновременно с этим ловко орудуя ножом.

— Я наведалься в бывший огород Розы. Такое запустение! — он покачал головой. — Бедная девочка, она так хотела быть настоящим человеком...

— Но разве она не была человеком? — спросила я.

Борх улыбнулся.

— Не совсем... Хотя, что значит человек? Не являются ли многие из нас, лишь только с виду похожие на людей, более человечными, чем многие из так называемых людей? — он ссыпал в котелок нарезанный лук, там зашкворчало. — Я гостил у Назара вместе с дочерью, вскоре после рождения Саэсентессис. Старый затворник так проникся идеей отцовства, что немедленно принялся за создание дочери для себя.

Иорвет сидел на скамье, подкладывая время от времени хворост в костёр, и терпеливо слушал, а я удивлённо воззрилась на Борха.

— Да-да, именно так. Дочь моего друга — гомункул. Лучшее творение Назара! Он создал её из побега розы, — он махнул рукой в сторону бассейна. — А вот роль отца удалась Назару не столь хорошо.

Три Галки горделиво задрал прямой породистый нос, чтобы мы ни на секунду не засомневались, кто был лучшим в мире отцом. Я достала из-за пазухи цепочку с драконьей чешуйкой Саскии.

— Послание от твоей дочери. Саския сказала, что ты поможешь нам, если мы покажем тебе амулет, — я протянула цепочку Борху.

— В нём нет нужды. Я знаю вас гораздо лучше, чем вы можете себе представить, — ответил он серьёзно. — Оставь амулет себе. Это ценный подарок — любая броня будет надёжнее, если он находится на твоей груди.

Я вернула ставшую уже привычной тёплую пластину под футболку.

— Мы ищем Исенгрима, — сказал Иорвет и исподлобья посмотрел на Борха.

Тот глянул в ответ пристально и с каким-то непонятным выражением на лице и снял с огня котелок.

— Сначала ужин. Не так уж часто драконы готовят кому-то ужин. По слухам, гораздо чаще драконы готовят ужин из кого-то.

Борх с видимым удовольствием рассмеялся, и на щеках его сложились озорные ямочки и складки, разложил по тарелкам густую кашу из смеси круп с зажаркой из лука и вяленого мяса.

— Еда — простое удовольствие, последнее прибежище для сложных натур, — сказал он, когда мы поели, и подкинул веток в костёр. — Теперь можно перейти к делам. Я хотел бы взглянуть на записи, которые вам передали Хранительницы.

Он протянул руку.

— Где Исенгрим? — с нажимом повторил Иорвет.

Некоторое время эльф с драконом соревновались в твёрдости взглядов, и, наконец, Борх убрал руку.

— Видишь ли, тут есть сложность. Мой друг, Вольф Исенгрим, взял с меня клятву никому не рассказывать о его местонахождении. Это ввергает меня в определённые трудности, потому что я хотел бы помочь вам.

Лицо Иорвета потемнело, а Борх откинулся на спинку скамейки и внимательно его рассматривал.

— И я даже знаю, как эти трудности обойти, — сказал он. — Но для начала мне нужно ознакомиться с записками.

Иорвет достал из кармана стопку листов, сунул их мне в руки, вскочил и зашагал в темноту в сторону озера. Я передала Борху записки и молча вернулась на скамейку напротив. Тот развернулся к огню и погрузился в чтение. Читал он и когда вернулся Иорвет, который сел рядом со мной и неотрывно следил за тем, как Борх, шевеля губами, перекладывал страницы.

— Как обычно, самое ценное на последнем листе, — выдохнув, сказал тот. — Всё ясно.

— Что ясно? — воскликнула я.

— Что я самолично отведу вас к Исенгриму, — сказал Борх и подмигнул, — так я не нарушу клятвы. Но сначала...

— Начинается... — мрачно изрёк Иорвет.

— Сначала мне надо довершить одно небольшое дельце в столице, — невозмутимо продолжил дракон. — Это всё равно по пути, а с вашей помощью я управлюсь быстрее.

Иорвет шумно вздохнул, устало потёр переносицу, опёрся локтями на колени.

— Говори, — процедил он, рассматривая припорошенный пеплом мрамор под ногами.

— Ну и чудно! — обрадовался Борх. — Я знал, что мы столкнемся. Однако не так-то просто придумать, с чего начать...

Он вскочил, заложил большие пальцы рук за широкий кожаный пояс и обратил взор к небу.

— Начинай с конца, — проворчал Иорвет.

— И то правда... — Три Галки взял лист бумаги со скамейки. — Тут написано, что согласно найденным доказательствам детёныш золотого дракона находится в Алтинадире, во дворце царицы Хатун Мелике.

— И что? — спросил Иорвет.

— А сам говорил, начинай с конца! — сердито буркнул Борх. — Где хвост начало, там голова мочало! А начало таково...

Он вернулся на скамью, выпрямился, сложив руки на коленях.

— Четыре года назад я услышал зов, которого не слышал почти сотню лет — зов золотой драконицы. Нас мало. Скажу честно, уже много лет я считал, что из золотых драконов остался я один. Я прилетел на зов в Огненные Горы, Лирменадагт ждала меня. Ну там, то да сё...

Три Галки замолчал и заводил в воздухе руками, будто сплющивал шар теста.

— Драконы не созданы, чтобы долго быть вместе. Я улетел, но обещал вернуться, когда придёт время. Чуть более трёх лет назад она послала мне зов повторно, и я узнал, что у меня появился сын. Ввиду некоторых обстоятельств, я не мог сразу полететь на встречу. По правде сказать, не мог я целых полгода. А когда смог, нашёл пещеру, где встречался с драконицей, пустой. Я облазил все гряды в округе, на зов она не отвечала... Недалеко от тех мест стоит крепость, Шала, и незадолго до этих событий мои девочки отбили её у чародеев.

— Мы в курсе, — оборвал Иорвет. — Ты дал задание Тэе найти дитя.

— Значит, вы знаете почти всё. Немудрено, что Хранительницы ничего не нашли, — он постучал пальцем по отчёту Умута. — Чародеи уничтожили все следы. Каким-то образом они перехватили второй зов... и отыскивали логово драконицы — то, где вылупился мой сын.

Нашли останки трупоедов с сабельными ранами и нашли оброненную подвеску со знаком солнца. Такие носят только женщины из Двенадцати — личной охраны царицы.

— Подвеска могла оказаться там по любой другой причине. Это не значит, что дитя у Хатун Мелике, — сказала я.

Борх покачал головой.

— Царица — могущественная чародейка, она правит Зерриканией почти двести лет. А как я говорил, чародейки имеют особый интерес к золотым драконам. Мы не сошлись с ней во взглядах в прошлом, и я уверен, что она не упустила бы шанс наложить лапу на дитя. Каким-то образом она забрала его у матери... Выкупила? Уговорила? Запугала? Возможно даже, что воительницы из Двенадцати убили Лирменадатт, хотя думать о таком исходе невыносимо — драконы всегда были под защитой зерриканских правителей. В конце концов, мы даже запечатлены на гербе этой страны!

— Не хочешь ли ты сказать, — вкрадчиво заговорил Иорвет, — что желаешь выкрасть дитя у самой царицы? При условии, конечно, что оно у неё и ещё живо. Это и есть твоё небольшое дельце в столице?

— Что мне сразу в тебе понравилось, мой второй эльфийский друг — ты ловишь суть на лету! Дитя всё ещё живо, я чувствую это и в том числе по этой причине так спешу, — Три Галки досадливо хлопнул себя по коленям: — Как же не хватает бочонка пенного эля или даже двух! Нет ничего лучше эля, чтобы смазать с таким скрипом идущие переговоры!

— Но почему ты не можешь сам поговорить с царицей? — спросила я. — Это же Зеррикания, тут поклоняются драконам. Ты всё-таки отец этого дитя.

— Как я уже сказал, у нас с Хатун Мелике старые разногласия. Из человеческих женщин я питаю неодолимую склонность только к Хранительницам, а женщины, и в особенности царицы, не прощают отказов, — Борх передёрнул плечами. — Этот вариант исключён.

Он встал, заглянул под лавку, под которой уже давно никого не было.

— Последнюю ночь перед дорогой я хотел бы провести с моей здешней семьёй, — сказал он и добавил задумчиво: — Расставание, не завершённое должным ритуалом прощания — это рыболовный крючок в сердце, который тянет тебя назад всю жизнь. Увидимся утром.

Борх слегка поклонился и направился в сторону бассейна. Около плотно сплетённых колючих розовых кустов он исчез в одно мгновение, и только высоко поднятый хвост мелькнул в траве.

Иорвет так и сидел неподвижно, опершись на колени предплечьями, и смотрел в прогорающий костёр.

— Завтра осенний эквинокий, первый день Велена, — заговорил он через некоторое время, не отрывая взгляда от переливающихся, то набухающих алым, то гаснущих углей. — Три дня, когда день равен ночи, а мир стоит на пороге между светом и тенью. Время, когда эльфы зажигают огни...

С озера волнами налетала прохлада, тревожила рябью воду бассейна, шелестела листьями по верхам. Осень чувствовалась и в Зеррикании. Год назад в горах под Каэр Морхеном водили хороводы у костров, а потом пошёл снег. Иорвет молчал, и видно было, что мыслями он где-то очень далеко, не здесь.

— Как эльфы празднуют Велен? — спросила я.

— Открывают молодое вино, едят, если найдётся, что поесть, — он усмехнулся. — Велен — порог, а порог — это место, где можно оглянуться назад и где можно смотреть

вперёд. В Велен мы вспоминаем тех, кто ушёл, по кому скучаем — это про прошлое. И признаемся в любви — это про будущее.

Я не обернулась на него, не оторвала взгляда от огня. Мы молчали, а потом он шевельнулся и потянул меня за руку к себе на колени. Я обвила руками его шею, спрятала лицо. За последние несколько дней случилось столько всего — волшебный остров, смерть Рэи, дракон, чародеи, а главное, случился он — Иорвет, что я совершенно забыла о том, что у нас, как обычно, всё ненастоящее, о нашем с ним договоре. Но руки, обнимающие меня, были настоящими, и настоящими были пульсация и биение в ямке над ключицей, которые я чувствовала, прижавшись к нему губами.

— Ты скучаешь по своим? — тихо спросила я.

— Здесь я будто потерялся в безвременье, — ответил он, — а там сейчас идут дожди.

— Розы недостаточно хороши для неё, — сказал Борх, поднявшись с колен. На могиле Рэи россыпью лежали срезанные им у бассейна цветы. — Когда я вернусь сюда, то придумаю что-нибудь получше. Этот остров — прекрасное место, чтобы скрыться от всего мира.

Взрытая земля уплотнилась, осела, и я непонимающе смотрела на могилу, как будто в первый раз её видела. Велен — время оглянуться назад, и я скучала по живой Рэе, по её хохоту и грубому голосу. Сама того не подозревая, зерриканка пустила корни в моё нутро, и этот прямоугольник свежей земли, похожий на грядку, вызывал во мне ярость. За спиной прошелестело, будто взмахнули опахалом.

— Да, роз недостаточно, — сказал Виллентретенмерт, прыжком поднялся в воздух и, расправив крылья, приземлился около трупа костеца. Обернул к нам сияющую золотую морду. — Нужен салют.

Огонь из его пасти жарил гниющее мясо, как напалмом. С шипением повалил чёрный дым. «Прощай, Рэя», — думала я, и тушу охватило пламя, взвившееся до небес.

Когда мы покинули остров и добрались до чародейского лагеря, около трупов уже хозяйничала стая гиен. Почувяв нас, гиены отбежали на безопасное расстояние и ходили кругами, хрипло таякая и выжидая, пока мы уйдём. В загоне блеяли напуганные осиротевшие овцы. Иорвет с Борхом забили нескольких кур, мы вывели из конюшни лошадей и оседлали троих.

— Лошадей заберём с собой, они не в ответе за своих хозяев, — скомандовал Три Галки.

— Овцы тоже не в ответе, но их мы забирать не будем, — сказал Иорвет.

— Я приведу им других хозяев, — ответил Три Галки. — Жизнь песчаников трудна, и отара овец к зиме не будет лишней...

Ветер бил в лицо, далеко позади горел лагерь чародеев. За мчащимся табуном лошадей, как паровозный дым, клубилась степная пыль. Иорвет спешил, пришпоривая вороного жеребца, мимо промелькнули холмики подземной деревни песчаников, и их часовые даже не успели поднести к губам духовые трубки. На всем скаку Борх спрыгнул с седла, в полёте обратился в стрижа и, сделав фигуру высшего пилотажа, взмыл в небо.

Мы меняли лошадей после каждой остановки и неслись дальше. Вечером первого дня Борх объявил, что слишком стар для подобных увеселений и что он будет ждать нас на берегу реки Иргис, правом притоке Алтинина, вдоль которого нам предстояло добраться до

столицы.

— Такими темпами вы будете там через день, — сказал он. — Я найду вас.

Утром он улетел, обратившись птицей, а мы продолжили гонку. Пустыня осталась позади, сухая трава набрала сочности, и во все стороны от горизонта до горизонта расстилалась зелёная степь, по которой ветер гнал, как морскую пену, белоснежные волны из пушистых ковыльных метёлок. Тут и там из ковыля выглядывали и стояли с поникшей головой долговязые фиолетовые цветы шалфея, а днём прогретый воздух одуряюще и терпко пах горькой полынью. От её запаха, от скорости, от скачки, от ветра и, главное, от любви меня штормило и больше всего на свете хотелось, чтобы наше путешествие не заканчивалось никогда. Теперь, когда мы не стояли на месте, а мчались вперёд, хандра Йорвета улетучилась, и на лице всё чаще расцветала та самая улыбка, которая пьянила меня не хуже порции крепкого алкоголя.

К вечеру второго дня на горизонте появились лесистые холмы. Мы встали на ночёвку у островка из вязов, сгрудившихся вокруг родника. Стреноженные лошади паслись неподалёку.

Однажды вспомнив о нашем договоре, я уже не могла забыть о нём. По молчаливому согласию мы не говорили о любви — мы её делали, и, за исключением слов, то, что происходило между нами, на мой взгляд ничем не отличалось от любви. Что договор значил для самого Йорвета, я не понимала и не спрашивала его об этом. Единственное, что я знала точно, что сама я попала безнадёжно, как муха в варенье, но в эйфории путешествия это не печалило и не пугало меня, напротив — мне было мало.

Степные кузнечики оглушительно стрекотали до заката, но как только солнце скрылось в траве, наступила тишина.

— Смешные всё-таки у тебя уши, — сказала я, проводя пальцами по кромке уха эльфа вверх до непривычного угла и вниз, а потом опять вверх.

— Вообще-то у тебя, — засмеялся он.

— Мне нравится, когда ты смеёшься, — я привстала с руки Йорвета, заглянула ему в лицо.

— А мне ты нравишься, — он опять улыбнулся.

— Смотри не влюбись! — пошутила я прежде, чем успела подумать.

— Я держу себя в руках, — сказал он и притянул меня к груди.

— Очень хорошо, — ответила я, выкидывая размышления о сложных материях из головы. — Дай и мне подержать...

С высокого лесистого правого берега открывался вид на извилистую, слепящую холодными искрами реку. Ниже по течению, там, где река вкатывалась на повороте в обрыв, берег уходил высоченной горой наверх, а потом река изгибалась в другую сторону, и над излучиной поднимался дым костров. Лес шелестел на ветру, и в его шёпот вплетались разнотонные гудящие звуки, будто кто-то дул в горлышки бутылок. Я долго не могла понять источник этих звуков, пока не заметила, что их издавали встречающиеся между вязами и густым орешником тонкие и прямые, как струна, деревья с узкими ланцетными листьями и гладкими стволами, на которых кое-где встречались круглые, как у флейты, отверстия. На стук палкой ствол отозвался звонко, словно был полым, а медальон предупреждающе дрогнул.

Йорвет выбрал место для стоянки на поляне у подножья горы, рассудив, что гора скроет

дым нашего костра от раскинувшегося ниже по течению лагеря. Судя по всему, там остановилось кочевое племя: на левом берегу, низком и травянистом, паслось бесконечное стадо буйволов.

Мы опять вышли на берег. Расстелив на земле карту, я пыталась сопоставить изгибы реки, чтобы понять наше местоположение, а Иорвет вглядывался в небо.

— Летит, — наконец, сказал он.

С вышины сужающимися кругами спланировал на распростёртых крыльях гигантский беркут, сияя золотистыми перьями на хвосте. Я усмехнулась — Борх не упускал случая произвести эффект своим появлением. Через миг он уже стоял рядом с нами, обратившись, как обычно, мгновенно, неуловимо для глаз.

— Я ожидал вас к закату, но вы превзошли мои ожидания, — сказал он, отряхивая кафтан.

— Меня мучает вопрос... — сказала я, повернувшись к нему. — Откуда берётся одежда, когда ты превращаешься?

Он рассмеялся было, а потом осёкся и застыл с озадаченным выражением на лице:

— Никогда не думал об этом. Одежда появляется сама и именно та, которая мне нужна, — ответил он и сердито добавил: — Но теперь, когда ты спросила, я буду об этом думать, и кто знает, что за одежда появится на мне в следующий раз!

Борх подошёл к обрыву и вместе с Иорветом стал оглядывать местность.

— Шийенны, кочевники, — он показал на становище ниже по течению. — В переводе с зерриканского их племя зовётся люди-буйволы. Каждый год в дни осеннего равноденствия они обосновываются тут на великий праздник поклонения огню и осенних свадеб. Какая удача, что мы успели добраться сюда именно сейчас! Нынче никто уж не празднует приход осени так страстно, так по-животному неистово и искренне, как эти огнепоклонники. Я покажу вам Зерриканию во всей красе! Нам надо перенести лагерь поближе к ним.

— Огнепоклонники... — протянул Иорвет. — Мы останемся тут.

— Но как же так?! — Борх опешил. — Танцы, бубны, еда! Буйвол, фаршированный барашком, который фарширован курицей, а та в свою очередь яйцом...

— А внутри яйца иголка? — съязвил Иорвет. — Мы уже были почётными гостями на празднике огнепоклонников из Зеррикании, нам хватило...

— Вот она! — воскликнула я, найдя, наконец, нашу излучину на карте. — Тут даже гора эта подписана, только я не могу прочесть название.

— Там написано Алханни — гора поющего леса, — сказал Борх. — Я же не просто так назначил тут встречу — хотел показать вам красивейшие места нашей страны. Четыре раза в год духи леса поют...

— Мы слышали, — встряла я. — Они гудят.

— Да нет же! Они поют! — досадливо воскликнул Борх. — По ночам. В дни равноденствий и солнцестояний духи поют влюблённым, если чувствуют между ними настоящую любовь. Именно поэтому люди-буйволы приходят в эти леса праздновать свадьбы. А вы хотите пропустить такое зрелище... Даже когда спешишь по делу, не стоит пренебрегать шансом осмотреться вокруг. Эх...

Он разочарованно махнул рукой и направился к нашей стоянке. Мы с Иорветом занялись лошадьми, а Борх сидел у костра, то и дело с надеждой поглядывая на нас. Через некоторое время, окончательно убедившись, что Иорвет не передумает, он поднялся.

— Я всё-таки схожу на праздник, — решительно сказал он. — Я просто обязан увидеть

этого буйвола на вертеле!

Явно предпочитая полёты пешим прогулкам, он обернулся лесной пичугой и упорхнул. Мы закончили с лошадьми и уселись к костру. Ветер стих, и гудение деревьев едва слышалось, будто где-то далеко кто-то брал аккорды на органе. Со стороны реки приносило всплески рыб. Мы болтали об обыденном, которое в этом волшебном мире казалось чем-то вроде роскоши, доступной лишь избранным. Потом Иорвет вспоминал, как он собирал скоя'таэлей после Второй Северной Войны, рассказал, как в его отряде появились Мона с Роэлем, как белки осели в лесах под Флотзамом.

— А что стало с Лоредо после того, как фактория перешла к Каэдвену? — спросила я. — Неужели этот гад так и сидит в комендантах?

Иорвет едва заметно улыбнулся.

— Висит, — ответил он. — Вернее, висел, вместе с товарищами, список которых передал мне Геральт.

— Но как же тебе удалось это проверить? — воскликнула я. — Белки же ушли из-под Флотзама, нелюдей выгнали из города.

— Скоя'таэли и мирные жители ушли, а бордель Гарвены остался. Лоредо сильно просчитался, когда думал, что в военном городе сохранит своё влияние, — Иорвет усмехнулся. — А вот Гарвена своё только упрочила. Один из каэдвенских сержантов нашёл в борделе якобы оброненные Лоредо письма к реданцам, и через несколько дней военный трибунал приговорил коменданта с сообщниками к повешению за шпионаж. Вот и вся история.

— И ты тут совершенно ни при чём? — я прищурилась.

— Совершенно ни при чём, — кивнул Иорвет. — Лишь немного помог с формулировками писем...

Борх вернулся незадолго до полуночи весёлый и навеселе.

— Скажу я вам, что вы многое потеряли! — заявил он. — Глотание огня, танцевальные поединки, ритуальное сожжение...

Увидев, что Иорвет поморщился, он быстро добавил:

— Старой одежды и всякой рухляди. Весьма благоразумно для избавления от блох. А потом молодёжь ушла к реке, и что это было за зрелище! Шествие с факелами! В лагере остались одни старики, и я решил вернуться. В вашей компании я тоже ощущаю себя навроде как среди старцев, но вы хотя бы выглядите помоложе.

Я рассмеялась, и Борх, оттаяв, одобрительно посмотрел на меня.

— Юноши и девушки будут пускать по реке зажжённые шалаши, как символ будущего счастья в доме. С горы зрелище будет великолепным.

С невинным видом он возвёл очи к небу и продолжил, словно разговаривал сам с собой:

— По дороге обратно я видел, что светляки начали свой последний танец, завтра они забьются под землю на зимовку. Сегодняшняя ночь — последний шанс их увидеть. А на горе их, должно быть, видимо-невидимо.

Я умоляюще взглянула на Иорвета.

— Ты хочешь пойти? — хмуро спросил он, решившись, вероятно, не из-за того, что хотел посмотреть на чудеса, а потому что на горе не будет Борха и его болтовни.

— Идите-идите, я посторожу, — напутствовал нас Три Галки и, замурлыкав что-то под нос, развернулся к костру.

Мы отправились вверх по склону, и когда свет костра затерялся между деревьями, в темноте стали видны огоньки светлячков, разлетающихся из потревоженной нами травы. Поющих деревьев становилось всё больше, и на вершине горы вокруг круглой площадки на краю обрыва остались только они и гудели тихим многоголосьем, а между стволов мерцали неоновые жёлто-зелёные облака светлячков.

Я села на краю обрыва. От лагеря кочевников сквозь чёрный лес в сторону реки стекал извилистый огненный ручей из факелов и разливался полосой вдоль берега. А по воде, медленно удлиняясь и растягиваясь вниз по течению, уплывала флотилия горящих корабликов. Иорвет присел рядом, и мы смотрели на огни.

Ровное гудение деревьев расслоилось, и в басах вдруг стал проявляться ритм, а верхние ноты стали складываться в мелодию. Она казалась знакомой, будто я слышала её в нашем мире, и отдалённо напоминала вальс, хотя, насколько я помнила, никаких вальсов в средневековье ещё не существовало. Однако «раз-два-три, раз-два-три» в ритме слышалось всё явственнее, а мелодия набирала силу.

— Странно, что мы слышим музыку, — сказал, оглядевшись по сторонам, Иорвет.

— Внизу свадьбы, ничего странного, — ответила я, думая о том, что подлый лес своим пением выдавал меня Иорвету с потрохами.

Но не заслушаться было невозможно. Мелодия уже лилась полноводной рекой, приглашала, звала.

— Потанцуй со мной, — я посмотрела на Иорвета.

— Балы — это совсем не про нас с тобой, — тихо сказал он.

— Ну да, — я развернулась обратно к огням на реке. — Про нас — это кровь, котелки и дорожная пыль.

— Это гораздо больше, — ответил он и встал.

Мне не хотелось уходить, и я продолжала смотреть на реку внизу и слушала музыку.

— Яна, — негромко позвал он.

Обернувшись, я поняла, что он стоял всё это время, протянув мне руку. Я вложила ладонь в его, представив, как это могла бы сделать дама на балу, а он склонил голову, как будто был галантным кавалером. «Раз-два-три, раз-два-три», — вёл лес, и мы, поплутав в ногах и рассмеявшись, подстроились под мелодию и закружили по бальному залу на обрыве горы. Лесные духи пели, светлячки танцевали вокруг, и зерриканские звёзды вертелись и подмигивали в последние минуты последней ночи осеннего равноденствия — на пороге. На том месте, где можно оглянуться в прошлое, а можно смотреть в будущее, на том месте, где начинаются и заканчиваются все пути.

АЛТИНАДИР. Заговорщики

Поднятая тысячами ног жёлтая пыль толстым слоем осела на сапогах, впиталась в ткань одежды и поры кожи. Шаг за шагом мы продвигались в толпе, направляющейся к южным воротам Алтинадира. Гвалт, крики, скрип тележных осей, бляение и ржание оглушали, тяжёлый запах тел, навоза и специй висел в воздухе, а зудящие от пыли глаза слепило от белоснежных городских стен и сияющих в полуденном солнце золотых крыш сторожевых башен.

Дорога отклонилась от широко разлившегося, дарящего речную прохладу Алтинина и шла в гору, на которой до самых стен не давало тени ни единого деревца.

— Осторожней, любезнейший! — Борх развернул и направил в сторону согнувшегося под мешком торговца, который крутился на месте, толкая народ, и звал затерявшихся в толпе попутчиков.

— На лошади было бы удобнее, — проворчала я под нос — утром Три Галки продал всех наших лошадей перекупщику в караван-сараяе. После ночёвки в переполненном путешественниками бараке на деревянных нарах с сумкой под головой и в обнимку с оружием тело ломило, а настроение было отвратительным.

— На лошадь должен быть документ, а у вас его нет, — терпеливо повторил Борх.

Я перевесила сумку со спины на грудь и перепроверила, что в кармане лежит разрешение от Хранительниц и бумага о принадлежности на Йорвета. Сам эльф, сохраняя непроницаемое выражение на лице, шёл рядом и время от времени выставлял в сторону руку и отталкивал особенно напивавших товарищей. Чуть дальше вышагивали гружёные верблюды, а за ними виднелась примечательная группа из трёх гигантов в одежде, сшитой из шкур мехом наружу. Светло-соломенные, почти белые волосы каждого из них были собраны в косу, идущую по середине бритой с боков головы и спускающуюся ниже пояса, а лица были прекрасны, как у молодых скандинавских богов или богинь — я не смогла разобрать, были ли они юношами, либо атлетически сложенными девушками.

— Иликане, — шепнул мне на ухо Три Галки. — Племя с Драконовых гор. Они андрогины — каждый из них является женщиной и мужчиной одновременно. Везут котят снежных пантер... Давай-ка проберёмся поближе.

Борх заработал локтями, и мы с ним протиснулись к телеге, на которой за прутьями деревянной клетки спали огромные, каждый размером со взрослую овцу, белоснежные котята с длинной шелковистой шерстью, круглыми ушами и пушистыми хвостами. Ближайший к нам иликанин что-то гневно выкрикнул, отгоняя облепивших телегу зевак, и мы вернулись к Йорвету.

— У тебя ещё будет шанс познакомиться со снежными пантерами, — загадочно сказал Борх. — Богатые господа используют их для охраны поместий, и клянусь, нельзя найти стражей свирепее и беспощаднее.

Я с возмущением посмотрела на него, и в этот момент затрубили рога, толпа заволновалась и начала тесниться на обочину, освобождая проезд. Мы очутились в первых рядах, и теперь пустая дорога, окружённая путниками, просматривалась до самых городских ворот. Оттуда показались конные воительницы, и их кольчуги сверкали золотом ярче, чем у королевы воинов Зены. Те, что ехали по бокам, предупреждая держали наготове хлысты.

— Хатун-бенту, или «Дочери Хатун», — пояснил Борх. — Хранительницы долгие годы

обучаются в школе Юнтай, а Дочери — в школе Мадрахатун, чтобы потом верой и правдой служить царице.

Процессия приближалась, и за лошадьми стало видно, что Дочери сопровождают группу закованных в колодки бритых налысо мужчин, устало волочащих босые ноги по пыльной земле. У некоторых из них были характерные для монголоидной расы разрез глаз и черты лица.

— Ведут пленных на обмен в ставку хакландцев, — прокомментировал Борх. — Пожалуй, мне пора, Хатун-бенту могут меня узнать, а я не хочу, чтобы царица была в курсе, что я прибыл в столицу.

Он повернулся к нам с Йорветом.

— Встретимся в городе. Найдите на центральном рынке торговца коврами... — он поманил пальцем и зашептал инструкции, приблизив губы к нашим ушам, а потом добавил: — Он проведёт вас ко мне.

Борх скрылся за спинами и затерялся в толпе. Щёлкнул хлыст, и толпа отпрянула — конвой проезжал мимо. Волосы Дочерей, как и у Хранительниц, были собраны в высокие хвосты, схваченные у головы золочёными цилиндрами, а лицам придавала зловещий вид татуировка — покрашенные чёрным губы и идущий ото рта вниз по подбородку узор из завитков. На миг цепкий взгляд одной из них задержался на мне, толпа зашевелилась, сомкнулась и понесла нас дальше ко входу в город.

— Что это? — с сильным акцентом спросил колоссального размера стражник у ворот, вытянув толстыми пальцами из моей сумки куртку из шкуры виверны.

Стражники стояли цепью, проверяя всех входящих в город, а сверху со стен за ними наблюдали две воительницы из Хатун-бенту.

К доспехам присоединилось нижнее бельё.

— Что это?

— Одежда, — отвечала я, показывая на футболку.

Сумка Йорвета, как и наше оружие, не заинтересовали стражника, и после того, как он общупал одежду, прочитал разрешение от Хранительниц и дотошно сверил имена в документе о принадлежности с гравировкой на кольце Йорвета, его вниманием завладели пузырьки с эликсирами.

— Что это? — грозно спросил он.

— Лекарства, для личного употребления, — ответила я.

— Рецепт от алхимика есть?

— Это по рецепту моей бабушки.

— Должен быть рецепт.

Мы препирались некоторое время, и стражник начал терять терпение. Йорвет занервничал. Сзади напирала очередь. Я сложила пальцами Аксий, незаметно направив его в грудь въедливого досмотрщика.

— Рецепт есть, вы его уже посмотрели, — подобострастно сказала я и быстро принялась закидывать пузырьки в сумку.

— Проходите! — потеряв к нам интерес, гаркнул он и открыл мешок следующего за нами нильфгаардского купца. — Что это?

После тишины и безлюдности пустыни и даже после оживлённой касбы Шала Алтинадир казался стремительным шумным водоворотом, бурлящим котлом из всех рас, которые взболтались и перемешались в зерриканский коктейль, каким-то образом

совершенно не подверженный расовой ненависти. Помимо людей всех национальностей, тут встречались низкорослые коренастые жители, похожие на безбородых краснолюдов Севера, встречались тиллики, встречались крохотные изящные смуглые люди, ростом не выше моего пояса, и встречались такие гиганты, как иликане, а пару раз я видела существ, напомнивших легендарных вымерших вранов. Вот только эльфов не встретилось ни одного. Наша инакость никого не волновала, и если мы спрашивали дорогу к центральному рынку, то только незнание языка могло помешать существу, зачастую лишь отдалённо напоминающему человека, ответить нам.

Скоро я окончательно перестала соображать что-либо и бежала за Йорветом, который методично выхватывал из толпы очередного респондента и узнавал дорогу к рынку. Мы сворачивали в улочки, переходили по мосткам мутные ручьи, упирались в тупики и возвращались к оживлённым улицам. Глиняные дома становились всё выше и скоро перешли в белокаменные. Ближе к центру крыши домов красили в жёлтый, и стали попадаться дворцы с золочёной черепицей и с сияющими статуями драконов по обе стороны крыльца.

Нужного нам торговца коврами мы нашли почти сразу, что было чудом на рынке размером с город внутри города. Сморщенный миниатюрный человечек с вислыми длинными усами, вероятно, дальний родственник гномов с Севера, сидел в тени навеса в окружении ковров, циновок и гобеленов с изображёнными на них вивернами, ослизгами, вилохвостами и драконами всех видов.

— Каждому дому нужен дракон, — произнёс торговец, оценив нас взглядом, поспешил палец и перевернул страницу книги, которую держал на коленях.

— Мы ищем золотого дракона, — сказал Йорвет.

Старик вскочил и начал откидывать ковры в сторону.

— Шерстяные верблюжки от албохейрских ткачей — дорого, но выбор на века. А вот ковры с шёлковой нитью — посмотрите, как притягательно переливается вышивка. Сизалевый половик — для тех, кто стеснён в средствах, но не стеснён в запросах...

— А есть с драконом, но без крыльев? — перебила я торговца.

Он выпустил из рук ярко-синий ковёр.

— Найдём, — ответил он. — Прошу за мной.

Торговец огляделся по сторонам и повёл нас в глубь лавки. Около ворсистого ковра, закрывающего дальнюю стену, он обернулся:

— Без крыльев невозможно летать, — сказал он.

— Без крыльев возможно падать, — произнёс Йорвет вторую часть пароля, и старик с поклоном отвернул край ковра.

На каменной винтовой лестнице было темно, и снизу тянуло откуда-то знакомым смолистым, тяжёлым, слегка горьковатым запахом. Йорвет выругался, и я вспомнила, что именно этот запах преследовал нас по коридорам после того, как мы подожгли афиум в пещере на перевале. Колодец с лестницей вывел в выложенную камнем галерею, освещённую редкими факелами, посередине которой в широком жёлобе текла подземная река. Вонь нечистот не было слышно, и запах афиума почти растворился в веющей от реки холодной свежей влаге. Вода в свете факелов казалась прозрачной, мы шли по течению вдоль потока и перепрыгивали через уходившие вбок в сводчатые проходы желоба поменьше.

— Я чувствую Борха, — сказала я и свернула в один из таких проходов, пол в котором

был сухим. Иорвет, пригнувшись, следовал за мной.

Безлюдный зал, куда мы попали, украшали красные балдахины с кистями, и под каждым располагался окружённый диванами стол. У дальнего стола в сторону откинулся полог, и Три Галки приветственно замахал нам рукой.

— Я порядком проголодался, пока ждал вас, — сообщил он и крикнул: — Алим!

— Это притон, — процедил Иорвет.

— Нет, друг мой, это — заведение с прекрасной кухней, правда, только для своих, — ответил Борх. — А притон дальше по коридору.

Он мотнул головой на неприметную деревянную дверь в дальнем конце зала. К нам подошёл пожилой мужчина, выглядевший близнецом торговца коврами, с достоинством склонил голову и выслушал длинную тираду на зерриканском, которую Борх произнёс, причмокивая губами и закатывая глаза. После Алим исчез, дверь в притон отворилась, пахнуло парами афиума, и оттуда вышел и скрылся в выходе в коллектор мужчина в богатых ниспадающих одеждах, сопровождаемый полуобнажённым слугой.

— Верхний подземный город — белая кость преступного мира Алтинадира, — произнёс Борх и поднял указательный палец. — Весьма полезно иметь связи в этом мире, и скоро вы узнаете, с какой целью мы встретились именно здесь.

— Почему город Верхний? — спросила я. — Есть и Нижний?

— Всё верно, — ответил Борх. — Водостоки Верхнего города снабжают Алтинадир чистой питьевой водой, а водостоки Нижнего отводят нечистоты. В Верхнем совершаются дела, на которые закрывают глаза местные бонзы — только что мы видели господина начальника над налоговыми поступлениями в казну столицы. Развлечения на любой вкус: курение афиума, шлюхи любой расы и пола, подделка документов: о принадлежности и о вдовстве, например, как выправил себе ваш друг Исенгрим, правда, не здесь, а ещё в Шале.

Усмехнувшись, Иорвет посмотрел на своё кольцо. Хозяин подземного ресторана поставил на стол мятный чай, по которому я уже успела соскучиться, и плоски с мёдом.

— Зерриканское вино откупорим, когда дело будет сделано, — сказал Борх, разливая чай. — На чём я остановился? В Нижнем городе даже я при моих-то связях не был никогда. И только ваше воображение может подсказать, что за дела творятся там и что за чудовища обитают во мраке подземелий и смраде нечистот.

На столе появилась еда — конвертики, завёрнутые в виноградные листья, кусочки рыбы в соусе с полосками овощей, тонко нарезанное мясо, пиалы с рисом и полупрозрачные лепешки. Вскоре на столе не осталось места, а хозяин всё подносил новые блюда и ставил одни тарелки на края других.

— Люблю этот город, — сказал Борх. — Он никогда не спит.

— Ты говорил об Исенгриме, о документах, — сказал Иорвет. — Как ты познакомился с ним?

— Пустыня, — ответил Борх. — Место, где нет никого и где случаются судьбоносные встречи. Я летел по делам и увидел двух заплутавших путников, уже потерявших надежду. Одним из них был эльф, второй — следопыт, навыки которого не помогли ему найти воду. Я отнёс их к оазису, а потом мы вместе дошли до Алтинадира. Мы сидели в чайхане и слушали ашиков, когда следопыт, Бореас Мун, затосковал от их песен и решил отправиться в Хатчадор, чтобы посвятить себя партизанской войне.

— А Исенгрим? — спросила я.

— Ему было всё равно, куда идти. Больше года мы путешествовали вдвоём и пережили

немало приключений, пока он не нашёл место, где захотел остаться.

— Там должны быть горы, — задумчиво сказал Иорвет. — И должна быть река с быстрым течением.

— Я не пророню больше ни слова, мой друг! — воскликнул Борх. — Ты слишком проницателен. К слову сказать, мы с Исенгримом как-то гостили несколько дней у Назара на острове. Вероятно, именно тогда его помощник и увидел нас вдвоём. Я-то его даже и не запомнил.

Трапеза подошла к концу, и Борх попросил у Алима чернильницу и бумагу.

— Приступим, место для такого рода делишек тут подходящее, — сказал он. — Сейчас мы встретимся с моим информатором — несколько лет он был наложником самой Хатун Мелике, пока его не поймали за употреблением афиума.

Повинуясь его сигналу, Алим исчез за дверь в курильню и через некоторое время вернулся в сопровождении высокого измождённого мужчины. Видно было, что некогда тот был невероятно красив, но теперь жёлтая кожа плотно облегла череп, а одежда болталась на теле, как на пугале.

— Три тысячи дирхамов, — сказал он сиплым голосом и осел на диване. — Я уже задолжал Алиму пару сотен и на меньшее не согласен. Он и так с той недели подкладывает мне в трубку верблюжье дерьмо вместо афиума.

Борх поднял на стол увесистый кожаный мешок.

— Этого хватит, чтобы провести в курильне всю твою жизнь, Сагато, — сказал он.

— С тех пор, как меня изгнали из дворца, большего от жизни мне не нужно, — ответил тот.

— Ну что же, это твой выбор, — Борх расправил бумагу и нарисовал большую окружность, а внутри неё другую. — Царская резиденция делится на две зоны. Вот эта, внешняя — с дворцами для работы и церемоний, а внутренняя — частная, запретная. Никто, кроме личной охраны царицы — Двенадцати, и проживающих там постоянно слуг, наложников и наложниц не может попасть в запретную часть. Поверху её стену патрулируют Дочери, но из-за особой конструкции хода даже они не могут заглянуть внутрь.

— С некоторых пор наложники и слуги тоже не имеют права покидать пределы своего дворца и территории вокруг него, — заговорил Сагато. — Во дворец царицы в глубине сада могут пройти только женщины из Двенадцати. Хатун Мелике оставила при себе единственную старуху-служанку, и та не высовывает носа дальше своего флигеля и дворца госпожи.

— С каких это пор? — заинтересовался Борх.

— Года три уж как, — ответил тот. — С тех пор, как в личном дворце Хатун сделали ремонт и пристроили дополнительную печь, а вокруг её сада завернули ручей. Под страхом смерти нам запретили приближаться к ручью.

— Вот как? А почему? — Борх потёр руки и многозначительно посмотрел на нас с Иорветом.

— Царица пожелала иметь пространство для одиночества, так сказали нам. Среди наложников ходили разные домыслы, но никто не рискнул послушаться и проверить. Царица сама приходила в наш дворец, когда ей было угодно. Её любовь не иссякла, и для нас этого было достаточно.

— Но ты ведь выходил за пределы сада наложников, не так ли? — спросил Борх.

— Змей внутри меня сильнее, чем я. Мой брат добывал мне афиум и сбрасывал со

стены, забравшись на неё и улучив момент между патрулями. Но ко дворцу царицы я не приближался никогда, — он сцепил костлявые пальцы и воскликнул: — Дайте клятву, что не причините ей вреда! Нет в мире существа добрее и великодушнее царицы. Кабы не она, девы из Двенадцати забили бы меня палками до смерти, и если бы я и хотел кому-то отомстить, так только им.

— Не волнуйся, Сагато, — успокаивающе произнес Борх, — клянусь драконом, что царица никак не пострадает. Однако в своих путешествиях к стене ты должен был встретиться со снежными пантерами...

— Это тайна, которую поверил мне наложник из иликан. Снежные пантеры теряют волю от запаха мускуса, получаемого из желёз редкого вида степных хакландских кошек.

Он запустил руку в карман рубахи и достал пузырёк тёмного стекла.

— Мой последний запас. До недавнего времени я не оставлял надежду пробраться туда и снова хоть одним глазком взглянуть на мою госпожу... Но теперь уже слишком поздно, сон богов ждёт меня.

Нетвёрдой рукой он водил пляшущим пером по бумаге и вырисовывал расположение зданий в запретных владениях царицы — дворец наложников в центре, дома для прислуги и, в стороне, опоясанный ручьём дворец самой Хатун Мелике. На изгибе стены в противоположном от него углу сада поставил крестик.

— Перебраться через стену лучше всего тут, — перо царапнуло бумагу, выпустив кляксу, и выпало из руки Сагато. Лицо покрылось испариной, и он прошептал: — Мне пора, оставьте меня в покое...

Он встал, пошатнулся, опёрся руками о стол и застыл сгорбившись, тяжело дыша и глядя чёрными от расширенных зрачков глазами в пол. За его спиной возник Алим, приобнял за плечи и, не забыв прихватить мешок с монетами, повёл бывшего наложника в сторону курильни.

— Что я говорил? — торжествующе сказал Борх. — Царица поселила к себе во дворец моего сына!

— Не понимаю, зачем тебе нужны мы, — сказала я, развернувшись от плана к Борху. — Почему ты не можешь обернуться птицей, залететь во дворец, обернуться кем-то ещё и унести дитя?

Борх покачал головой.

— Хатун Мелике, как и воительницы из Двенадцати, почувствуют меня, как и любого дракона. А они не должны узнать, кто забрал дитя. Я донесу вас до стены, — он ткнул пальцем в крестик, — а ваша способность переходить в другой мир поможет вам добраться до дитя.

Иорвет мрачно смотрел на закрывшуюся за Сагато дверь. Потом перевёл взгляд на план дворца и подвинул его к себе.

— Какого размера трёхлетний дракон?

— Ещё невелик и вполне поместится в твою сумку, — ответил Борх. — На сегодня довольно. Я снял комнаты в гостевом доме неподалёку от рынка. Хороший сон не повредит всем нам, а завтра обсудим детали и подготовимся.

С балкона верхнего этажа дворца, который Борх скромно назвал гостевым домом, виднелось море вспыхивающих в закате золочёных крыш, и это золото стекало широкой дорожкой на реку и просвечивало сквозь косые паруса трехмачтовых шеек, сгрудившихся в

порту.

— Золото приносит в жизнь счастье, когда закрывает низшие потребности и только до той поры, — сказал Борх, с наслаждением оглядывая панораму города. — Но оно же уменьшает счастье, когда приносит в головы ценности ненастоящие.

— Все драконы богаты? — спросила я.

— Золотые драконы и есть само золото... Воплощение мечты. Каждый чего-то да хочет от золотого дракона — будь то богатство, власть, либо исполнение желаний. Да только не понимают, что на самом деле они хотят чего-то совершенно иного, чего не может дать ни один дракон... Поэтому так ценно встретить существ, которые не хотят от дракона ничего.

— А чего хотят сами золотые драконы? — спросил Иорвет.

Он облокотился на каменные перила и следил за птицами, кружащими в оранжевом небе.

— Умеете же вы, дорогуши, спросить то, чего никто не спрашивал! — воскликнул Три Галки. — Драконы должны хранить Баланс Порядка и Хаоса, а чего я хочу, уж и не помню... Сейчас мой долг — воссоединиться с сыном, и всё остальное неважно.

Он ушел с балкона в просторную, обрамлённую мраморными колоннами гостиную и развернулся к нам.

— Отдыхайте, завтра будет хлопотный день, не говоря уж о ночи.

Борх скрылся за дверью в свои апартаменты. К нам вошла вереница слуг, которые внесли фрукты, кальян, стопки одежды и полотенец, и один из них знаками показал, куда нам надлежало сложить грязную одежду, а другие наполнили горячей водой ванну на нашей половине этого средневекового пентхауса.

— Ну что же, это именно то, чего я желала после долгой дороги, — сказала я по завершении всех водных процедур, расчесав, наконец, волосы и облачившись в скользкую шёлковую тобу.

Иорвет обошёлся полотенцем, которое повязал вокруг бёдер.

— Не слишком-то великое желание, — насмешливо сказал он, устроившись на диване и выпуская в воздух дым кальяна.

— Я — простая ведьмачка, — улыбнулась я и развалилась на подушках рядом с ним.

— И чего же ты хочешь действительно важного, простая ведьмачка?

— Тебя, — не раздумывая, ответила я и положила руку ему на живот.

— Ты всегда смеёшься...

— Нет, не смеюсь, но и думать о важном сейчас не хочу, — сказала я. — А чего хочешь ты?

— В отличие от тебя и дракона я точно знаю, чего хочу.

— Например?

— Например... — его лицо стало серьёзным. — Я хочу, чтобы ты разговаривала со мной на моём языке, на Старшей Речи.

— Это я могу, — рассмеялась я.

Иорвет приподнял бровь. Набрав воздух в лёгкие, я выпалила все ругательства на Старшей Речи, которые запомнила за время наших странствий. Он придвинулся поближе.

— Мне нравится, продолжай, — его рука скользнула под мою спину.

— Я сдала экзамен?

— Neén, het ess neén belan'greac a'taeghane.

Нет, но это сейчас неважно

— Что? — не поняла я.

— Это не важно.

— Ты тоже смеёшься и не говоришь о том, что важно, — сказала я. — Никто не говорит

— ни драконы, ни эльфы.

— Ни люди.

— Никто, — согласилась я, и мы занялись тем, что было в этот миг действительно важным.

Проснувшись я от тихого шелеста, и долго лежала, всматриваясь в тёмный потолок, и слушала дождь, который постукивал по металлу крыши. Иорвета рядом не было, а дверь на балкон была открыта, и занавески пузырями выгнулись наружу. Во фляге было пусто, цепочка с камнем звякнули на дне, и я пошла в гостиную за водой. Из-за двери Борха доносился раскатистый храп, и на цыпочках я вернулась в нашу спальню.

— Ты не спишь? — Иорвет сидел на балконе, поджав под себя ноги.

Пахло прибитой дождём пылью, а морось, висящая в воздухе, превратила огни города, который никогда не спит, в расплывшиеся пятна.

— Проснувшись от дождя, — ответила я и села рядом.

— А я не смог заснуть, — сказал он. — Это завтрашнее дело...

Он замолк.

— Честно говоря, оно мне не нравится, — кивнула я. — Что-то с ним не так.

— Да, — ответил он. — От него смердит за версту.

— Но у нас нет выбора?

— Выбор есть всегда, — сказал Иорвет. — Но времени отказаться от него и искать Исенгрима самим у нас нет.

— Времени нет... — повторила я и подумала о том, как давно не возвращалась в мой мир. Воспоминание о нём ускользало, как о сне, приснившемся когда-то прежде.

— Прошло четыре года, как Исенгрим покинул Север, и я не знаю, что за незнакомца встречу вместо него, — сказал Иорвет.

— Конец путешествия близок, — сказала я. — И если нас не растерзают снежные пантеры и не изрубят в фарш стражницы из Двенадцати, то через день ты узнаешь.

— Это так, — помедлив, сказал он. Его кожа, покрытая каплями дождя, блестела в тёмно-синей ночи. — Я должен попросить тебя кое о чём.

Я кивнула.

— Исенгрим не должен узнать о наших отношениях.

— У нас же нет отношений, — помолчав, сказала я.

— Да... То есть, нет. Есть, но не те — мы друзья.

— Которые занимаются любовью.

— Да.

— Вообще никаких отношений, — подтвердила я.

— Да, — начав раздражаться, сказал он. — Поэтому Исенгрим ничего не должен узнать о наших не-отношениях. Это слишком большой риск. В лучшем случае он просто не станет со мной разговаривать... — его губы скривились. — *Vloede arse*, мне не нравится говорить такое даже другу...

— У нас же договор, так что всё честно. Не переживай, мимолётный курортный роман — не повод ставить под угрозу твои планы.

— Вот как, мимолётный роман?

— «Беспроегрывная ситуация, никаких обязательств», — процитировала я слова Иорвета, впервые за долгое время почувствовав, что делаю всё правильно. Я не должна ставить его перед выбором, не должна давать ему повод нарушить данную им клятву и не должна в своих кратковременных гастролях по этому миру вмешиваться в его судьбу, как это произошло с Эскем. — Приятный бонус к нашему совместному путешествию и только.

— И ничего больше? — я заметила в его взгляде ярость.

— Ничего больше.

— Отлично, — отчеканил он. — Как нельзя лучше.

— Не забудь предупредить Борха, — сказала я. — Он болтлив, а Исенгрим — его друг.

— Я уже поговорил с ним, — ответил Иорвет. — Он будет хранить молчание, если мы никому не расскажем о его сыне.

— Отлично, — сказала я и поднялась. — Рассвет скоро. Я — спать.

Дождь так и продолжал мокро шуметь по крыше, и, несмотря ни на что, я заснула мгновенно. Иорвет вернулся под утро, и сквозь сон я почувствовала, как ледяные пальцы прикоснулись к моей руке, и я сжала его ладонь в своей.

АЛТИНАДИР. Золотой ребёнок

После полудня за нами с Йорветом прибыл юноша с серебристо-зелёной кожей. С порога он шёпотом поинтересовался, где находится ванная комната, и вышел из неё, наматывая на шею мокрый шарф и тщательно расправляя его над узкими прорезями в коже, похожими на жабры. Борх исчез ещё до того, как я проснулась. Мы с Йорветом в ожидании провожатого провели утро в сборах, уходе за оружием и молчании и лишь изредка перебрасывались скупыми фразами, как будто пытались примериться к нами же самими расставленным рамкам. Несмотря на железобетонную уверенность, что вчера я поступила правильно, меня ломало, как наркомана Сагато без дозы афиума, и стоило больших усилий сдержаться, чтобы уже привычно не прикоснуться, не поцеловать Йорвета и не признаться, насколько сильно мне его не хватает. Он же то ли не придумал, как себя вести, то ли решил, что, учитывая риски, овчинка выделки не стоит (и от этой мысли меня прошибал холодный пот), но вёл себя так, будто мы и правда были друзьями, всего лишь друзьями...

Вернувшиеся к нам одежда и доспехи выглядели новыми, одеяла были выстираны и высушены, шерсть медвежьей шкуры блестела, как в рекламе шампуня, а в начищенные сапоги можно было смотреться. Дождь закончился, но небо затягивала плотная тёмно-серая пелена облаков. Юноша повёл через город по направлению к набережной и время от времени взмахивал длинными ладонями с перепонками между пальцев, чтобы обратить наше внимание на те или иные достопримечательности.

— Восточный вход во дворец, — прошептал он и показал на длинную очередь, уходящую за поднятую кружевную решётку ворот. — Сегодня день Прощений, царица принимает население.

Он свернул на узкую каменную набережную, стиснутую между рекой и отвесными стенами резиденции Хатун Мелике. В башенных окнах поблёскивали золотые кольчуги Дочерей. За дворцом царицы начались кварталы богатых домов, которые резко закончились, и потянулись трущобы из глинобитных кривых домишек, а потом кончились и они, и вот уже вокруг хлюпающей, размытой дождём тропы теснились сплетённые из ветвей шалаши, обмазанные глиной. Юноша остановился, стянул башмаки и, связав их, перекинул за спину. Между длинных пальцев его ног тоже были перепонки. Оборванные жители, завидев блестящий металл наших кольчуг и оружия, тенями шмыгали по домам. Я по щиколотку провалилась чистеньким сапогом в грязь. Дальше потянулись деревянные заборы, от топкого берега, поросшего осокой, несло болотом. Юноша нашёл нужное место, отвёл в сторону доску и, оглядевшись по сторонам, пролез внутрь.

На территории, куда мы попали, всюду виднелись присыпанные дёрном кучи с трубами в вершинах, из которых валил чёрный дым. Перепачканные сажей мужчины, похожие на нашего провожатого, насыпали в тачки древесный уголь из потушенных куч и строили новые, складывая поленницы в ямах. Дым стелился по земле, мы лавировали между рабочими, пока не вышли к гигантскому деревянному складу. Юноша приоткрыл дверцу, врезанную в широкую створку ворот, и скрылся.

Издали показалось, что Борх, стоящий у насыпи из угля, беседует с краснолюдом. Во всяком случае ростом его собеседник, обладатель пышной до пояса бороды, едва доставал ему до груди.

— Вот и вы! — приветственно воскликнул Три Галки. — Господин Хлогрхагг,

позвольте представить моих друзей.

Мы подошли, и только тогда я заметила, что кожа господина с труднопроизносимым именем тоже отливала серебристой зеленцой, а ухоженная борода была цвета тины. С его пояса свисал увесистый кошель, очень похожий на тот, что Борх передал бывшему наложнику царицы. Господин церемонно раскланялся и сказал что-то непонятное свистящим громким шёпотом. На всякий случай мы вежливо склонили головы, и он ушёл.

— Нет ничего более противоестественного для речного народа, чем деятельность по заготовлению древесного угля, — сказал Борх, глядя ему вслед. — Однако от наследства не отказываются, и Хлогрхагг получил от отца-краснолюда не только предприятие, но и деловую хватку. Его родственникам со стороны матери, до того влачащих жалкую жизнь в загрязнённых водах Алтинина, ничего не оставалось, как согласиться работать на него.

Борх открыл дверь в стене склада с углем и провел нас коридорами в кабинет, бывший, наверное, единственно чистым помещением в здании: с дубовыми конторками, лоснящимися кожаными креслами и стоящей за ширмой невероятного размера бадьёй, наполненной прозрачной водой. Рядом на скамейке лежали стопками белые полотенца.

— До вечера это помещение в нашем распоряжении, — сказал Борх. — Располагайтесь. Он развязал вместительный мешок и, отодвинув с монументального дубового стола бумаги и чернильницу, стал доставать хлеб, сыр и другие припасы.

— Почему мы встречаемся здесь? — спросила я, стоя на пороге и пытаясь сбить с сапогов налипшую грязь.

— Уголь, много угля нужно для дела, — сказал Борх и довольно потёр руки. — Я был впечатлён вашим стилем работы и захотел придумать для нашей тайной операции нечто столь же изощрённое.

Иорвет хмыкнул и подошёл к окну, откуда виднелись чадающие кучи.

— Погода благоволит нам, — сказал Борх. — Если ветер не разгонит облака, то в ночи без звёзд никто не заметит меня на фоне неба.

Я устала бороться с сапогами и стянула их. Упала в кресло неподалёку от низенького столика и закинула на него ноги. Из-под низко надвинутой шляпы, как бандит из вестерна, я оглядывала сообщников и размышляла о том, что энтузиазм Борха мне совсем не нравится. Иорвет тоже был мрачен.

— Похоже, что ты уже всё продумал, — сказал он, отвернувшись от окна. — Может быть, пришло время и нам рассказать?

После того, как Иорвет скрепя сердце одобрил план Борха, мы скоротали вечер за настольной зерриканской игрой, найденной в кабинете. На столешнице круглого мраморного столика была выбита спираль в виде змеи с головой в центре и с ямками на теле. С каждым броском костей три разноцветные каменные фигурки драконов продвигались от хвоста змеи к голове по хитрым правилам, которые Три Галки не то плохо помнил, не то придумывал и менял на ходу. После того, как он выиграл у нас три раза подряд, Иорвет с досадой откинул свою фишку и поднялся.

— Довольно, — сказал он. — Пора.

— Пора... — эхом отозвался Борх и достал из мешка два свёртка. — Ваша одежда.

Мы облачились в тёмно-серые, почти чёрные полотняные штаны и такого же цвета рубахи с запахом.

— Ты планировал выступление труппы бродячих артистов или ограбление? —

язвительно спросил Иорвет, застёгивая пояс с мечом.

Я усмехнулась — на мой взгляд, мы были больше похожи на любительскую секцию каратэ на выезде.

— Ограбление с феерическим выступлением! Как жаль, что нам ни в коем случае не нужна публика, — радостно ответил Три Галки, не обращая внимания на наши настроения. — В темноте в этой одежде вы будете невидимками. Мечи лучше не брать — никто не должен пострадать сегодня. Да и если дойдёт до того, что вам придётся использовать оружие, оно вам не поможет. И обувь оставьте — карабкаться по стенам лучше всего босиком.

Я отложила в сторону перевязь с мечами, однако оставила на поясе ведьмачий нож и карман с эликсирами. Мы упаковали доспехи и обувь в наши сумки, приторочили к ним оружие и связали между собой, а Борх выдал две сумки поменьше. В Иорветовой лежали аккуратно сложенные верёвки с крюками на концах, а в моей скрученные из соломы плотные шарики. От них шёл тягучий запах, одновременно похожий на запах старой древесной коры и тёплой человеческой кожи, к тому же будто бы натёртой какими-то специями.

— Вот остатки мускуса, возьми с собой на всякий случай, — Борх протянул мне пузырьёк, добытый через иликанина, и я вставила его в пояс рядом со свежесмешанными дозами Кошки.

— Готова!

— Ждите снаружи, я скоро буду, — велел Борх.

Тьма спустилась на город, беззвёздное небо слилось с угольными кучами, и только искры, вырывающиеся из труб, вспарывали ночной мрак. Иорвет подобрал уголёк с земли и нарисовал изогнутые полосы на обнажённой части рук и ног. Потом поднёс уголёк к лицу.

— Помочь? — спросила я.

— Нет, — хмуро ответил он и принялся рисовать камуфляжные полосы на щеках и шее.

Я тоже взяла уголь и по его примеру разукрасила голые ноги и руки.

— Помочь? — спросил он, когда я добралась до лица.

— Н-нет... Да! — передумала я, за сегодняшней день уже до чёртиков соскучившись по его прикосновениям.

Он приподнял моё лицо и сосредоточенно начал выводить углем косые полосы по лбу и щекам. А когда закончил, его рука задержалась у меня на подбородке, и с отчаянной надеждой я ждала, что он склонится и поцелует меня. Но Иорвет убрал руку и выкинул уголёк.

Заскрипели ворота, из отворившихся дверей склада горделиво выступил абсолютно чёрный дракон, и только снопы искр отражались в его узких глазах.

— Признаться, я получил удовольствие, купаясь в угле, — сказал он. — Меня всегда занимало, что чувствуют воробьи, совершая омовения в пыли... Встаньте рядом, спинами ко мне, и вы полетите на крыльях ночи!

Мы повиновались, сзади захлопало, и вокруг моих рёбер сомкнулась когтистая лапа. Я вцепилась в неё, и дракон взлетел. Этот полёт был гораздо приятнее того, что я совершила, свешиваясь на цепочке медальона с лапы виверны, и вскоре я едва сдерживалась, чтобы не повизгивать от восторга, когда Виллентретенмерт, набрав высоту, падал вниз, а потом, взмахнув крыльями, уходил снова вверх. Видимо, он со свойственной ему театральностью решил доставить нам удовольствие и устроить из полёта своеобразный аттракцион.

С реки на город напал туман, огни едва пробивались сквозь него. Дворец был уже близко, я видела горящие в окнах сторожевых башен масляные светильники. Дракон поднялся высоко, и на земле прорисовались периметры внешних и внутренних стен дворца, пунктиром подсвеченные факелами в руках патрулей охраны. На миг Виллентретенмерт завис в воздухе и, заметив нужное место, спикировал к нему. Мне начало казаться, что мы со всей скоростью впечатаемся в каменные зубцы, когда он раскинул крылья, плавно подлетел к стене, отпустил нас и растворился в ночи.

На лице Йорвета я заметила след улыбки, оставшейся от полёта, но она тут же сползла, и он, быстро оглядевшись, достал из сумки верёвку. Я протянула ему пузырёк с Кошкой, влила в себя свою дозу. По обе стороны хода поверху стены было темно — у нас было несколько минут до прихода патрульных. Йорвет подпрыгнул и подтянулся на барьер, который ограждал запретный сад царицы от любопытных взглядов охраны. Свесился с него и протянул мне руку.

На несколько мгновений мы задержались наверху, пока Кошка не начала действовать. Темень под стеной стала сереть. Йорвет приложил крюк к краю, сбросил конец верёвки и кивнул мне. Перебирая руками, я съехала вниз, чертыхнувшись на Борха, потому что тут же обожгла об верёвку босые ступни. Спрыгнула, и через миг Йорвет уже сидел рядом, спустившись со стены с ловкостью циркача. Сдёрнул за верёвку крюк.

Нас окружали густые джунгли — во всяком случае, именно так в темноте выглядели переплетённые заросли увитых лианами раскидистых деревьев и причудливых кустов с гигантскими листьями. Неподалеку журчал ручей, и сад, который нам предстояло пересечь из конца в конец, наполнился шорохами, кваканьем и хлопаньем крыльев ночных птиц.

Сконцентрировавшись, я не почувствовала опасности, и мы бесшумно заскользили по мягкой траве, стараясь не слишком отдаляться от стены.

Сквозь листву начал пробиваться свет, и к звукам ночи добавились далёкие всплески смеха. Кусты поредели, и впереди за лужайкой потянулась балюстрада, огораживающая сад наложников. Мы продолжали путь в тени деревьев, пока слева не показался высокий дворец с многоярусной крышей. В нашу сторону от него тянулась колоннада, по которой гуляли блики подсвеченной лампами воды бассейна. Обнажённые юноши и девушки резвились в нём, смеялись и брызгались, стоя по пояс в воде, другие же — в шелковых струящихся одеждах — прохаживались между увитых лианами колонн. Откуда-то из глубин дворца лилась тихая струнная музыка.

— Аппетиты у царицы королевского размера, — прошептал Йорвет.

— И весьма разнообразные, — согласилась я, заметив, что среди наложников большинство не было людьми.

Джунгли закончились, и до следующих деревьев, похожих на фруктовые, предстояло добраться по открытому участку с цветочными клумбами, разбитыми вокруг белых мраморных изваяний. Стараясь не наступать на цветы, мы перебежали от статуи к статуе. К белоснежной фигуре в виде сидящего льва я подбежала первой.

Статуя ожила и бросилась на меня бесшумно и молниеносно, и я даже не успела кинуть зажатый в руке соломенный шарик. В миг пантера повалила меня на спину, в плечах вспыхнула острая боль от когтей, и исполинская кошка, вдавливая меня в землю, стала втирать в мою сумку гигантскую голову. Йорвет, ухватив за ноги, выдернул меня из-под навалившейся туши, вырвал из руки приманку и сунул снежной пантере в морду. Та замерла, уткнувшись носом в соломенный шарик, длинные вибриссы стояли дыбом. Я поползла к

деревьям, а Иорвет откинул шарик в сторону. Пантера в прыжке поймала его передними лапами и, повалившись на бок, стала мордой тереться о солому.

— Я не смогла почуять её, — шёпотом оправдывалась я, пока мы бежали по саду. — Они какие-то другие.

— Стой! Ещё одна, бросай!

Теперь, когда мы знали, как выглядят снежные пантеры, заметить их в темноте стало легче. Они не нападали издалека, предпочитая сначала подобраться поближе, и брошенная пахучая приманка тотчас же отвлекала их. Ещё три соломенных шарика пошли в дело, пока мы добрались до густой живой изгороди, по другую сторону которой за деревьями виднелся дворец царицы — с узкими арочными окнами высотой во всю стену и двумя ярусами золочёной крыши.

Участок запретного сада, посреди которого стоял дом Хатун Мелике, был будто целиком перенесён из Страны Озёр. Из земли росли чёрные валуны в окружении сосен с пушистыми длинными иглами. От остальной части сада его отделяла плавно изгибающаяся речушка. На песчаный берег ложились узоры от ажурных кованых шаров, внутри которых горело масло. От крохотного, по сравнению с гаремом, дворца вела между валунов дорожка, которая упиралась в гнутый деревянный мостик через речку. На нём, облокотившись на перила, стояли и тихо разговаривали две женщины.

Одна из них разогнулась, и сердце моё заколотилось — мне показалось, что это была Рэя. Женщина была столь же высока и так же мощно сложена. Но через миг беспочвенные надежды развеялись — обострённое Кошкой зрение помогло рассмотреть в ночном сумраке незнакомое лицо, чёрные губы и татуировку на подбородке. Женщина направилась в дом, и на её поясе слегка позвякивали свисающие бахромой металлические подвески. С таким же тихим звоном вторая удалилась в сторону сада наложников.

— По моему сигналу бежим, — едва слышно прошептал Иорвет, кивнул на мостик и полуприкрыл глаз, прислушиваясь. За первой женщиной закрылась дверь. — Сейчас!

Пригибаясь, мы выскочили из кустов и помчались к реке. В два прыжка преодолели мостик и скрылись в тени валуна. Я с облегчением выдохнула — даже на расстоянии вытянутой руки я едва могла рассмотреть Иорвета на фоне чёрного камня. Дворцовая дверь открылась вновь, мы переждали, пока ещё одна женщина из Двенадцати не пройдёт мимо, и от камня к камню перебрались за дворец. Приметив подходящую сосну, Иорвет ухватился за нижнюю ветку и, как Маугли, забрался на верхушку. Пополз к крыше по одной из ветвей и, перекинув верёвку, чтобы концы свисали с двух сторон, соскользнул по ней вниз. Потом раскачался и мягко спрыгнул на крышу. Я поняла, что всё это время не дышала.

Освободив верёвку, он зацепил крюк за карниз и скинул мне конец.

Под густой тенью верхней крыши мы ползком обогнули две стены прежде, чем нашли место, откуда было видно дитя. Узкие резные вентиляционные окна опоясывали по периметру все стены этого полуэтажа, стиснутого между карнизами кровель. Мы улеглись на скате нижней крыши и наблюдали за происходящим в просторном дворцовом зале. Изнутри шёл тёплый воздух с запахом благовоний. Дракончик — крохотная ювелирная копия Виллентретенмерта, лежал свернувшись среди расшитых золотом перин на высокой каменной кровати, в основании которой виднелось печное устье.

— Вот для чего Хатун Мелике построила новую печь, — прошептала я. — Это колыбель для дитя.

Иорвет не ответил и перегнулся через меня, чтобы заглянуть в зал.

— Надо подождать, пока уйдёт охрана, — тихо сказал он. — Похоже, что они ждут царицу.

Я снова прильнула к решётке. Посередине гигантского зала, занимающего, видимо, существенную часть дворца, стояла необъятная кровать с резным балдахином, на которой шуплая сгорбленная старуха неторопливо взбивала подушки. Дверь охраняли две воительницы из Двенадцати.

Время шло. Охранницы время от времени открывали дверь и выходили наружу, дракончик спал. От Иорвета, лежащего рядом, шло тепло, а в пелене облаков стали появляться прорехи, через которые проглядывали звёзды.

Служанка обошла зал и с помощью гасильника на длинной палке потушила свечи на стенах. Спальня царицы погрузилась в полумрак, и только у её кровати и у колыбели дитя неярко горели ажурные зерриканские фонарики. Охранницы вышли.

— Пора? — прошептала я.

— Нет, — ответил Иорвет, и я услышала голоса. Дверь отворилась.

В залу вошла высокая женщина в длинной переливающейся золотом тунике. Насколько плавными были складки шёлковой ткани, настолько же плавными были изгибы её фигуры: покатые плечи, округлые полные бёдра и высокая грудь. Двигалась она тоже плавно. Обняв старую служанку, она склонилась и поцеловала её в лоб. Чёрные распущенные волосы царицы обхватывал широкий обруч из золота. За служанкой закрылась дверь. Хатун Мелике подошла к кровати дитя и присела на край. Иорвет прошептал:

— Будем ждать, пока она уснёт.

Царица подняла голову и прислушалась. Мы застыли. Теперь я увидела её прекрасное, как у зерриканской Моники Белуччи, лицо: высокий лоб, по обе стороны которого спускались гладкие, уложенные на прямой пробор волосы, полукруглые чёрные брови и яркие полные губы. Хатун Мелике не была исключением среди чародеек и отличалась необычайной красотой. Не заметив ничего подозрительного, она снова развернулась к дитя и склонилась над ним, будто внимательно рассматривала каждую чёрточку его золотой мордашки, каждую чешуйку. Потом подняла руку и, слегка касаясь, ласково провела пальцами по его спине.

— Непохоже, что она желает ему зла, — прошептала я едва слышно.

Иорвет пожал плечами. Хатун Мелике поднялась, откинула назад волосы. Ещё раз взглянув на дитя, задула светильник у его кровати и направилась к своей. Я почувствовала, что моё лицо вспыхнуло — на ходу царица спустила с плечей тунику, и та соскользнула на пол. Как с пьедестала, обнажённая Хатун Мелике сошла с каблуков золотых босоножек и изящной ступнёй откинула их в сторону. Взяла со столика рядом с кроватью щётку и, сняв золотой обруч, принялась расчёсывать волосы. Вместо того, чтобы думать о деле, я поймала себя на животном инстинктивном желании повернуться к Иорвету и узнать, каким взглядом он смотрит на царицу. Вместо этого закрыла глаза и сконцентрировалась. Приступ прошёл, а в медитации я почувствовала мощную магическую ауру, идущую от дитя, и импульс послабее со стороны кровати чародейки. Свет внизу погас.

— Пора, — наконец, прошептал Иорвет, когда я уже потерялась во времени, сколько мы лежали в одной позе, не шевелясь и ожидая, пока Хатун Мелике уснёт.

— Надеюсь, она не страдает бессонницей, — пробормотала я и выдернула из-под себя

затёкшую левую руку.

Иорвет достал из сумки одеяло, в которое должен был завернуть дракончика, и верёвку с затягивающейся петлей для его морды.

— Всё помнишь? — спросил он. — Прыгаем, хватаем, бежим.

Я кивнула. Ладони соприкоснулись.

Счёт шёл на секунды. Сквозь ставшие на изнанке проницаемыми деревянные узоры окон мы просочились внутрь и спрыгнули в зал. Я уже рванула было к дракончику, когда Иорвет поймал меня за руку и остановился как вкопанный. Его ошеломлённый взгляд был направлен в сторону кровати царицы, откуда бил яркий белый свет — на кровати, свернувшись сияющей горой, лежал дракон. Глаза его были закрыты, дракон спал.

Мы остолбенели, не понимая, что делать, встретились глазами и в следующий миг сорвались к выходу. Так быстро я не бегала никогда. Мост через речку, фруктовый сад, статуи, джунгли слились в белые стремительные полосы и промелькнули мгновенно, и уже в распадающейся изнанке Иорвет зашвырнул на стену верёвку с крюком. Я взлетела по ней первой, ещё пользуясь остатками магии изнанки, и с разгону спрыгнула с барьера, едва не приземлившись на спину Дочери, в этот момент проходившей по стене. Та коротко вскрикнула и выхватила саблю. Увернувшись, я сложила Аксию, который, конечно же, не подействовал, и в этот миг Иорвет сиганул со стены и ударил её кулаком в челюсть чуть правее от татуированного подбородка. Голова Хатун-бенту запрокинулась, глаза закатились, и она рухнула на пол.

— Вызывай Борха, — прошипел Иорвет.

Я подхватила выпавший из руки Дочери факел и стала размахивать им из стороны в сторону. С неба спикировала чёрная тень.

Дракон летел вдоль реки, мерно взмахивая крыльями, с его вытянутой шеи свисали наши сумки. Далеко позади остались огни столицы. Светало, и Алтинин засверкал розовым, отражая небо. Виллентретенмерт начал снижаться к крохотному лесистому острову посреди реки и в этот раз спускался плавно и бережно. Аккуратно поставил нас на поляне. Ноги не держали, и я осела на землю.

— Ну-с, — Борх в предвкушении обернулся к нам.

Иорвет бросил ему сумку, тот поймал, ощупал пустую ткань, и лицо его вытянулось.

— Ты обманул нас, — глухо сказал Иорвет.

— Что? — глаза Борха гневно вспыхнули, а в лицо бросилась кровь. — Где мой сын?!

Поднявшись с земли, я встала рядом с Иорветом.

— Неужели ты всерьёз полагал, что мы украдём дитя у матери? — сказала я.

— Что?! — второй раз повторил Борх, челюсть его отвисла, и он замер с приоткрытым ртом.

— Хатун Мелике и есть твоя Лирменадатт, — безжалостно сказал Иорвет.

Сумка выпала из рук Борха, самоуверенное выражение слетело с лица, и он стал каким-то по-человечески жалким и маленьким. Он опустился на траву и закрыл глаза.

— Что же, — продолжил Иорвет, — надеюсь, что ты этого не знал.

Борх сидел, слегка раскачиваясь, и так и не открывал глаз.

— Вы не выполнили условий договора, — наконец, сказал он.

Иорвет разразился тирадой на Старшей Речи, которую я поняла, потому что состояла она исключительно из отборных ругательств, и прошагал к своей сумке. Я посмотрела на

него, на его усталые, слегка ссутулившиеся плечи, и в голову ударило чёрной, бешеной яростью.

— Мы пляшем вокруг тебя с момента знакомства, — едва сдерживаясь, сказала я Борху. — То, что мы помогли снять с тебя заклинание — не считается. То, что мы в этой стране лишь потому, что помогаем твоей дочери — тоже, на минуточку, твоему ребёнку, которого ты воспитал и забыл, что он существует, не считается. И единственное, что считается, что мы не выкрали ребёнка у матери, которая заботится о нём и которая его любит! И почему мы должны это делать? Только лишь потому, что ты сам не в состоянии пойти и поговорить с ней, как разумное существо!

Я распалаясь всё больше, а Борх смотрел на меня так, будто я была разъярённой гарпией.

— Мы сделали для тебя всё, на что способны, и ради чего? Ради кусочка информации, где находится Исенгрим, а не ради богатства и славы. А ты продолжил шантажировать нас и ставить условия! Любой поступок влечёт последствия, ты сам говорил это. И последствия того, что ты не вернулся к Лирменадатт на её зов, ты должен расхлёбывать сам!

Три Галки вскочил, яростно сверкая глазами, и, вмиг обратившись, взмыл орлом в небо.

Иорвет молчал, и у меня не было слов для него, чтобы хоть как-то утешить. Пока он складывал костёр, я умылась в речной заводи и отёрла угольные разводы с кожи. На ключицах распухли и ныли глубокие царапины от когтей снежной пантеры. Прохладная вода согнала сонливость, хотя в голове гудело от полёта и бессонной ночи. Потом Иорвет ушёл на берег, а я достала карту. «Горы и река с быстрым течением», — думала я, водя по бумаге пальцем. Подходящих мест было катастрофически много: сходу я насчитала три притока Алтининой, берущих начало в Драконовых горах, и ещё четыре реки в Восточных, а ведь наверняка были и не обозначенные на карте речки и ручьи.

— Потом подумаем, — сказал Иорвет, вернувшись с реки и бросив взгляд на карту у меня на коленях. — Надо поспать.

Опустошённые неудачей, мы разбрелись к сумкам и на миг неловко застыли с одеялами в руках, глядя друг на друга, будто бы каждый ждал от второго невидимого сигнала, чтобы сделать шаг навстречу. Не дождавшись, завернулись в свои одеяла и улеглись у костра, тесно прижавшись друг к другу, потому что иначе тоже уже не могли.

А высоко в белёсом утреннем небе, широко расправив крылья и сверкая золочёными перьями на хвосте, парил беркут.

ДРАКОНЬИ ГОРЫ. Дом стоит и свет горит

Проснулась я с тяжёлой головой и противным ощущением жестокого похмелья. Открыла глаза. Прямо перед лицом по травинке ползла божья коровка. Потом её жёлтый панцирь разломился надвое, выдвинулись прозрачные крылья, и она улетела. Я следила за ней, а потом перевела взгляд в пустое синее небо. Глаза ощущались воспалёнными, словно вчера всю ночь я ходила на глазных яблоках по песку. «Кошка... — догадалась я, — наверное, доза была слишком большой. Плюс полночи ветер дул в глаза в полёте...»

Взбодрившись от мысли, что похмелье было ненастоящим, и решив принять для надёжности Белого Мёда, я отправилась к реке. Чутьё вернулось ко мне не вполне, знак на ладони едва побелел, и я долго сидела на берегу в медитации, пытаюсь учуять в воде какую-либо опасность. Река катилась безмятежно, я зашла в воду и нырнула глубоко, оттолкнувшись ногами от вязкого и холодного илистого дна. Искупалась и почувствовала себя готовой вернуться к Иорвету и к проблемам.

Сбоку тлеющего костра стоял полуостывший котелок, на припудренной пеплом поверхности чая плавал розовый лист осины с желтыми прожилками. Иорвет махнул рукой на разложенные на сумке хлеб и сыр из вчерашних запасов Борха. Сам эльф сидел неподвижно и задумчиво крутил что-то в пальцах.

— Знаешь, что самое важное в новиградском покере? — через некоторое время произнёс он, разжав ладонь, и я увидела свернувшуюся на ней серебряную змейку с крохотным зелёным камнем в голове.

— Новиградский — это какой? — спросила я.

— В него играют картами, а не костями, и ты не знаешь карт в руке соперника. Ты можешь делать большие ставки, надеясь, что следующим ходом на стол придёт нужная тебе комбинация... Так вот, — продолжил он, — Даже если ты зашёл очень далеко и даже если ты поставил очень много, самое главное — вовремя сказать «пас».

Новиградский покер, похоже, имел те же правила, что и популярная разновидность покера в нашем мире. Иорвет подкинул кольцо и поймал его в кулак.

— Я сделал ставку на слабых, но многообещающих картах, когда решил идти за Исенгримом. Я удвоил её, когда мы пошли за алхимиком, и на стол выпали пустышки. И я дважды удвоил её, когда доверился дракону, но и следующая карта опять не помогла нам. Пришло время сказать «пас».

Я вздохнула и посмотрела на небо. В этот раз оно не было пустым.

— Осталась последняя нераскрытая карта, — тихо сказала я, следя за вспыхивающими в вышине золотистыми перьями на хвосте гигантского беркута. — У нас она зовётся «ривер», что значит «река».

Вслед за мной Иорвет тоже поднял голову.

— И хорошо бы, чтобы течение этой реки было быстрым, — проговорил он, наблюдая, как беркут по спирали спускается на остров.

— Я подумал над твоими словами, — сказал Борх, глянув на меня, зацепил пальцы за ремень и выпрямился. — И я не согласен!

Он заносчиво смотрел на нас сверху вниз, а мы с Иорветом так и сидели у костра и выжидающе смотрели на него. Борх назидательно поднял палец.

— Для того, дорогуши, чтобы судить о мотивах драконов, тонко балансирующих на грани между вселенскими силами Порядка и Хаоса и самим своим существованием удерживающих эту грань от сползания, нужно выйти далеко за пределы морали, доступной двуногим существам из плоти и крови!

Иорвет прищурился.

— Ты вернулся, чтобы сообщить нам, что ты не согласен? — спросил он.

— Нет, — буркнул Борх. — Я вернулся, чтобы сообщить вам, что принял к сведению ваше мнение. Однако в создавшейся ситуации мне нужен совет кого-то более мудрого, кто думает эпохами, вневременными ценностями, нежели вы, один из которых наивно полагает, что пара столетий — достаточно долгий срок для планирования, а другая так и вообще живёт в текущем моменте, старательно не задумываясь даже о том, что будет завтра!

Борх завершил тираду и оглядел нас.

— Подумал я и о том, что, исходя из вышеизложенного, иного поступка от вас я не вправе был ожидать, а долг есть долг, который, как известно, платежом красен, — он сделал паузу и торжественно произнёс: — Собирайтесь, ещё до захода солнца мы будем на месте.

Он развёл в стороны руки ладонями вверх и, судя по всему, ожидал бурных оваций.

— Хорошо, — ровно сказал Иорвет и встал.

Мы снова летели вдоль Алтинина на север, и далеко внизу по жёлто-красным лесистым берегам и по лоскутам полей вокруг поселений бежала наша крохотная тень. Но на этот раз я почти не смотрела по сторонам, а старательно задумывалась. Слова Борха достигли цели и уязвили меня, хотя признавать, что он прав, очень не хотелось. В будущее ведёт дорога из прошлого, а было ли оно у меня? То прошлое, которое я, как воровка, ощущала своим, в реальности принадлежало похожему на меня человеку, а не мне. Какой смысл задерживаться в нём, протраивать из него дорогу в будущее? Да и зачем мне беспокоиться о будущем, если в этом мире я нечто вроде пациента, получившего от врача финальный приговор? Я придумала план, и я ему следую. Каких ещё раздумий о будущем хотело от меня мудрое существо, поддерживающее баланс порядка и хаоса? Вот Иорвету — да, есть что подумать о будущем, что он, пока мы собирались, по всей видимости и делал, не обращая внимания ни на что вокруг.

Перед полётом мы навязали между пальцев дракона верёвки, на которых можно было сидеть, как в гамаке, а не свисать, болтая ногами в воздухе. Ещё некоторое время ушло у меня на то, чтобы вставить кольцо обратно в куртку. Я переоделась в доспехи из шкуры виверны — сезон футболок и шорт закончился.

Дракон ушёл ещё выше, и на горизонте показались первые гряды гор. Алтинин становился всё более извилистым, поля исчезли. От ледяного ветра кожа на лице задубела. Потом из вечернего неба выступили снежные шапки гор, а леса стали тёмными. На левом берегу в изгибе реки я увидела крепость — серый квадрат двора, каменные стены, облупленную красную черепичную крышу. Виллентретенмерт пошёл на снижение, оставив крепость позади, и приземлился на каменистом берегу реки. Небо скрывал девственный хвойный лес, и в сумрак под кронами уходила тропа.

— Я чувствую себя загнанной лошастью, — жаловался дракон, пока я срезала верёвки с его лап.

Через миг он обратился рыжим конём, прогарцевал к реке, весело журчащей по камням, и долго и жадно пил воду. Иорвет отвязывал лук и мечи от сумок, дёргая за ремни и

посматривая на тропу. Ещё ни разу за всё время наших странствий я не замечала, чтобы он позволял себе так явно обнаруживать волнение. И я заволновалась тоже — тоскливо и с нехорошими предчувствиями.

Борх, наконец, оторвался от воды и принял образ человека.

— Я думаю о чулане в доме моего друга, — сказал он. — О маленькой дверце, запертой на щеколду, за которой в темноте скрыты сокровища: с потолка свешивается копчёный свиной окорок, на средней полке головка сыра, такая, знаете ли, с полужидкой серединкой, пирог под полотенцем, бочки с соленьями... Что вы копаетесь?!

Иорвет, который был уже давно готов, зашагал вверх по тропе. Борх пошёл рядом со мной.

— По низу расставлены бочонки с пивцом, с краниками. А в углу, скрытые от глаз, круглые кексы, корочка у них хрустит, а под ней засахаренные орехи и сухофрукты. Но это оставим на утро, с чашечкой кахве, мы же не обжоры...

Тропа вывела к плоскому лесистому уступу, на котором стоял дом. В окне горел свет.

Иорвет резко остановился, я догнала его и, поддавшись порыву, сжала его ладонь. Он коротко сжал мою в ответ и зашагал к двери, которая распахнулась перед его носом. На фоне светящегося проёма стоял высокий эльф с пустыми вёдрами в руках. Он не спеша поставил вёдра на землю, отёр руки о выпущенные полы прямой рубахи. Тёмные, слегка волнистые волосы, из которых выглядывали острые уши, опускались ниже плеч. Через лоб по диагонали, изуродовав бровь, нос и щеку, лицо пересекал глубокий рваный шрам. Эльф смотрел на Иорвета так, будто увидел привидение, а Иорвет смотрел на него.

— Bloede arse, — проговорил, наконец, эльф. — Iorveth!

— Ceádmil, Isengrim, — сказал Иорвет.

Здравствуй, Исенгрим

Эльф шагнул вперёд и крепко обнял Иорвета.

— Не могу сказать, что рад возвращению прошлого, которое ты, несомненно, принёс с собой, но я определённо чертовски рад тебе, брат, — голос Исенгрима был низким, глубоким, с заметной хрипотцой.

Он встряхнул Иорвета за плечи, будто до сих пор не мог поверить, что видит того наяву, ещё раз хлопнул по спине и крепко пожал руку Борху.

— Две зимы назад ты обещал навестить меня, старый обманщик. Где ты пропадал?

— Такие истории не рассказывают на пороге, мой друг, — тепло ответил тот. — И все мы зверски проголодались с дороги.

Исенгрим, слегка склонив голову, жестом пригласил войти. По мне он лишь скользнул непроницаемым фирменным эльфийским взглядом, будто я была мебелью, каким-то волшебным образом увязавшейся за Иорветом с Борхом.

Мы вошли в просторную комнату со стенами из толстых потемневших брёвен. По центру стены напротив входа располагалась массивная каменная печь с широким устьем, напомнившая строением русскую, и в потолок уходила труба. Сверху с печи свисал краешек волчьей шкуры — вероятно хозяин дома ночевал там в холода. Рядом за приоткрытой дверью в спальню виднелась неубранная кровать. Исенгрим на ходу прикрыл туда дверь и направился к дверце под лестницей в правой части комнаты. Борх радостно кинулся ему на подмогу, и я решила, что как раз там и расположена вожделенная им кладовая.

Иорвет снял с плеча сумку, аккуратно сложил на пол лук, колчан, кирасу и меч с саблей и прошёл к длинному дощатому столу в левой части комнаты. Я пристроила рядом с его

вещами свои и села напротив Иорвета на лавку у окна, в котором было уже темно, как ночью.

— Роза... — тихо сказал Иорвет и исподлобья поглядел мне в глаза. — Ты чувствуешь что-нибудь, какое-то изменение?

Я приложила руку к груди, зажмурилась. По правде сказать, я совершенно забыла о розе Аэлирэнн, но и она не подавала никаких признаков жизни.

— Нет, — прошептала я, увидев, что из кладовой возвращается нагруженный Борх. Иорвет опустил взгляд на сцепленные руки.

— Я долго искал тебя, Исенгрим, — начал Иорвет, когда все расселись за столом, уставленным снедью из кладовой.

Всё было так, как и мечтал Борх: ломти окорока и сыра, кольцо колбасы, мясной пирог, бочковая капуста и даже сушёная солёная рыба, которую Три Галки тут же принялся ловко чистить, облизывая масляные пальцы.

— Мы долго искали тебя, — поправился Иорвет, сделав акцент на первом слове. — Это Яна — ведьмачка и мой верный напарник.

Исенгрим, разливающий из бочонка по кружкам тёмное пиво, слегка развернулся и внимательно посмотрел на Иорвета. Что-то в этом движении, в облике эльфа, в его осанке и в том, как он держался, казалось мне смутно знакомым, будто я встречала его раньше, но забыла о встрече.

— Вот как, — с лёгкой насмешкой сказал он и поставил передо мной кружку. — Из всех эльфов, брат, ты последний, про кого я мог бы подумать, что он может взять себе в напарники человека.

— Я тоже, — усмехнулся Иорвет. — Однако многое изменилось на Севере, и я хочу поговорить с тобой об этом.

Изучающий взгляд синих, с тёмными ободками вокруг радужки, глаз Исенгрима скользнул по мне и задержался на руке Иорвета, которой тот потянулся к карману.

— Погоди, брат, — остановил он мягко, но вместе с тем повелительно, как говорит командир, не привыкший, чтобы ему возражали. — Сейчас почти ночь. Нет ничего, что ты можешь сказать мне, что обрадует меня, и нет ничего, что я скажу тебе в ответ, что обрадует тебя. Не говори сегодня о делах, расскажи о себе.

— Согласен! — Борх поднял кружку. — Не для того я махал крыльями полдня, чтобы мои друзья обсуждали при мне тяжёлые темы. Завтра я отправлюсь навестить моих девочек в школе Юнтай, а вы тут хоть обобщайтесь о судьбах Севера.

— За встречу! — громко сказал Исенгрим, и его красивые, жёстко очерченные губы изогнулись в улыбке. — За эльфов, встретившихся на краю мира!

Пиво было лёгким и с бархатным карамельным вкусом. Я решила не забивать себе голову тем, что Исенгрим игнорировал меня. Это было ожидаемо, а я устала, проголодалась и была рада тому, что разговор о делах отложили на завтра, и с чистой совестью налегла на еду.

— Так вот, дорогуша, ты спрашивал, где я пропадал два года, — Борх вытер губы тыльной стороной ладони и подвинул разделанную солёную рыбу на середину стола. — А я расскажу! Если бы ты только видел, как эти два прохвоста обвели вокруг пальца ораву чародеев, словно заезжий рыцарь деревенскую простушку, нашептав ей обещания жениться после сеновала!

Я с благодарностью глянула на него. Несмотря на фиаско с кражей дитя, Борх, казалось, больше не питал к нам обид.

— Я всегда чувствую, если где-то поблизости находятся мои девочки. Так я нашёл их в пустыне, — он указал на нас пальцем. — Инстинкт — мощная штука, и я понял это, пока жил котом. Но и разум — великий подарок, и только вернув его, я в полной мере осознал сей факт.

Борх в красках расписал жизнь в шкуре кота и своё спасение.

— За эти годы я успел пристроить этой развалюхе второй этаж, — сказал Исенгрим, выслушав историю, и махнул на лестницу в противоположном конце комнаты.

— Но-но, попрошу, и без второго этажа этот дом не был развалюхой, и тебе повезло, что старая садхви именно в тот момент, когда мы пришли, решила, что обладание собственностью в виде земли и дома мешает ей в познании вечности. Я привёл тебя сюда!

— Это не помешало ей перед паломничеством обобратить меня до нитки, — усмехнулся Исенгрим. — Однако ты прав, это была лучшая сделка в моей жизни.

Он внимательно посмотрел на кольцо на руке Иорвета, которой тот держал кружку.

— Второй по значимости сделкой была вот эта, — Исенгрим показал Иорвету большой палец правой руки, на котором было надето чёрное кольцо. — Вижу, что и ты, брат, сумел обойти безумные зерриканские законы.

— Да, — не моргнув глазом подтвердил Иорвет, бросив на меня мимолётный взгляд.

— Честно говоря, мне помог один dh'oine, — ничего не заметив, продолжил Исенгрим. — Мы прошли перевал Эльскердег втроём: я, следопыт Бореас Мун и некто Сиги Ройвен. Никогда ещё я не встречал существа, столь быстро налаживающего всякого рода связи. Он выправил для всех подложные кольца вдовцов, но, в отличие от меня со следопытом, не захотел начинать новую жизнь, — Исенгрим задумался. — Мыслями он был на Севере. Наши пути разделились в Шале — мы ушли, а он остался.

У меня зачесался язык, чтобы рассказать, что я знаю о дальнейшей судьбе Дийкстры или Сиги Ройвена — бывшем шефе реданской разведки, который в данный момент в Новиграде управлял банями и держал общак четырех преступных группировок города, но вовремя прикусила язык и промолчала.

— Как тебе удалось сбежать, брат? — Исенгрим налил себе следующую кружку, и взгляд его затуманился.

— Из Диллингена нас этапировали в близлежащие Свиньи горы к Ущелью Гидры. К тому моменту нас осталось двадцать девять, — проговорил Иорвет. — Нам сказали, что Риордаин, Ангус и ты в назидательных целях были повешены на набережной в Диллингене...

— Это правда, — глухо произнёс Исенгрим. — За исключением меня. В некотором смысле я завершил свою жизнь там, за сараем на молу, вместе с Риордаином и Ангусом... Но что было дальше, в Ущелье Гидры?

— Они хотели выбрать такое место, чтобы все нелюди узнали, что будет с ними рано или поздно. Под боком несговорчивый Брокилон, и это было зрелище, рассчитанное в основном на дриад.

Иорвет замолчал, взял кружку и осушил до дна. Борх тут же услужливо наполнил её снова.

— Потом, когда я вернулся в ущелье, то увидел, что стало с остальными... — продолжил Иорвет. — Видел на дне разложившиеся, обклёванные вороньём трупы. Меня

спас случай.

Борх вытянул шею, стараясь не упустить ни слова и не забывая при том о солёной рыбе и пироге. Исенгрим приподнял бровь.

— Васильковые глаза Яевинна приглянулись одному из старших офицеров, — усмехнувшись, сказал Иорвет, — и он решил воспользоваться эльфийским телом до того, как тому перережут глотку и сбросят в пропасть. Меня взяли за компанию с Яевинном, уж не знаю, чем заслужил такую честь — вероятно, два тела лучше, чем одно. К счастью, этот офицер пожелал, чтобы мы были вымыты перед тем, как предстанем пред его очами, а к ещё большему счастью заколкой для волос, которую неизвестная дама забыла у бадьи, можно не только убить с одного удара в глаз, но и вскрыть замок на наручниках.

Исенгрим хлопнул в ладоши и расхохотался. Иорвет криво улыбнулся.

— Мы сбежали из купальни нагишом, пробрались в Брокилон, Эитне помогла нам, — завершил он свой рассказ. — Как мне доложили, в документах нас с Яевинном записали среди тех, кого казнили в Ущелье Гидры — вероятно, тот офицер благоразумно утаил сведения о побеге. Потом наши пути с Яевинном разошлись.

— Вы всегда терпеть не могли друг друга, — сказал Исенгрим.

— Возможно, — без эмоций ответил Иорвет. — Насколько я знаю, Яевинн сейчас так и сидит в болоте под Вызимой.

— А ты? — Исенгрим прищурился, и из-за шрама показалось, что выражение его лица стало зловещим. — В каком болоте осел ты, Иорвет, что спустя четыре года приходишь ко мне в компании с dh'oine и говоришь, что многое изменилось?

Я заметила, что кулаки Иорвета сжались.

— Друзья, давайте выпьем, — вскричал Борх, — прежде чем перейдём к чрезвычайно занимательному философскому вопросу о том, на что можно пойти ради выживания, а на что нет!

Все подняли кружки.

— Разве ты, Исенгрим, не изменился после нескольких лет жизни в стране, где нет ни одного эльфа, после того, как завел дружбу со следопытом-dh'oine? — негромко спросил Иорвет.

— Нет, я не изменился и не заводил дружбы, — ответил тот. — Я заводил взаимовыгодное сотрудничество, и клянусь, единственный раз, когда союз с dh'oine оправдал себя, был в случае с Муном. Но и на него нельзя было положиться — как только эмоции овладели им, он, словно флюгер под порывом ветра, изменил направление и ушёл в Хатчадор, несмотря на всю нашу «дружбу».

Исенгрим посмотрел прямо мне в глаза.

— На dh'oine нельзя полагаться, Иорвет, — с нажимом повторил он. — Даже если очень хочется обмануться.

Я встала, с меня было довольно.

— Спасибо за еду и тёплый приём, — сказала я как можно вежливее, но не удержалась, чтобы не подчеркнуть голосом последние слова.

Исенгрим усмехнулся, прекрасно считав интонацию.

— В моём доме не так много комнат...

— Чур, как обычно, печь — моя! — воскликнул Три Галки.

— Иорвет, ты можешь занять мастерскую, — Исенгрим кивнул на лестницу на второй этаж. — А твоей... напарнице подойдёт комната для медитаций. Правда, там нет кровати.

Эльф показал на стремянку, прислонённую к стене прямо позади стола и упирающуюся в люк в потолке.

— Мне всё равно, — буркнула я и пошла за сумкой.

Через люк я втянула в комнату свои вещи, кувшины с водой и деревянную шайку, которые Йорвет соизволил подать мне снизу. За исключением коврика, уложенного около большого, от пола до потолка, окна в торцевой стене, крохотная комната была пустой, и в ней пахло свежим, недавно оструганным деревом. Поймав себя на мысли, что неожиданно, но мне тут нравится, я зажгла пару стоящих на полу свечей в медных подсвечниках, расстелила шкуру под скатом крыши и приоткрыла оконную створку, больше похожую на дверь. Из окна была видна даль — яркая луна освещала уходящее вниз ущелье и блестящую белым извилистую нитку реки. В комнату ворвались запах и шелест хвойного леса, журчание воды и свиное уханье.

Снизу ещё слышались голоса, сквозь щели люка виднелся свет, и слегка потянуло табаком из трубки Йорвета. Я долго и не спеша плескалась над шайкой, а потом, потушив свечи, растянулась на шкуре и слушала ночной лес. «Туда» в нашем путешествии закончилось здесь, в этом доме в горах, и оставалось лишь «обратно». Этот факт должен был радовать, но нет — откуда-то взялась и не отпускала печаль. Обратно — это совсем другое чувство, это движение в сторону конца, это последняя неделя лета, это вечер воскресенья. Закрыв глаза, я сконцентрировалась на дыхании и потихоньку задремала.

Меня разбудил непонятный звук, и я резко села на шкуре. В щелях люка было темно, в доме было тихо. Лёгкое постукивание по стеклу повторилось. Сердце бешено забило, я подскочила к окну, распахнула створку, и в комнату с крыши спрыгнула тень.

— Я скучаю, — тихо сказал Йорвет.

ДРАКОНОВЫ ГОРЫ. Что очерствело, то мертво

Перед рассветом тем же путём через крышу Йорвет вернулся к себе, а утром я проснулась счастливой, как будто я-ночью и я-днём были совершенно разными людьми. В свете дня обратный путь на Север не печалил, а наоборот, обрёл смысл, как маленькая новая подаренная мне жизнь. И пусть мы, как подростки, должны были прятаться от сурового родителя, и пусть мы всё так же не говорили о любви, это было неважным. Как верно напомнил вчера Борх, только потеряв, а потом вернув что-то, можно было понять, насколько ценным подарком оно для тебя было.

Утром и без того уютная комната преобразилась. Хвойный лес за окном играл светом и тенями, далеко-далеко в голубой дымке змейкой сверкал Алтинин, а через пропасть, по ту сторону ущелья, виднелась крепость с красной крышей, которую мы пролетали вчера, а за ней — лесистые громады гор. На мощёном дворе крепости я заметила какое-то шевеление. Высунулась в окно, присмотрелась — микроскопические девичьи фигурки, образуя оранжевое пятно на сером квадрате двора, отрабатывали боевые движения с палками, и их высоко завязанные в хвосты длинные волосы синхронно взлетали.

Я задумалась, насколько случайно хозяин дома выбрал именно этот вид для комнаты медитаций, и рассмеялась. А подумав ещё, решила, что мне стоит использовать комнату по назначению. Моё лицо, которое на этот раз Тэя, несомненно, охарактеризовала бы, как озарённое любовью, выдало бы нас Исенгриму с головой.

Снизу едва уловимо запахло кофе, и, размяв лицевые мышцы пальцами и нацепив скорбное лицо, я откинула крышку люка. В комнате на первом этаже, кроме Исенгрима, никого не было. В маленьком подтопке сбоку печи горел огонь, а эльф снимал с плиты джезvu. Наедине с ним я почувствовала себя крайне некомфортно, но отступить было поздно.

— Кахве? — поинтересовался он, не оборачиваясь.

— Да, спасибо, — ответила я и прошла за стол.

Исенгрим удивлённо глянул на меня, но невозмутимо разлил кофе по двум чашкам. На столе в тарелках лежали остатки пирога и кусочки кексов, и я решила, что Борх, вероятно, уже позавтракал.

— Путешественники с Севера обычно не жалуют кахве, — сказал Исенгрим и присел за стол напротив меня.

— Всё-таки и dh'oine могут удивить? — спросила я и отпила крепчайшего горького кофе.

— Нет, не могут, — ответил он, и губы его тронула холодная улыбка. — Значит, ведьмачка...

Он задумался, потом направил синий, как небо, взгляд поверх моей головы в окно.

— Я знаю Йорвета с детства, и после того как пропал его отец, я всегда был рядом, чтобы помочь ему. Он стал мне близок, как сын, как младший брат. Я знаю его, как никто другой. И я озадачен... — взгляд Исенгрима опустился и теперь протыкал меня насквозь. — Что должно было случиться, чтобы он по доброй воле связался с человеком, чтобы взять того в путешествие на другой край земли...

— Может, лучше спросить его самого?

Хоть у Исенгрима и было два глаза вместо одного, но и у меня накопилась богатая

практика гляделок, отработанная на Иорвете, и я ответила столь же тяжёлым взглядом.

— Я спрошу, несомненно спрошу. И всё же, я хотел бы услышать ответ, — сказал он. — Предполагаю, что у тебя должен быть некий интерес, определённо шкурный, как у всей вашей братии, чтобы последовать за ним так далеко.

Он продолжал изучать моё лицо, как будто узнать ответ на этот вопрос и правда было для него важным. Я вспомнила, как Иорвет беспокоился, что может вместо Исенгрима встретить незнакомца, вспомнила, что Мариам назвала Исенгрима его наставником. И этот наставник точно так же, как и Иорвет, боялся, что тот, кому он стал почти отцом, за время разлуки изменился, стал кем-то чужим. Они были близки, очень близки, и я вдруг поняла, почему при виде этого внешне совершенно непохожего на Иорвета эльфа у меня возникло странное ощущение дежавю — неуловимые детали в манере говорить, жестах и мимике у Исенгрима с Иорветом были схожи, как у тех, кто долгое время провёл вместе.

— Несомненно интерес и несомненно шкурный, — без колебаний подтвердила я, понимая, что жизненно необходимо, чтобы Исенгрим не засомневался в Иорвете. — Взаимовыгодное сотрудничество.

— Я так и думал, — произнёс он, как мне показалось, с удовлетворением и надменно улыбнулся. — И каковы же условия этого, гм, союза?

— А вот это — не твоё дело, — твёрдо заявила я.

Заскрипели ступеньки лестницы, и в комнату спустился предмет нашего обоюдного интереса. Цепким взглядом Иорвет оценил обстановку.

— Я думал, что ты проснёшься с рассветом, и ждал тебя, — улыбнулся Исенгрим, на этот раз тепло. — Но вижу, что сон в моём любимом помещении этого дома пришёлся тебе по душе. Бывало, я и сам ночевал там, засидевшись за работой. Какве?

— Нет, только не какве, — ответил Иорвет и, по-хозяйски заглянув в чайник на плите, переставил его на подставку на стол. — Ты увлёкся резьбой по дереву?

Воспользовавшись моментом, я взяла кусок пирога.

— Я строил дом и вошёл во вкус, — сказал Исенгрим и повернулся ко мне. — Как тебе понравилась комната для медитаций?

— Чудесная комната, в ней отлично спать, — честно ответила я и добавила: — И вид из окна замечательный. Особенно утром.

— Я знаю, — невозмутимо ответил он.

— Откуда у тебя всё это? — спросил Иорвет и повёл рукой. — Мука, овощи, не говоря уж о пиве... Я не заметил огорода у твоего дома.

— Мы как раз обсуждали с ведьмачкой вопросы взаимовыгодного сотрудничества, — ответил Исенгрим. — На другой стороне реки стоит монастырь для девочек, хотя Борх со свойственным ему оптимизмом утверждает, что это школа. Школа, которая получает финансирование из казны и которая готовит для него и других драконов независимую и весьма грозную армию. Так или иначе, они — мои соседи, а мой опыт говорит, что добрые отношения с соседями весьма важны. Я помогаю им с кое-каким ремонтом и приношу свежую дичь, взамен беру продукты.

— Дело, с которым мы пришли, тоже касается союза. Взаимовыгодного союза, — сказал Иорвет.

— Завтракай, брат, и я тебя выслушаю, — сказал Исенгрим.

Стол был убран, посуда вымыта, и ничто больше не могло отсрочить разговор, которого

хозяин этого дома так старательно избегал.

— Я готов, — Исенгрим смахнул со стола последние крошки, вымыл руки и уселся напротив Иорвета, тщательно вытирая каждый палец льняным полотенцем. — Уверен, что такой разговор лучше проводить с глазу на глаз.

Он многозначительно посмотрел на меня.

— Нет, ведьмачка останется, — отказал Иорвет. — По правде сказать, именно её миссия — найти тебя, а не моя. Яна, покажи розу.

Я сняла с шеи кулон Аэлирэнн и подтолкнула его по столу к Исенгриму. Тот молча смотрел на него, потом протянул руку и взял розу.

— Занятная безделушка...

— Выслушай ведьмачку, — попросил Иорвет. — Эта безделушка — нечто большее, нежели то, чем кажется.

Исенгрим кивнул, продолжая рассматривать розу на ладони, а я начала рассказ о том, как мы с Геральтом встретили в Шаэрраведде призрак Аэлирэнн.

— Gwynbleidd? — переспросил Исенгрим. — Слышал об этом ведьмаке, что любит совать нос в чужие дела. Или это любят делать все ведьмаки?

— Скорее чужие дела любят соваться к ведьмакам, — проворчала я. — Мы не заставляли Аэлирэнн петь в ту ночь.

Я продолжила и процитировала последнюю просьбу Аэлирэнн. Исенгрим прикрыл глаза и так и сидел, когда я закончила рассказ.

— Ты шёл сюда, брат, так далеко, чтобы отдать мне эту розу? — наконец, сказал он, с его пальцев соскользнула цепочка, и роза с тихим стуком упала на стол. Исенгрим посмотрел Иорвету в лицо: — Ты ошибся.

— Я не верю, что ошибся, — возразил Иорвет.

— «Возьми это и передай тому, кто так же, как и я, проклял себя. Проклял за то, что вёл за собой», — повторил Исенгрим. — Я не тот, кого она имела в виду. Я проклял многих, но мне не за что проклинать себя.

— Грядёт битва, Исенгрим, — Иорвет нажал ладонями на стол. — Последняя битва за Дол Блатанна. Последний шанс эльфов вернуться на свою землю. Ты нужен нам. Об этом говорила Аэлирэнн, и нет никого другого, кого она могла бы иметь в виду.

Исенгрим покачал головой.

— Смирись, Иорвет, мы проиграли эту битву два столетия назад, и что бы ни напел призрак Аэлирэнн сейчас, это ничего не изменит.

— Я думал так же до последнего времени, но сейчас всё изменилось...

— Ты повторяешь слово «изменилось» слишком часто, — перебил Исенгрим.

— Потому что это реальность. Прошу, услышь меня... — Иорвет требовательно взглянул на него и заговорил.

Он говорил о Саскии, о Свободной Долине Понтара, о том, как туда стягиваются эльфы со всего Севера, и о том, что впервые за всю историю сотрудничества с другими расами эльфы не были преданы.

— Я слышу в твоих словах себя из прошлого. Прекрасные мечты... — горько сказал Исенгрим. — Эльфы не были преданы в Вергене... Пока... Пока их можно использовать как военную силу. Возможно, дочь Борха не такая, как другие, возможно, что она не предаст вас, но её государство обречено.

— Вас? — во взгляде Иорвета вспыхнул гнев. — Раз уж ты заговорил о нас и вас, я бы

хотел знать, каким образом в ломбарде оказалось вот это!

Он грохнул о стол ладонью. Исенгрим, криво улыбаясь, смотрел на кольцо с эльфийским бериллом.

— Я в тебе никогда не сомневался, Иорвет, — тихо сказал он, не притрагиваясь к кольцу. — Ты смог отыскать даже его.

— Почему ты отдал его, Исенгрим? Я не понимаю! Скажи мне, как ты мог отдать последнее в роду Фаоильтиарна кольцо, последнее, что связывает Aen Seidhe с теми, кто прибыл в этот мир на Белых Кораблях?!

В комнате будто потемнело, и между эльфами, напряжённо сверлящими друг друга взглядами, казалось, пробежали грозные разряды. Исенгрим заговорил:

— Неужели ты до сих пор, как и Филавандрель, вглядываешься в небо в надежде увидеть Знак, Иорвет? Велунд ошибся, тебе пора признать это и забыть. Что касается кольца, Исенгрим Фаоильтиарна мёртв — таков мой ответ.

Слова Исенгрима вонзались в Иорвета невидимыми ножами, и лицо его исказилось, как от боли.

— Нет, твой ответ другой, Исенгрим. Ты отрёкся от эльфов — вот твой ответ. Ты предал нас точно так же, как нас предали dh'oine! Быть может, тебе всё же есть, за что проклясть себя?

— Thaess aep! — почти крикнул Исенгрим, но совладал с собой и мрачно посмотрел на меня. — Оставь нас.

Замолчи!

— Нет, — непререкаемым тоном сказал Иорвет.

— Я буду снаружи, — сказала я и поднялась.

Эльфы сидели в молчании, пока я вылезала из-за стола.

Чтобы убить время, я решила обойти дом. Деревья за ним смыкались плотной тяжёлой хвоей и не пускали дальше. Я продралась сквозь запутанные ветки и вышла к уступу, на который выходило окно моей комнаты.

Легко шумел ветер, а из ущелья монотонным гулом отзывалась река. Я не до конца понимала замысел Иорвета, зачем ему так сильно нужен был Исенгрим. Пока мы путешествовали, я не лезла к нему с этим вопросом, потому что шанс отыскать того всегда был призрачным, и не было смысла переливать из пустого в порожнее. Однако мы это сделали, мы нашли Исенгрима. И насколько за прошедшие месяцы я узнала Иорвета, настолько же крепка была моя уверенность в том, что помимо политической рокировки, которую он задумал, поиск и возвращение Исенгрима были для него чем-то большим, чем-то лично важным. Может быть, не только он стал Исенгриму сыном, но и тот стал ему отцом? Вторым отцом, покинувшим его...

На самом краю уступа под сосной я заметила в редкой траве гриб, похожий на подосиновик. Уселась около него на землю. К развесистой кирпично-коричневой шляпке прилипли хвойные иглы, травинка оставила поперёк неё длинный тонкий след. Гриб был старым, и хотя крепко стоял на высокой ноге, но развалился у меня в руках, когда я прикоснулась к нему, а шляпка была изъедена червями. За спиной громыхнула дверь.

Через секунду Иорвет стоял рядом, тяжело дыша. Лицо покрывали красные пятна. Сжал кулаки, он заметался по краю обрыва. Я ждала.

— Расскажи, — наконец, тихо попросила я.

Иорвет остановился, зубы были стиснуты, на челюстях выступили желваки.

— Исенгрима Фаоильтиарны — Железного Волка, легенды скоя'таэлей, имперского полковника Врихедд, последнего наследника эльфийской короны больше нет, Яна, — процедил он сквозь зубы. — Он сказал, что теперь он просто Вольф Исенгрим — никому не известный охотник с Драконовых Гор.

Иорвет опять зашагал туда-сюда.

— Он сдался, понимаешь, сдался! Гораздо лучше, когда герои заканчивают свой путь на плахе, как Аэлирэнн, а не так — сбегая и предавая свой народ, — с горечью добавил он. — Во всяком случае с её именем на устах эльфы продолжают бороться. Всё было зря!

— Не зря, — помолчав, возразила я. — «Нет» — это лучше, чем неизвестность.

— Все, кто мне дорог, рано или поздно предают меня! Отворачиваются. Уходят... — на последнем слове голос Иорвета едва заметно дрогнул.

— Ты знаешь, что это неправда, Иорвет. Киаран не предавал тебя и никогда не предаст. Саския. Скоя'таэли в Вергене, которые ждут тебя, а не Исенгрима. Они не предадут и никуда не уйдут, — сказала я и добавила тихо: — И я... не предам.

Иорвет яростно потёр обеими ладонями лицо, выдохнул, сел рядом на землю.

— Впервые у меня нет никакого плана, — потерянно сказал он. — Я не знаю, что делать...

Я оглянулась на дом. В окне виднелся силуэт Исенгрима, который смотрел в нашу сторону. Я вздохнула.

— Ведьмачий способ, по-другому никак.

— Подумать завтра? — он глянул на меня и слегка улыбнулся.

— Подумать завтра, — подтвердила я.

Иорвет достал трубку и неспешно набил. Потом он молча курил и смотрел, как в ущелье река бежит по порогам, а я была рядом. На тропе внизу между деревьев показалась тень, и через некоторое время Борх поднялся к нам. Против обыкновения он молчал, лицо было хмурым. Он подошёл к краю уступа и, как и Иорвет до него, зашагал туда-сюда, заложив руки за спину и вперившись глазами в землю. Потом остановился и стал разглядывать нас.

— Я беседовал с Веструмом, и она сказала мне то же самое, что и вы, — наконец, смурным голосом сообщил он.

— А кто это, Веструм? — спросила я.

— Проводник. Страж. Та, кто говорит с Сердцем Мира, — ответил Борх. — И заодно основательница и ректор школы Хранительниц.

Я пожала плечами.

— Тебе так не нравится этот вариант?

— Нет, не нравится. Я поругался с Зоуи, то есть с Веструмом, что само по себе невыносимо, — сказал он и опять заходил по краю, — я не ругался с ней ни разу за всю мою жизнь, а она знает меня с тех пор, как я был не больше ящерицы! Этот мир сошёл с ума!

Я уткнулась подбородком в скрещенные на коленях руки. Иорвет тонкой струйкой выпустил из губ дым и мрачно смотрел вдаль.

— Вижу, что и ваш разговор не принёс желаемого результата, — тихо сказал Борх и тут же воскликнул, глядя нам за спины: — А! Вот и ты, дорогуша! Присоединяйся к нашей компании, зашедшей в основательный тупик.

— Уверен, что настало правильное время, чтобы открыть вино, отложенное на крайний случай, — раздался глубокий голос Исенгрима.

Я оглянулась. Эльф неслышно подошёл к нам, держа в одной руке бутылку, а в другой скрещенные бокалы.

— Южный склон горы Моран в Восточных горах. На глине получаются мощные, закалённые вина, склонные к выдержке, — сказал он, разливая вино. — Гравий накапливает тепло...

— Выдержка будет как нельзя кстати! — перебил Борх и потянулся за бокалом. — Мы тут маленько в ошеломлении.

Я приняла из рук Борха вино, и Иорвет, помедлив, тоже взял свой бокал с таким видом точно внутри был яд. Не чокаясь, молча, как на поминках, все отпили.

— Я потребовал у Веструма, чтобы она провела меня к Сердцу Мира. Я хочу задать свой вопрос ему, — сказал Борх, крутя в руках бокал.

— Ты рассказывал об этом ритуале... Можно ли нам пойти с тобой? — тихо спросил Исенгрим, неотрывно следя за отвернувшимся Иорветом. — Мне кажется, Зоуи не отказала бы мне в этой просьбе. У нас тоже есть вопрос, переданный из потустороннего мира, который невозможно разрешить никому из смертных.

Борх не ответил и долго смотрел на Исенгрима, потом перевел взгляд на лицо Иорвета, потом настала моя очередь. Когда я смотрела в его тёмные глаза, то впервые заметила в них что-то, что не принадлежало жизнелюбивому ловеласу средних лет — что-то древнее, выворачивающее нутро наружу, как карман, вместе со всеми секретами. Помедлив, он кивнул. Исенгрим прикоснулся к плечу Иорвета.

— Ты не поверил мне, брат, что я не тот, кого ты ищешь, — сказал он. — Поверишь ли ты, если это скажет тебе само Мироздание?

— Как ты собираешься спрашивать Мироздание? — усмехнулся Иорвет. — Позовёшь пустынных шаманов?

— Нет, нам не нужны посредники, — ответил Борх. — Мы спросим напрямую у Сердца Мира. У Драйк Кина.

Борх грохотал кулаком в деревянные ворота школы Юнтай. Приоткрылось квадратное смотровое оконце, с той стороны раздался смех, который тут же оборвался от строгого девичьего голоса, лязгнул засов, и створки поползли в стороны. За порогом нас встретили четыре девочки в рыжих штанах и рубашках наподобие тех, что Борх добыл нам для вылазки во дворец. Две младшие, лет семи-восьми, с восторгом глазели на Борха, а старшие, лет шестнадцати, со всей серьёзностью уважительно склонили головы, и одна из них повела нас через двор.

По правую руку расстилался выходивший на обрыв плац, на котором утром я видела тренирующихся девочек. Слева между парой бревенчатых сараев под сенью единственного на весь двор пожелтевшего дуба стояли длинные деревянные столы, и за ними группками сидели юные Хранительницы. Все, как одна, побросали настольные игры, книги и чернильницы и повернули головы в сторону Борха. Наша провожатая гордо вскинула подбородок и толкнула дверь в замок.

Мы вошли в зал с высокими каменными колоннами и теряющимися в вышине арочными сводами, и от запаха вощёного дерева и старых книг, от пыльного косого света из узких окон, от звуков, наполняющих пространство, затянуло где-то в груди — сам дух этого места до боли напоминал Каэр Морхен. Только вместо гулко-одинокого эха ведьмачьей крепости вибрировала, отражаясь от здешних стен, мелодия из возгласов, смеха, далёкого топота

невидимых нам детей. Скоро показались и они — справа за колоннами было оборудовано нечто вроде лектория, и из-за парт, захлопывая книги и со скрежетом двигая лавки, выбирались ученицы. Две уже мутузили друг друга, и проходящие мимо со смехом отвечивали им шлепки. Молодая женщина с татуировкой вокруг глаз, как у Хранительниц, прикрикнула на драчуний, и они тут же отцепились друг от друга. Борх заговорил с учительницей по-зеррикански, та отвечала, глядя на него влюблёнными глазами.

— Удивительно это всё же, — пробормотал Йорвет, наблюдая за разговором.

— В Хранительницы идут по зову сердца, драконы для каждой из них — самое важное в жизни, — тихо пояснил Исенгрим и приветственно склонил голову в сторону учительницы.

— Веструм ждёт нас, — Борх повёл через зал.

На полустёршейся фреске на стене слева свирепая зерриканка с толстой косой смотрела свысока, закинув на плечо саблю, вокруг неё кольцом обвивался хвост дракона, расправившего крылья.

— Моя первая Хранительница, Дэа, — прокомментировал Борх и открыл дверь.

Звуки стихли в коридорах, мы шли по облысевшей ковровой дорожке. Борх свернул на башенную лестницу, точно так же, как в Каэр Морхене, поднимавшуюся спиралью по стене. На вершине башни он остановился, откашлялся и отворил дверь. Медальон задрожал.

В тёмной комнате ярко светился квадрат распахнутого балкона. На его фоне виднелся стол, а за столом, лицом к свету, сидела женщина в чёрном. Узкая спина её была прямой, будто она проглотила палку, седые волосы так же, как у Хранительниц, были собраны в высокий хвост. Борх, казалось, оробел, кашлянул ещё раз и шагнул в её сторону.

Вокруг было много книг в высоких шкафах по стенам, книги громоздились и на столах вместе с развёрнутыми картами, углы которых прижимали куски минералов и отполированные кости. Все окна, кроме балкона, и все стены между шкафов были занавешены плотной бархатной тканью, и оттого казалось, что мы попали за кулисы театра.

Женщина отложила перо и поднялась из-за стола. Гордой посадкой головы и прямой осанкой она напоминала пожилую и очень строгую преподавательницу балета. На её бледном лице не было татуировок, тонкие губы были крепко сжаты. Мой медальон точно взбесился, прыгая на шее, и мысленно я попыталась успокоить его, как успокаивала на изнанке волка, и неожиданно это сработало.

— Вольф Исенгрим! — женщина улыбнулась, и вмиг её лицо потеряло весь налёт строгости. Будто не замечая Борха, она прошла мимо и взяла обе руки Исенгрима в свои. — Ты давно не появлялся, а наша шахматная партия ждёт тебя.

Белая узкая ладонь взлетела точным и стремительным движением, и Веструм указала в сторону, где на столике на шахматной доске были расставлены фигуры.

— Я ходил в горы, Зоуи, и только вчера вернулся, — Исенгрим тоже улыбнулся ей, и на мой взгляд гораздо приветливее, чем того требовало взаимовыгодное сотрудничество.

Веструм развернулась к Борху и сурово посмотрела на него, как на нашкодившего проказника. Тот насупился, но воинственно выпятил грудь.

— Ты всё-таки настаиваешь на разговоре с Драйк Кином, — констатировала она и шагнула к Борху. Веструм была босиком, а то, что я приняла за длинную чёрную юбку в складку, оказалось брюками с широченными штанинами. Тот отступил.

— По правде сказать, я прошу не столько ради себя, сколько ради моих друзей, — Борх кивнул на нас. — Так же, как и я, они попали в чрезвычайно сложную жизненную

ситуацию...

— Такой большой мальчик, а всё хитришь, — укоризненно сказала она и обернулась на нас. — Но я смогу провести лишь одного из них.

Взгляд Веструма задержался на Иорвете, своей балетной походкой она подошла к нему и, протянув тонкую руку, отчего широкий рукав чёрной рубашки задрался по локоть, взяла Иорвета за подбородок. Слегка наклонила его лицо к себе. Потом подошла ко мне, заглянула в глаза.

— Однако лишь только одному и нужен проводник, — сказала она. — Что же, я исполню ваши просьбы. Присаживайтесь, до заката у нас есть немного времени.

Мы направились к креслам, расставленным у портьеры у стены, а Веструм вышла на балкон и неожиданно зычным для её хрупкой фигуры голосом скомандовала что-то по-американски. Снизу ответили. Вернувшись, она потребовала, чтобы Борх представил нас с Иорветом.

— Зоуи, зовите меня просто Зоуи, — сказала она, пожимая нам руки. — Веструм — это для учениц. Сегодня утром Вилли рассказал мне, какую значительную роль вы сыграли в его судьбе. Хранительницы искали его, и даже они не смогли бы сработать лучше. Но ещё большее уважение и благодарность вызвало во мне то, что вы не вмешались в судьбу дитя.

Она с осуждением посмотрела на Борха.

— Вы все сговорились против меня, — с обидой в голосе сказал тот, откидываясь в кресле. — До сих пор не могу поверить, Зоуи, что ты знала тайну Хатун Мелике и все эти годы скрывала от меня.

— Тайна перестаёт быть тайной, если её рассказывают, не так ли, Вилли? Веструм школы Мадрахатун просила меня хранить секрет, на то были и есть свои причины. Есть только два прохода к Сердцу Мира и два Стража — ты сам мог бы догадаться, кем является Хатун, и она, в свою очередь, делала попытки к сближению...

— Как же, делала, — язвительно произнёс Борх. — Например, наняла наёмников, которые отыскивали меня на Севере и как животное на потеху публике провезли через полстраны прежде, чем мне удалось сбежать. Если бы я раньше знал...

— Мы с Веструмом Хлои не занимаемся случаями золотых драконов, как бы это ни было необходимо для поддержания Баланса, — холодно прервала его Зоуи. — Свой путь каждый должен найти сам.

— Да-да, я помню, а потом ещё и нести ответственность за выбор, — с досадой сказал Борх.

— Вот видишь, ты всё знаешь, — улыбнулась она. — Но Хлои ничего не сказала о рождении дитя, видимо желая потянуть время, и новость, которую ты сообщил мне — радостное открытие. Родился мальчик, а это значит, что, когда он повзрослеет, он будет под моей опекой, а не под её. Ты должен был рассказать мне об этом раньше.

— Последние годы, как ты понимаешь, я был занят, — пробурчал Борх.

Зоуи подошла к стене и отодвинула в сторону половину портьеры. На крашенной чёрным гладкой поверхности золотом было нарисовано генеалогическое древо.

— Ты знаешь эту картину, Вилли, — сказала она Борху. — Но есть и другая.

Она отёрнула вторую половину шторы, за которой открылось ещё одно золотое генеалогическое древо. И у первого, и у второго на верхнем ярусе кроны осталось по одному листу.

— Древние роды соединились, — торжественно сказала она, — это будет особенный

ребёнок.

— Я знаю, что он особенный, потому что это мой ребёнок, — проворчал Борх.

— Ты упрям, как мул, — ответила Зоуи, присела с прямой спиной на край кресла и с любопытством посмотрела на Исенгрима. — Какое же дело ведёт тебя к Сердцу Мира, Вольф Исенгрим?

Эльф тяжело вздохнул и глянул на нахмурившегося молчаливого Иорвета.

— Мой брат зовёт меня обратно на Север, — сказал он. — Он говорит, что всё изменилось. Вот только...

— Вот только ты не можешь измениться? — продолжила она.

— Я не хочу, — твёрдо ответил Исенгрим, глядя в её блестящие чёрные глаза.

Веструм тихонько рассмеялась и прикрыла веки.

— Молодость — слабая и гибкая, старость — крепкая и чёрствая, — заговорила она, будто цитировала что-то по памяти. — Росток нежен и податлив, старое дерево — сухое и ломкое. Тот, кто негибок и твёрд, идёт дорогой смерти. Дерево, высокое и крепкое, найдёт свой топор.

— Я уже нашёл свой топор, — тихо сказал Исенгрим.

Иорвет вскочил с кресла и ушёл на другую сторону комнаты к шахматному столику. На полу недалеко от него на мощной деревянной ноге стоял объёмный, странно выглядящий глобус. Иорвет задумчиво рассматривал его и вдруг, заинтересовавшись, протянул к нему руку. Зоуи благосклонно посмотрела на Иорвета, как учительница смотрит на ученика, внезапно проявившего интерес к её предмету.

— Пойдём, — она встала и поманила меня за собой. — Вам двоим будет небезынтересно узнать об устройстве мира, в который вы мельком заглядывали.

Подойдя ближе, я поняла, почему глобус выглядел странно — он состоял из уменьшающихся полусфер, разрезанных по меридианам и насаженных на единую ось. Верхнюю, самую большую полусферу занимала детальная карта, в центре которой я узнала очертания Зеррикании, Северных королевств и Нильфгаарда. Зоуи заговорила таким тоном, будто перед ней была аудитория, полная студентов:

— Внешний уровень мира — слой Порядка. Это реальность — то, что вы видите вокруг. Мир материи в пространстве и во времени, которое движется в одном направлении и с постоянной скоростью. Конечно, магия, как проявление Хаоса, добирается и сюда — всё же наш мир, хоть и напоминает слоистую луковицу, но един.

Зоуи повернула верхнюю полусферу, и под ней открылась другая карта, повторяющая предыдущую, но все контуры которой были выведены белым по чёрному.

— Пограничный уровень, где материальное и магическое проникают друг в друга, а Порядок и Хаос сосуществуют на равных. Материя и её формы — пространство и время начинают терять свои свойства и становятся изменчивыми. Вы попадали сюда, но дальше без поддержки Проводника вас не пускают ваши тела.

Она повернула сегмент с картой изнанки, и под ним, на полусфере меньшего диаметра было нарисовано нечто вроде абстрактной картины из хаотических ярких цветных пятен на чёрном фоне.

— Уровень Хаоса. Чем дальше мы уходим за пограничный слой, тем сильнее влияние субстанции — именно она порождает магию. Этих слоёв, вложенных друг в друга, — она притронулись к полусферам, — бесчисленное множество. И чем глубже, тем больше изменчивость материи, превращающейся в субстанцию, и тем меньше пространство и время

отличаются друг от друга. Сегодня мы дойдём до этого уровня, но не дальше.

Она отвернула третий цветной сектор, и последним открылся небольшой чёрный шар.

— Это ядро, порождающее и поглощающее все остальные слои. Предельная точка, Сердце Мира, где пространство и время полностью теряют тот смысл, что мы придаём им в нашем мире, становятся непознаваемыми. Туда уходят навсегда, чтобы потом из этой точки родился новый юниверс, — сказала она. — Это бесконечно малый и одновременно бесконечно большой мир. Драйк Кин.

Она лукаво посмотрела на наши явно ошарашенные от открывшейся информации лица.

— Драйк Кин в переводе с мёртвого языка этой земли значит Дракон. Логично, не правда ли? — с каким-то восторгом сказала она и рассмеялась. — Но мы, конечно, не пойдём до самого ядра, нам же надо вернуться. Мы встретимся с отражением Драйк Кина в слое Хаоса.

Иорвет повернул полусферы обратно, потом выдвинул карту изнанки.

— Почему ты рассказываешь нам это? — спросил он. — Даже лучшие чародеи Севера не знакомы с таким устройством мира.

Зоуи улыбнулась ему, как будто он задал по-детски наивный вопрос.

— Теорий о строении мира столько, что ваше мнение ни на что не повлияет. Да вы и не будете рассказывать, как не будете рассказывать о запутанных семейных делах драконов. Я знаю это. Кроме того, те, кто не знаком с этой моделью мира, не поверят вам, как не верили в пророчества Знающей из твоего народа — Итлины. А те, кто поверят, знают и так.

— Так легенда о Белом Хладе — правда? — спросил Иорвет.

— Белый Хлад существует, это несомненно. Миры — такие же обитатели Вселенной, как и мы с вами на этой земле, и, как и среди любых существ, у них есть те, кто не прочь сожрать собрата. Белый Драйк Кин из таких. Однако текст пророчества Итлины, как и другие тексты этой прорицательницы, подвергся изменениям в процессе пересказов и переписывания, и текущий вариант несколько далёк от истины.

— Миры, пожирающие друг друга... — замороженно прошептала я себе под нос и тоже покрутила полусферы.

— Боюсь, я утомила вас, — доброжелательно сказала Зоуи и, взяв Иорвета и меня под руки, увлекла обратно к креслам.

Борх поднялся.

— Солнце зашло, — сказал он.

Я удивлённо огляделась — комната и вправду погрузилась в сумеречный мрак, хотя минуту назад света хватало, чтобы в подробностях рассмотреть все детали карт на глобусе.

— Ты прав, нам пора, — сказала Зоуи и наклонилась к моему уху: — Оставь медальон здесь, волк не выдержит перехода.

Почти растворившись в своей чёрной одежде в темноте, она прошла к занавешенной стене между шкапами и отёрнула шторы, за которыми скрывалась дверь. Зоуи отворила её. Я положила боязливо подрагивающий медальон на кресло и вслед за моими спутниками направилась в чёрный дверной провал.

Тоннель, начавшись из комнаты Веструма, вёл в толщу горы. Никто не зажигал огня, позади нас и впереди была темень, но вокруг Зоуи непостижимым образом сохранялся ореол дневного света, и там, где она шла, из темноты проявлялись выбитые в камне своды. Она не излучала этот свет, он сопровождал её, будто прожектор, который следует за первым актёром. Борх торопился, однако не заступал за световое пятно, а справа от Зоуи возвышалась прямая стройная фигура Исенгрима. Мы шли позади, спрятавшись в темноте, и Иорвет держал меня за руку.

Подуло холодным и влажным, и в тоннель просочился далёкий вибрирующий гул. Постепенно он нарастал, зудел в подошвах, а Зоуи со спутниками шла в светящемся молочно-белом тумане. Гул перешёл в грохот, и коридор окончился на краю пропасти — огромного жерла внутри горы, из которого с вышины обрушивался водопад и уносился в бесконечность вниз. С ног сбивало рваными порывами ветра, в лицо хлестали брызги. Зоуи зябко передёрнула плечами, нахохлилась и поманила всех поближе.

— Вы должны идти рядом со мной! Начинаем спуск! — перекрикивая водопад, скомандовала она и взяла Исенгрима под руку: — А ты — что бы ни произошло, что бы ты ни увидел, не отпускай меня, слышишь?

Исенгрим кивнул с таким невозмутимым видом, будто она предложила ему прогулку по саду. Зоуи подвела его к краю бездны и увлекла за собой вниз, Борх шагнул следом. Невольно я отпрянула от кромки обрыва, вжалась спиной в Иорвета, и тот обхватил меня обеими руками и, чуть ли не приподняв над землёй, сделал шаг за край. От мысли, что умирать в объятиях Иорвета не так уж и страшно, до ощущения, что почему-то под ногами земля, промелькнул лишь миг, в который мы сделали шаг, провернувшись, как стрелка часов от трёх до полуночи, и очутились на твёрдом каменном полу. Водопад, словно в аэродинамической трубе, летел над нашими головами горизонтально вдоль тоннеля. Зоуи с Борхом и Исенгримом ждали чуть впереди, и мы, мгновенно оттолкнувшись друг от друга, бросились их догонять.

В лицо дул ураганный ветер, рубашка надувалась и хлопала мокрыми пузырями. Пригнувшись, я жмурила глаза от колючих брызг, а Веструм шла, гордо выпрямившись, и её одежда развевалась будто лохмотьями. Мы бесконечно долго шли вдоль водопада, потом начали спускаться, и грохот струй отдалялся, теряясь во мраке наверху. Зоуи повела в расщелину под плоским горизонтальным скальным козырьком, и далеко в стороны расстилалась пещера, а потолок был настолько низок, что эльфам пришлось пригнуть головы. Шум водопада растворился в каменных лабиринтах, мокрая одежда стала ледяной и отвердела. Я попыталась разогреть дыханием окоченевшие пальцы. На выдохе изо рта шёл пар.

— Мы у пограничного мира, — хриплым отрывистым голосом произнесла Зоуи, и я увидела, что её чёрная одежда и впрямь превратилась в лохмотья. Она повернулась к Исенгриму: — Держи меня крепко!

На камнях появились инеистые наросты, далеко впереди засветилось. Я смотрела под ноги и вдруг заметила, что одежда моя странным образом почернела. Оглянулась на Иорвета — изнутри его кольчуги пробивался свет, лицо побелело. С таким же удивлением он смотрел на меня.

С каждым шагом изнанка проявлялась всё сильнее — голова Борха вытянулась в драконью морду, хотя он продолжал идти на двух человеческих ногах, а Зоуи скрючилась. Силуэт Исенгрима бледнел и всё более сливался с темнотой. Под сапогами похрустывало, пятно света в конце пещеры приближалось. Зоуи каркнула, лохмотья стали перьями. Она забила крыльями, не отпуская когтями рукав нарисованного белым маркером Исенгрима, и тот, подхватив ворону, усадил себе на плечо. Рядом с ним, распластавшись и еле пролезая под низким потолком, крался дракон. Иорвет принял свой белоснежный вид, его кольчуга сияла, и к моей чёрной, как ночь, руке протянулась от его ладони нить света.

— Вперёд! — Зоуи опять каркнула, мотнула клювом в светящийся проход, и слова были понятны, будто она говорила ртом.

Исенгрим замешкался, изумлённо переводя взгляд с Иорвета на меня, но ворона нетерпеливо захлопала крыльями на его плече, и он развернулся медленно, одеревенело, и зашагал к свету.

Тонкие капиллярные прожилки, приглушённо мерцающие в толще льда, тянулись вдоль стен и освещали путь в ледяном тоннеле. Изредка хвостики прожилок выходили на поверхность, и оттуда пульсирующими толчками сочились светящаяся жидкость.

— Субстанция, — сказала Зоуи, — лишь в двух местах на континенте она подходит так близко к поверхности.

От шагов разносился и отражался от стен прозрачный хрустальный звон. Я догнала Исенгрима, на плече которого ворона слегка приподнимала крылья в ритме его шагов.

— Чародеи, которые заколдовали Виллентретенмерта, хотели добраться до дитя... — начала я, обращаясь к Зоуи.

— В нём тоже есть частичка субстанции, — проговорила она, открывая клюв совершенно не в такт словам.

— С его помощью они хотели добраться сюда, к Сердцу Мира.

— Жажда могущества неистребима, — ответила она. — Ради него они убивают драконов, не понимая, что разрушают основу, на которой держится вся их магия. Когда-нибудь они придут сюда, и я буду их ждать.

Я могла поклясться, что круглые вороньи глаза зловеще вспыхнули.

— Но сначала им надо догадаться, что проходы к Сердцу Мира не находятся в Алтинадире, как они думают, — она кашляюще рассмеялась.

Прожилки во льду между тем приобрели голубоватый цвет и ветвились, всё гуще заполняя стены. Чешуя Виллентретенмерта зазолотилась, краски проявились и в лице Иорвета, зелёным и чёрным расцветилась его одежда под кольчугой. Наши чёрно-белые образы с изнанки будто раскрасили: мои руки вернули естественный цвет, плащ отливал двумеритовой синевой. К голубому свету ледяного прохода всё добавлялись и добавлялись переливающиеся радугой оттенки, и в этом буйстве цветов выделялись монохромом лишь чёрно-белый нарисованный Исенгрим и угольная ворона на его плече.

— Осталось немного, — проговорила Зоуи. — Мы не зайдём слишком далеко, но ровно настолько, чтобы Драйк Кин услышал нас и дал своё отражение. Ничего не бойтесь, просто идите рядом со мной.

Она сказала это вовремя, потому что материя стен, ещё недавно казавшихся твёрдыми, исчезла, от них остался только цветной прозрачный свет. Пол растворился, и я рефлекторно взмахнула руками, потеряв видимую опору под ногами. За левой рукой прорисовался и растаял в воздухе размытый алый след. В запястье щипало, и чувствовалась давящая изнутри

пульсация. Я отвернула рукав рубашки — давно зажившие шрамы от укуса Мариам раскрылись, и из них дымились, как под водой, облачка ярко-красной крови.

Очертания моих спутников колебались, размываясь, как акварельная краска на мокром листе. Всё сильнее, будто смазанные кадры, наложенные друг на друга, мелькали их силуэты, и в этом постоянном искажении очертаний всё равно было ясно видно исходный образ. И мы, и мир вокруг превратились в пляшущие колеблющиеся цветные пятна, которые не ощущались хаосом, а напротив, исполняли абсолютно гармоничную бушующую движущуюся симфонию. Временами свет собирался в оживленные улицы и отдалённые фантастические пейзажи, но как только я переводила на них взгляд, видения ускользали, чтобы сложиться в новые. И вдруг всё устройство мира, всё, что было и когда-либо будет, стало ясным и понятным, хотя и невыразимым в словах и необъяснимым с точки зрения науки. Я, чёрно-белый Исенгрим, золотой дракон, ворона, Иорвет, бывшие до того отдельными и разрозненными, стали сгустками света, вибрирующими в унисон со всем мирозданием, волнами в мировом океане Хаоса, частью чего-то единого, чего-то большего. Я оглядывалась, стараясь уловить глазами всё сразу, не фокусироваться ни на чём, чтобы осознать, запомнить это чарующее ощущение понимания сути всего.

Остановив Исенгрима, Зоуи истошно каркнула раз, другой, третий. С каждым пронзительным звуком хаос из световых пятен вздрагивал и упорядочивался в хорошо ощущаемую структуру. Свет перетекал из одного узора в другой, узоры сжимались вокруг нас и стремительными потоками собирались в точку. Зоуи продолжала каркать до тех пор, пока пространство не погрузилось в непроглядную тьму. Мы стояли внутри существа, сотканного из мрака, и лишь в далёком небосводе мерцали всполохи света, похожие на корону вокруг солнца при полном затмении. Калейдоскоп образов каждого из нас прекратился, и Виллентретенмерт, Иорвет и я предстали в цветных ипостасях, которые проявились после изнанки в слое Хаоса. Вокруг Зоуи так и сохранялся ореол света, и из него никто не рисковал выходить. Темнота дышала — медленно и неслышно, но я чувствовала это дыхание всем телом. Раздался голос, который нельзя было охарактеризовать терминами звука, он был такой же чёрный и бесконечный, как сама темнота, звучал ниоткуда и раздавался повсюду.

— Один вопрос, один ответ, — услышали мы.

Ворона требовательно махнула клювом Виллентретенмерту, и тот осторожно шагнул вперёд к краю светового пятна. Дракон открыл пасть и заговорил на непонятном шипяще-рычащем языке, не похожем на зерриканский, и говорил долго, и был он в своей истинной ипостаси ещё фантастичнее и красивее, чем в реальном мире. Чешуя светилась, гребенчатый хвост с шипом на конце завился спиралью и подрагивал. Он приподнял полупрозрачные крылья и, казалось, парил в черноте, рассказывая что-то Драйк Кину. Потом он замолчал, шея изогнулась изящной дугой в поклоне.

Наступила тишина, дракон ждал, замерев золотой статуей. Зоуи подалась вперёд с плеча Исенгрима. И в следующий миг темнота взорвалась рёвом. Он тоже складывался в нераспознаваемую речь, но всеми своими фибрами я понимала, что огромное чёрное существо отчитывает Виллентретенмерта, как мать отчитывает крепко провинившееся дитя. Золотая голова того опускалась всё ниже и ниже, а голос Драйк Кина вдруг изменился и стал обтекающим и ласковым, и дракон, воспрыв, вскинул голову на длинной шее и опять поклонился до низу. Потом, медленно передвигая будто ослабевшие лапы, вернулся к нам. Крылья свешивались с обеих сторон туловища и волочились следом.

— Стоило ли идти сюда, чтобы услышать то же самое? — обидно вскаркнула Зоуи.

— Стоило, — хрипло ответил Виллентретенмерт.

— Иди! — ворона потянула клювом за белое нарисованное ухо Исенгрима. — Один вопрос, один ответ!

Тот сделал несколько шагов вперёд, запустил руку за пазуху и достал кулон Аэлирэнн, который в его руках вытянулся в свежесрезанную пышную белую розу на длинном стебле. Она горела ярко. Исенгрим протянул руку с цветком, будто хотел вручить его Драйк Кину.

— Кому предназначается эта роза? — громко спросил он, и голос его сорвался.

Тьма дышала.

— Предназначение Розы из Шаэрраведда — найти своего адресата, и знание о том, кому она предназначена, нарушит этот путь. То не твоя забота, эльф, а той, кому доверили её нести, — в этот раз голос был глубоким и, как мне показалось, печальным.

— Хотя бы скажи, что я не тот, кому она предназначена! — Исенгрим беспомощно сжал кулаки.

— Один вопрос, один ответ, — сказала тьма.

— Пусть это будет мой вопрос, о Драйк Кин! — воскликнула Зоуи.

— Ты не тот, кому предназначена роза, эльф, — раздались слова.

Плечи Исенгрима поникли, словно он надеялся на иной ответ, и он отступил назад.

— Иорвет, твоя очередь, — позвала Зоуи.

Тот помедлил, раздумывая, встретился взглядом с Исенгримом и встал рядом с ним. Цветная радужная нить между нами удлинилась.

— Суждено ли мне или Филавандрелю увидеть Знак, Драйк Кин? — тихо спросил он.

— Велунд задавал мне этот вопрос. Каждый из его потомков спрашивал небо о том же. У меня есть один ответ и для них, и для тебя, эльф. Увидишь ли ты Знак — зависит от тебя.

Иорвет вскинул голову, и мне показалось, что в следующий момент он выскажет Драйк Кину всё, что думает о такого рода пророчествах, но он лишь пожал плечами.

— Яна!

— У меня нет вопросов, — сказала я.

— Не будь дурой! — рявкнула ворона. — Вопрос у тебя есть, и нельзя упустить шанса его задать!

Мне показалось, что меня подтолкнули в спину. Я всматривалась в темень, потом исподтишка глянула на сосредоточенное прекрасное лицо Иорвета.

— Сколько времени осталось мне в этом мире? — страхась ответа, спросила я темноту.

— До тех пор, пока ты несёшь Розу Шаэрраведда, человек. Когда Роза будет передана своему истинному владельцу, тебе будет отпущено ровно столько времени, сколько нужно, чтобы успеть проснуться, и ни мгновением больше.

Всполохи света вытянулись в линии, будто мы, как в «Звездных войнах», совершили гиперпространственный скачок, потом на миг сложились в абрис колоссального чёрного с золотом дракона, побежали круговертью панорам далёких городов с цветными башнями и диковинным небом, рассыпались хаотичными бесструктурными пятнами света, которые ударили радужной какофонией, завертелись чёрно-белыми линиями, хлестнули в лицо ветром, грохотом и водой. Я сидела в кресле на остром медальоне, впившемся в ягодицу, и изо всех сил держалась, чтобы меня не стошнило на толстый ковёр с шёлковой вышивкой. В сумеречной комнате в ярком квадрате балкона вспыхнул и погас последний луч солнца.

Исенгрим сжимал пальцами виски, Борх с головой утонул в кресле, а Иорвет смотрел в пол, крепко вцепившись в подлокотники. Одна Зоуи, выпрямившись, сидела на краешке

стула и с чувством выполненного долга оглядывала нашу потерянную компанию.

— Несколько дней вас могут беспокоить видения. Это нормально. Не слишком большая плата за то, что высшие силы ответили на ваши вопросы, — сказала она.

— А высшие силы не могли бы выражаться яснее? — проговорил Иорвет.

— Когда-нибудь ты поймёшь, что яснее ответить было невозможно, — сказала она и обратилась к Борху: — Завтра будь здесь с утра. Девочки так ждут встречи с тобой!

Борх невнятно промычал что-то, а Веструм улыбнулась немного печально и положила ладонь на плечо Исенгрима.

— Твой выбор достоин уважения, Вольф Исенгрим, — сказала она. — Отвечая на твой вопрос, над которым ты сейчас думаешь, скажу «да», но при одном условии.

— При каком условии? — глухо спросил тот.

— Что сперва мы закончим нашу шахматную партию, — рассмеялась она, и вслед за ней рассмеялся и Исенгрим.

В дом эльфа мы вернулись в молчании. Борх, не говоря ни слова, полез на печь. Я, отвернувшись ото всех, задрала рукав рубашки — крохотные светлые метки от укуса были точно такими же, как и до похода с Зоуи.

— Исенгрим, — начал Иорвет, исподлобья глядя в глаза эльфа. — Я слышал ответ Сердца Мира и я признаю — я ошибся. Роза... Отдай её Яне. Она должна отнести её тому кому предназначено.

Исенгрим снял кулон с шеи и впервые внимательно посмотрел на меня не как на досадную помеху в визуальном поле, а как на нечто, существующее в реальности.

— Похоже, я недооценил роль, которую ты можешь сыграть в судьбе моего народа, — сказал он, передавая мне Розу Шаэрраведда. — Как странно... Брат!

Он остановил Иорвета, уже собравшегося уходить наверх в мастерскую.

— Я должен сказать тебе кое-что, — Исенгрим выпрямился, расправил плечи, и от его фигуры повеяло чем-то величественным. На миг привиделось, будто не стоял он в простых одеждах охотника посередине деревянной избы, а, облачённый в командирские доспехи, оглядывал поле битвы с вершины холма, и окровавленный плащ развевался на ветру.

Иорвет повернулся к нему вполборота и ждал.

— Может быть, я и предал Aen Seidhe, может быть... — продолжил Исенгрим. — Но я не предаю тебя, брат. Твое дело безнадежно, а это значит, что оно как раз для такого, как я. Мне давно всё равно, где умирать, и если по дороге в ад я смогу захватить кого-то из наших врагов, тем сладостнее станет смерть. Я пойду с тобой.

— Bloede arse, Isengrim! — воскликнул Иорвет. — Ради этого ответа стоило лезть в задницу мирозданию!

Он шагнул к Исенгриму и крепко обнял его. Тот невесело улыбнулся и высвободился из рук Иорвета.

— Но я не двинусь с места, пока, чёрт возьми, вы не расскажете, что за дьявольщину я видел на той стороне! — он требовательно направил на нас указательные пальцы обеих рук.

— Ты о чём? — спросил Иорвет.

— Вы должны рассказать, что за договор связывает эльфа и dh'oine, да так, что эту нить видно и в мире магии! И почему, чёрт возьми, вы выглядели там не так, как я?

Иорвет тяжело вздохнул, сел за стол и жестом указал мне сесть напротив.

— Это будет долгий разговор, Исенгрим...

— Нам потребуется бочонок пива, а то и два! — раздался голос с печи, и Борх проворно спустился вниз.

Ночью Иорвет опять просочился через окно ко мне в комнату. После похода в магический мир нас накрыло опустошение и отрешённое спокойствие, какие мог бы чувствовать человек по концу истерики, длившейся несколько часов кряду. Мы лежали на медвежьей шкуре вымотанные, выжатые досуха этим походом и непростым разговором с Исенгримом. Дуновения прохладного воздуха из окна шевелили пламя свечей, кожа Иорвета обжигала ладони. Он задумчиво наблюдал за прыгающими по потолку тенями. Не то от неверного света свечей, не то от перенапряжения визуальным хаосом магического мира мне казалось, что листья на его татуировке шевелятся, и я расслабила глаза и зависла, наблюдая за этим движением. Потом привстала, прикоснулась к листу на шее Иорвета и повела пальцем по изогнутой ветвистой лозе.

— Что ты делаешь? — улыбнулся он и потянул меня обратно к себе.

— Не мешай, я потеряла место! — шёпотом возмутилась я и начала сначала. — Я хочу дойти до корня.

— До корня? — Иорвет приподнял бровь и тихо рассмеялся. — Я могу помочь.

— Путь каждый должен найти сам, — я попыталась сказать это со строгой интонацией Зоуи. — Что значит эта татуировка? Я видела похожую у Киарана и у других белок.

Иорвет опять перевёл взгляд на потолок.

— Её делают ская'таэли, чтобы помнить.

— Что помнить?

— Что когда-то у нас была родина, — ответил он и пояснил: — Ещё одна древняя эльфийская легенда.

— Расскажи, — я сложила руки у Иорвета на груди и улеглась на них подбородком. — Люблю легенды почти так же сильно, как аминорн.

— Та легенда говорила, что наш прежний мир держался на ветвях великого мирового дерева — именно из него по чертежам Велунда мой народ построил Белые Корабли. А в корнях того дерева жил дракон, который...

— Тоже дракон? — удивилась я.

— И правда... — задумался он. — Вот, значит, кто это был — это был Драйк Кин! После сегодняшнего путешествия эта легенда уже не выглядит столь похожей на детскую сказку. Ещё бы понять, что всё это значит...

— Там, в мире Хаоса, у меня было чувство, что я вдруг поняла всё, — сказала я. — Вообще всё.

— Всё казалось правильным, — тихо подтвердил он, — даже дурацкие ответы Драйк Кина.

Я фыркнула от смеха, и Иорвет, хитро ухмыльнувшись, зажал ладонью мне рот.

— Тсс, — прошептал он. — Ты всё смеёшься...

— А что ещё остаётся? Во всяком случае ты добился своего — ответ Драйк Кина каким-то образом убедил Исенгрима вернуться на Север, хотя он и не тот, о ком говорила Аэлирэнн, — пробубнила я ему в ладонь. — Ума не приложу, кто это мог бы быть.

— Я подумал... — сказал Иорвет, отпустил меня и перекатился на живот. Потом подцепил пальцем кулон розы с моей груди. — Я подумал, что теперь это не имеет значения. Пока роза у тебя, тебе не нужно возвращаться...

Он навис надо мной, привстав на руках, на лоб упали волосы. Два крохотных язычка пламени плясали в глубине тёмного в ночи, почти чёрного глаза. Я ласково пробежалась пальцами по его шее, запустила их в волосы на затылке.

— Как пойдёт, — ответила я. — Эти волшебные вещи не обманешь, и они не спросят разрешения, чтобы уйти.

Он хотел что-то возразить, но я быстро приложила палец к его губам.

— Может быть, того, кому предназначена роза, придётся искать долго. Очень долго.

— Может быть... — повторил он и откинулся на спину. — А может быть и нет. Ответы Драйк Кина не добавили ни мне, ни тебе ни капли уверенности в будущем.

Я опять устроилась у него под боком.

— Скажи, а что за пророчество дала тебе Мариам? — осторожно спросила я. — Оно не дополняет слова Драйк Кина?

— Ты больше узнаешь о будущем, наступив в коровью лепёшку, чем от её пророчества. И пахнет от него так же, — он замолчал.

— Ладно, проехали, — сказала я. — Ты говорил о драконе в корнях мирового дерева. Что было дальше?

Я потянулась и выпустила слабенький Аард в сторону свечей. Иорвет тихо рассказывал, шелестел и потрескивал стволами лес, под закрытыми веками складывался и распадался узор цветных пятен, и вновь всё казалось правильным и понятным — каким оно не было, но должно было быть.

ДРАКОНОВЫ ГОРЫ. Верхи не могут, низы не хотят

Утром вершины гор скрыло под облаками. На дворе школы в полном составе собралась юная армия Виллентретенмерта, а сам он прохаживался перед сидящими полукругом девочками. Издалека дракон казался игрушечным, и я подумала о точно такой же миниатюрной фигурке его сына, свернувшейся на пуховых перинах во дворце Хатун Мелике. Задумалась и о том, что теперь в Зеррикании тоже появился свой собственный особенный ребёнок, который, несмотря на сложные отношения родителей, не был сиротой, в отличие от Цири.

Я плотно прикрыла окно. Снизу давно призывно пахло кофе, а значит Исенгрим уже вернулся из крепости. Он обещал достать у Зоуи карты Северных королевств, чтобы перед дорогой домой в тишине и спокойствии расспросить Иорвета о деталях его плана.

После завтрака, как и вчера, стол был педантично убран. Исенгрим безнадёжно посмотрел на меня и тяжело вздохнул.

— Ведьмачка останется, — на всякий случай предупредил Иорвет.

— Первое правило... — устало сказал Исенгрим.

— Контроль информации, — усмехнулся Иорвет. — Каждый получает её ровно столько, сколько необходимо, и ни словом больше.

— Именно.

— Ведьмачка пойдёт со мной до конца... Как и ты, — Иорвет расправил бумажный рулон на столе и прокомментировал: — Весьма устаревшая карта, Цинтра ещё независима.

Исенгрим подвинул к нему чернильницу.

— Ты говорил, что многое изменилось на Севере, и я надеюсь, эти изменения касаются не только крохотного участка спорной земли между Понтаром и Дыфней.

Кивнув, Иорвет взял в руку перо и склонился над картой. В его движениях появились уверенность и чёткость, так контрастирующие с ленивой ночной неторопливостью.

— 1271 год. Убиты Демавенд и Фольтест, — начал он, и брови Исенгрима поползли вверх. Иорвет слегка улыбнулся и, не вдаваясь в подробности смерти королей, продолжил: — Аэдирн и Темерия обезглавлены. Белое пламя подготовил себе почву и начал наступление по двум фронтам — на север в Темерию и северо-восток через Лирию и Ривию в Аэдирн. К началу лета семьдесят второго они были взяты.

— То есть, южный сосед, претендующий на Долину Понтара, вышел из игры? — спросил Исенгрим.

— Незадолго до битвы с чёрными в Вергене из игры вышел и северный, — Иорвет макнул перо в чернила и обвёл одной линией Реданию и Каэдвен.

Я с удивлением воззрилась на карту — последние политические новости прошли мимо меня.

— Хенсельт не верил, что Верген задержит армию «Восток» на пути в Каэдвен, — сказал Иорвет. — Поэтому он заранее попросил помощи у Редании, у Радовида Свирепого.

— Юный отпрыск Визимира уже успел заслужить прозвище «Свирепый»? — удивился Исенгрим.

— Могу тебя заверить, что это прозвище самое ласковое из тех, какие мог бы получить Радовид. В ответ на мольбу о помощи он перешёл Пустульские горы и напал на союзника, и спустя пару унижительных сражений Каэдвен присоединился к Редании. О судьбе Хенсельта

с тех пор ничего не известно.

— Талантливый юноша, далеко пойдёт, — пробормотал Исенгрим. — Значит, теперь у Радовида и бывшей армии Каэдвена, которую тот спешно передел в красную реданскую форму, главная задача — войска Нильфгаарда в Темерии. И значит, ему теперь не до разборок с государством Саскии, которое весьма удачно прикрывает ему тыл к востоку от Махакама... Перейдём к Дол Блатанна. Последнее, что я знаю — что земля эльфов стала полностью зависима от Нильфгаарда, а это значит, что планировать военный переворот в Дол Блатанна бессмысленно. Чтобы он стал успешным, это следовало бы делать в столице Нильфгаарда — Городе Золотых Башен. А это невозможно.

— Я говорил тебе, что всё изменилось! — Иорвет опёрся о стол и навис над картой с пером в руке. — Дол Блатанна отрезана от Нильфгаарда. Аэдирн разорён, плавильни и мануфактуры вывезены из страны, король Стеннис в бегах. Силы Эмгыра, как и золото, не бесконечны, и того и другого едва хватает, чтобы саботаж аэдирнских баронов не перешёл в открытый бунт, и чтобы удерживать Венгерберг и подавлять крестьянские голодные погромы. Часть нильфгаардской дивизии в Дол Блатанна уничтожена при битве в Вергене. Францеске неоткуда ждать помощи.

— Ситуация может измениться, если на трон Аэдирна посадят нового короля, лояльного Эмгыру.

— Насчёт Аэдирна есть у меня одна идея... — сказал Иорвет, и его глаз загадочно блеснул. — Но об этом пока рано говорить.

— Аэдирн, Иорвет! Не слишком ли ты размахнулся? Для этого у тебя в рукаве должен быть по крайней мере туз! — воскликнул Исенгрим.

— Туз есть, и на этот раз козырной, — улыбнулся Иорвет.

— Что же... Пока львы делят добычу, лисицы утаскивают у них из-под носа лакомые куски. Раз так, ты прав — момент действительно удачный, — подвёл итог Исенгрим и удовлетворённо потёр руки. — Сколько у тебя скоя'таэлей?

— Я потерял девяносто восемь бойцов из семи сотен при защите Вергена, — ответил Иорвет. — Но приходят новые. Я разослал письма всем командирам отрядов от Яевинна и Верноссиэль в Темерии до Иолара в Синих Горах.

— Верноссиэль? — Исенгрим приподнял бровь. — Разве вы не вместе?

— Она ушла ещё до того, как я покинул Флотзам, — бесстрастно ответил Иорвет. — Идея присоединиться к Саскии её не воодушевила.

— К победителям присоединяться проще, — задумчиво сказал Исенгрим. — А что в самой Дол Блатанна? Нам нужно, чтобы удачно сложились не только внешние предпосылки, но и внутренние. Ты не мог забыть об этом.

Иорвет нахмурился и взял в руки трубку.

— Я не забыл. Я поддерживал связь со старым Эдваром, он был одним из Шоннохи, другом моего отца...

— Я прекрасно знаю Эдвара, — перебил Исенгрим.

— Эльфы Долины боятся перемен и держатся за стабильность, которую дала им Францеска. Они держатся за видимость мира, за распаханную переселенцами из Нильфгаарда эльфийскую землю, — скривившись, произнёс Иорвет и разжёл трубку. — Однако они не забыли, что их детей нет в Дол Блатанна...

— Этого мало, — покачал головой Исенгрим.

— Я возьму с собой только тех скоя'таэлей, чьи родители променяли их на посулы

Францески, — Иорвет выпустил в распахнутое окно дым. — Посмотрим, смогут ли они убивать своих детей ради неё. Это раз. Два — мы приведём им короля, который, в отличие от Энид ан Глеанны, имеет право на престол.

Исенгрим откинулся на спинку скамьи и изучал лицо Иорвета.

— Я в тебе никогда не сомневался, брат, — повторил он слова, сказанные вчера, — ты учёл всё. Кроме того, что я никогда не хотел становиться королём...

По лицу Иорвета промелькнула тень отчаяния.

— Однако я понимаю, что легитимный преемник, которого признают эльфы Дол Блатанна, абсолютно необходим для успеха, и похоже, что другого выбора у меня нет.

Исенгрим вздохнул, хлопнул ладонями по коленям и долгим взглядом обвёл дом, который так скоро ему предстояло покинуть.

— Проблема в том, что всё, что я рассказал, было правдой два месяца назад, — Иорвет обвёл рукой карту. — Изменения в военное время происходят мгновенно. А нам ещё надо добраться домой.

— Может быть, стоит попросить Борха донести нас хотя бы до Синих Гор? — предложила я.

— В этом нет необходимости, — отрезал Исенгрим. — Я уже обо всём договорился.

— С кем? — спросил Иорвет.

— С Зоуи, — ответил Исенгрим и поднялся. — А сейчас я отправлюсь к ней отдавать плату.

— Шахматную партию? — усмехнулся Иорвет.

— Да, — по лицу Исенгрима скользнула улыбка. — На рассвете мы будем там, куда ты укажешь, брат, — хоть во дворце Францески, хоть в спальне Саскии, хоть у чёрта в заднице.

Он ушёл, и у нас вдруг появилось время, в которое мы были предоставлены самим себе. Время без планов, без тревог и грядущих революций. День в горах — с бегущей рекой и шумящими соснами, последний день перед тем, как жизнь в очередной раз изменится безвозвратно. Собирать в путь нам было нечего, и мы, не торопясь и растягивая время, отправились гулять.

По тропе вдоль русла реки мы добрались до самых облаков, ватным потолком осевших на верхушки сосен. Из гремящего по порогам потока взметнулась, будто лезвием ножа, узкая серебристая рыбина, ударилась о стенку из валунов выше по течению и шлёпнулась в воду. За ней прыгнула следующая, потом ещё одна. Валуны перегораживали реку, и за ними оказалась глубокая заводь с гладкой водой. На берегу в ямке между камнями был подготовлен костёр, и одной искры хватило бы, чтобы занялся сухой мох в основании уложенных пирамидой дров.

— Место Исенгрима, — сказал Иорвет. — Только он так складывает поленья.

— Ух, ледяная! — я выдернула из воды руку. — А я уж думала искупаться. Что ты собираешься делать?!

— Купаться, — невозмутимо ответил Иорвет, стягивая кольчугу через голову. — Пойдём! Холодная вода согревает.

— Ну уж нет! — категорично заявила я, хотя вода была такой прозрачной, такой манящей. — Знаю я эти сказки. Сначала искупайся в воде студёной, потом в варёной, и будет тебе вечная молодость...

— Неужели? — удивился Иорвет, снимая рубашку.

— Нет, — отрезала я. — Замёрзнешь и сварисься.

— Страшно только первый миг, — голый по пояс, Иорвет развернулся от реки, и в его взгляде появился знакомый задиристый блеск. — Ты боишься, vatt'ghern?

— Конечно!

— Тогда нужно разогреться. Тренировку? Когда-то ты просила тренировок.

— Это было давно, и хочу напомнить, что ты сдался.

— А теперь сдаёшься ты? — Иорвет подошёл вплотную и смотрел на меня сверху, и улыбка его была дерзкой, насмешливой. — Смотри — даже рыбы не сдаются.

Над валуном сверкнул серебряный бок.

— А я сдаюсь, — сказала я и протянула ему ладонь. — Ты победил, жму твою руку.

— Даже так? — помедлив миг, он осторожно пожал протянутую руку, но как только я схватила его запястье другой рукой, чтобы провести приём, как и моё запястье оказалась перехваченным.

— Как ты узнал?! — воскликнула я, пока мы выкручивали друг другу руки.

— По-твоему, я должен был поверить, что ты так легко сдалась? — сказал он, уклоняясь от моего колена.

— Мне надо чаще сдаваться. Для конспирации, — удар в рёбра заставил подпрыгнуть, но я вырвалась из захвата и отбежала.

Иорвет обходил сбоку, я отступала так, чтобы костёр оставался между нами.

— Так и будешь бегать? — спросил он.

— Угу, — ответила я, уворачиваясь от выпада.

Лишние мысли улетучились, в медитации боя всеми органами чувств я была здесь и сейчас, вниманием на всех ощущениях сразу. Прыжок, уворот, удар. Иорвет пытался подобраться ближе. Видно было, что он поддавался и бил вполсилы. Только держать дистанцию, только не размякать! Удар с уклонением, ещё один пробила на отходе. Драться с тем, кого ты любишь, что может быть лучше? Только заниматься любовью. Иорвет перепрыгнул костёр, мой удар прошёл мимо, и он, захватив руку, дёрнул на себя и сгибом локтя зажал мою голову под мышкой. Из под его руки я увидела, как очередная упрямая рыбина взвилась над плотиной, упала на валун и, забив хвостом, соскользнула в тёмную воду заводи. Иорвет обозначал удары в голову, мои уши сплющились и горели, пока я пыталась вырвать голову из-под его локтя и ослабить удушающее давление руки на шею. Улучив момент, пробила в пах, но, как и он, задержала кулак перед ударом.

— Неплохо, vatt'ghern, — засмеялся Иорвет, — что дальше?

Я замычала, подставив ногу ему под колени, обхватила руками торс и рванула назад. Иорвет повалился на спину и не разнимал кольца рук, зажавших мою голову, а я оседлала его и упёрлась руками ему в челюсть, отталкиваясь и пытаюсь разорвать захват.

— Вот что, — пропыхтела я, когда мне это удалось, но в следующий миг он перехватил мои запястья, сбросил с себя и придавил сверху.

— Сокращать дистанцию по-прежнему плохая затея, — сказал он.

— Ты первый начал! — воскликнула я.

Кожа под рубашкой вспотела, мы тяжело дышали.

— И что теперь? — насмешливо спросил он, отклоняясь от удара лбом.

— Пусти.

— Нет.

Мои руки были прижаты к земле, его губы были близко.

— А так? — сказала я тихо, потянувшись к нему, он не отстранился.

Едва касаясь, целовала за мочкой уха, по шее, по татуировке лозы.

— Теперь тем более нет, — он поймал мои губы, ответил на поцелуй жадно, одновременно с этим помогая мне вывернуться из рубашки. — И что дальше?

— Ты хотел купаться...

— Разве?

Освободившись от оставшейся одежды, мы прыгнули в ледяную воду. Разгорячённую кожу обожгло, словно кипятком. А потом выскочили и обсыхали голые у жарко затрепавшего костра, и ласкались нежно, а облако опустилось, скрыло под собой лес, небо и землю, и мы занимались любовью будто в молоке, посреди белого ничего.

— Мир исчез, — сказала я, когда мы сидели потом у костра, и только языки пламени просвечивали сквозь плотный туман. — Его съел Белый Хлад.

— Ерунда, — сказал Йорвет и, выпрямив ногу, посадил меня спиной к себе поудобнее, — мир остался там, где и был.

— А хорошо было бы, если бы мир исчез, а это место осталось, — задумчиво сказала я. — Мне здесь нравится.

— Тебе так кажется, потому что мы должны уходить, — сказал Йорвет.

— Мы много откуда уходили, — возразила я. — А тут можно было бы жить в доме у быстрой реки, ловить глупую рыбу, играть в шахматы с Зоуи...

— И помереть со скуки.

— Нет, лучше от старости, — сказала я и спохватилась, почувствовав, как напряглись переплетённые у меня на животе руки эльфа. — Ладно, уговорил, со скуки тоже пойдёт. Но на месте Исенгрима я бы послала тебя к чёрту.

Он рассмеялся, зарылся носом в мои мокрые после купания волосы. Его дыхание щекотало шею.

— Хорошо, что ты не Исенгрим, — тихо сказал он.

— Нет, правда! Тут даже комаров нет.

— Они появятся перед закатом, — ответил Йорвет.

Ветка в костре зашипела, из-под коры выступила кипящая смола, и чёрный дымок растворился в тумане. Грохот реки слышался приглушённо, словно сквозь толстое одеяло. Вдалеке тоскливо щebetала одинокая птица. Я крепко обхватила руки Йорвета и думала крамольную мысль о том, что впервые за всю мою здешнюю, да и предыдущую, чего греха таить, жизнь нашлось место, где мне по-настоящему захотелось остаться. Остановиться. Я и правда полюбила Зерриканию, и огибающую её подковой пустыню Корат, и бурлящий Алтинадир, и этот дом со светом в окне, на краю мира, с горами и быстрой рекой...

Откинув голову на плечо Йорвета, я наблюдала, как прогорает костёр, как огонь затухает и обуглившиеся ветки с тихим потрескиванием разламываются на угли и проваливаются внутрь сложенной пирамиды.

— Я тоже не прочь был бы тут остаться, — сказал Йорвет, и последний язык пламени прощально погас, и костёр поглотило туманом.

Пол подпрыгивал, и сквозь сон казалось, что доски со всего размаха били в ухо. Я в ужасе привсталала, спешно продирая глаза и пытаясь разглядеть что-либо в сереющей в рассвете комнате. Рядом подскочил со шкуры Йорвет. В люк снизу ударили ещё раз:

— Vatt'ghern! — послышался голос Исенгрима.

Иорвет одевался так быстро, словно скоростное покидание дамских спален входило в курс подготовки молодого ская'таэля. Окно скрипнуло. Замотавшись в одеяло, я подползла к люку и повернула щеколду.

— Что случилось? — недовольно спросила я в приоткрытую щель.

Исенгрим откинул крышку, по плечи подтянулся в люк и оглядел комнату.

— Пора вставать, — сказал он и задумчиво добавил: — Иорвета нет в мастерской, а дверь в дом закрыта изнутри.

— А я тут при чём? — пробурчала я. — Спасибо, что разбудил.

Исенгрим ещё раз обвёл глазами стопку моей одежды около скомканной шкуры, сумку с вещами, задержался взглядом на приоткрытом окне.

— Не за что, — сказал он. — Спускайся.

Снизу меня, будто в компенсацию за грубое пробуждение, ждала чашка горячего кофе, а Борх, зевая, отковыривал корочку у кекса и сквозь полуприкрытые веки поглядывал то на меня, то на Исенгрима, который пил кофе и не отрывал взгляда от светлеющего окна.

Дверь толкнули снаружи.

— Тысяча извинений, мой друг! — вскричал Борх, отодвигая засов и впуская Иорвета. — Я спал на ходу и запер за тобой дверь, совершенно не подумав, что ты можешь вернуться и перебудить весь дом. К счастью, все уже проснулись.

Хмурое лицо Исенгрима разгладилось, а я мысленно вознесла хвалу Борху и подумала, что, кажется, начала не только понимать, но и разделять безоговорочную любовь Хранительниц к дракону.

— Мне не спалось, — пояснил Иорвет, отвечая на вопросительный взгляд Исенгрима. — Я нашёл твоё место выше по реке и сидел у костра.

— Нет лучше места, чтобы успокоить разум, — кивнул Исенгрим, встал и загремел посудой.

— Я сложил новый костёр, — добавил Иорвет, усаживаясь за стол.

— Он мне больше не понадобится, брат, — сказал Исенгрим. — Он мне больше не понадобится...

Сумки лежали у двери, эльфы и я были готовы к путешествию.

— Присядем на дорожку, — сказал Борх и развалился на ступеньках лестницы на второй этаж.

Исенгрим передал ему связку ключей.

— Теперь это твой дом, — сказал он. — Я буду рад, если ты будешь заглядывать сюда иногда.

— Что же... — Три Галки зазвенел ключами. — Я тогда немного задержусь тут, прежде чем...

Он замолчал.

— Прежде, чем что? — полюбопытствовала я.

— Прежде, чем перестану убегать, — ответил он печально, — и пойду по пути, по которому должен идти.

Все задумчиво помолчали. Иорвет поднялся. Борх запер за нами дверь.

Двор школы Хранительниц был безлюден, на камнях мокро поблёскивала роса. Исенгрим кутался в серый походный плащ. Мы прошли через полумрак зала и гулкие коридоры и поднялись по башенной лестнице. Дверь в кабинет Зоуи была приоткрыта, а

сама она ждала на пороге.

— Я не пойду дальше, — сказал Борх и сгрёб нас с Иорветом в охапку. — Прощайте. Передайте моей дочери, что я горжусь ею.

Он отпустил нас и замер, глядя в пол, и лицо у него посерьёзнело.

— Только никаких пророчеств! — воскликнула я.

Борх рассмеялся.

— Я не занимаюсь пророчествами. Я всего лишь хорошо читаю по лицам, — сказал он. — Ваши мне нравятся.

Он обнял Исенгрима.

— Перед тем, как уйти, я оставлю ключи твоего дома в надёжных руках Зоуи, — сказал он, — и когда ты вернёшься...

— На сей раз мой путь лежит в один конец, — перебил Исенгрим.

— Не зарекайся, дружище, в один конец идут только к смерти.

Исенгрим не ответил, и Борх пристально взгляделся ему в глаза.

— Что же... Это была хорошая охота, Вольф Исенгрим. Прощай, — Борх помолчал глядя в пол. — Но ключи всё равно будут у Зоуи.

— *Va faill*, мой друг. Береги себя, — хрипло ответил Исенгрим, и Борх, ещё раз махнув на прощание рукой, заторопился по ступеням вниз, и скоро его кудрявая шевелюра скрылась за поворотом лестницы.

Зоуи распахнула дверь и повела в комнату. Седые волосы на этот раз были скручены в тугий пучок на затылке и скреплены длинной тонкой шпилькой. Проходя мимо шахматного столика, она выхватила из ровного ряда фигур чёрного ферзя, а из ряда напротив белого короля.

— Возьми это, — она вложила в руки Исенгрима шахматные фигурки. — На память о наших вечерах и не только на память...

Она расставила нас вокруг глобуса.

— Зоуи... — начал Исенгрим.

— Прощание лишь обратная сторона встречи, Вольф Исенгрим, — прервала она и, поднявшись на цыпочки, прикоснулась узкой ладонью к его щеке. — Уходи молча.

Собрав все полусферы глобуса в точности одну под другой, она вытащила из причёски шпильку. Седые волосы гладкой волной упали на острые плечи.

— Представь себе место, куда вы должны попасть, — обратилась она к Иорвету. — Во всех подробностях, и чем точнее, тем лучше. И покажи мне его на карте.

— Верген, — сказал Иорвет, наклонился над глобусом и осторожно дотронулся до точки недалеко от слияния Понтара и Дыфни.

Зоуи прицелилась своей шпилькой, будто хотела запустить бумажный самолётик.

— Хорошей охоты, друзья, — сказала она и уколола глобус.

Острый кончик шпильки всё приближался к поверхности и никак не мог её достичь, а карта становилась всё крупнее и заполонила собою комнату. Взметнулся ветер.

Зашелестели сухие листья, поднятые ветром с каменной мостовой, завертелись у скамьи под мутной масляной лампой. Заскрипела и грохнула о косяк кованая, подвешенная на цепях вывеска таверны. Я покачнулась на крутых ступенях лестницы.

— Верген! — воскликнул Иорвет, с восхищением осматривая пустую предрассветную площадь. — В точности то место, что я и представил! Клянусь, я готов изменить своё мнение

о чародейках.

— Зоуи не чародейка, — проворчал Исенгрим, — она — нечто большее.

— Такой союзник не помешал бы нам в Дол Блатанна, — сказал Иорвет.

— Она принадлежит Сердцу Мира, — покачал головой Исенгрим. — Закроем эту тему.

Он стащил с головы капюшон плаща и огляделся. Ветер трепал его волосы.

— Значит, этот каменный гномий город и есть новая колыбель надежды для эльфов? —

с плохо скрываемым сарказмом в голосе проговорил он.

— Теперь это не просто гномий город, — не обращая внимания на его тон, ответил

Иорвет. — Это — нечто большее. Пойдём.

Он зашагал к ступеням, ведущим к эльфийскому кварталу.

— Я к Сесилю. Возможно, моя квартира ещё свободна, — сказала я и направилась в другую сторону.

— Яна! — остановил меня голос Иорвета. Я обернулась.

Эльфы стояли рядом, такие одновременно похожие и непохожие друг на друга. Иорвет хотел что-то добавить, Исенгрим прикоснулся к его плечу. Я едва заметно улыбнулась Иорвету, надеясь, что мою улыбку заметит только он, и пошла своей дорогой по гулкому каменному переулку.

— Я пришлю за тобой, — крикнул он вслед.